

ГОРОД НА ВАГРАНЕ

Очерки по истории Североуральска

63.3(235.55)6

Г 70

Редактор-составитель Ю. Н. Сысуев

В книге собраны материалы, часть которых была опубликована в разных изданиях, часть написана местными авторами специально для этого издания. Очерки дают некоторое представление об истории Североуральска с момента основания в VIII веке Петропавловского завода, ставшего основой будущего города, до наших дней.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Город на Вагране : очерки истории Североуральска / [ред.-сост. Ю. Н. Сысуев]. – Североуральск, 2019. – 231 с. : фото.

К ЧИТАТЕЛЮ

История Североуральска от первоначального поселения до нынешнего города насчитывает уже более двух с половиной веков. Но, как это ни покажется кому-то странным, нет книги, в которой она была бы отражена более или менее полно. А странного в этом ничего нет. Ведь за это время произошло столько исторических событий, от которых североуральцы конечно же не были в стороне, описать которые разом не так-то просто. А строго говоря, мало кто пытался их изучить и описать.

Труднее всего было узнать первоначальную историю, связанную с основателем и владельцем Петропавловского завода верхотурским купцом Максимом Михайловичем Походяшиным. До революции 1917 года и после неё она никого не интересовала, кроме некоторых историков и журналистов. Началу промышленного освоения Северного Урала посвятил свою диссертацию кандидат исторических наук екатеринбуржец Владимир Алексеевич Чудиновских. Прошлое села Петропавловского и особенно годы революции были предметом интереса журналиста, патриарха местных краеведов Ивана Фомича Дитлова. Его повесть "Рабочая кровь" была напечатана в городской газете, а его архив ещё до конца не изучен.

Первые очерки по истории края "На стыке двух материков" подготовил и издал Борис Михайлович Золотарев. Он же написал историю храма Петра и Павла. Лишь в конце девяностых годов прошлого века и в начале нового, благодаря Михаилу Сергеевичу Бессонову из Екатеринбурга, удалось открыть новые страницы походяшинского периода и жизни самого Максима Михайловича. Но это всего лишь начало исследования.

В те трудные, переломные для государства годы заметно возросла активность краеведов. Благодаря им, удалось сохранить для потомков многие имена и события, опубликовать в историко-краеведческих выпусках "Вагран" городской газеты "Наше слово" воспоминания жителей. Благодаря Нине Алексеевне Галеевой были восстановлены и систематизированы многие страницы истории СУБРа. Б. М. Золотарев смог собрать в книгу "Земное иго" страницы жизни первооткрывателя бокситов "Красной шапочки" Н. А. Каржавина, описать историю треста "Бокситстрой", собрал полторы тысячи документов об участниках Великой Отечественной войны, о десятках из них рассказал на страницах городской газеты. Неоценим вклад ветерана СУБРа Евгения Павловича Мылова, написавшего историю народного образования и медицины, уточнившего многие факты истории СУБРа, города и посёлков. Всего, что он собрал и написал, хватит не на одну книгу. Благодаря журналистам городской газеты и инициативе И. М. Заузирного издан двухтомник "Страницы памяти" об участниках Великой Отечественной войны и трудового фронта.

История - это, прежде всего люди, их дела. Не только знаменитые, но и рядовые наши предки, имена которых хранят архивы, ревизские сказки и иные документы. К сожалению, они почти недоступны для местных краеведов, а снять с них копии, как и с любого документа прошлых веков, стоит больших денег.

Но Михаил Бессонов делает почти невозможное: биографический справочник "История Северного Урала в лицах". На свои средства он выпустил первый том с фамилиями и биографиями с А по Д. В нём сотни имён петропавловцев и тех, кто имел отношение к нашему краю. А сколько славных имён и рассказов хранят подшивки газет "Правда севера", "Наше слово" и "За бокситы"! Они пылятся в архивах, и неизвестно когда об этих людях и их делах узнают наши потомки. Вот почему надо быть благодарными Г. Я. Лосевой, Е. П. Мылову, Л. И. Безруких сохранивших почти все имена жителей и историю Воскресенки, Мостовой, Высотинки, Усть-Кальи, Даньши. Всё, что собрано краеведами и

добыто в архивах, сделано без помощи со стороны городских властей. Они делали это по зову сердца.

Не меньший патриотизм проявляют и те, кто хранят историю края по долгу службы. Низкий поклон директору музея Кальи М. К. Шишигиной, по крупицам собравшей историю посёлка, историю его тружеников. Спасибо тем журналистам, что писали историю города честно, без прикрас, работникам городского музея, бережно хранящих и собирающих материальные свидетельства истории.

Эта книга - лишь малый вклад в сохранение истории Североуральска, всего лишь первая попытка как-то систематизировать накопленное за последние годы. Объять необъятное невозможно. Многое сюда не вошло. Нам показалось важным сказать, прежде всего, о далёком прошлом то, что сегодня известно, и хотя бы частично - о советских временах. Историю походяшинского периода только приоткрыли. Но теперь известно, в каких фондах областного архива нужно искать документы. Бог даст, кто-то после нас подготовит следующую книгу и сделает это лучше нас. Ведь, не познав, не почувствовав умом и сердцем прошлое, мы всегда будем смотреть на настоящее через кривые зеркала. Прошлое может нас многому научить, но его надо знать. А знание истории родного края, дома, в котором живёшь, рода, к которому принадлежишь - это первая и самая важная ступенька в воспитании чувства патриотизма, чувства любви к нашей прекрасной и великой России. Без этого чувства человек - не человек и не гражданин. Удачи вам и счастья, граждане Североуральска!

Юрий СЫСУЕВ

1. МЫ ЗДЕСЬ ЖИВЁМ

Город на Вагране

Это современный, благоустроенный, с хорошо развитой инфраструктурой промышленный город. Название подсказывает его место на карте России. Но это особенный город.

Если вы решили поехать сюда на поезде, билет вам не продадут. Потому что нет железнодорожной станции с таким названием. Но железная дорога до него есть. А с недавнего времени через него проходит кратчайший автомобильный путь из Европы в Ханты-Мансийский автономный округ - так называемый Северный широтный коридор. Здесь есть даже аэропорт, способный принимать и тяжелые самолеты

Город заложен более двух с половиной столетий назад, но в областных новостях по ТВ и радио вам никогда не скажут, какая в нём погода, будто его и нет. Но даже на школьной карте найти его совсем просто: на пересечении 60-й параллели и 60-го меридиана. Значит, это город белых ночей, как Санкт-Петербург, Вологда, Соликамск, Магадан, Осло, Стокгольм, Хельсинки, находящиеся на этой же параллели.

До него от областного центра на север всего 480 километров. Около семи часов езды на автобусе, на машине и того меньше. Съездил в областную больницу и вернулся – всё равно, что Францию пересёк с севера на юг или наоборот.

Стоит город на бывшем морском дне, которое несколько сотен миллионов лет назад стало сушей, а потом вспучилось горами. Учёные до сих пор спорят, каким образом и когда в этом бывшем морском дне образовалась руда, которую здесь добывают уже более восьмидесяти лет. Железнодорожная станция, от которой уходят эшелоны с этой рудой, называется Бокситы. Вот до неё и надо брать билет на поезд, если хотите попасть в Североуральск.

Он необыкновенный. Потому что здесь, как ни в каком другом городе можно увидеть, понять и почувствовать, что такое Седой Урал. Ведь половину его географического района занимают горы. Ближайшие горные вершины – Золотой камень, Кумба, Денежкин Камень. Городской округ включает в себя большие рабочие посёлки: Бокситы, Баяновка, Покровск-Уральский, Третий Северный, Калья, Черёмухово, Сосьва и село Всеволодо-Благодатское. Они связаны между собой железными, шоссевыми и хорошими грунтовыми дорогами. Всеволодо-Благодатское – ближайшее поселение к горному массиву Денежкин Камень.

На территории Североуральска расположен природный заповедник «Денежкин Камень» - жемчужина Урала и всей России, недоступная для посещения человеком. Он уникален, расположен на пересечении не только ареалов некоторых животных, но и различных типов экосистем. Здесь сохранились крупные участки первичной горной тайги, являющиеся резерватом для многих особо ценных, редких и эндемичных видов горнотаёжной флоры и фауны.

И климат здесь уникальный. Редко в каком ещё районе страны зимняя температура может резко опуститься до - 57°, а летняя столь же стремительно подняться до +35° по Цельсию. Из-за близости к горам с запада и открытости района для ветров с северо-востока погода может меняться несколько раз на дню вплоть до выпадения снега в летнюю жару. Снег в горах может не таять до середины июля.

Более подробно о климате и природе можно прочитать в книге почётного члена Русского географического общества, кандидата географических наук Нины Петровны

Архиповой «Природа и заповедные места окрестностей Североуральска», изданной в Екатеринбурге в 2007 году.

Здесь много памятников природы и археологии, много доступных для посещения пещер. Пещеры есть даже в городе. Район интересен для туристов и любителей сплава по рекам.

В недрах района при добыче боксита на разных глубинах вплоть до полутора тысяч метров от поверхности создана огромная сеть подземных сооружений и магистралей – по сути, второй промышленный город. И строительство его, образно говоря, продолжают действующие шахты. Вечную темноту затронутых недр непрерывно освещают сотни и сотни электрических огней горняков, машин и механизмов, выдающих на-гора «хлеб» для производства алюминия. На апрель 2019 года выдано 236,7 миллионов тонн боксита.

Особенность Североуральска и в том, что вторжению человека в недра мешают подземные воды, создавшие в известняках свои пути и полости. На протяжении всей истории поселения вода поначалу уходила из пруда в карсты, останавливая в 18 веке медеплавильный завод верхотурского купца Максима Походяшина, затопляла шахты в минувшем веке, а в нынешнем - прорывала бетонные русла рек. Но человек всегда побеждал в борьбе с этой грозной стихией, противопоставляя ей мужество, смекалку и технику.

Не имеющая аналогов в мире гидротехническая система Североуральского бокситового рудника стала памятником инженерного творчества. Она была создана в 60-х годах прошлого века. В систему входят русла рек, 73 километра каналов (57 км из них - в бетонной облицовке), несколько шлюзов и водохранилищ. Естественный режим большинства рек района изменён созданием на их пути искусственных прудов: Сосьвинское, Кальинское и Колонгинское водохранилища регулируют поверхностный сток и предотвращают вероятность прорыва больших объёмов воды через карстовые пустоты в подземные выработки бокситового рудника.

Североуральск интересен тем, что лес здесь – рядом с городом. Пятнадцать минут ходьбы от центра в любую сторону, и ты в лесу. Его всегда берегли и берегут для отдыха и занятия спортом. Тёмным зимним вечером всегда есть возможность пробежаться на лыжах по освещённой трассе.

Леса района сыграли большую роль в жизни людей, в экономике района. С конца 19 века они были постоянным «хлебом» для Надеждинского сталерельсового завода. Вся Сибирская железная магистраль стояла на рельсах, полученных с помощью древесного угля из североуральского леса, сплавлявшегося по рекам. Во все времена он считался самым здоровым, лишённым болезней, лесом на Урале. Таким он и является до сих пор. Промышленные рубки в советское время велись строго по нормативам.

Город вырос из деревянных домов и бараков до хрущёвских пятиэтажек и современных девятиэтажек. Но здесь сохранился прекрасный образец Уральского барокко – ныне действующий храм Петра и Павла, построенный на деньги основателя поселения Максима Походяшина. Кроме того, здесь сохранился единственный в России деревянный объект выдающегося инженера Владимира Григорьевича Шухова – гиперболоидная градирня бывшей городской ТЭЦ.

Североуральск, возможно, один из немногих городов Урала видел представителей всех репрессий советского государства: раскулаченных и «врагов народа» по политическим мотивам, выселенных немцев Поволжья, спецпереселенцев с прибалтийских территорий, попавших в плен во время Великой Отечественной войны, находившихся на оккупированной территории, репатриантов из Китая. А так же пленных австрийцев Первой мировой и немцев

Второй мировой. Все они оставили здесь свой след и внесли свой вклад в историю города.

Уникальность Североуральска и в том, что его основное градообразующее предприятие Североуральский бокситовый рудник и город фактически создавали представители всех национальностей и республик бывшего Советского Союза. А вклад города в Победу над фашизмом был не только подвигом горожан на фронтах, но величайшим подвигом трудовым в исключительных условиях военного времени. СУБР был единственным поставщиком боксита для производства алюминия.

Уникальна история Североуральска. Ещё не было США, а заложенный в 1758 году при впадении Калонги в Вагран Петропавловский завод и Богословский завод на Турье стали главными производителями меди в России, основой будущего Богословского горного округа. Завод на Колонге до своего закрытия в 1827 году оставался медеплавильным.

После векового затишья жизнь бывшего заводского поселения приобрела новый смысл с открытием Николаем Каржавиным месторождения бокситов «Красная шапочка» и созданием Североуральского бокситового рудника. И до сих пор большинство жителей считают, что у СУБРа и города одна судьба. Так ли это, покажет только время. Верить хочется только в хорошее.

Юрий СЫСУЕВ

Город Североуральск

Главная река города

У каждого народа, большого и малого, при столичном городе или в неприметном поселении есть своя Река. И не так важно, какова она: «курице до пупа» или человеку по уши, если стать на голову, шириною с версту или с дедову опояску. И уже совсем не имеет значения, что или кто в ней обитает - главное, у нее есть название. И с какой неподдельной искренностью и гордостью говорят о ней жители, обитающие на берегах своей Реки!

Вот такой местной достопримечательностью для североуральцев является Вагран, главная река района. Её именем был назван ежемесячный историко-краеведческий выпуск городской газеты «Наше слово», существовавший десять лет и прекративший свою жизнь по воле недоброжелателей. А вот пиво с маркой «Вагран» по-прежнему пенится. Местные поэты посвятили Ваграну десятки стихотворений и прозаических произведений, он даже в песни переселился. Но вот нет-нет, да и среди краеведов и ученых возникает спор: а что же означает это слово «вагран»? Существует несколько вариантов объяснений, но все они уязвимы.

Уральский ученый, доктор филологических наук А. К. Матвеев в своей книге «Географические названия Урала», выдержавшей несколько изданий, высказывает такие версии.

«Вагран» пошло от мансийского слова «агыр» - «водоворот», «омут», а звук «в» в слове приставили уже русские. Однако, замечает ученый, в документах 17 века встречается и такая форма - варган, а от этого слова в языке манси есть глагол «варгыны» со значением «бурлить», «клокотать», что как раз характерно для горных рек и речек. Как тут не вспомнить слова поэта «на берегах бурливого Ваграна...»

Упоминают реку Вагран автор «Словаря Верхотурского уезда» И. Я. Кривошеков, академик Е. С. Федоров. Они, правда, не объясняют, откуда пошло имя реки.

В книге «Легенды старого Петербурга» есть очерк, в котором встречается слово «вагран». В. И. Даль записал оба слова: «вагран» и «варган» и дает объяснение: это музыкальный народный инструмент, зубанка, который издает гудящие звуки. Так может быть вогул или русский, обладавший искусством игры на этом инструменте, нашел сходство между его звучанием и гулом, который издает бурлящая река? Вогул назвал реку своим «агыром», а русский «ваграном». Так ли это?

Еще одно объяснение. В старое время у сибиряков, пермяков, вятичей и некоторых других народов были в ходу слова «варга», «варганить», означавшее: «шуметь», «стучать», «кричать». Горная река тоже издает громкие звуки, особенно на перекатах. Так почему бы и не назвать реку Варганом? А с течением времени слово видоизменилось до Ваграна.

На Урале когда-то существовали вагранки - примитивные печи для выплавки металла.

И еще одна версия. Некоторые современные геологи слово «вагран» переводят так: «ва» - вода, река, а «гран» - черный, темный, большой. Убедительно? Ведь в Вагране, действительно, вода имеет темный оттенок. Но на языке манси «река», «вода» обозначается одним звуком Я. Каль-Я - Березовая река. А латинское слово «гран» имеет множество толкований.

Очевидно, права автор книги «Происхождение книги рек и озер» Р. А. Агеева, которая пишет: из всех топонимических групп самыми трудными для выяснения этимологий оказываются названия рек. Выяснить смысл названия некоторых из них, продолжает она, совершенно невозможно. Наверное, сюда относится и название Вагран. Но это не умаляет значение Ваграна как главной реки нашего города, воспетой многими поэтами.

Борис ЗОЛОТАРЕВ

Древнейшая река района

Есть и другая версия названия главной реки города. Слово «Вагран», возможно, относится к топонимике угро-финнской группы народов, населяющих в настоящее время северные административные области Западной Сибири и Европейской части России: манси, коми-пермяки, коми-зыряне, удмурты, карелы, финны и малочисленные вепсы, ныне обрусевшие. Ранее вепсы населяли районы вокруг Белого озера (Вологодская область). Свой язык сохранили вепсы, живущие в районах, прилегающих к Ладожскому озеру.

Из Белого озера вытекает река Вытегра. Она впадает в Ладожское озеро и является частью Мариинской системы, соединяющей реку Волгу с Балтийским и Белым морями. Вытегра и Вагран содержат один корень. ГРАН – мужского рода и ГРА – женского рода. Течение реки Вытегры спокойное, как и всех рек на Европейской низменности. Течение Ваграна – быстрое, буйное.

Его истоки находятся на водоразделе рек восточного и западного склонов Урала и начинаются вблизи истоков Сосьвы и на небольшом расстоянии от реки Суры, впадающей в реку Кутим – приток Вишеры.

В геологическом описании реки Вагран Е. С. Фёдоров и В. В. Никитин указывают на крупные геологические явления, которые способствовали формированию долины реки. Она является древнейшей рекой нашего района, первой из современных рек, проложившей себе путь через Предуральскую горную гряду. Её долина имеет слабое падение в самой верхней её части. По мнению учёных, эта часть Ваграна впадала в древний большой водный бассейн. Остатки его тянутся с севера на юг в виде озёр и болот. На левой стороне Ваграна находятся Кальинское, Сарайнское, Бобровское и Большое болота, заболоченные озёра: Гальяново, Малое Гальяново, Троицкое и осушенное Казённое. На правой стороне находятся озёра: Крылышкино, Узкое, Глухое, Лихие озёра (Ляги), Большое Княсьпинское и Антипинское. Долины рек Большой Лих и Малый Лих почти на всём протяжении заболочены.

Речка Каменка (левый приток между Большим и Малым Лихом) получила название от своего каменистого ложа. Левый берег Ваграна от устья Каменки до Старых Боксит возвышенный. На правом берегу возвышенности начинаются от Малого Лиха (Черноурье) до речки Козьей. Возвышенность отделена от реки сенокосными угодьями и болотистой поймой. Ложе Ваграна от устья Каменки до устья Козьей выложено валунами и галькой крупного размера. Исходя из геологических признаков, Е. С. Фёдоров и В. В. Никитин делают вывод, что нижняя часть Ваграна несомненно нового происхождения и могла возникнуть после того, как Сосьва, Калья и Шегульган проложили новый путь через известняки первой складки Предуральской гряды в виде современных ущелий.

На левом берегу Ваграна в полукилометре от

Река Вагран у Трёх братьев

устья Каменки вниз по течению до середины 50-х годов прошлого века находился посёлок подсобного хозяйства ОРСа Петропавловского леспромхоза, который прекратил существование с объединением ОРСа и Продснаба СУБРа. В конце 50-х годов на левом берегу Ваграна почти напротив устья реки Малый Лих был построен городской пионерский лагерь. Из всех окрестностей Североуральска его территория была самой красивой. Петропавловцы с давних времён называли это место «раем».

В своём отчёте «Геологическое обследование реки Вагран» геолог Г. Л. Падалка оставил 25 фото, снятых в 1927 году от Тулайки до Петропавловского. На четырёх из них засняты валуны гранодиорита в русле Ваграна возле зимовья Баронское. На одной из фотографий запечатлён утёс туфов и конгломератов при впадении реки Исток из Крылышкина озера в Вагран. Этот утёс был особенно посещаем жителями Петропавловского осенью в походах за брусникой и клюквой.

В «Словаре Верхотурского уезда» И. Кривощёков отмечает, что окрестности села Петропавловского богаты пещерами. На правом берегу Ваграна, где ныне находится Петропавловский известняковый карьер, была скала Пещерный Камень. Здесь любила отдыхать молодёжь в летние и праздничные дни. Недалеко от известнякового карьера, вверх по Ваграну, находится пещера Партизанская. В ней прятались петропавловцы от колчаковцев. Среди них были Василий Яковлевич Ожегов и Пётр Геронтьевич Баянов. В трёх километрах от села находится Петропавловская пещера или Скала Грюнвальдта. В ней находят окаменелости в известняках нижнедевонского периода.

Ниже впадения Берёзовки есть ряд пещеровидных углублений над водой под названием «Вагранские печи». Всего их насчитывается 25. В трёх километрах от впадения Ваграна в Сосьву находится увал, который разделяет эти две реки. Ширина увала около 150 метров, высота 40 метров. С него можно наблюдать, как две реки текут в разных направлениях. Этот увал называют Перейм (переём – перехват).

Вагран был главной рекой молевого сплава древесины, заготавливаемой в Петропавловской даче для Надеждинского завода. Ещё в 40-е годы прошлого столетия в русле реки было много валунов, которые мешали сплаву леса. В летний период после сплава взрывники Петропавловского леспромхоза взрывами расчищали русло от валунов. Мешали сплаву и старые русла реки, которые местные жители называли курьями. Они имели названия. Так курья выше впадения реки Исток из озера Крылышкина называлась Воронцовской. Особенно много стариц в районе от реки Коноваловки до Сарайной. В 30-е годы курьи отгораживали рублеными из дерева стенами, которые называли «свинками». На всём протяжении Ваграна были устроены бани для сплавщиков. Первая баня была в посёлке Крутой лог, последняя находилась в трёх километрах от устья Ваграна, где лесоучастком 42 квартала были построены два барака для рабочих. Многие годы Вагран был большим тружеником в народном хозяйстве района.

Евгений МЫЛОВ

На солнечных берегах

На всём своём протяжении от истока до устья Вагран вбирает в себя более сорока больших и малых притоков — речек и ручьёв. Более тридцати из них имели и имеют названия, поразмышлять над топонимикой которых весьма интересно. Вот названия основных притоков (начиная с верховий Ваграна), которые удалось установить, пользуясь разными источниками:

Еловка — левый приток.

Синяшер — правый приток.

Тулайка (Тылайка) — правый приток.

Сурья (на современной карте области — Сурь) — левый приток. На карте отвода лесов Петропавловскому и Богословскому заводам (1759 г.) приток назван р. Курья.

Крутая - правый приток (на современной карте).

Заречная — левый приток (на современной карте).

Оленья — правый приток.

Юртинская — правый приток.

Ольховка — правый приток.

Крив Вагранский — левый приток. На карте отвода лесов Петропавловскому и Богословскому заводам (1759 г.) - речка Кривая.

Травянка — левый приток.

Шомпа — правый приток.

Лямпа — левый приток. На карте 1759 года — р. Лямба.

Оленья — левый приток.

Исток — правый приток (из озера Крылышкино).

Большой Лих — правый приток. (Богомолка, Богомоловка).

Малый Лих — правый приток (прежнее название Шанаурья).

Козья — правый приток в районе Старых Боксит (Косья).

Коноваловка — правый приток.

Колонга — левый приток.

Сарайная — левый приток. На карте 1759 года - Сарайна.

Пальничная — правый приток (Э. Гофман называет её Палишной).

Крутоловская — левый приток.

Токаревка — правый приток (на карте Е. С. Фёдорова, 1898г.).

Листвяничная — левый приток (Листвяница).

Белая — правый приток.

Ильинка — левый приток (на карте 1898 г.).

Даньша — левый приток.

Боровянка - правый приток (по отчёту Леонтия Яковлева, 1758 г.).

Мальцева — левый приток (на карте Е. С. Фёдорова 1898 г.).

Усольцева — левый приток.

Берёзовка — правый приток.

Мотовилиха — левый приток.

Без сомнения, самые древние названия притоков - Синяшер, Тулайка, Сурья, Шомпа, Лямпа, Колонга, Сарайная. Все они упоминаются в документах и есть на картах, относящихся к Походяшинскому периоду, то есть ко времени, когда началось заселение края русскими.

Сурья и Колонга. Этимология этих гидронимов представляет наибольший интерес. Нельзя усомниться, что в основе названия «Колонга» лежит КОЛА — древнейшее название Солнца. Отсюда Кола, Колва, остров Колгуев, полуостров Кольский, и так далее — вплоть до Коляды и Колымы. Коренная основа “кол” есть и в угро-финских языках. Древнеиндийское божество — бог времени Кала той же ипостаси. От него пошли латинское «календы», а потом и календарь.

ГА — у древних славян означало движение: нога, телега, дорога. Следовательно, Волга, Онега, Ладога и все прочие названия рек с «ГА» из того же ряда. Буквально

получается: Колонга — движущаяся к Солнцу, или бегущая к Солнцу, что на самом деле и есть - Колонга бежит на восток, навстречу Солнцу. Но «коло» — это ещё и круг, колесо. Тогда, если хотите, Колонга — Бегущая по Кругу. Взгляните на карту, и вы увидите, что речка, рождённая в болотах к западу от Кумбы, действительно огибает гору почти по кругу.

А что такое СУРЬ, Сурья? У древних русов, поклонявшихся Солнцу, Бог был Един и Множествен. Поэтому и ликов Солнца было много: Ра, Хоре, Велес, Ярила... - у каждого была своя роль на Земле. Называли Солнце и Сурьей-Ра, то есть Сильным Ра («Сура» в авестийском языке - сила. У этих слов общий индоевропейский корень). И Сила истекает от Бога Сурьи рекой Света, Жизни, Знаний, Истины. Русичи приносили в жертву Солнце Сурье особый напиток - мёд-Сурью. Считали, что в нём сила Солнца. А что для уставшего путника может быть слаще глотка чистой воды, бегущей с гор?

Сарайная. Первое впечатление: название реки образовано от слова «сарай». Вроде и спорить не о чем. При устье этой реки находилось месторождение глин, годных для изготовления кирпича. Его обследовал в 1894—98 годах академик Е. С. Фёдоров. В 30-х годах прошлого века на базе этих глин работал кирпичный завод. Месторождение, без сомнения, использовалось и во времена М. Походяшина. Вряд ли кирпич, использованный при строительстве Петропавловского завода, откуда-то привозили. И, возможно, на берегу стояли сараи для сушки кирпича-сырца. Других разработок глин в окрестностях Петропавловского завода не было.

Юргинская — правый приток. На этой речке в верховьях Ваграна стояли юрты аборигенов.

Малый Лих, Большой Лих. В русском языке ЛИХО — зло, беда, несчастье, ЛИХ — злоба, злорадство. Под нынешними названиями эти правые притоки Ваграна были нанесены ещё на планы “Чертёжной книги Сибири” в 1698 — 1701 годах С. Ремезовым из Тобольска. Но позднее, по уставной грамоте 1863 года, первая река отмечена под названием “Шанауровка” (Шанаурье) — по фамилии мастеровых Петропавловского завода первой половины 19 века. А вторая значилась как “Богомоловка” — по фамилии верхотурского рудознатца-поисковика Степана Богомолова. Название было в ходу у старожилов Петропавловского завода в прошлом столетии. В верховьях Малого Лиха были углевыжигательные печи и казармы для рабочих. Место называли Шанаурьем. В начале 30-х годов прошлого века в казармах Шанаурья поселили раскулаченных и переселённых в наши края крестьян. Условия их жизни были настолько тяжелы, что место и реку стали называть Черноурьем.

Обе реки имели особенность: в дождливые годы выходили из своих берегов и затопляли свои долины. Это связано с малым падением высот от истоков рек из болота в районе города Волчанска до впадения в Вагран. Обе реки находятся в болотистой местности. Вагран от реки Исток из Крылышкова озера до впадения речки Козьей также имеет малое падение. И он разливался на этом участке, не справляясь с потоком воды с гор. Такие разливы наблюдались в 1950, 1956, 1969 и 1979 годах. При этом в речных долинах откладывалось много ила. Хозяева сенокосных угодий оставались без сена. Это с лихвой компенсировалось в следующие годы за счёт удобренной илом почвы.

Коноваловка - речка, сопка и бывший посёлок лесозаготовителей получили на звание от фамилии поисковика, верхотурского государственного крестьянина Григория Коновалова. В истоке речки, на половине пути по бывшему рудничному тракту до Волчанского зимовья, Григорий нашёл два медных прииска.

Усолецва, Мальцева, Тукачевка, Попов Лог получили названия по фамилиям мастеровых Петропавловского завода, которые мыли там золото после закрытия завода.

Токаревка – возможно, название связано с фамилией жителей Богословского завода, работавших на золотых промыслах в Петропавловской даче. В деревне Мостовой жила семья Токаревых, глава которой был из Богословского завода.

Даньша - левый приток назван по имени манси Данилы Алтипкова, чьи родовые уголья и юрта находились в этих местах.

Крутоловка – ручей, небольшая речка из Сухого болота, местные жители называют её Крутой.

Пальничная — правый приток Ваграны в районе Крутоловской сопки. Получила название от слова “палить” (жечь, предавать огню, сжигать, зажигать). Возможно, в этом районе производили углежжение для Петропавловского завода. Дорога из Петропавловского завода в Верхнее Маслово (ныне Маслово), проходившая через верховья этой речки, называлась Пальничная. По ней возили на завод белую огнеупорную глину, добываемую в районе Маслово.

Названия притоков «Ильинка», «Токаревка», «Мотовилиха» и другие ещё ждут пояснения.

Спасибо Евгению Павловичу Мылову за сведения, использованные в этой публикации.

Юрий СЫСУЕВ

Река Вагран

Зелёное богатство

Угро-финские племена, населявшие Урал, относились к тайге с большим уважением, особенно к кедру. Трудно поверить, что ещё три века назад на Среднем Урале не было березовых рощ. По склонам Урала – от Приполярного до Южного – рос кедровый лес.

Во времена Ивана Грозного вместе с русскими на Урал и в Сибирь пришли береза и иван-чай (кипрей). Уже при вынесении границы Петропавловской дачи школьным подмастерьем Петром Солонининым были отмечены гаревые места и наличие березовых рощ. Гаревые места неоднократно отметил в своём путевом журнале унтершихтмейстер Леонтий Яковлев, отводивший леса для Петропавловского завода. Пожар всегда был главным врагом леса, нашего зелёного богатства.

В своём путешествии по Богословским заводам Петр Симон Паллас писал: «От Волчи (Волчанска) пошла земля выше и большею частью березняк, который по уставу естества занимает место выгоревшего смоляного леса». На берегах Вагран П. С. Паллас отметил изобилие сибирского чистотела, песочника и марьяна корня.

В «Историко-статистическом очерке о Богословских заводах» М. Блинов писал: «...За заводским Богословским прудом в сияющей дали великаны-камни упирают в небо свои голые вершины. Магдалинский, Лялинский, Косьвинский, Конжаковский, Денежкин и Кумба составляют очаровательную картину. Леса здешние, стелящиеся великолепным ковром на скатах гор, населены медведями, оленями, лосями, белками и соболями. Они предоставляют рощи вековых сосен, лиственниц, кедров и смешаны с березою, осиною и елью. К сожалению, опустошены пожарами...».

Из площади всех лесов Богословских заводов в 417 тысяч десятин цельными считались 306 тысяч, в том числе в Петропавловской даче 80,9 тысячи десятин. В 1899 году комиссия министерства финансов России под руководством Д. И. Менделеева, обследовав Уральскую железную промышленность, отметила, что леса Богословского общества таксированы, лес сравнительно здоровый, процент больных деревьев небольшой и насекомых нет. Оборот рубки введен столетний. Особенно качественный лес в северо-западной части Петропавловской дачи. Его заготовкой стали заниматься в конце XIX века, лес шел для нужд Надеждинского завода.

В начале XX века было организовано Петропавловское лесничество, подчиненное главному лесничеству Богословского общества, которое располагалось в Богословске (ныне Карпинск). Штат лесничества небольшой: главный лесничий с помощником и инспектором-ревизором. Остальной аппарат составляли надзиратели, куренные мастера, объездчики и лесники. К началу 1916 года было окончательно закончено лесоустройство, построены Верх-Сосьвинский, Воскресенский, Кальинский и Усть-Кальинский, Даньшинский, Оленьевский, Баяновский кордоны и кордон на станции Вагран.

До 1934 года от старожилов о лесных пожарах я ничего не слышал, но было известно о пожаре в селе Петропавловском, который случился в начале 50-х годов XIX столетия. Эти данные подтверждены документами из архива Свердловской области, полученными к 250-летию города. До 1930 года население к пожарной безопасности относилось серьезно. Рубка леса начиналась в октябре и заканчивалась в марте. Производили её в отведённых делянках, перемежая полосами леса для осеменения. Весной и осенью делянки очищали от сучьев и валежников, всё сжигали. Отводили места для заготовки дров местному населению. Места вырубki принимали лесники и лесообъездчики. Рощи березняка известны как бывшие горельники. Они были в районе Даньши, Высотинки, Старых Боксит и нынешнего поселка Черемухово, там местные жители производили заготовку сена.

В 1930 году вместо Петропавловского лесничества организовали новое лесопромышленное предприятие – Петропавловский леспромхоз треста Уралсевлес. В состав сырьевой базы вошли Петропавловская, Верх-Сосьвинская и часть Южно-Заозерской дачи (Воскресенка, Всеволодск, Шегульта и Усть-Шегульта).

С 1934 по 1939 год отмечались большие пожары. По свидетельству Ф. Н. Баяновой и Е. С. Овчинникова, жители Петропавловского выезжали на берег реки Колонги. Верховой пожар шел со стороны леса, где ныне проложена железная дорога. Пожар тогда удалось потушить встречным палом. Участник войны Л. К. Хариенко знает о пожаре на Коноваловке от своих родителей: население поселка спаслось в реке. Тот пожар вышел на гору перед Старыми Бокситами. По рассказу дочери начальника станции Бокситы К. Р. Щукиной, её мать хотела уехать в село Петропавловское, но узнав, что село тоже в опасности, осталась на месте. Сгорели поселок Усольцево, старинное поселение на Рудничном тракте – Зимовье Волчанское. Жители Зимовья тогда тушили пожар в другом месте, не зная, что верховой перекинулся на их дома. Много возгораний случалось от паровозов. Так, по рассказу А. М. Шерепы, в 1939-м году верховой пожар шел вдоль железной дороги от озера Гальяново, но его успели потушить.

Принимались и противопожарные меры, на просеке земельного отвода Петропавловского и Боксит вырубил лес и мелкий кустарник, убрали весь сушняк. Следы просеки заметны и сейчас, это дорога на амональный склад. Вероятнее всего, в лесных пожарах тех лет был виноват человек. Немало переселенцев из южных степных районов прибыло сюда. Они не знали опасности, оставляя непотушенные костры в лесу. В районе нынешнего заповедника «Денежкин Камень», по словам жителей Воскресенки и села Всеволодо-Благодатского, пожаров никогда не было, жители берегли лес. При инвентаризации 1938-го года зафиксировано 192 гектара горелого леса в районе поселка Вторая База. Кроме того, зафиксированы поврежденные пожаром насаждения площадью 377,4 гектара.

Охрана леса от пожаров и лесонарушений велась инспекторами Петропавловского леспромхоза, подчинявшегося только Лесопромышленному тресту г. Серова. В штате помимо инспекторов состояли лесообъездчики, лесники, лесная стража. Для наблюдения за пожарами использовали сигнальные пункты, которые находились на геодезических знаках, как правило, располагавшихся на вершинах сопков. Они были соединены телефонной связью с конторами леспромхоза. Обслуживались двумя-тремя наблюдателями с мая по октябрь. Кроме того, территорию облетал пожарный самолет с аэродрома города Серова, работали по два пеших огневики, живших в лесных поселках. О замеченных с высоты пожарах в определенных местах летчик бросал выпел. Инспектору лесного хозяйства и начальнику пожарной охраны леса предоставлялись широкие права.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на все трудности, лесонарушений со стороны местных жителей и лесохозяйственных предприятий не было. Но мехлесопункты СУБРа и Бокситстрой часто нарушали Лесной Кодекс и инструкции – рубили лес в охраняемой зоне водоемов, их работники не выписывали лес на строительство своих домов и т.д. И как следствие, иногда возникали лесные пожары. Случилось возгорание между Черемухово и Мостовой по квартальной просеке, его тушили всей деревней, начиная с двенадцатилетнего возраста. Возглавил борьбу со стихией лесник А. М. Кудрявцев. В 1946-м году недалеко от нынешнего поселка Калья по берегу реки в сторону профилактория был пожар.

В тридцатые и сороковые годы во главе отдела лесного хозяйства стояли М. Г. Широкалов, А. В. Ханаев, С. П. Пономарев и Шапошников, работавший в охране лесов России до 1917 года. В годы войны охрану лесов несли женщины и люди старшего поколения. Многие лесообъездчики и лесники были на фронте. Не вернулись с войны Николай Васильевич Лагутеев, Сергей Николаевич Борисов, Алексей Николаевич Антонов и

многие другие. От рук бандитов погиб лесник кордона Даньши Дозморов, догоняя преступника по дороге на Саму. В день похорон ему пришла повестка на фронт. В 1947 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля на базе отделов лесного хозяйства леспромхоза и мехлесопунктов были созданы лесхозы Министерства Лесного хозяйства СССР.

Во все времена лес, как возобновляемый природный ресурс, был верным другом человека, кормил его и обогревал, помогал вести промышленное хозяйство. Таким он и останется при разумном его использовании.

Евгений МЫЛОВ

А лес растет

Известно, что без леса не было бы ни Походяшинских заводов, ни СУБРа. Для развития производства нужна была древесина. Из неё выжигали уголь, без которого была невозможна выплавка железа, делали рудстойку для крепления горных выработок. Леса кругом было много, и это облегчало задачи металлургов и горняков. А что известно жителям нашего города об истории развития лесного хозяйства на территории Североуральского городского округа, о современном его состоянии?

Есть сведения о том, что Петропавловское лесничество было организовано в 1900 году. Сведения о занимаемой площади и территории лесничества не сохранились.

Чтобы узнать состав и качество лесов, обозначить границы территории, прорубают квартальные просеки, устанавливают квартальные столбы и т.д. - производят лесоустройство. Впервые лесоустройство Североуральского лесхоза в его нынешних границах было произведено в 1913-1915 годах, когда были устроены Петропавловская и Верхнее-Вагранская дачи. Площадь их неизвестна, так как материалы тех лет не сохранились.

Повторное лесоустройство было проведено в 1927 году. На площади 140,2 тысячи гектаров была создана Петропавловская дача, куда вошли нынешние Петропавловское, Кальинское лесничества и восточные части Баяновского и Берёзовского лесничеств. В 1930 году была устроена Верхнее-Вагранская дача на площади 132,6 тысячи гектаров. Это западные части Баяновского и Берёзовского лесничеств.

В 1931 году по материалам лесоустройства 1927 и 1930 годов был составлен план лесоэксплуатации Петропавловского леспромхоза общей площадью 507,7 тысячи гектаров, в который целиком входил североуральский лесхоз в его настоящих границах, а также части Ивдельского и Карпинского лесхозов. После этого инвентаризационные работы провели в 1938 году, когда были лесоустроены Петропавловское, Кальинское и восточные части Баяновского и Берёзовского лесничеств на общей площади 187,4 тысячи гектаров.

В 1949 году была проведена лесоинвентаризация заповедника «Денежкин Камень» на площади 35,3 тысячи гектаров, часть которого впоследствии была передана в состав лесного фонда Североуральского лесхоза. С 1956 года работы по лесоустройству носили систематический характер и с использованием аэрофотоснимков. В тот год на площади 370,6 тысячи гектаров квартальная сеть была принята в основном размерами 2х2 км, за исключением западной неосвоенной части лесхоза, где размер кварталов был 2х4 км.

В 1968, 1979, 1990 годах лесоустройство проводила Пензенская экспедиция, а в 2003 году - Свердловская лесоустроительная экспедиция. В 1968 и 1979 годах лесные кварталы были уменьшены до размеров 1х1 км в лесах первой группы и до 1х2 км - в

эксплуатационных лесах. Следует отметить, что эти размеры ориентировочные: в натуре кварталов с такими точными размерами найти трудно...

До 1947 года леса Североуральского лесхоза были приписаны к Министерству чёрной металлургии, а в 1947 году вошли в систему вновь организованного Министерства лесного хозяйства СССР, после чего периоды относительной стабильности чередовались с реорганизациями и переподчинениями. А в настоящее время в связи с принятием нового Лесного кодекса происходит настоящая «революция сверху»...

Промышленная эксплуатация североуральских лесов началась в 1903 году в районе села Петропавловского в пятивёрстной полосе рек Вагран и Сосьва, по которым заготовленная древесина сплавлялась в Надеждинский сталерельсовый завод. Данных о количестве заготовленной древесины у нас нет. Известно только, что в зимний сезон 1926-1927 годов было заготовлено Надеждинским комбинатом 186,3 тысячи кубометров. Рубка велась в лесосеках шириной 100 метров. Сейчас некоторые из этих лесосек хорошо просматриваются в районе бывшего посёлка Берёзовка.

Для промышленной заготовки древесины в тридцатых – пятидесятых годах прошлого столетия были организованы Петропавловский и Шегульганский леспромхозы, а также лесопункты СУБРа и треста «Бокситстрой», леспромкомбинат треста «Углестрой», Краснотурьинская лесозаготовительная контора треста «Уралтяжстройлес». Рабочей силой были в основном спецпереселенцы, трудом которых были построены посёлки Баяновка, Берёзовка, Коноваловка, Высотинка, Усть-Шегульган, Половинный Шегульган. Сотни и тысячи подневольных рабочих нашли здесь свою могилу от голода, холода и непосильного труда.

В 1938 году Петропавловский леспромхоз заготавливал свыше 800 тысяч кубометров древесины, вырубив лес на площади около 3,2 тысячи гектаров. Одновременно с бурным ростом добычи бокситовых руд растёт потребление леса, а вместе с этим и размер собственных заготовок. В 1942 году собственными усилиями СУБР и «Бокситстрой» заготовили 24 тысячи кубометров, в 1945– 97 тысяч кубометров, в 1950 году – 167 тысяч кубометров, в 1955 – 1 миллион 122 тысячи кубометров, то есть за два года вырубался лес на площади свыше 10 тысяч гектаров. Такими темпами вырубались наши леса многие годы, что привело к истощению запасов спелых и перестойных насаждений. Как следствие этого, объёмы ежегодных вырубок стали постоянно снижаться. В семидесятые годы прошлого столетия ежегодно заготавливали по 450-400-350 тысяч кубометров. Ещё через десять лет уже немногим более 200 тысяч кубометров.

Во время экономического обвала девяностых годов Североуральский леспромхоз - основной лесозаготовитель на нашей территории - перестал существовать, так как цены за один вагон отгруженной древесины стали меньше, чем железнодорожный тариф, да и платёжеспособных потребителей не осталось.

Сейчас на покрытых лесом землях молодые леса занимают 27,3 процента площади, средневозрастные - 45 процентов, приспевающие - 10, 4, спелые и перестойные - 17,3 процента. Средний прирост на один гектар лесной площади в 1956 году составлял 1,76 кубометра, а в 2003 году - 2,8 кубометра. Почему так изменился средний прирост? Дело в том, что в связи с интенсивной вырубкой лесов увеличивались площади, занятые молодняками и средневозрастными насаждениями, прирост которых значительно выше, чем спелых и перестойных. Как и везде в природе, молодые организмы растут быстрее.

Основными лесобразующими породами в насаждениях лесхоза являются сосновые, занимающие 51,4 процента, елово-пихтовые - 16,2 процента, кедровые - 10 процентов,

берёзовые - 19,4 процента покрытых лесом земель.

В связи с сокращением объёма вырубок идёт накопление спелых и перестойных насаждений, особенно по мягколиственному хозяйству. Доказательством тому может служить расчётная лесосека: в 1990 году она составила 140 тысяч кубометров, сейчас - 186 тысяч кубометров. Ясно одно: лес продолжает расти!

Василий ДОЛГИХ,
директор Североуральского лесхоза.
апрель 2007 г.

Чудит Урал

В одной из городских газет довелось прочитать заметку «Во Всеволодске -42 градуса», поданную, как некую сенсацию, о которой просто необходимо поведать.

А в чём, собственно, сенсация? Люди старшего поколения прекрасно помнят, как морозы -40° ... -45° ... -48° стояли раньше неделями. Морозный воздух был похож на туман, с утра гудели гудки и сирены, предупреждающие школьников о том, что можно не ходить на занятия, редкие автомашины ездили с включёнными фарами, над Горным и Южным дым стоял столбом, там с утра до вечера топили печки. Центрального отопления на Южном не было, как и в посёлках. Но всё равно окна обмерзали, затем оттаивали, и на каждом подоконнике в каждом доме была привязана к гвоздю бутылочка, куда стекала по тонкой тряпочке оттаявшая вода.

Вот это были морозы! Наш город входит в пятёрку городов с самыми низкими температурами в области: в январе 1973 года у нас было минус 52,6 градуса.

А сейчас зимы наступили, как я называю, сиротские, если уже привычные раньше -40° воспринимаются, как сенсация. В одном только можно согласиться с автором, -40° у нас не было больше десятилетия, а точнее – 12 лет. До этого только 8 января 2002 года чувствительные измерительные приборы нашей метеостанции зафиксировали – 43 градуса.

Ну а чем запомнился нынешний январь? Да в принципе ничем. Такой рядовой январь со среднемесячной температурой $-18,6^{\circ}$. Не самый тёплый. Самый тёплый случился ровно 30 лет назад, в 1984 году со среднемесячной температурой $-10,5^{\circ}$. И не самый холодный. В 1972 году «дубабрь» держался на средней температуре $-27,5^{\circ}$ градуса. Почувствуйте разницу.

Мне запомнилась плюсовая температура 1-го января. Синоптики нашей метеостанции зафиксировали $+0,7$ градуса. Но и это, как вы понимаете, не самый тёплый день января, не рекорд. 1 января 1995 года после встречи Нового года все пошли по традиции на площадь Мира кататься с горок, водить хоровод вокруг лесной красавицы, но многие не дошли: шёл дождь и на дорогах стояли огромные лужи! Ноги враз промокли, потому что температура в тот январский день была $+3,6$. Чудит Урал.

В январе 2014 года выпало 31,3 мм осадков. Это в два раза меньше, чем в самом снежном январе 1976 года – 66,2 мм. Но и почти в 5 раз больше, чем в засушливом январе 1996 года – 4,6 мм.

Высота снежного покрова на площадке метеостанции, а она, напомним, находится в посёлке Калья, была 36 сантиметров 31 января. Но помимо своей площадки сотрудники метеостанции ходят на лесной_снегосъёмочный маршрут. Там на дистанции 500 метров расположено 50 снегосъёмочных точек, то есть через каждые 10 метров. Так вот, в лесу на 31 января высота снежного покрова составила 46 сантиметров. А глубина промерзания грунта на 1 февраля составила 54 сантиметра.

Интересная наука – метеорология. И за погодой наблюдать интересно. И поэтому каждое утро, едва проснувшись, десятки, сотни, тысячи горожан первым делом

смотрят на свои законные термометры: сколько там? Как одеваться? Заведётся или не заведётся машина, ночевавшая во дворе? И на работе разговоры сразу о погоде. Кто же её «делает» в нашем городе?

В военное время в октябре 1941 года институтом «Гипроникель» была создана метеорологическая станция, которая называлась «Петропавловск» и находилась на улице Кирова. К сожалению, дом и метеорологическая площадка в виду строительства многоэтажек не сохранились.

В марте 1952 года метеостанция была переведена в поселок Крутой Лог. С 1-го августа 1957 года гидрометеостанция была передана от Североуральской бокситовой экспедиции (впоследствии СУГРЭ), в ведение Уральского управления гидрометеослужбы.

В июне 1969 года метеостанция из поселка Крутой Лог была перенесена в аэропорт города Североуральска и стала называться «Авиационная метеорологическая станция гражданская» - АМСГ. К метеонаблюдениям добавили обслуживание авиации.

С 1-го июля 2002 года АМСГ переведена в поселок Каляя и была переименована в «Метеорологическую станцию Североуральск» ФГБУ, где последняя аббревиатура расшифровывается как: федеральное государственное бюджетное учреждение.

Наша метеостанция входит в Уральскую федеральную службу по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (УГМС «Уральская государственная метеослужба»).

Сейчас там работает пять человек. Это старший техник Николаева Татьяна Сергеевна, техники Шипунова Нина Григорьевна, Киверина Надежда Яковлевна и Караваяева Эльвира Якубовна. С мая 2004 года возглавляет этот дружный научный коллектив неутомимая Любовь Александровна Беспалова, человек широкой доброй души. Отзывчивая, всегда готовая прийти на помощь и в любой момент заменить на дежурстве любую из техников-синоптиков, потому как в совершенстве освоила профессию, начав работать на метеостанции в далеком 1976 году.

18 января старший техник-синоптик Татьяна Сергеевна Николаева сообщила, что на метеоплощадке высота снежного покрова достигла **79 сантиметров**. То есть сразу на три сантиметра превысила снежный рекорд. Но я ждал результатов снегосъёмки, которая строго по графику проходила 20 января.

Что такое снегосъёмка? За Каляёй силами работников нашей метеостанции проложен так называемый «снегосъёмочный маршрут» длиной 500 метров с пятьюдесятью контрольными точками замеров высоты снежного покрова. В любую погоду, в метель или ураган наши мужественные женщины, техники-синоптики, выходят на маршрут. По пояс в снегу, по снежной целине, идут они от одной контрольной точки к другой, делая замеры и записывая в специальный журнал результаты. Руки мёрзнут, ледяной ветер обжигает лицо, но это их работа, к которой они давно прикипели...

Так, что же там, намерили работники метеостанции? А намерили они в среднем **80 сантиметров** снежного покрова! Рекорд за всё время наблюдений!

Снега выпало в этом году много. Очень много. Мне вспоминается год 2008. Тогда снега на 20 января выпало почти в четыре раза меньше – всего 22 сантиметра.

А на метеоплощадке 20 января 2016 года было уже 81 сантиметр снега. Там нет таких ветров, как на «снегосъёмочном маршруте», и его не так сильно сдувает. Но и это, думаю, не предел. Снег продолжает идти и впереди ещё целый месяц зимы. Например, февраль 1996 года принёс сразу рекордные до сих пор 50,3 мм осадков. А вот в феврале 1984 года выпало всего 2,2 миллиметра.

В нашей области наибольшая толщина снежного покрова за зиму – 120 см наблюдалась в селе Шамары Шалинского района. Много это или мало? Зная свой рост, отнимите 120 сантиметров. У многих из снега будет торчать одна голова. Ну и плечи. И как бы ни ругали мы в сердцах коммунальщиков, надо отдать им должное – дороги и тротуары всё же чистят. Может, не так тщательно убирают, как бы хотелось, до асфальта, но всё-таки город не сдаётся на милость стихии. И трудно найти границу между восторженными: «Ура! Снег пошёл!» и «Блин! Сколько снега навалило!».

Зато сколько красивых стихов написано о зиме:

*Как славно, когда заметёт,
Завьюжит, а то заморозит,
И в ризе старинной берёза
По отчему краю бредёт.
Как любят осинки босые
Топтаться в лесу средь подруг ...
Без синих морозов и вьюг
И не было б, верно, России.*

Переживём мы и эти морозы, и эти обильные снегопады. Как говорить, не первая волку зима.

По данным метеостанции высота снежного сугроба 29 февраля 2016 года составила рекордные - 99 см.

Сугробы в ту зиму больше не росли, а всего за три зимних месяца выпало 116,5 мм осадков – рекорд за всё время наблюдений.

Геннадий ПАТРАХАЕВ

2. ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Тайны озера Нижнего

Всё началось в августе 2005 года. Учитель Черёмуховской средней школы Булат Алексеевич Шакаев и ведущий археолог научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области Сергей Евгеньевич Чаиркин, можно сказать, совершенно случайно обнаружили на берегу озера Нижнее уникальный археологический памятник, скрывавший целый комплекс свидетельств далёкого прошлого. Из года в год его размывало своими водами озеро, а, значит, для науки те свидетельства просто погибали. Но первооткрыватели не были людьми случайными и сделали всё, чтобы уникальный археологический объект вошел в анналы академических знаний о прошлом нашего края.

Сколько людей за последние три столетия прошли по берегам Нижнего, не подозревая, что топчут следы прошлых эпох! Первый человек появился здесь за девять тысячелетий от наших дней. И, вероятно, был не столько очарован красотой этих мест, сколько обилием пищи, которую можно было добыть в окрестных лесах и выловить в чистых струях.

Геологи говорят, что в те далёкие времена с тающих остатков ледника на Главном Уральском хребте текла большая река. В её бывшей долине течет сегодня Шегультан, а небольшая речка Тальтийка собирает воду Ивановского болота для озера Верхнего. Исток из Верхнего вскоре находит Нижнее озеро и Нижним Истоком уходит в Шегультан, в Сосьву. Рядом – старинное село Всеволодо-Благодатское и Денежкин Камень. Такова география мест, окружающих уникальный археологический объект под названием «Нижнее-3».

Во все времена здесь было раздолье летающим водоплавающим. И первое, что мы увидели, выйдя из машины на западном берегу Нижнего утром 15 августа, был белый лебедь. Он кормился где-то на середине водоёма.

- Рыбалка нынче отменная, без жареной рыбы ни дня не сидим, - сообщает встретивший нас Сергей Евгеньевич Чаиркин. В прошлом году как раз на рыбалке и был найден уникальный объект. Первые предметы древности собрали тогда прямо на береговой отмели: кремневые отщепы, скребки, грузила для рыбной ловли. А когда с помощью черёмуховских школьников зачистили размытый берег, то увидели в вертикальной стене четко выраженные слои разных эпох, а главное - впадины древнего жилища. Завершало картину обыкновенное кострище, обложенное камнями. Такое же, как делают и сегодня. Человек грелся у него примерно девять тысяч лет назад.

Тревога за ценный объект была нешуточная. Спасти его могли только раскопки. Для этого нужны были рабочие руки. И они нашлись. Три отряда, тридцать школьников из Черёмухово, Серова, Верхней Пышмы и Екатеринбурга работали здесь в августе. Только за первые две недели, по словам Сергея Евгеньевича, они извлекли из раскопа до пяти тысячи предметов. Многие из собранного мы смогли увидеть в палаточном лагере учёных, разбитом тут же, на склоне берега.

Но вначале посетили раскоп. В четких квадратах, помеченных флажками, ребята под контролем студенток Ольги Малюковой и Натальи Рыжковой уже сняли почти метровый верхний слой. Это несколько так называемых горизонтов, где залегали предметы железного века и эпохи бронзы: наконечники стрел и дротиков, множество осколков глиняных горшков - археологи уважительно называют их керамикой. Потому что они позволяют датировать

памятник по времени, установить связи древних людей с другими регионами, определить степень развития их духовной культуры и много чего ещё.

Каждый горизонт – в пять сантиметров толщиной. Всё снятое с него промывают на ситах в озере. Это всегда волнующий момент, особенно для ребят. И представьте, какой восторг испытали все, когда нашли «идола» - отливку из белой бронзы с изображением лося, сделанную древними металлургами.

Ольга и Наташа – помощницы сегодняшнего руководителя раскопок Натальи Михайловны Чаиркиной - организуют работу на раскопе, следят, чтобы каждая находка была «привязана» к своему месту, записана и прочее. Снятие верхних слоёв памятника курировал

Вячеслав Михайлович Морозов - кандидат исторических наук, научный сотрудник проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского госуниверситета, специалист «по бронзе и металлу». А Наталья Михайловна – старший научный сотрудник Института истории и археологии, кандидат исторических наук, специализируется на энеолите – медном веке (конец четвертого – начало третьего тысячелетия до нашей эры). В

Раскопки на озере Нижнем

момент нашего приезда ребята как раз снимали «её» слои. Всего в нынешней экспедиции на Нижнем работали одиннадцать ученых. В этот день с нетерпением ждали специалистов из Института экологии растений и животных, которые должны были взять пробы из раскопа на споро-пыльцевой анализ. Такого мощного десанта ученых на раскопках ни в Североуральском, ни в соседних районах ещё никогда не было.

И такого количества школьников не видела, пока, ни одна экспедиция. Павел Баранов из Серова на раскопках впервые. Он закончил 9 классов, поступил в техникум. Впечатлений у него масса:

- Мы думали, будем копать, копать и копать. А приехали, смотрим - сидят и снимают слои аккуратненько. Первые дни было тяжело, спина болела очень сильно, потом привыкли. Первый раз обнаружил маленький-маленький кусочек керамики – такое удовольствие! А потом пару челюстей лосинных нашли, наконечник дротика, оливки из бронзы...

Ярослав Соснин из Черёмухово в экспедициях третий год. Пора бы и бросить, уже и школу окончил. Однако не бросает, потому что ему интересно. Таких опытных в команде черёмуховцев несколько. С ними новички быстрее осваиваются. На раскопе все при деле, в том числе и ученые. Наконец удаётся поговорить с Натальей Михайловной:

- Памятник интересен, прежде всего, наличием здесь относительно чистого мезолитического слоя. В Свердловской области и на прилегающих территориях таких памятников не много. А с такими глубокими жилищными впадинами до сих пор не находили. Вероятно, здесь была контактная зона народов Среднего Зауралья и Западной

Сибири. Человек жил здесь с 7 тысячелетия до нашей эры до 10, 13, а может и 14 века нашей эры. В какое-то время это было поселение, в какое-то – стоянка. А может и культовое место, и место металлургического производства, потому что мы находим шлаки. Пока копаем лишь небольшую часть поселения, которая подвергается разрушению...

Диссертацию она защитила по эпохе энеолита Среднего Зауралья. Много копала под Екатеринбургом, Нижним Тагилом, Сюда приехала из Ханты-Мансийского округа, где исследовала торфяные массивы:

- Это очень сложное, но интересное направление в археологии. В торфе на глубине 2–4 метров без доступа воздуха и воды очень хорошо сохраняется органика. Находим уникальные вещи: деревянные идолы и деревянную посуду. У меня штук 10 деревянных весел. Люди не верят, что им тысячи лет, настолько хорошо сохранились. Завтра постараемся попасть на озеро Верхнее. Сергей Евгеньевич предполагает, что там возможен памятник в торфе...

Роман Борисович Волков, научный сотрудник института истории и археологии, пока ждёт своего часа. Он специалист по мезолиту, а до слоев той эпохи еще копать да копать. По его мнению, эпоха мезолита была очень важна для человечества:

- В конце верхнего палеолита (14-10 тысячелетия до новой эры) произошли огромные климатические изменения на всей Земле. Очень мощное потепление. Берингов мост исчез. Мамонты и другие крупные стадные животные, на которых охотились, вымерли. Людям пришлось искать новые способы выживания. Стали распадаться крупные коллективы, люди перешли к индивидуальной охоте. У нас они селились в основном по берегам проточных озер. Потому что озера давали круглый год пропитание: рыба, птица водоплавающая. Охотились на животных. Лук и стрелы изобрели еще в верхнем палеолите, но там они не получили такого широкого распространения, как в мезолите. На торфяниках Коми нашли много вещей той эпохи: остатки сетей, ловушки, самострелы из сосны (иные до двух метров длиной). Сети плели из крапивного волокна...

Люди сюда пришли в эпоху палеолита. В мезолите это уже было сложившееся, со своими традициями население. Оно адаптировалось к источникам местного каменного сырья, из которого делали оружие для охоты и предметы для хозяйства. Это были коллективы. Но какие? Большие или малые? Как и у манси, у них были свои охотничьи угодья. Сколько долго они оставались охотниками и рыболовами, прежде чем научились плавить металл? Спешить было ни к чему: озера богаты рыбой, а в лесу - дичь и ягоды. Лося можно было завалить и стрелой с каменным наконечником.

Люди мезолита придумали своеобразный конвейер: могли производить совершенно стандартные взаимозаменяемые кремневые пластинки. Это позволяло изготавливать орудия любой нужной формы, куда эти пластинки вставлялись. А дерево и кости они всегда могли добыть зимой и летом в любом месте. Отбил 3-4 пластинки и живи спокойно целый месяц. Это было величайшее достижение, считает Роман Борисович. Произошел огромный слом в сознании. Палеолитические рисунки реалистичные, а в мезолите вдруг расцветает геометрический орнамент. Люди начали мыслить абстрактно, научились систематизировать и схематизировать. Мезолитический орнамент сложно понять, слишком он далек от нас. Найденные в торфяниках костяные кинжалы украшены геометрическим орнаментом с втёртой в него охрой. Это не просто украшение. Орнамент, безусловно, нес какую-то смысловую нагрузку, но какую?

Вот так всегда у археологов: что ни вещь, то загадка, разгадать которую удаётся не сразу. Сколько их ещё впереди? Николай Николаевич Новиченков, директор исторического

музея, привёз ребят из Серова. Археологией занимается со студенчества, «копает» с 81 года. Группу набрал из волонтеров движения «Сириус», впервые взял в экспедицию сына. Николай Николаевич считает, что Серовский и Гаринский районы пока белое пятно в археологии. Кроме разведок хороших раскопок не было. Последний раз копали под Сотрино. На небольшом отрезке берега Сосьвы нашли и городище, и стоянки каменного века. Это говорит о том, что район очень богатый, практически любая деревня находится на каком-то археологическом памятнике.

Время обеда. Нас накормили, ответили на все наши вопросы, предложили остаться на праздник археолога, который состоится вечером. Ребята к нему давно готовились. Будут посвящать в археологи новичков. Но, к сожалению, нам надо уезжать. Директор фонда содействия краеведению Юрий Владимирович Гунгер оставляет подарки для ребят и руководителей. Вскоре все загадки озера Нижнего остаются там, на берегу.

Юрий СЫСУЕВ,
2006 г.

Находки и открытия

О первых археологических исследованиях в нашем районе известно из «Словаря Верхотурского уезда Пермской губернии», изданного в 1910 году членом УОЛЕ И. Я. Кривошековым. Он сообщает о найденных в шурфе у Нижнего озера человеческом черепе и черепках глиняной посуды. Но ни находок, ни других сведений о местонахождении памятника в областном краеведческом музее, преемнике музея УОЛЕ, где, по словам автора, хранится часть находок, к сожалению, не обнаружено. В советское время археологическое изучение района не проводилось.

Планомерные археолого-палеонтологические исследования на территории Североуральского городского округа ведутся с 1997 года. Именно тогда в урочище Чертово городище были обнаружены первые археологические памятники и два из них - палеолитическая стоянка Черемухово I и святилище Черемухово II - в течение трех лет были исследованы раскопками. Работы научных организаций носят комплексный характер. Ведь на основании изучения археолого-палеонтологических объектов, по большей части пещер и гротов, в перспективе - торфяниковых памятников, можно восстановить не только основные характеристики различных этапов заселения восточного склона Северного Урала, но и все изменения ландшафта, климата, фауны и флоры на протяжении позднего плейстоцена и голоцена (ледниковая и послеледниковая, современная эпохи).

На территории района 12 озер, почти все находятся в восточной предгорной полосе. Было ещё Бобровское озеро, на современных картах оно значится уже как болото. Близки к заторфованию озера Троицкое, Гальяново, Верхнее. Человек издревле селился вблизи водоемов. Но стоянки и поселения, а также другие археологические памятники сегодня можно обнаружить на значительном расстоянии от современных водоемов. Ведь озера мелели или, наоборот, увеличивались в размерах, реки меняли русла. Человек вынужден был идти вслед за водой со своим небольшим скарбом и строить землянки или временные укрытия на новом месте. Их можно обнаружить.

Результаты разведочных и раскопочных работ на западном берегу Нижнего озера в 2005-2006 годах позволили сделать вывод о высокой степени археологической перспективности североуральских проточных озер. Ведь 15 памятников на небольшом участке берега свидетельствуют о большой привлекательности озера, вероятно, из-за

изобилия дичи и рыбы. Подтверждением данному заключению служат выявленные в 2009-2011 годах многочисленные объекты археологического наследия на берегах Троицкого и Верхнего озер.

На озере Троицком выявлено 9 поселений, 4 из которых с остатками древних жилищ. Все памятники расположены на восточном берегу. Археологический материал представлен орнаментированными и простыми фрагментами керамики, каменным инвентарем от эпохи неолита до железного века. Исключение составляют поселения Покровск-Уральское IV и Покровск-Уральское I. На первом обнаружены только каменные изделия. Предварительно его можно отнести к мезолиту - неолиту. В археологической коллекции второго поселения присутствуют, кроме керамики и каменного инвентаря, обломки шлака и трубчатые кости, в том числе и кальцинированные.

Особняком стоит поселение Троицкий Исток I - единственный речной памятник последних лет, датировка которого, вероятно, не выходит за рамки эпохи энеолита - бронзового века.

На озере Верхнем выявлено 22 поселения. Все памятники с остатками древних жилищ расположены на западном берегу озера. Отмечу только один памятник: поселение Верхнее озеро X. Открыто в 2008 году, исследовалось в 2009-м. Расположено на острове заторфовой части Верхнего озера, в 1,7 км к северо-западу от села Всеволодо-Благодатское. Остров имеет овальную форму, вытянутую в северо-западном направлении. Фрагменты сосудов, найденные здесь, вероятно, принадлежали таежному охотничье-рыболовецкому населению, расселившемуся на пути, связывающем население верховьев Камы и нижнего течения Оби и вобравшему богатство культуры двух больших районов.

Северная часть территории Североуральского городского округа как раз и расположена на этом Вишерско-Лозьвинском сухопутно-водном пути. На этом пути раскинулись озера Верхнее, Нижнее, Дикое, Светлое, Чащево, Большое и Малое Светлое, болото Бобровское. Пока только на двух озерах выявлены материалы, принадлежавшие носителям культуры, жившей в эпоху раннего железного века.

На восточном берегу Черемуховского болота у строящейся шахты «Черемуховская Глубокая» проживало население, вероятно, в раннем железном веке - около двух тысяч лет назад. Из более 80 болот, расположенных только в одном Черемуховском лесничестве, 30 содержат 2 и более метров торфа. Их изучение может дать интересные результаты.

В сентябре 2010 года во время проверки состояния нижеозерских археологических памятников после летних пожаров был обнаружен еще один объект, расположенный в 30-ти метрах к юго-западу от поселения Нижнее озеро I на террасе (горизонтальной площадке на склоне) на высоте 9-10 метров от уровня поселения Нижнее озеро I. Верхний слой снят бульдозером во время валки леса 30-40 лет назад. Об этом напоминают валы у края возвышенности. На одном из валов обнаружена керамика раннего железного века, а в шурфе и другие артефакты. Материалы свидетельствуют о существовании здесь в эпоху неолита поселения, а в раннем железном и железном веках - святилища.

С 1997 по 2010 год на территории округа выявлено 52 археологических памятника. Все они являются поселенческими, бытовыми памятниками. Важно отметить, что на 24 из них визуально фиксируются как одна или несколько впадин, которые являются остатками древних жилищ в виде полуземлянок или слабо углубленных сооружений. А это весьма перспективные объекты для проведения более масштабных археологических исследований - раскопок.

Уже сейчас ясно, что археологические материалы североуральских памятников

наглядно демонстрируют тесные связи древнего населения края не только с западными (приуральскими) соседями, но и с отдаленными западносибирскими племенами во все археологические эпохи. Таким образом, изучение археологических памятников на территории округа принципиально важно для решения проблем генезиса и развития древнего населения всего урало-западносибирского региона.

Булат ШАКАЕВ

О чем рассказала ясашная книга

Документальных свидетельств об аборигенах нашего края сохранилось мало. Самые первые упоминания об угро-финнских племенах манси-вогул на Северном Урале содержатся в Лаврентьевской (1377 г.) и Ипатьевской (конец 14 века) летописях. Современная же наука о наших манси опирается на списки Тобольской духовной консистории от 1718 года, составленные при крещении вагранских и сосвинских вогул Сибирским и Тобольским митрополитом Филофеем в 1714 году. На эти списки опирались в своих исследованиях Н. К. Чупин и составитель «Словаря Верхотурского уезда» А. Я. Кривошеков.

В Российском госархиве древних актов хранятся многие сотни писцовых книг 16-17 веков, служащих основным источником сведений об экономическом положении Московского государства. Сохранились даже книги от конца 15 века по Великому Новгороду. Эти переписи людей, имуществ и владений служили основанием для сбора податей (казенных налогов, даней и сборов) на каждую соху, когда «подать версталась меж себя самим по своим животам (движимому имуществу, богатству) по промыслам, по пашням и по всяким угодыям». После смутного времени в 1619 году Романовы - царь Михаил и его отец патриарх Филарет - созвали земский собор и на нём решили послать писцов и дозорщиков, которые бы «описали все города, разобрали обывателей и разместили их по местам, где они прежде жили и тянули тягло». Всеобщая перепись тяглового населения началась в следующем году. Она позволила государю получить более или менее реальное представление о податных силах государства. При этом были учтены и манси-вогулы Северного Урала, о чем красноречиво говорит «Ясашная книга Верхотурского уезда 1625-1626 года», хранящаяся в описи Сибирского приказа РГДА.

Этот документ имел конкретную цель, о чем сказано в его предисловии: «Книга, что взято государева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси Верхотурского уезда с татар и остяков, и с вогулич по окладу на нынешне и на 134 год и на прошлые годы недоборного ясаку и что взято в оклад внов и, которые прибраны в ясак в нынешнем во 134 году внов соболей и лисиц, и бобров, и куниц и всякою мяхкою рухлядь при воеводах при князе Дмитрие Петровиче Пожарском, при Игнате Ондреевиче Уварове да при подячем Калине Страхове». Речь - о воеводах, принявших по велению царя от прежних воевод Верхотурья печать, острожные ключи и все дела весной 1625 года.

Далее указано общее название записей: «Порозжа», что можно толковать, как запись порознь по конкретным районам сбора (сотням, десяткам) и тем, кто сдавал ясак. Тут надо пояснить, что в то время вся территория Верхотурского уезда с его коренным населением была разделена на судебно-административные округа - сотни, пятидесятки и десятки. Эти названия известны со времен киевской княгини Ольги. Она учредила их после гибели мужа, князя Игоря, на территории Киевской Руси для сбора дани. Сбор оброков и дани кроме княжеской дружины производили дружины больших торговых городов, которые составляли тысячу и в свою очередь делились. Во главе тысячи стоял тысяцкий, во главе мелких подразделений - сотник, пятидесятник и десятник. Такое деление к двадцатым годам 17 века

сохранилось лишь на Урале и в Сибири, где большинство населения составляли коренные жители, а сбор податей производился служилыми людьми - казаками.

По книге следует, что вся территория Верхотурского уезда для сбора ясака делилась на десять сотен, один пятидесяток и три десятка, объединяя лялинских, сосьвинских, лозьвинских, туринских, мулгайских, тагильских, чувовских и других аборигенов - ясашных людей разных народностей («вагуличи, остяки, татаровя»). Наш нынешний район относился к территории сосьвинских вогул и входил в сотню Гриши Кумычева. Его территория простиралась от устья Ляли на юге до реки Лангур на севере, занимала территорию нынешних Новолялинского, Серовского, Карпинского, Краснотурьинского, Североуральского и отчасти Ивдельского районов. В дальнейшем это были Вагранская и Сосьвинская волости, а позднее их территория была разделена на Усть-Лялинскую, Турьинскую, Богословскую, Всеволодо-Благодатскую и Верховско-Сосьвинскую волости, просуществовавшие до 1918 года. О Вагранской волости напоминает сейчас бывшее селение Южновагранское и железнодорожная станция Вагранская, что южнее Серова.

На территории нынешнего нашего района к сотне Гриши Кумычева относились «юрт на реке, на озере на Вагране» и «юрт Сантинов на реке на Сосьве». Государев ясак с первого юрта взят с девяти человек, со второго - с 24-х. О семейном положении вогуличей в книге не сказано, но с женатых брался ясак от восьми до десяти соболей, а с холостых по пять соболей. Больше пяти соболей в обоих юртах ясак не взят. А «с вогулских детей, которые прибраны в государев ясак внов», взято от одного до трех соболей. Трудно поверить, что в этих юртах проживали только холостые с детьми. Возможно, что для вагранских и сосьвинских вогул размеры ясака были по каким-то причинам снижены?

Сотник Гриша Кумычев был приписан к юрту на устье Ляли, которая впадает в Сосьву и где ныне находится село Романово - бывший центр Сосьвинской, а потом Романовской волости. В Романовскую волость входила Заозерская дача Всеволожских. С сотника в тот год было взято 7 соболей.

Несколько имен вогуличей обращают на себя внимание. К примеру, список обложенных ясаком «на реке, на озере на Вагране» начинается с Князпы Чангина, наверняка со старшего в юрте. Известно, что в Карпинском районе есть Малое и Большое Княспинские озера. Вполне допустимо, что озера позднее получили свои названия по имени Князпы. Н. Чупин принял за Вагран-озеро озеро Крылышково, ссылаясь на карту по отводу земель Походяшину. С момента составления ясашной книги до активной деятельности в наших краях Походяшина пройдет более 130 лет. Большое Княспинское озеро, без сомнений, имеет лучшие условия для жизни, чем Крылышково, расположенное в болотистой местности. Богатства охотничьих и рыбных угодий Большого Княспинского ярко описал в конце XIX века исследователь В. П. Сабанеев. В прилегающих к озеру с севера, запада и востока горах во времена Походяшина найдены медные руды, содержавшие серебро и золото. Возможно, Вагран-озером в 1626 году именовалось Большое Княспинское?

В юрте Сантинов на Сосьве упомянут Денга Ондрюшин. Без сомнений, его потомки стали Денежковыми. Отсюда Денежкин Камень, Денежкины Камешки и деревня Денежкина - названия в местах обитания потомков Денги Ондрюшина.

Можно предположить, что упомянутый в юрте на Вагране Чека Алтиев - один из предков Данилы Алтипова, именем которого были названы, речка Даньша и поселок в месте впадения ее в Вагран. А Кека Моросков с юрта на Сосьве - один из предков Морозковых, подаривших свое имя селению Морозково в Серовском районе. Алтиповы и Алтипковы, Денежкины, Морозовы и Морозковы сегодня довольно распространенные фамилии.

Сотник Баянко проживал среди тагильских вогуличей в юрте на реке Салде. К Баянковой сотне относились вогуличи в верховьях Туры и Уфы. Не исключено, что наши Баяновы - потомки того сотника, хотя есть и другие версии. По одной из них Баяновы - потомки оружейников из Москвы. В Верхотурье до сих пор существует двор Баяновых, которому более 400 лет.

В ходе постепенного расселения русских среди ясашных вогул заключались смешанные браки. По книгам церкви Петра и Павла начала XX столетия таковыми записаны Анисимковы, Боярские, Ярославцевы, Есаулковы и Ивачевы. В период активного освоения русскими Северного Урала приток мужчин рос, а местные женщины покидали родной дом гораздо реже. В ясашной книге есть мансийские имена, от которых пошли фамилии Мелехиных, Кокориных, Баяндиных, Тумановых, Поскоковых, Камаевых и множество других, теперь хорошо знакомых. Есть Кукай из невянских вогуличей и Тонгарь Меркушин с юрта на реке Лангур. Может, здесь истоки названий реки Тонги и Кукая - поселка Горного?

Книга сохранила имена оценщиков мягкой рухляди и соболойной казны. Ими были верхотурский таможенный голова «шанчюренин Пахом Васильев да приезжие торговые люди - усалец Иван Быков. Дружинка Фокин, Кузя Быков, Завялко Калинин, соливычегодцкой Оника Сафонов, чердынец Степанко Черемисинов, да верхотурские посадские люди - Фетка Чаплин, Фетка Фомин, Безсонко Микифоров». А сказали торговые люди про мягкую рухлядь «что они ценили перед прежним дороже, что де рухлядь купят в Сибири дороже».

Евгений МЫЛОВ

Аборигены

Коренными жителями территории, на которой сегодня располагается городской округ Североуральск, является народ манси. Как этническая общность манси сложилась, считают учёные, вероятно, в первом тысячелетии нашей эры в процессе слияния пришедших с юга угров с древними племенами охотников и рыболовов таежного Зауралья. Манси родственны хантам, с которыми их объединяет общее название — обские угры (в отличие от венгров — дунайских угров). В письменных источниках они известны с 11 века под именем «югры» (вместе с хантами).

Манси

Вначале коренных жителей Северного Урала русские люди называли "гогуличами", потом "вогуличами", а с XIV века - "вогулами". Происхождение этого слова остаётся загадкой, хотя существует несколько версий. В селе Всеволодо-Благодатском, к примеру, и ныне вогулами называют и манси, и зырян, и хантов. "Вогул" на языке коми означает "дикий". Со второй половины XIX века вогулов называют "манси" - от вогульских "ман" - малый и "си" - род, малый народ.

Путешественник и исследователь Северного Урала К. Д. Носилов так отзывался об

этом народе: "Странный народ, странная жизнь, странные верования". Некоторые правители европейских стран воспринимали сведения о вогулах с таким же интересом, какой у нас вызывают, к примеру, пигмеи. Так, в 1491 году австрийский король Максимилиан просил Ивана III прислать ему живого лося и одного "гогулятина, которые едят сырое мясо."

Академик П. С. Паллас подразделял вогулов на два рода, исходя из их внешности, темперамента и разговорной речи, хотя таких родовых группировок наверняка значительно больше. Носилов писал, что вогулы уже давно слились с монгольскими племенами и позаимствовали от них обычаи и верование, но наравне с этим сохранили присущие для них типичные черты: "Кудрявые черные волосы, римский профиль лица, тонкий выдающийся нос, благородное открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий смелый взгляд". В одной из царских грамот их называют "вогуличами или чудью". По всей вероятности, из-за идолопоклонства и шаманства. Священнослужители боролись с шаманством и с пренебрежением называли этот народ чудаками или чудью. С начала 17 века манси считались православными, но сохраняли различные дохристианские верования, в том числе родовой культ, шаманизм.

История народа манси изучена мало. Но новейшие исследования археологов, историков, этнографов и фольклористов показывают, что это были не примитивные общности рыболовов и охотников, как было принято считать, а сильные государственные образования. Возрастание роли пушной торговли, необходимость обороны от немирных соседей, захват охотничьих угодий и контроль над торговыми путями привели вначале к созданию союзов вождей мелких общин, а затем и крупных военно-политических объединений - Пелымского и Кондинского княжеств, которые контролировали огромные таёжные территории.

Столицей Пелымского княжества была крепость Пелым - у слияния Пелыма с Тавдой. Были и другие крепости, обеспечивавшие надёжную защиту вогульского населения от воинствующих соседей. Основу пелымского войска составляла княжеская дружина - косатые отыры (богатыри), специально подготовленные воины-профессионалы. Вооружённые луками, саблями, рубильными ножами, топорами и копьями, одетые в кольчуги, пластинчатые панцири и шлемы, отлично организованные и мобильные, они были грозной силой.

До конца XVII века вогулы обитали на пространстве от Усть-Выми и до Урала, по рекам Колве, Вишере, Яйве, Косьве и Чусовой. В начальный период русской колонизации они пытались оказывать сопротивление и проявляли агрессию по отношению к русским. К примеру, в 1456 году вогульский князь Ясыка напал на жителей Вычегды. Но неоднократные военные походы московских князей вынуждали аборигенов уходить на восточные склоны Урала, и привели к полному разгрому княжества.

В 1478 году Пермь Великая окончательно вошла в состав Великого Московского княжества. В 1483-1499 годах московские полки под руководством воевод Курбских совершили поход для усмирения пелымских князей, бывших к тому времени уже вассалами сибирских ханов. Московский царь лишил их всех прав на лесные угодья с реками и озерами, которыми они были наделены своими князьями.

После похода Ермака и разгрома войск хана Кучума государство изменило политику освоения Зауралья и Сибири. На вновь присоединенных землях стали строить города-крепости. В 1586-1596 годы были основаны Лозьвинский городок, Тюмень, Березов, Сургут, Нарым, Тара.

В 1587 году по указу царя Федора Иоанновича стрельцы и служивые люди под

командой Данилы Чулкова заложили на высоком берегу Иртыша город Тобольск - главный город Сибири. В 1592 году чердынский воевода князь Горчаков взял вогульский Пелым. Пленного пелымского князя Алегирима вместе с сыном, всей родней и знатнейшими вогулами казнил, а городок сжег. В 1593 году на новом месте, ниже по Тавде, был основан русский городок Пелым. В 1598 году основали город Верхотурье. Бабиновская дорога (из Соликамска через Верхотурье и Туринск) позволила не только закрепиться в Обско-Иртышском бассейне, но и подготовить освоение бассейна Енисея.

Осознав, что силой не отстоять своих владений, вогулы пытались сделать это мирным путем. В 1603 году они подают челобитье Строгановым, которым царь отдал их земли по реке Чусовой. Не добившись ничего, вогулы вынуждены были покинуть эти земли. И уже не совершали набегов на русские поселения, исправно платили ясак. Однако отдельные попытки сопротивления колонизации были. Например, неоднократно пытались уничтожить соляной промысел на реке Негле (ныне село Кошай в Серовском районе). Весной 1604 года лялинские и тагильские вогулы склонили сосьвинских к совместному выступлению, намереваясь сжечь город Верхотурье.

В 1620 году указом царя Михаила Федоровича для уплаты ясака коренными народами в зауральских и сибирских уездах территории были разделены на сотни, пятидесятки и десятки. Управление и сбор ясака передали местным старейшинам, которые несли ответственность перед воеводой. Территории, населенные русскими, были разделены на волости и станы по сбору податей и исполнения повинностей.

В 1681 году на территориях Зауралья и Сибири в уездах стали организовывать инородческие волости. Среди них были Сосьвинская и Лозьвинская. Сосьвинская волость включала территорию сосьвинских манси Гриши Кумычева от устья реки Ляли на юге до реки Лангур на севере. Лозьвинская волость включала территорию лозьвинских аборигенов, населявших бассейн реки Лозьвы. Обе волости входили в состав Верхотурского уезда.

Но привольная жизнь оказалась недолгой. В середине XVIII века в глухие таежные места пришли рудоискатели, и на Северном Урале стала зарождаться горнозаводская промышленность. Верхотурский купец Максим Михайлович Походяшин получает разрешение на строительство Петропавловского, Богословского, а затем и Николае-Павдинского (совместно с тульским купцом Василием Ливинцовым) заводов. Барон А. С. Строганов намечает строительство Вагранского завода. Вогулам не стало покоя. Они вновь пытаются жаловаться в Канцелярию главного завода правления (1769 г.). В жалобе сообщают, что земли «издревле предков наших имелись по речкам Ваграну, Турье и вокруг Княспинских озер, а потому ныне теми местами и владеем». Но жалоба осталась без внимания.

Первым из тех, кто сам собирал научный материал о манси и хантах в местах их обитания на Урале, был венгерский учёный Антал Регули. С ноября 1843 по март 1845 г. он проехал на лошадях и оленях, проплыл на лодке по рекам вдоль Уральского хребта от широты Перми до побережья Северного Ледовитого океана (туда и обратно) около 10000 км. Из Верхотурья через Богословск (ныне Карпинск) и Петропавловск (ныне Североуральск) 3 декабря 1843 года он прибыл в село Всеволодо-Благодатское, что в 20 км от горы Денежкин Камень. Здесь жил почти до конца февраля 1844 года, записал мансийские песни, мифы и предания, составил мансийский и хантыйский словари, работал над грамматикой и синтаксисом мансийского языка, составил этнографическое описание быта и нравов манси и хантов, а по устным рассказам манси - несколько рукописных карт уральских районов. В его дневнике упоминается множество мансийских фамилий, в том числе Алексей Касимов

(Богатый), Бахтиаров, Юркин, Кирила Салаваров, Косопопов, Куриков, Укладов, Михаил Якшин и многие другие. Их потомки живут и в наше время в Ивдельском районе Свердловской области.

Во Всеволодо-Благодатском со слов манси Алексея Касимова Регули составил карту северной части Уральского горного хребта. Карта хранится в библиотеке Венгерской академии наук. На ней показано расположение уральских вершин по водораздельному гребню. Каждая из вершин имеет свое название. Поражает точность последовательности расположения гор и количество названий, которые помнил неграмотный манси. На карте в верховьях рек Щекурья и Народа нанесена скобка с надписью: «Здесь Урал есть наивысший». Действительно, в этом районе находятся наивысшие уральские вершины (Народная, Карпинского, Защита и другие). Антал Регули был один из тех, кто доказал, что предки венгерского народа принадлежат к угорской ветви финно-угорских народностей, а манси и ханты являются их ближайшими родственниками.

Во владении каждой вогульской семьи в среднем приходилось от 100 до 300 квадратных километров. Этого вполне хватало для безбедного существования путем добычи диких животных, птиц и рыбы. Видимых границ у владений не было, и русские поселенцы вторгались на их территории. Вогулы досконально знали свою местность, все старинные раскопки и обнажения горных пород. Их познаниями умело пользовались рудознаты.

Вогулы указывали им руды без всяких корыстных целей, даже не требуя вознаграждений. В результате своей доброты и доверчивости они лишили себя спокойной жизни. находка вогулами месторождения железных руд на горе Благодать не послужила им уроком.

Но не все аборигены были такими наивными. Некоторые хорошо представляли последствия находок. Особенно боялись объявлять серебряные руды. Например, Походяшину стало известно, что вогул Иван Квасов (он же Калмин) знает место, где имеются серебряные руды, но он так и не показал его, несмотря ни на какие вознаграждения. Аналогичный случай описывает и известный историк, и краевед Урала Н. К. Чупин. Горные инженеры, чтобы узнать от вогула место нахождения прииска с серебряной рудой, пытались бить его плетью, но он называл ложные места. Серебряные (свинцовые) руды все-таки были найдены Всеволожским в 1813 году на р. Вильве, притоке Яйвы. Они располагались недалеко от главного вогульского капища в Чаньвинской пещере (по р. Чаньве, притоке Яйвы). В ней были обнаружены и украшения из серебра в виде круглых подвесок, вырезанных из листового серебра с отверстиями. Там же были найдены подвески и из монет разных эпох (куфических, саманидских, англо-саксонских и др.).

Объявлять Походяшину прииски с железной и медной рудой вогулы не боялись, так как большинство приисков оказывались неблагонадежными. Но, несмотря на это, им выдавали вознаграждение. Вскоре количество объявляемых приисков у Походяшина исчислялось не десятками, а сотнями. И он вынужден был выдавать вознаграждение после установления благонадежности находок. Прииски объявляли Городков, Княспин, Антипкин, Денежкин, Тренкин и другие.

Решив построить первый свой Петропавловский завод, Походяшин прекрасно знал, что земли принадлежат вогулам. И, чтобы избежать скандала, скупил земли у Прокопья Антипкова (в 1758 г.) - по реке Ваграну; у Андрея Денежкина (в 1759 г.) - по реке Сосьве от ее верховья до впадения в неё реки Канды; у Дмитрия Алексеева Антипкина и сына его Федора (в 1759 г.) - по реке Турье - от устья до «большого лому»; у Федора Андреева Княспина с братьями - у четырёх озер и по речке Ульве, которая пала в Какву; у Леонтия

Силина Городкова (в 1784 г.) - по реке Вагран, от ее верховья до впадения в нее речек Тылайки и Сурьи; у Филиппа Семенова с братом Ильей и детьми Васильем, Николаем и Тимофеем Елкиным – по реке Турье, где был построен Богословский завод.

По прошлому опыту аборигены знали, что отстоять свои владения невозможно. Кроме того, Походяшин хорошо разбирался в их психологии и легко улаживал с ними все спорные вопросы. Об этом даже есть легенда. Якобы однажды к нему пришел вогул, показал образец самородной меди и сказал, что знает место, где таких камней много. Но показать месторождение согласился только после получения денег (просил 10 рублей). Нужной суммы в тот момент у Походяшина не оказалось, и он пообещал отдать деньги в скором времени. Но вогул такое предложение не принял. Почувствовав, что прииск может быть предложен другому заводчику, Походяшин показал ему кумачовый сарафан жены, накануне подаренный. Вогул не смог устоять и согласился не только показать прииск, но и отдать его в собственность Походяшину. Прииск оказался богатым, и Походяшин стал миллионером.

До начала горнозаводского производства на Северном Урале имелись юрты Губина по реке Ваграну - у впадения в него Тылайки, Княспина - у Княспинских озер, Петра Тихонова - недалеко от впадения в него Коноваловки (ныне Старые Бокситы), Данилы Антипкина - при впадении речки Даньши в Вагран. По реке Сосьве были Верхние Масловские юрты или Денешкины (Денежкины) - недалеко от впадения в нее Канды, юрты Крылышкова - при впадении в неё речки Самы, Федора Маслова - при впадении в неё Атюса, Марсяткины - ниже по течению от юрты Федора Маслова. По реке Какве - юрты Елкина у места впадения в неё речки Замарайки. Недалеко от впадения реки Турьи в Сосьву были юрты Дмитрия Алексеева Антипкина и сына его Федора. С развитием горнозаводского производства почти все названные места проживания были покинуты вогулами, но некоторые из них остались. Что из этого получилось, можно видеть по судьбе Силы Городкова, который жил у Княспинских озер, недалеко от урочища Баронское, где А. С. Строганов намеревался построить завод. В его юрте останавливался на ночевку знаменитый ученый, академик П. С. Паллас и на основе своих впечатлений описал быт вогулов.

Сила Городков знал много приисков, за которые получал хорошие вознаграждения и мог безбедно жить со своей семьей. Он не был наивным. Прекрасно понимал, что находка рудных месторождений пагубно повлияет на его жизнь, и поэтому не спешил их показывать. По количеству найденных приисков Городкову не было равных. Но это не принесло ему благополучия. Получая вознаграждения за показанные Походяшину, а потом Богословской заводской конторе прииски, Городков спился и вёл себя неадекватно даже по отношению к своей семье. Дети Городкова после его ареста также искали прииски и сообщали о них Походяшиным, и также продавали свои оставшиеся земли (от верховьев реки Улсуя до впадения Тылайки в Вагран). Судьба отца не стала для них уроком.

Как сложилась жизнь вогулов, которые покинули родные места? К счастью, на Северном Урале они смогли отыскать глухие таежные места, но судьба их не пощадила. В 1823 году были открыты первые месторождения россыпного золота на реках Сосьве и Турье. С этого момента начинается новый этап освоения Северного Урала. Во все его уголки направляются экспедиции, которые открывают множество золотоносных песков по долинам рек. Добытчики золота буквально заволокли леса и ручьи, впадавшие в реки. Пришлось вогулам искать места для своего проживания на просторах Западной Сибири.

Трагическое будущее вогулов было предсказано К. Д. Носиловым: "Еще недавно воинственный, бодрый, знающий, как топить, добывать из руд Урала железо, медь, серебро, имевший торговые сношения с соседями, - народ этот совсем упал, совсем превратился в

первобытного дикаря и так далеко ушел от нашествия цивилизации в свои непроходимые леса, так забился в глушь своей тайги, так изолировался, что, кажется, уже больше не покажется на мировой сцене, а, тихо вымирая, сойдет вовсе с лица нашей планеты".

Значительная часть манси смешались с русским населением. Ассимиляция шла медленно, но верно. Нынешние потомки крещеных вогулов, считая себя русскими, порой и не подозревают, что их предки были аборигенами. По переписи (ревизии) населения России в 1816 году население Сосьвинской волости еще относили к ясашным вогулам. На ее территории насчитывалось 18 деревень с 57-ю дворами, где проживало 180 мужчин и 174 женщины. Самыми большими были поселения Есаулковых - 10 дворов, Анисимковых - 7 дворов, Копыловых - 7 дворов, Денежкиных - 5 дворов, Мишиных - 5 дворов. В остальных - по одному или двум дворам. Лозьвинская волость имела меньше поселений.

В марте 1880 года газета «Екатеринбургская неделя» писала: «В настоящее время можно прожить годы на севере Верхотурского уезда и не увидеть ни одного кочующего вогула. Близ Богословска есть деревни Лапаева и Коптыкова, населенные исключительно ясачными вогулами, хотя еще отцы их перестали вносить ясак. Вогульского в них – только одно название. Они до того обрусели, что вы ни по типу лица, ни по одежде не отличите их от русского мужика. Это народ, большею частью, видный и крепкий. Они охотно нанимаются по умеренной плате в Богословский завод на рубку леса и доставку его на своих лошадях, вывозят из куреней уголь и прочее. Дело свое ведут, в большинстве случаев, честно и добросовестно. Что касается жалких остатков бродячего племени остяков-полуязычников, которые бросают свои суеверия и начинают жить оседло, быстро затем ассимилируются с русскими, а продолжающие кочевать и держаться своих древних верований - заметно вымирают».

По сведениям, собранным Верхотурским уездным земством в 1897 году, в уезде были Сосьвинская - 6 селений (80 дворов, 488 человек обоего пола) и Лозьвинская - 11 селений (123 двора, 899 человек) волости ясашных вогулов. В деревне Денежкина, что находится на Сосьве при впадении в нее речки Сама (входила в приход Петропавловской церкви), не было ни одного двора, где бы жили Денежкины. Сегодня на территории Североуральского района никто из Денежкиных не проживает. Шесть представителей этого рода покоятся на кладбище села Всеволодо-Благодатского, остальные выехали в Ивдель и другие города.

В середине XX века геологи находят на землях манси большие залежи нефти и газа, строят города, поселки, газопроводы и нефтепроводы. Как и раньше, у хозяев этих мест никто не спрашивал разрешения. Только в начале XXI века отдельным семьям вогулов и хантов выдают документы на родовые владения. Но это не останавливает добытчиков стратегического топлива.

В Ивдельском районе сегодня проживают несколько семей манси. На социальную помощь им выделяют бюджетные средства. На реке Ушме даже построено специальное для них поселение. Но аборигены не спешат покидать родовые места, сохраняя прежний уклад. Судьба некогда большого свободолюбивого народа, жившего в единстве с природой, действительно остаётся под угрозой, несмотря на все усилия нынешней власти остановить этот процесс. В соответствии с новыми планами освоения богатств Уральского Севера, по землям вогулов пройдут новые шоссейные и железные дороги, будут осваиваться новые и уже осваиваются месторождения богатых недр. Как это повлияет на жизнь аборигенов – покажет будущее.

Евгений МЫЛОВ, Василий ИЩЕНКО

3. ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Григорий Посников

После Указа Петра I, разрешившего в 1697 году свободный поиск руд, металлов и минералов, на Северный Урал в поисках удачи устремились выходцы из Верхотурья, Чердыни, Соли Камской, Тобольска и других городов. Были среди них крестьяне, ямищики, мещане, посадские люди. Немало рудоискателей было и среди аборигенов - манси (вогулов), хорошо знавших свою территорию. Но одно имя стоит особняком в истории освоения русскими Северного Урала - Григорий Никифорович Посников.

Появился Григорий Никифорович в этих краях, по его собственному утверждению, в 1752 году. По своей инициативе искал слюду и точильный камень. Слюду тогда использовали для окон, и на этом можно было хорошо заработать. Слюды не нашёл, но зато нашёл по берегам речки Колонги железную руду, а потом и медную.

Судьба столкнула Григория с верхотурским купцом Максимом Походяшиным. Исследователи истории прошлых лет утверждают, что уговорил купец рудоискателя продать ему прииски и предложил продолжить поиски с условием не передавать новые находки никому, кроме него, Походяшина. Так оно и было много лет. Каждое лето отправлялся Григорий из Верхотурья в северные леса. Не один, а уже с товарищами, нанятыми Походяшиным, искал он и находил всё новые прииски для своего хозяина. Понятно, что купец снабжал поисковиков провиантом, платил деньги, давал коней.

В 1758 году с разрешения Берг-коллегии Походяшин начал строить Петропавловский железоделательный завод там, где Колонга впадает в Вагран. Из архивных документов известно, что именно Посников выбрал место под завод, нашёл на Улсуе (сейчас Улс), при впадении в него Лямпы, место для пристани, откуда можно было отправлять в Европу водным путём его продукцию. Несколько лет он был приказчиком на Петропавловском заводе. Выбрал место под завод в верховьях Ваграна для графа Строганова, первым нашёл золотосодержащие руды на Вагране и Сосьве.

Считается, что именно Посниковым было найдено месторождение бедных железных руд на левом берегу Ваграна в полутора верстах от впадения в него речки Сарайной, которое в следующем веке геолог Карпинский нанёс на карту под названием «Благовещенское».

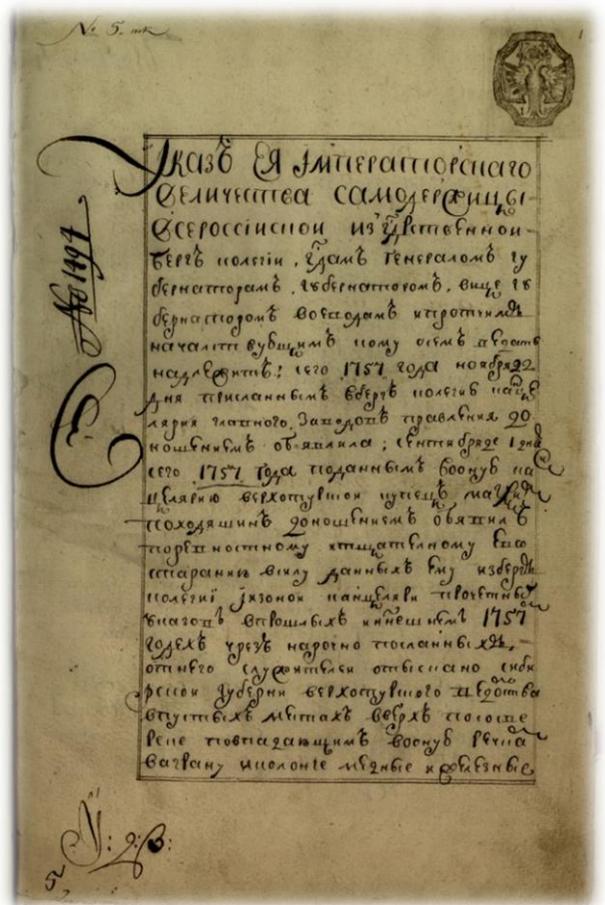
«Посниковский прииск» в «Книге о медных и железных приисках Петропавловского завода» точно указывает место Благовещенского месторождения бедных железных руд, 1791 год/ныне месторождение бокситов «Красная шапочка». Бедные железные руды оказались бокситом, который был найден здесь в 1931 году Николаем Акимовичем Каржавиным. Найденное (пока неизвестно кем) в те же годы богатейшее месторождение медных руд на реке Турье позволило Походяшину полностью перейти на выплавку меди, построить Богословский медеплавильный завод, стать крупнейшим горнозаводчиком своего времени, фактическим основателем Богословского горного округа.

Что же известно о Григории Посникове? К сожалению, достоверных сведений слишком мало. Авторы публикаций 19 века называли его государственным крестьянином, верхотурским крестьянином-разночинцем, стрельцом и купцом. Побывавший в 1770 году в наших краях крупнейший учёный-естествоиспытатель Пётр Симон Паллас, ошибочно назвал его в своей книге Позняковым. Со временем личность Посникова обросла легендами. И не удивительно. Долго общаясь с местными вогулами, он, без сомнения, приобрёл у них большой авторитет. Возможно, тем, что вёл с ними мелкую торговлю, хорошо знал и уважал их нравы и обычаи, дружил с ними. Не стоит сомневаться, что они показали ему некоторые проявления медных и железных руд, выходящих на поверхность, и следы старых чудских приисков.

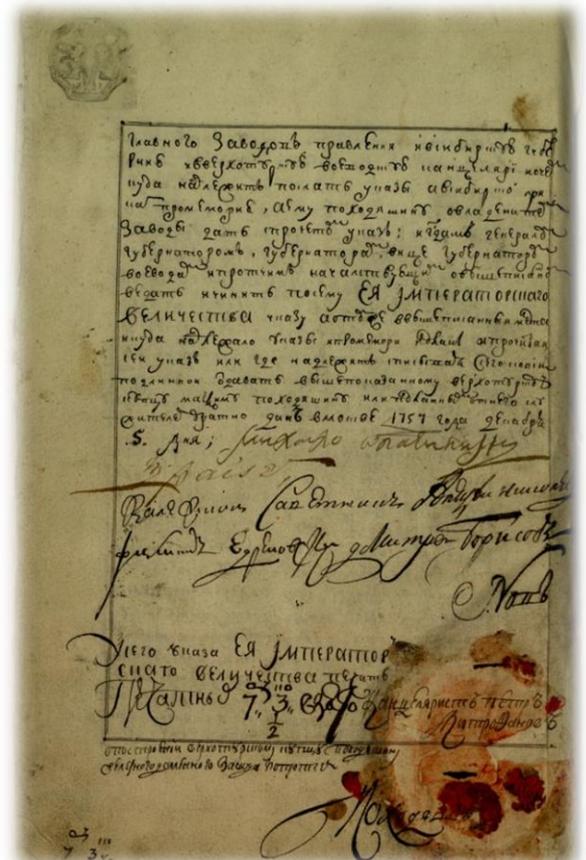
Скупость сведений о первом рудознатце дала простор фантазиям. Например, о том, что Посников обучался в горной школе в Тобольске и был послан в наши края горным начальством. Что он был единственным исследователем местных урочищ, да к тому, же ещё и поэтом, сочинившим большую поэму «О камнях земных». Никаких документальных тому подтверждений нет. Известно, что по закону в 18 веке принимать в училища крестьян, разночинцев и выходцев из стрельцов было запрещено. В Тобольске было две школы - духовная и гарнизонная цифирная, двери которых для Посникова были закрыты. Даже В. Н. Татищев не смог добиться разрешения на приём крестьян в открытые на Урале училища. Ученики горнозаводских школ получали практические навыки, работая на рудниках. К тому же никакого горного начальства в Тобольске не было, и быть не могло, поскольку никаких горных работ в Западной Сибири не велось. Даже известь для Тобольска и Омска доставляли из Верхотурского уезда.

Ответ из Тобольского архива на запрос о Посникове был неутешительным: документов, по которым можно узнать год и место рождения поисковика-рудознатца, там нет. Нет их и в ГАСО - государственном архиве Свердловской области. Об этом сообщил работавший там екатеринбургский историк, наш земляк (родился в Карпинске) Михаил Сергеевич Бессонов. Но в исповедальной росписи 1800 года он обнаружил имена мещан города Верхотурья - Василия Григорьевича Посникова 55-ти лет и Андриана Григорьевича Посникова 49-ти лет. Вполне возможно, что это были дети Григория Никифоровича. Возможно, есть в областном архиве и иные документы, до которых ни у кого пока руки не дошли.

Документы, найденные в областном госархиве Михаилом Сергеевичем Бессоновым, опровергли утверждения о том, что Григорий Посников был единственным исследователем местных урочищ. Вот имена поисковиков-горщиков, с которыми Григорий, работая на Походяшина, верхотурских и чердынских

«Указ Берг-коллегии, разрешавший строительство завода»

крестьян, ямщиков и мещан, ясашных вогулов, находивших руду в нашем крае в 18 веке: Степан Богомолов, Яков Каргаполов, Григорий Коновалов, Козьма и Трофим Подковыркины, Григорий Тавролов, Яков Фёдорович Баянов, Григорий Алексеевич Таскин, Иван Потапов, Герасим Котельников, Василий Мелехин, Иван Воронин, Савин Бульчев, Козьма Карионов, Фёдор Першаков, Сила Городков, Андрей Денежкин, Василий Тренькин, Фёдор Княспин.

В «Историко-статистическом очерке Богословских заводов» (журнал МВД России, 1855 год) его автор М. Блинов рассказал о деятельности компании по отысканию руд и золота, которую в 70-х годах создали Григорий Посников и верхотурский купец Петр Енталцов вместе с Максимом Походяшиным. Однако это содружество не принесло успеха первому рудознатцу. В 1775 году они отыскивали золотосодержащий рудник, назвав его Воскресенским (до 1972 года - деревня Воскресенская), начали там добычу руд, хотели построить завод на истоке из озера Нижнего (оно называлось тогда Эльпидор), впадающего в реку Шегультан (тогда - Шигильтан), но ничего из этого не получилось.

Деятельность Григория Никифоровича на протяжении нескольких лет исследовал по архивным документам и трудам прежних исследователей нашего края екатеринбургский краевед (родом из Североуральска) Василий Яковлевич Ищенко. Ему удалось найти новые, ранее нигде не упоминавшиеся документы (смотри газету "Вечерний город" за 28 октября 2006 года, краеведческую вкладку "Богословский Урал" № 9). В материале "Последний аккорд в горнозаводской деятельности Енталцова и Посникова" он изложил свою версию событий более чем двухсотлетней давности.

Свои две трети компанейских недвижимых капиталов Посников и Енталцов продали Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому, с чем не согласился Походяшин, которому до конца своих дней оставалось совсем немного. Он умер 25 января 1781 года. Мало того, после открытия в декабре 1781 года вишерскими крестьянами медного прииска у озера Верхнего, где позднее возникло село Всеволодо-Благодатское, Всеволожский решил расторгнуть сделку с компаньонами и потребовал вернуть ему деньги. С большим трудом они это сделали, но потрясения не прошли бесследно: Григорий Никифорович Посников умер. Третью часть приисков компании продают уже его дети в 1788 году детям Максима Михайловича Походяшина - Николаю и Григорию.

По следам Григория Посникова прошли советские геологи, многие его находки подтвердились. А Покровское месторождение железных руд давало сырьё надеждинским, а потом серовским металлургам до развала Советского Союза, и после закрытия шахты "Первомайская" осталось до конца неотработанным.

В своей работе краевед В. Я. Ищенко делает вывод: "Печально сознавать, что лучший рудознатец Северного Урала... доживал свой век больным в нищете и в долгах, не получив заслуженного уважения и славы. Не для всех попытка стать заводчиками оказалась удачной.

И неизвестно, чем бы она обернулась для Походяшина, если б не богатое Турьинское месторождение медных руд".

Сделав так много для Походяшина, для будущего территории Северного Урала, Григорий Никифорович Посников так и не смог осуществить свою мечту - стать горнозаводчиком. Но он остался в благодарной памяти потомков. Решением главы Североуральска Сергея Михайловича Бирюкова (2 сентября 1997 года, Постановление №758) именем Григория Посникова названа одна из улиц в пригородном посёлке Крутой Лог.

Максим Походяшин

Слухи и легенды

5 мая 1758 года извечную тишину берегов Колонги нарушил стук топоров. В 260-ти сажнях от впадения её в Вагран под руководством мастера по установке водяных колёс, мельниц и плотин Ивана Савостьянова и унтершхтмейстера Леонтия Яковлева ватага вольных мужиков начала расчистку места под плотину и будущие строения Петропавловского завода. Со стоном падали вековые деревья. На берега Ваграна и Колонги пришла новая жизнь.

Кто же решился на такое в таёжной глухомани? По чьему указанию пришёл сюда по мартовским снегам того года из Алапаевского завода обоз с чугунными и железными припасами для строительства общим весом в полторы тысячи пудов? Чья воля подняла с насиженных мест и привела сюда за сотню вёрст от родного дома десятки мужиков с лошадьми? Ответ известен: воля владельца будущего завода - верхотурского купца Максима Походяшина. На 51-м году жизни рискнул он вложить свои капиталы в горнозаводское дело на севере Верхотурского уезда.

Что это была за личность? Ответ ещё долго не будет полным и объективным. Достоверных свидетельств современников, лично знавших его, воспоминаний его детей или родственников пока не найдено. В разных архивах есть множество документов, отражающих его многоплановую и энергичную деятельность во второй половине 18 века. Но так случилось, что эти документы до поры до времени мало кого интересовали. Зато слухов и легенд о Максиме Походяшине, которые начали возникать ещё при его жизни, было предостаточно.

Первую из них зафиксировал писатель и естествоиспытатель Андрей Тимофеевич Болотов: «Отец и основатель сего рода был простой ямщик или извозчик, возивший, подражаясь на нескольких подводах, медную руду из рудников на заводы в Сибирь». «Сын ямщика, безграмотный, основатель огромных и разнообразных заведений» - сказал о Максиме Походяшине историк и публицист Петр Андреевич Словцов. Тут всё от правды далеко, и даже год рождения не упоминают, хотя оба автора были современниками Походяшина.

«Мы не имеем почти никаких сведений о замечательной личности купца Походяшина; действия его при основании заводов обнаруживают в нём человека весьма предприимчивого, деятельного, благоразумного и расчетливого хозяина», - сказано было М. Блиновым в 1855 году. Блинов и известный уральский краевед-энциклопедист Наркиз Константинович Чупин (1824–1882 гг.) были одни из первых, кто в 19 веке заглянул в архивы. Чупин тоже признал Походяшина, безусловно, умным, энергичным, настойчивым и изворотливым. Но демократ по убеждениям делает весьма жёсткие выводы: «Походяшин никак не должен быть желанным образцом для других деятелей ни по отношениям своим к рабочим, ни по техническому устройству своих рудников и заводов, ни даже по доброму хозяйству, (если только под добрым хозяйством не разуметь неумолимую эксплуатацию труда и жизни тысяч людей для своей единоличной пользы и жадное, безрасчётливое в отношении к собственным своим потомкам пользование богатствами природы)». Чупин считал, что некоторые из порядков, заведённых Походяшиным, не могли быть терпимы ни в одном благоустроенном гражданском обществе, да и, по его мнению, могли существовать тогда только в отдалённых от столицы захолустьях.

Столь категоричные и во многом ошибочные выводы авторитетного учёного и демократа, сделанные почти через сто лет после смерти Походяшина в других экономических и политических условиях, очевидно, произвели сильное впечатление на современников. Исследователи горнозаводского дела уже не обращались к архивным

документам, но о заводах Походяшина написали немало. При этом некоторые авторы утверждали, что те или иные сведения о Походяшине им «доподлинно известны».

Со временем тон публикаций менялся. В брошюре «Прошлое и настоящее города Верхотурья», изданной к 300-летию города (1898 г.), краевед В. П. Поляков писал: «Упомянем ещё об одном знаменитом местном мужичке Максиме Походяшине. Это был очень богатый человек... замечательный человек для здешнего края. Чрезвычайно простой по образу жизни, он часто ездил на север в обозах с мужичками».

Дату рождения Походяшина впервые в начале прошлого века пытался установить составитель «Словаря Верхотурского уезда» Иван Яковлевич Кривощёков и по документам архива Верхотурской управы назвал 1729 год. Но тогда выходило, что в 23 года Походяшин уже был купцом, а к 35-ти годам "безграмотный сын ямщика" построил заводы на севере и стал по нынешним меркам миллионером. Первым в конце 80-х годов прошлого века эту несуразицу заметил североуральский краевед Борис Михайлович Золотарев.

Заинтересовавшись историей семейства Походяшиных, сибирский историк М. М. Громыко после нескольких лет изучения архивов в 1973 году опубликовала работу «Верхотурские купцы Походяшины». Это было началом серьёзного исследования. В 1998 году его продолжил в госархиве Свердловской области историк Михаил Сергеевич Бессонов. Он подтвердил сомнения Б. М. Золотарева относительно даты рождения Максима Походяшина, развеял миф о безграмотности купца, составил родословную роспись шести поколений Походяшиных по мужской линии. Новые сведения о Походяшиных нашёл в московских архивах и писатель Александр Николаевич Арцибашев. Теперь о Походяшиных действительно кое-что известно. Именно кое-что, потому что сотни и сотни архивных документов пока ещё никем не прочитаны и, конечно, не все даже найдены.

В князи не из грязи

В 1708 году в семье верхотурского посадского Михаила Походяшина родился сын, которого называли Максимом. После Матрёны и Петра он стал третьим ребенком в семье.

Отцу будущего купца и заводчика к тому времени было 42 года, матери Марии - 28 лет. Про деда в переписной книге Верхотурья есть запись 1670 года о том, что дьячок Никольской церкви Митка (Дмитрий) Походяшин владеет двором и дворовым местом размером тринадцать на восемь сажен. Выходит, проживал он с женой Федорой в Верхотурье уже несколько лет и успел обзавестись немалым по тем временам двором.

В документах ревизии 1721 года по Верхотурью выделена особая категория жителей, в которую вошло всего пять дворов, в числе которых «двор Петра Михайлова Походяшина, у него брат Максим, 12 лет". Родителей братьев уже не было в живых, но они сделали всё, чтобы дети смогли преуспеть в жизни: братья были грамотными. В Верхотурье проживали два дядьки Максима - оба Иваны. Казак Иван Походяшин мужского потомства не оставил, а дети старшего Ивана пошли по отцовской линии, стали священнослужителями. Не каждая семья посадских граждан Верхотурья имела возможность держать «работного человека», как Михаил Походяшин - отец Максима или «крепостного дворового», как брат Максима Пётр. Походяшины были крепким семейством.

Пётр Походяшин занимался торговлей, и Максим с пятнадцати лет ему помогал. В 1728 году Пётр упоминается как выборный Верхотурской таможни. В начале тридцатых годов он смог получить «купчую крепость (законное свидетельство на купленное недвижимое имущество) на луговую землю, копён на 80». В январе 1734 года Пётр и Максим получили разрешение на откуп (исключительное право на взыскание доходов с населения)

винной, пивной и медовой продажи и на открытие кабаков в Верхотурье и Ирбитской Слободе. Братья промышляли подрядами на извоз с наймом ямщиков, продажей продуктов, фуража и другого товара. С 1744 по 1756 год на откупе Максима и Петра был сбор конской пошлины. Нажив «заметный капиталец», Максим в свои 26 лет (в 1734 году) открыл два винокуренных завода в Верхотурском уезде. В 1740 году купил два Фоминских винных завода у верхотурских посадских людей Максима Зиновьева и Афанасия Серебрянникова. Первый - с поварней 25 на 10 саженой - был построен на казенной даче, второй находился на «большой дороге» в ста верстах от Верхотурья.

По утверждению писателя А. Арцибашева, на 1742 год Максим Михайлович значится по документам бурмистром таможи. Его знакомство с верхотурским купцом Алексеем Власьевским переросло в партнёрство: в 1752-1756 годах они держат винный откуп в Верхотурье. В эти же годы компаньоны подрядились поставлять вино в Тюмень. Тогда же Походяшин начал самостоятельную поставку вина в Туринск и Пелым. В документах 1753 года он официально именуется «верхотурский купец и винный подрядчик» или «верхотурский купец, питейных и прочих сборов откупщик». Походяшину принадлежали семь винокуренных заводов: три Фоминских, Успенский, Луковский, Падунский (в Ялуторовске), Боготольский (под Красноярском). «Поставка вина со своих заводов и откуп винного торгового залажили прочную основу легендарного состояния Походяшина» - такой вывод делает историк М. М. Громыко.

Почувствовав себя крепко, Походяшин и Власьевский просят горное начальство передать им казенные Луказский медеплавильный и Ирбинский железоделательный заводы в Красноярском уезде, но выяснив, что заводы «погнили и обветшали», от этой затеи отказались. Получив разрешение «на прииск руд» в Сибирской и Оренбургской губернии и найдя их, они намеревались в 1754 году построить на реке Язагаш (в 200 верстах от Красноярска) медеплавильный завод. В это же время нанятые Походяшиным люди искали руды в родном Верхотурском уезде, и нашли их по берегам реки Колонги. Руководил поисковиками верхотурский крестьянин Григорий Посников.

По наблюдениям историка Г. Ф. Миллера, Верхотурье в первой половине 18 века своим купечеством не славилось. Очень не многие в конце 30-х - начале 40-х годов имели здесь капитал, приближающийся к 1000 рублей, и не случайно, по словам историка, «дальновидный Походяшин, как только нажил заметный капиталец, вложил его в дело вне Верхотурья». Таким пришёл Максим Походяшин в металлургию. Отнюдь не скачком из бедняков в заводчики через счастливый случай. Образно говоря, в князи, но не из грязи.

Максим Михайлович Походяшин умер в январе 1781 года, оставив после себя огромное хозяйство. Брат его Пётр, купец 3-й гильдии, умер раньше, в 1768 году.

Что сегодня известно о самом Максиме Михайловиче Походяшине и его семье? Знаток Урала Н. К. Чупин так описывал родовое походяшинское «гнездо»: «Усадьба в Верхотурье состояла из целого квартала. Дом деревянный, но огромный, заключал в себя тридцать отлично расписанных и меблированных комнат. Около него стояли еще три дома, кухня, службы, скотный двор. В доме принимал он великолепно знатных посетителей и роскошно угощал пышного генерал-губернатора Дениса Ивановича Чичерина, которого тоже посещал в Тобольске, куда возил главным чиновникам богатые подарки, почему его там чрезвычайно честили». По словам краеведа В. П. Полякова, которые выше уже приводились, у Покровской церкви «на месте нынешней земской управы и аптеки, стоял его огромный дом комнат в 30, длиною по рву сажень на 30 и по главной улице на 15...». Улица называлась Походяшинской.

А вот что писал о нём историк и публицист М. Н. Лонгвинов: «М. М. Походяшин ходил летом в китайчатом халате, а зимой в нагольном тулупе; ездил на заводы свои с обратным извозчиком на дровнях; был домоседом и не знал лучшего удовольствия, как выпить стакан чая или рюмку водки и сватать молодежь; принимал в работники беглых без опасения и угощал, как говорят, на своем Луковском заводе нагрывшего туда Пугачева, чем спас и себя и завод». Про встречу с Пугачевым на Луковском заводе – очередная легенда.

А вот рассказ П. А. Словцова, который родился и жил в детстве в Верхотурском уезде во время наибольшей известности Походяшина, а последние годы провёл в Тобольске и собирал сведения о событиях и замечательных лицах Сибири:

«Жительствовавший в Верхотурье Максим Походяшин, строитель и содержатель винокурных в Сибири заводов, заводчик медеплавильного Петропавловского завода, занимал сограждан своими поручениями и озадачивал приходящих из деревень крестьян деньгами в пользу своих предприятий. Походяшин, стяжавший безмерное богатство собственной промышленностью, не достоин памяти, как оригинал любопытный... содержал в Верхотурье богатый дом, обучал своих детей по образцу дворянскому, а сам одевался как простолюдин, ходил в смуром кафтане с заплатами, сверху в армяке, и в чарках. Влияние Походяшина как содержателя винокурней на дух городской промышленности было сильно».

М. М. Громыко приводит слова направленного в 1779 году в Тобольск правительственного комиссара Осипова. Расследовавший дело о злоупотреблениях губернатора, комиссар говорит о том, что один из приказчиков Походяшина, служивший прежде в Архангельске канцеляристом и высланный в Тобольск «за предерзости», свою свободу покупал ежегодно у губернатора на походяшинские деньги, а Походяшин - "человек отнюдь не глупый, но образ жизни ведёт самый развращённый и до крайности своенравен».

Таков был взгляд большого чиновника, полный зависти и недоброжелательства: богатый человек мог позволить себе многое, что не вписывалось в рамки тогдашних правил поведения, и чего не мог себе позволить чиновник. Мог, к примеру, отлучить от дел своих ближайших помощников, если провинились, а потом простить, и если верно служили, вывести в люди и помочь стать купцами. Мог подать в суд на компаньона, если тот совершил сделку за его спиной. Мог нарушить договор с компаньоном, если дела, по его мнению, шли не так, как договаривались. Не жалел средств на подарки и подачки чиновникам ради того, чтобы быстрее продвинуть свои дела. Характер известных походяшинских сделок купли-продажи подчеркивают его незаурядность и прозорливость.

В 1769 году у великоустюжских купцов он купил за 23 с половиной тысячи рублей Нювчимский железодельный завод, а в 1775 году передал его в пожизненную «дирекцию и диспозицию» (управление и распоряжение) капитану 1-го ранга, начальнику морского порта в Архангельске Л. С. Вакселю, бывшему участнику 2-й Камчатской экспедиции В. Беринга. Завод работал на деньги Походяшина, но по контракту с Вакселем он получал только половину прибыли. Один из пунктов контракта запрещал наследникам отбирать завод у Вакселя. Без взаимной выгоды таких подарков не делают. Можно только предполагать, для чего это было нужно Походяшину. Возможно, он рассчитывал продавать или продавал свой металл за границу через порт на Белом море.

В 1774 году у сенатора В. А. Всеволожского за 200 тысяч рублей Походяшин покупает две третьих части Пожевского завода с 3900 душами крепостных. Причину покупки назвал Наркиз Чупин: нехватка рабочих рук на Петропавловском и Богословском заводах. Крестьян

он перевёл на заводы, и затраты, надо полагать, окупились.

В 1777 году Походяшин выкупил за 40 тысяч рублей у купца В. А. Ливенцова его долю Николае-Павдинского завода с рассрочкой на три года, но не выполнил (не смог или не захотел) устного обязательства на бесплатную поставку Ливенцову 150 пудов меди. Это сделал уже Григорий Максимович Походяшин после смерти отца. Чугун и железо Николае-Павдинского завода Походяшин, прежде всего, использовал в собственном хозяйстве. Экономя на этом немало средств, он не кланялся железному магнату Демидову. Наоборот, как раз в эти годы, изрядно поиздержавшись в поездке по Европе, Никита Акинфиевич Демидов был вынужден занять у Походяшина 60 тысяч рублей. Сей факт не разглашался.

Он смог дать своим детям прекрасное домашнее образование, а младших сыновей определить в военные, что помогло им получить дворянство. Его незаурядность и недюжинная энергия особенно ярко проявились при строительстве первого своего металлургического завода – Петропавловского. Он сумел поднять на новое дело десятки надёжных помощников, использовал все свои связи и знакомства, а главное – при полном отсутствии местной рабочей силы нашёл сотни рабочих рук и построил завод в определённые правительством годы. При этом пользовался значительной поддержкой государства.

Наследники

У Максима Михайловича было не три, как всегда считали исследователи, а четыре сына – Василий, Михаил, Николай, Григорий и дочь Устинья. Старший сын Василий в 60-х годах восемнадцатого столетия подписывал документы так же, как и отец: «Верхотурский купец и содержатель медных заводов». В 1769-1770 годах Василий Походяшин выиграл торги на четыре года поставки вина по всей Тобольской губернии. При этом он ставил приемлемое для казны условие: освободить его от поставки в казну четвёртой части меди со своих заводов. В это же время он организует строительство нового винокуренного, Успенского, завода. В своём письме в январе 1770 года тюменскому епископу Варлааму он писал «...имею я намерение при вновь строящемся моём тюменского ведомства винокуренном заводе построить вновь деревянную... собственным своим коштом церковь...». Как отмечает М. М. Громыко, всё письмо проникнуто уверенностью в своих возможностях, твёрдой убеждённости в перспективности затеянного предприятия: «Это речь человека, ощущающего себя причастным к вершителям судеб края...» Вскоре после аукциона он умер, не успев по-настоящему развернуться. И весь подряд на поставку вина и питейный откуп взял на себя его отец.

Вторым по возрасту был сын Михаил. Одна из исповедных росписей позволяет сделать вывод, что он тоже был верхотурским купцом. Как и Василий, участвовал в строительстве заводов, в основном Николае-Павдинского. Имел троих детей: Евдокию (стала женой верхотурского купца Алексея Васильевича Зеленцова), Агриппину и сына Семёна, основные вехи жизни которого установил пермский краевед второй половины 19 века Ф. А. Прядильщиков и дополнил М. С. Бессонов. Семён Михайлович Походяшин в 1799-1801 годах был горным управителем Турьинских рудников, маркшейдером, потом до 30-х годов – советником Пермского горного правления, берг-гаупманом 6-го класса. Считается, что этот внук Максима Михайловича был последним представителем рода Походяшиных по мужской линии. О других внуках сведений пока не найдено.

Писатель Александр Арцибашев нашёл на кладбище Новодевичьего женского монастыря в Петербурге могилы Походяшиной Веры Семеновны (родилась 14 сентября 1805

года, умерла 5 января 1884 года) и Походяшиной Надежды Семеновны (17 января 1810 г. - 9 декабря 1882г.). Отыскивая места захоронений братьев Походяшиных по документам, эти же сведения нашёл доктор исторических наук Вадим Телицын, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. Как выяснил М. С. Бессонов, это были дочери Семёна Михайловича, то есть правнучки Максима Михайловича Походяшина.

Третий сын Николай Походяшин служил в гвардии обер-провиантмейстером (старшим интендантом). Будучи в отставке, жил в Москве, в районе Нескучного сада. Среди его соседей были Строгановы, Голицыны, Демидовы, Трубецкие. Но он продал свой «двор с каменными и деревянными строениями с садом и березовую рощею» и купил в Костромской губернии имение. В начале XIX века жил на Тверской улице, в самом центре Москвы. В его доме располагался музыкальный магазин, где продавались ноты, инструменты, струны.

После смерти отца Николай принял его дела и управлял производством, получив доверенность от младшего брата Григория. В тяжёлые для Григория годы Николай помогал ему, чем только возможно. Умер он летом 1823 году в Москве, на три года пережив свое младшего брата.

Младший Григорий прожил яркую жизнь. Его имя было на слуху у образованной части населения Санкт-Петербурга и Москвы в 90-х годах XIX века и упоминается в десятках работ по истории России конца XVIII века. Родился он в январе 1760 года в Верхотурье. Будучи юношей, привозил из Петербурга книжные новинки и распространял их в купеческой среде Верхотурья. Пытался привлечь к просветительству и отца. В 1778 году Максим Михайлович Походяшин покупает Туринскую писчебумажную мануфактуру, в обход всех существующих тогда законов, приобретает печатный станок и выпускает в свет «Приключения посадского Ивана Зубарева» тиражом в 170 экземпляров. Но Екатерина II наложила на книгу арест, и весь тираж был уничтожен. Уже после смерти отца братья Походяшины продают в марте 1789 года бумажную фабрику и типографию.

В 1774 году Григорий был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. Вышел в отставку в 1787 году. На гражданской службе - надворный советник. Был женат на Каролине Антоновне Энгельгардт. В Петербурге был посвящен в масоны. Участники этого религиозно-этического движения ставили задачей совершенствование человеческой природы, проповедовали идеи всемирного братства, взаимопомощи, выступали против религиозной и национальной нетерпимости. Будучи надзирателем масонской ложи в Перми, он приобрёл здесь ряд домов и сдавал их (кроме дома, в котором проживал) в наём. Но при пожаре в 1842 году походяшинские дома сгорели, при этом погиб архив Григория и часть библиотеки.

Знакомство с известным просветителем Николаем Ивановичем Новиковым и сотрудничество с его «Дружеским ученым обществом» - благотворительной и просветительской организацией и с «Типографической компанией», издававшей русских и зарубежных авторов - яркая страница жизни Григория. Его дружба с Новиковым была очень тесной.

В 1787 году Григорий выделил Новикову 300 тысяч рублей на борьбу с голодом, охватившим ряд российских регионов. Новиков сумел очень рационально использовать полученные от Походяшина средства, что спасло от голодной смерти тысячи крестьянских семей. 80000 рублей Григорий Походяшин дал на уплату долгов «Типографской компании», после того как все компаньоны Новикова отказались от дальнейшего участия в издательском деле.

В 1792 году Григорий выкупил у Типографской компании книжный магазин. Он смог

договориться с кредиторами об отсрочке наиболее крупных долгов, рассчитывая поставить издательское дело исключительно на коммерческую основу. Но в 1792 году Н. И. Новикова осудили на 15 лет тюрьмы. Карамзин писал, что он стал "жертвой подозрения извинительного, но несправедливого». Походяшина не арестовали, но в Тайной экспедиции о нём велось особое дело. Конфисковали уже отпечатанные книги, из них более 18 тысяч томов сожгли. Деятельность Григория, как издателя, была парализована. Поправить дела ему помогал брат, однако безуспешно.

11 апреля 1791 года последовал именной Указ Императрицы Екатерины II: "О приобретении заводов медиплавильных в казну и об учреждении при Ассигнационном Банке для сего особой Экспедиции о медной монете". В нём в частности говорилось: "Мы находим приобретение их и выгодным и нужным; а потому и повелеваем: медиплавильные их заводы Петропавловской и Богословской в Пермском и Tobольском Наместничествах с состоящими при них железным и винокуренными купить в казну Нашу в пользу Государственного Ассигнационного Банка за 2.500.000 руб. и взяв от них крепость, учинить надлежащая распоряжения как о принятии всего купленного по описи, так и о платеже от Банка Походяшиным помянутой суммы в 10 лет на условиях от них представленных, выдав на основании оных за первый год 250.000 рублей из того Банка ассигнациями, а на достальные снабдить их облигациями".

По мнению современников, походяшинские заводы были проданы в казну почти за бесценок. Некоторые исследователи считают, что одной из причин продажи было намерение братьев Походяшиных оказать существенную помощь просветителю Николаю Ивановичу Новикову.

На начало 1794 года за Походяшиными числилось около 800 душ в Костромском (село Дедово) и 300 душ в Пермском наместничествах. Братья рассчитывали воспользоваться средствами от их продажи для покрытия всех долгов. Но продажа крепостных была уже запрещена. От окончательного разорения Походяшиных спасла скоропостижная кончина императрицы Екатерины II, последовавшая 6 ноября 1796 года. Новый император Павел Петрович первым делом выпустил на свободу политических заключенных, в том числе и Новикова. Было прекращено дело и в отношении Григория Походяшина.

В 1800 году Богословские заводы вновь могли стать частными. За это ратовали Государственный Совет и Берг-коллегия. Среди трёх претендентов на покупку заводов был и Григорий Походяшин. Он в частности обещал ежегодно выплавлять по 50 тысяч пудов меди, из которых 45 тысяч поставлять на Екатеринбургский монетный двор. Винокуренные заводы предлагал оставить в казне. Обязался иметь лекарства и лекарей для рабочих, одежду и обувь отпускать им по себестоимости и был готов купить и поселить на землях Западной Сибири до 200 душ, если ему дадут землю по 15 десятин на каждую душу, а также обязался за свой счёт вернуть домой неспособных к заводским работам мастеровых. Однако император «признал за благо» оставить заводы в казённом содержании. Ведь с 1791 по 1800 годы чистая прибыль Богословских заводов составила 970 тысяч рублей, а условия, предложенные претендентами (козловским купцом Поповым, надворным советником Походяшиным и графом Илинским) императора не удовлетворили. Попытка Григория добыть деньги путём возврата заводов провалилась.

Подлежащие продаже за долги имущество Новикова отдали в распоряжение Походяшину (долг ему Новикова составлял до 462 тысяч рублей). Он должен был продать имущество и заплатить кредиторам. Ему возвращают магазин, купленный в 1791 году, где ещё оставалось немало книг. И Александр I разрешает Походяшину «открыть в Москве для

распродажи книжного его магазина лотерею в течение одного года», признав, что магазин был конфискован «по делу ему постороннему и без вины Походяшина». Видимо, молодому императору понравилось обращение Походяшина: «Дабы не быть и себе вредным и обществу бесполезным тунеядцем, вознамерился я употребить мой капитал в какой-либо коммерческий оборот для получения пристойного дохода». А весь капитал Походяшина, отмечает историк В. Телицын, тогда выражался исключительно в книгах, хранящихся на складах несуществующей уже компании: 1293 наименования расписаны по 22 темам - различные отрасли науки, художественная литература, философия, история, религиозная литература. По другим данным, на складах Походяшина скопилось 2500 наименований книг, оцененных почти в 500 тысяч рублей. Это было одно из первых в России библиографических описаний и первая в истории России книжная лотерея (1805 г.). Но она не удалась, раскупили едва ли одну треть запасов. Походяшину пришлось за бесценок отдавать книги в Москве владельцам букинистических магазинов.

В последние свои годы Григорий вёл уединенный образ жизни, посвящая всё время самообразованию. Вот что писал об этом мемуарист Степан Петрович Жихарев: «Это человек тихий, скромный и молчаливый, живет более жизнью созерцательной, однако не забывает исполнять и некоторые светские обязанности в своем кружку; ростом не мал, худощав и физиономию имеет бесстрастную... Он взглянул на образ Спасителя старинного письма, стоящий в переднем углу маленького его кабинета, и потом, взглянув на меня, продолжал:

- Да, к сожалению, нельзя отвергать, что чем человек проще и прямодушнее, тем менее его принимают в свете, а бескорыстную естественность почитают каким-то неслыханным дивом, и так как большая часть людей привыкла судить по своим чувствам своим видам или своим способностям, то самые простые благонамеренные поступки всегда приписываются лицемерию, скрытым намерениям и видам своекорыстным, а между тем настоящим лицемерам тепло на свете: и в политике, и в общественных сношениях, и даже - страшно вымолвить - в самой религии они приобретают народность и уважение. Эгоисты и пошлецы действуют мастерски: для них ничего не значат ни лживые уверения в дружбе, ни предложение услуг тогда, когда знают, что в них не нуждаются, ни коварные улыбки, кстати, ни изменческое молчание, ни вероломные рукопожатия; словом, все эти средства обращают они в свою пользу и похищают незаслуженно благосклонность. Вот отчего при этом несчастном состоянии нашего общества трудно сохранить себя от увлечения и не притворяться, когда другие притворствуют, не лицемерить, когда вокруг вас лицемерят другие; вот отчего так трудно исполнять заповедь Христову: будьте мудры, т.е. осторожны, яко змия, и цели, т.е. чисты, яко голуби. Согласить осторожность поведения с чистотой сердца: здесь – премудрость».

Впечатление от слов, сказанных почти два столетия назад, такое, что Григорий говорил о нравах в сегодняшней России. Осенью 1816 года он поступает на службу членом «Попечительного комитета о бедных» и переезжает в Санкт-Петербург. До самой смерти своего друга и учителя Н. И. Новикова (в 1818 году) Походяшин переписывался с ним и помогал, чем мог. А Новиков в письмах к наиболее близким соратникам и единомышленникам называл Григория Походяшина не иначе, как своим благодетелем.

До последних дней своих Григорий Походяшин находился под негласным надзором «государева ока». Только в самом начале XX века были опубликованы материалы наблюдения за московскими и петербургскими масонами, в том числе и за Походяшиным.

Умер Григорий Максимович скоропостижно, в начале ноября 1820 года в Санкт-

Петербурге. М. Н. Лонгвинов писал: «Над смертным одром Походяшина висел портрет Новикова, и смотреть на него было единственным утешением человека, жившего когда-то в роскоши и умиравшего на чердаке в положении близком к нищете». Об этом же упоминает В. О. Ключевский: «...сын уральского горнозаводчика Г. М. Походяшин, тронутый речью Новикова о помощи нуждающимся в голодный 1787 год, расстроил своё огромное состояние щедрыми пожертвованиями на дела просвещения и благотворения, но, умирая в бедности, услаждал свои последние минуты тем, что с умилением смотрел на портрет Новикова как своего благодетеля, указавшего ему истинный путь жизни».

Были ли у Григория дети - пока неизвестно.

Созидатели и благотворители

Значительную часть северо-западной территории Свердловской области сегодня занимают Новолялинский, Краснотурьинский, Карпинский, Североуральский городские округа. Два с половиной века назад это был глухой, необжитый край с редкими поселениями ясачных вогулов. И лишь приход сюда Походяшина послужил толчком к развитию края: были построены заводы, разработаны рудники, началось заселение территории.

Максим Походяшин построил здесь Петропавловский и Богословский заводы, проложил дорогу через Уральский хребет в Чердынь, благоустроил дороги между рудниками и заводами. При заводах и рудниках возникли поселения. Ныне это Краснотурьинск (Турьинские рудники), Карпинск (Богословский завод), Североуральск (Петропавловский завод), посёлок Павда (Николае-Павдинский завод). М. С. Бессонов приводит такой факт, характеризующий созидательную энергию М. Походяшина: в середине 70-х годов 18 века Максим Михайлович владел несколькими десятками медных и железных рудников и приисков в Красноярском ведомстве. Рудники разрабатывались. В возрасте почти 70 лет (!) он собирался строить новый медеплавильный завод на речке Печище. И только смерть помешала осуществить задуманное.

Медь с заводов Походяшина шла на чеканку монеты, из неё отливали пушки и колокола, и в победах России над Османской империей металл Северного Урала сыграл тогда не последнюю роль. Точных сведений о производстве на заводах Походяшина оружия пока не найдено, но при передаче в 1791 году походяшинских заводов казне среди припасов Петропавловского завода числились две «несверленные» пушки. Вряд ли они были отлиты заводчиком для собственных нужд. Когда накануне войны с Турцией в 1768 году государству срочно потребовалась медь для вооружения армии, а нужное количество её государственные заводы дать не могли, лишь два предложения поступили от частных владельцев заводов.

Одно из них – от Максима Походяшина и его сына Василия. За плату "по самой умеренной цене" 1250 пудов меди в срочном порядке были доставлены с Северного Урала на заводы в Тулу сухим путём на ямских и обывательских подводах. В 1775 году по разнарядке Оружейной канцелярии Походяшин поставлял в Тулу «своим коштом» железо для гусарских сабель.

Но история не всегда справедлива к тем, кто стоял у истоков великих и малых свершений. Создав огромное по тем временам хозяйство, не уступавшее хозяйству Демидовых, Максим Походяшин был представителем нарождавшегося класса буржуазии, сыном своего времени со всеми своими положительными и отрицательными чертами и поступками. Стремился Походяшин только к личному обогащению или радел о России – вопрос риторический. Важно, что человек создал, что оставил после себя.

«Никто и никогда не занимался изучением походяшинского хозяйства, которое включало в себя металлургические и винокуренные заводы, многочисленные рудники, бумажную мануфактуру, мучные и пильные мельницы в географических границах от Сыктывкара до Енисея», – считает екатеринбургский историк М. С. Бессонов, изучая дела Походяшина по фондам госархива Свердловской области.

После смерти сына Василия, выигравшего в 1770 году торги на поставку вина в Сибирь, Походяшин поставлял в разные города Тобольской губернии свыше 100 тысяч ведер вина ежегодно на сумму 90 тысяч рублей. Он до конца жизни занимался винокурением и оставил сыновьям семь винокуренных заводов, способных поставлять в Пермскую и Тобольскую губернии по 89 тысяч ведер вина ежегодно. Усть-Миасский завод в Шадринском уезде был разорен пугачевцами, его пришлось продать. Был доход и от нескольких мукомольных мельниц. Три из них находились на речке Бобровке в Фоминском погосте неподалеку от собственного винокуренного завода. Как справедливо заметила историк М. М. Громько, всё, что связано с винокуренной промышленностью Западной Сибири, имело непосредственное отношение к развитию земледелия. Это был один из каналов, в которые уходил товарный хлеб края, и, соответственно, один из стимулов расширения пашни.

Походяшин первым увидел выгодную перспективу в добыче поделочного камня и цветных камней на Северном Урале. Малахит походяшинских рудников использовали в качестве краски для кровли Зимнего дворца. Для этого в 1765 году на Васильевском руднике создали специальную "промывальню" для приготовления краски. В том же году М. Походяшин и его поверенный, екатеринбургский купец И. Хлепятин объявили о находке месторождений агата на Колонге и Вагране. Сюда был направлен в 1766 году гранильных дел мастер Ваганов из «Экспедиции по изысканию в Екатеринбурге, Оренбурге и прочих местах разных родов цветных камней» с указанием от директора Экспедиции Даненнберга рассмотреть возможность построения "шлифовальной мельницы с разными машинами на Походяшинских заводах". Ваганов нашёл удобное место для постройки на Петропавловском заводе – ниже домны и мучной мельницы. Однако Походяшин, намереваясь использовать это место для других построек, предложил ему место на только что построенной плотине на Истоке из Ключевого (Троицкого) озера. И мастер доложил Даненнбергу, что это место «удобное как для построения мельницы, так и для перевозки камня». Пробы агата были посланы в Санкт-Петербург в числе камней, адресованных Тронному залу Зимнего дворца. Походяшин представил в Экспедицию проект строительства шлифовальной фабрики, но он не был осуществлён. Возможно, потому, что богатые и более доступные месторождения цветных камней были найдены на Южном Урале.

Содержащая серебро руда Турьинских рудников «плавилась с великим медлением и излишним убытком», и, тем не менее, Походяшин, терпя убытки, это делал по предписанию Берг-коллегии. Серебристая медь сдавалась заводчиком в казну в Верхотурье и оттуда отправлялась на монетные дворы.

В январе 1773 года М. М. Походяшин вступил в компанию с рудоискателем Григорием Никифоровичем Посниковым и великоустюжским купцом Петром Петровичем Енталцовым с целью разработки Верхневаягранских золоторудных месторождений. Посников и Енталцов уверяли Походяшина в том, что золотая руда вполне благонадёжна. Походяшин же не собирался рисковать и считал, что по проведенному опробованию руды «прямого познания» содержания золота в ней определить нельзя. Дело закончилось склокой. Берг-коллегия еще и в 1780 году рассматривала жалобы сторон.

В 1764 году горнозаводчик развернул грандиозное дорожное строительство и построил 720 верст дорог, в том числе от Петропавловского завода до Чердыни (около 200 верст). У дорог он построил зимовья, в которых поселил зимовщиков с «жалованьем от себя». Зимовщики обязаны были предоставлять путникам теплый приют, иметь запасы съестных припасов и фуража для лошадей, летом очищали дороги от бурелома, а зимой проминали их своими лошадьми.

Освоил Походяшин и водные пути. На восточном склоне Урала это были реки Тура, Сосьва и Тавда, которые связывали Богословские заводы с сельскохозяйственными уездами Тобольской губернии (Тюменским, Ялуторовским и Туринским). На Туре (в Верхотурье) и Сосьве (в Пелыме) заводчик построил магазины, куда доставлялось от 25 до 60 тысяч пудов муки ежегодно. Из магазинов хлеб гужевым транспортом доставлялся в Богословские заводы. В европейскую часть России продукцию походяшинских заводов отправляли по реке Косье с пристани Большая Ослянка.

В 1775 году горнозаводчик купил у верхотурского купца О. Коновалова Туринскую бумажную мануфактуру и первым в Сибири и на Урале предпринял попытку печатать книги.

Историк М. С. Бессонов считает, что символом процветания походяшинской империи могли быть часы на колокольне Богословского (Введенского) собора. Стоили они 600 рублей, тогда как медеплавильная фабрика Богословского завода стоила 519 рублей. На каких еще российских заводах в те времена были часы? Наверное, только на Невьянской башне у Демидовых.

Историк М. М. Громько считает, что «незаурядная семья Походяшиных заслуживает внимания в силу сложной и многозначной деятельности её представителей в разных областях общественной жизни России». Действительно, с 70-х годов XVII века и до 30-х годов XIX века верхотурская семья Походяшиных представлена практически всеми социальными слоями тогдашней России: духовенство и посадские, казаки и купцы, мещане и дворяне, заводчики и монахи, военные и священники, горные и гражданские чиновники, просветители. Одну черту этой семьи требуется выделить особо – благотворительность.

Она ярко проявилась в отношении к церкви. Походяшины построили на собственные средства семь церквей. Четыре из них построены Максимом Михайловичем (две в Верхотурье, деревянная в Петропавловском заводе, каменную, ныне действующую, достраивали дети) и каменный собор в Богословском заводе, Василием Походяшиным была построена церковь в Успенском винокуренном заводе и Григорием Походяшиным в 1787 году – Максимовская церковь в Турьинских Рудниках. На оснащение их тоже тратились немалые средства. На содержании Походяшина были и священнослужители. Кроме того, на Богословских заводах отливали колокола. Долгое время висел на двух деревянных столбах у Богоявленской церкви в селе Ныроб, недалеко от Чердыни, колокол, на котором была вылита надпись: «1768 году лит сей колокол в Петропавловском завододержателя Походяшина заводе в Ныробский погост к церкви Николая Чудотворца весу 125 пуд 5 ф.».

Н. К. Чупин утверждал, что ни школ, ни аптек при Походяшиных заведено не было. Но в ведомости, составленной в 1791 году при передаче Богословского завода в казну, имеется запись: «... гошпиталь лекарский дом - 1, стоимостью 2757 рублей 61 с четвертью копейки, при лазарете на лицо состоит разных медикаментов и вещей... на 763 рубля 29 копеек». Имеются косвенные данные о наличии школы на Богословских заводах. А на плане Успенского винокуренного завода, составленном в 1778 году, школа есть.

Вся общественная деятельность Григория Максимовича, младшего сына Максима Михайловича, по сути своей была благотворительностью. Передавая Новикову огромные по

тем временам суммы средств, Григорий Максимович поставил себя на грань разорения. Средства от продажи заводов, построенных отцом, ушли на помощь голодающим крестьянам, но главным образом на поддержку книгоиздательства, на печатание недорогой просветительской литературы и учебников для крестьян, художественной и справочной литературы.

В обществе того времени не принято было афишировать такого рода поступки. Н. К. Чупин отмечал: «В публике не знали о громадном пожертвовании Походяшина и недоумевали, откуда у Новикова взялись такие средства для благотворительности... Походяшин исполнился каким-то благоговением к Новикову и признательностью за возбуждённое в нём стремление к благотворительности. Он сделался ревностным участником в предприятиях Новикова и его друзей».

Отец братьев Максим Михайлович с юности знал цену копейке. Он был, по мнению многих исследователей, прижимист, но бывал и необычайно щедр. Яркий пример тому – безвозмездная поставка 300 пудов железа для ремонта казённых учреждений Тобольска. Никто его к этому не обязывал.

Таковы факты, подтверждённые документами, с которыми не поспоришь, как не поспоришь и с тем, что осваивали богатства северного края своим непосильным трудом тысячи и тысячи фактически бесправных крестьян и мастеровых. Их потом и кровью создавались богатства владельцев заводов, укреплялось богатство и мощь Российской империи.

По мнению М. С. Бессонова, чтобы лучше понять значение семьи Походяшиных в истории Урала и России, нужна дальнейшая работа в архивах Екатеринбурга, Тобольска и Перми, Москвы и Петербурга. Сотни и сотни документов о деятельности Походяшиных два века никто не брал в руки и не читал.

В декабре 2001 года в Екатеринбурге вышла солидная книга «Благотворительность на Урале». О Походяшиных там нет ни слова. Давно нет в Верхотурье Походяшинской улицы. Ничто, кроме восстанавливаемого Введенского собора, не говорит об основателе Богословского горного округа в Карпинске. Лишь в пригородном посёлке Крутой Лог под Североуральском есть небольшая улочка, названная его именем уже в наше время по решению муниципальной Думы. Но горят золотом купола церковей Петра и Павла в Североуральске и Максимовской в Краснотурьинске, отреставрированные при значительной помощи градообразующих предприятий СУБРа и БАЗа, напоминая потомкам о русских первопроходцах Северного Урала.

И вот свершилось: накануне 250-летия основания Петропавловского завода в Североуральске у храма Петра и Павла, как раз там, где когда-то стоял дом владельца Петропавловского завода, земляки поставили памятный знак, который можно считать первым памятником Максиму Походяшину. На плите его слова: «Желаю летом 1758 года строить на Колонге железоделательный и медеплавильный заводы... сильною рукою и имяновать те заводы во имя верховных апостолов Петра и Павла Петропавловскими».

Леонтий Яковлев

«...Кто новые металлы и минералы изобрящет и охоту будет иметь ко устройению заводов, тем являться в Санктпетербурге в Берг-коллегии; в Москве же, в Сибири и в Казани определённым от Берг-коллегии берг-офицерам, которые должны оным добрым советом вспомоществовать. И когда оные офицеры сысканную какую руду работы и изживению достойну найдут, тогда должен оной охотник или сыскатель в Берг-коллегию письменно объявить...»

(Из Бергпривилегий Петра I. 1719 г.)

Ко времени, когда Максим Походяшин начал активную горнозаводскую деятельность (пятидесятые годы 18 века), уже сложился определённый порядок заведения и строительства заводов. Ещё при Петре была создана Берг-коллегия (нем. Berg - гора), которая управляла всеми горными делами в России (с декабря 1719 по 1807 год). Уральское горное правление вначале именовалось «Сибирский Обергамт», а затем «Канцелярия Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов» или «Канцелярия Главного заводов правления» (далее - Канцелярия или Канцелярия ГЗП). Вначале она находилась в Кунгуре, а с августа 1723 года в Екатеринбурге. Без участия служащих Канцелярии никакой завод построить было невозможно. Судьбу первого металлургического завода Максима Походяшина - Петропавловского завода - определил старший пробоователь Канцелярии унтер-шихтмейстер Леонтий Фёдорович Яковлев.

Был он сыном мастерового Федора Патрикеевича Яковлева - одного из лучших плавильных мастеров Урала первой половины 18 века, имя которого вошло в энциклопедию «Металлурги Урала», изданную в 2001 году в Екатеринбурге. Вклад Фёдора Яковлева в историю Петропавловского завода состоял в том, что по просьбе Походяшина он «бесскрывно» обучил плавильному делу Дмитрия Хлепятина, Степана Котельникова и Егора Абушкина, которым предстояло здесь плавить медь, и в течение месяца в конце 1759 года "устанавливал плавку меди" на Петропавловском заводе.

Сам Леонтий начал службу в октябре 1740 года пробирным учеником. Ему повезло: в 1745 году назначили в Екатеринбург берг-майстером Густава Ульриха, который вместе с Михаилом Васильевичем Ломоносовым ездил в Германию «горную науку постигать». Секретов от Леонтия он не таил, и восемь лет работы под его началом стали настоящим университетом для будущего горного офицера. С золотом и серебром научил его работать пробирный мастер Ермолай Рюмин, позднее подтвердивший промышленное значение месторождения золота, открытого Ерофеем Марковым. Учителя дали Леонтию весьма лестную характеристику:

«Арифметику и геометрию, тригонометрию, сочинение чертежей в плане и профиле, также и пробирному искусству обучен и достаточно знает, и без пробирера всяких руд пробы, промывку золотых шлихов, сплавку серебра и золота сам собою отправлял действительно. Жития трезвого и воздержного. При порученной ему должности обращался рачительно и добропорядочно. В штрафах, наказаниях и подозрениях, и ни в каких худых поступках не бывал, и челобитья на него ни от кого и никакую не бывало». За его добропорядочные поступки, «воздержное житие и обучение учеников» в марте 1754 года Канцелярия просила Берг-коллегию произвести его в чин шихтмейстера.

А к этому времени Леонтий был в чине унтер-шихтмейстера первого класса. В июле 1756 года он освидетельствовал железный прииск к Шайтанскому заводу Никиты Демидова, в августе 1756 года - два железных прииска барона Сергея Строганова по речке Шайтанке, притоку Тагила. В том же году он обучает пробирному искусству Дмитрия Хлепятина, служителя М. Походяшина, а слесарного и весового дела мастера Бориса Шелехова, как показал сам Леонтий, "по крайнему моему прилежанию и знанию, елико возможность была, обучал бесскрывно...». Это было лишь начало его славных дел.

Впервые он прибыл на Северный Урал осенью 1757 года для освидетельствования мест, которые рудоискатель Григорий Посников выбрал для будущего Петропавловского завода на реке Колонге. Вместе с Иваном Савастьяновым, мастером по установке водяных колёс и мельниц, вёл переговоры с проживавшими по Сосьве и Ваграну вогулами. И убедился, что выбранные под завод места и рудники находятся на государственной, никем не

занятой земле, а вогулам, по их словам, «до тех мест дела нет», и завод никому мешать не будет. Два места и три рудника посланцами Канцелярии были осмотрены, границы им определены, грани поставлены и на чертёж нанесены. После первой поездки на Колонгу в ноябре 1757 года Леонтия назначают старшим пробователем лаборатории с жалованием 60 рублей.

В следующие полтора года им были освидетельствованы десятки рудных приисков, места под Петропавловский, Турьинский (Богословский) и Николае-Павдинский заводы, под завод А. С. Строганова на Вагране, произведен отвод лесов к Петропавловскому заводу. Непосредственно под руководством Яковлева и Савастьянова было начато строительство Петропавловского завода. Но 27 марта 1759 года Леонтий получает указ Берг-коллегии, по которому следовало ему явиться на Юговские заводы действительного камергера и кавалера графа Ивана Чернышова. Леонтия освобождают от должности старшего пробователя. Он остался в чине унтер-шихтмейстера первого класса и выехал на заводы графа.

В то время с соизволения дочери Петра Великого императрицы Елизаветы, правившей страной с 1741 года, шла передача казённых заводов в частные руки. При этом Сенат руководствовался Бергрегламентом 1739 года, где высказывалась мысль, что «казенные заводы не столь прибыточны и государству полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся». Считалось, что в руках «надёжных людей» заводы принесут больше пользы, и частная инициатива поможет размножить их число. Однако в разряд «надёжных людей» были включены не богатые купцы и промышленники, а вельможи и придворные, которым Сенат дал возможность увеличить свои доходы. Так граф Чернышов в 1757 году и получил два Юговских завода (находились южнее нынешней Перми), куда был направлен Леонтий Яковлев.

О службе Леонтия на Юговских заводах почти ничего не известно. Когда ими владела казна, медную руду на заводы поставляли русские, татарские и башкирские рудопромышленники, получая из казны «надлежащую плату без всякого задержания и обиды». А с графом Чернышовым из-за рудников у них вышел спор. Началось следствие, продолжавшееся в течение восьми лет. Заболел коллежский асессор, защищавший интересы графа, и приказал Яковлеву старые копии с отводными чертежами освидетельствовать и «быть при следствии», чем Леонтий наверняка и занимался, поскольку жалование ему платил граф, а не казна.

В 1767 году «за прилежные и добропорядочные поступки и науки, и обучение учеников» Канцелярия снова аттестовала его в чин шихтмейстера, но Берг-коллегия никак на это не отреагировала. В то время, когда другие продвигались по службе, Яковлев 16 лет оставался в чине унтер-шихтмейстера первого класса. Возможно, повлияло то, что он эти годы находился на службе у частного лица. В 1769 году Канцелярия вновь аттестовывает его в шихтмейстеры, при этом даёт ему такую характеристику: «Золотые, серебряные, оловянные, медные, свинцовые и железные руды, и монетные пробы, роштейн с пурштейн на черную медь, и принадлежащие к пробирному делу гончарные припасы и капелины делать достаточно умеет... из шлихов выплавлять золото и опробовать, в чистоте отделить от серебра и в чистоту привести чрез антимонию, также и чрез крепкую водку (очевидно «царская» водка), и серебро опробовать на золото, медь, железо, олово, на серебро, черную медь на чистую, також серебро из антимония и ис крепкой водки преципитацией достать, и к вышеописанным золотым пробам крепкую водку, аквафорт и акварейс делать и расчистить совершенно знает...»

Справедливость восторжествовала: указом Берг-коллегии от 5 октября 1770 года

Леонтий Яковлев был произведен в шихтмейстеры с жалованием в 84 рубля, «да на денщика по одиннадцати рублей по две копейки с половиною, а всего по девяносту по пяти рублей по две копейки с половиною на год...». 21 апреля 1771 года в церкви Рождества Христова при Юговских заводах Леонтий Яковлев был приведен к присяге.

В 1773-1774 годах на Урале разгорается крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Организатором сопротивления восставшим являлся член Канцелярии Главного заводов Правления, асессор М. Башмаков. Одним из активных участников и руководителей этого сопротивления был и шихтмейстер Леонтий Яковлев.

С февраля по июнь 1774 года главные события происходили в Приуралье, в частности под городом Осой. Сопротивление, оказываемое восставшими, вынудило Яковлева сконцентрировать все силы в Осе и избегать вылазок небольшими отрядами. Было приказано прекратить поджоги деревень и открывать огонь по повстанцам только в случае явного превосходства сил, когда правительственным силам не грозило бы истребление. К этому времени в его отряде было 300 человек и 7 пушек. Опасаясь открытого вооруженного столкновения, Яковлев решил попытаться мирным путем склонить восставших на свою сторону. Восставшие же готовились к захвату Осы, ожидая помощи Салавата Юлаева, а возможно, и самого Пугачёва.

Весь май и первую половину июня находившиеся в Осе отбивали атаки местных восставших. Башмаков, извещенный о приближении больших отрядов восставших, требовал в Казани помощи. И казанский губернатор направляет в Осу команду майора Скрипицына, которая прибывает в город 18 июня. В это же время Пугачев подошёл к Осе, сюда же прибыл со своим отрядом и Салават Юлаев. Мастеровые и работные люди Рождественского завода Демидова перебежали на сторону пугачевцев. Им удалось прихватить с собой и небольшую пушку со снарядами. Это была первая пушка, которую получил Пугачев. Ободренные успехом, пугачевцы ринулись вперед и захватили еще две пушки. Яковлев и Скрипицын выстроили своих людей «фронтом перед Осой» и открыли жестокий огонь. Пугачевцы усилили натиск. При отступлении к Осе Яковлев был ранен в руку.

Четыре раза пугачевцы штурмовали город, но безрезультатно. И только утром 21 июня, так и не дождавшись помощи, Скрипицын, прекратил сопротивление. По свидетельству очевидцев, после того, как казаки и осинские жители из крепости вышли, крепость и церковь, «выбрав образа, книги и сняв с колокольни колокола, пугачевцы зажгли, которые изгорели». Пугачев вершил суд и расправу. Все офицеры и даже осинский воевода Пироговский были помилованы, а Скрипицын назначен командиром вновь образованного под Осой Казанского повстанческого полка.

Затем состоялся суд над Яковлевым. За «напрасное кровопролитие», варварскую расправу на Тулве, под Осой и в Кунгурском уезде Леонтий Фёдорович был предан пугачевцами смертной казни. Его помощника Манакова за отказ отвечать на допросе о количестве артиллерии и пороха и за его непризнание Пугачева государем бросили в огонь. Отряд Яковлева разоружили и привели к присяге. Под Осой стала ясной целью дальнейшего движения Пугачева – Казань.

Так трагически 21 июня 1774 года оборвалась жизнь Леонтия Федоровича Яковлева, когда-то определившего судьбу Петропавловского завода, и первого его строителя. Однажды приняв присягу, он остался верным ей до конца. За свою сравнительно короткую жизнь он не получил больших чинов, каких-то особых почестей, но в тех местах, которые он когда-то освидетельствовал, были построены рудники и заводы, выросшие в современные города – Североуральск, Красноурьинск, Карпинск, поселок Павда. Огромный его вклад в

первоначальную историю промышленного развития нашего региона дает право, чтобы имя его навсегда осталось в памяти потомков.

Иван Савастьянов и Анисим Ломаев

В XVIII веке частному лицу на строительство металлургического завода отводился трёхлетний срок. Государство, заинтересованное в увеличении производства, на период строительства выделяло заводчику с казенных заводов своих мастеров. Так было и при строительстве Петропавловского завода.

Уже в первом своем доношении, поданном в Канцелярию Главного заводов Правления (далее Канцелярия) по поводу строительства Петропавловского завода в 1757 году, Максим Походяшин просит снабдить его мастеровыми людьми «для наилучшего порядка и обучения на первый случай» в числе первых плотинным мастером. В 18 веке, когда заводы были вододействуемые, то есть работали за счет силы воды, плотина являлась едва ли не главным заводским строением, «сердцем» завода. Соответственно и плотинный мастер был ПЕРВЫМ строителем. В указе Берг-коллегии от 4 декабря 1757 года сказано: «...и по отводе тех рудников, под завод места, помянутому Савастьянову быть при строении означенного новостроящегося купцом Походяшиным завода, плотин и протчаго...» Что же известно о жизни первого строителя Петропавловского завода сегодня?

По формулярным спискам Екатеринбургской заводской конторы за 1745 год узнаем, что «пильной мельницы мельничному мастеру» Ивану Савастьянову 37 лет, что он сын мастерового, в службу вступил в 1725 году учеником, а в данном чине с 1 января 1743 года, получает оклад 36 рублей в год. К 1757 году он уже мельничный мастер над всеми заводами, за уставщика (установщика). Соответственно вырос и оклад до 48 рублей. А о том, как высоко вырос авторитет Савастьянова, можно судить по следующим фактам.

В марте 1757 года в Канцелярию поступил указ из Берг-коллегии о присылке плотинного мастера «самого лутчаго», для оценки плотин на Липецких, Брянских и Козминских заводах. На что Канцелярия отвечает: «...мельнишной мастер Иван Савастьянов, хотя ныне здесь и на лицо, и к тому послать способен», но он очень нужен на казённых заводах, « по той необходимости отлучить ево ни по которой мере невозможно...»

И действительно: в мае 1756 года Иван Савастьянов в компании с другими специалистами выезжал на Полевской завод «для акуратного размерения и усмотрения изысканного к построению на речке Полевой плотины места, для вододействуемой машины при Гумешевском медном руднике...». Для определения расположения водоливных машин, ларя, канала и колеса и всему тому строению «учинял чертежи». В следующем году в мае он выезжает на Алапаевские заводы «для перестройки прорезу и мосту сливного на Нижнесусаннском заводе», позже он на Кушвинских заводах. А осенью 1757 года совместно с Леонтием Яковлевым Иван Савастьянов участвует в освидетельствовании мест под строительство Петропавловского, Турьинского (Богословского), Павдинского заводов, завода Строганова на Вагране (Баронское), строит Петропавловский завод. Можно сказать, что это стало «звездным часом» Ивана Савастьянова. Почти два года были отданы Северному Уралу, последние два года жизни: 2 июня 1759 года его не стало.

Первый строитель умер при строительстве Петропавловского завода и похоронен в североуральской земле. Остались у Савастьянова кроме сына Сергея, который служил унтершихтмейстером на Серебрянском заводе, ещё два: семнадцатилетний Степан и двенадцатилетний Леонтий. Оба учились в Екатеринбургской словесной школе, но оказались «в науках не сильны», и в марте 1759 года по просьбе отца Канцелярия определяет старшего Степана к нему в ученики на Петропавловский завод. Неизвестно, успел ли Степан уехать и участвовал ли он в строительстве Петропавловского завода, но известно, что 1 мая 1762 года

он подает в Канцелярию доношение: «...обучен я низжайший славянороссийской грамоте читать и писать, також арифметику и часть знаменованья, а к делу ни к какому еще не определен и нахожусь на своем пропитании, праздным...» и просит определить его к приказным делам, то есть в контору. 18 мая 1762 года Степан был направлен в меховую фабрику Екатеринбургского завода.

После смерти Ивана Савастьянова на строительство Петропавловского завода 10 июля 1759 года с Екатеринбургского завода был направлен «знающий производство в строении плотин и дела водяных колес мастер» Анисим Ломаев. Происходил он из крестьян, в 1736 году был взят в рекруты и определен к заводским работам. С октября 1742 года - подмастерье водяных колес с окладом 20 рублей. В 1753 году он уже мастер с окладом 24 рубля. В 1759 году ему был 51 год, он ровесник Ивана Савастьянова. По приезде на Петропавловский завод он вместе с Солонининым ездил на речки Лялю и Мурзинку для осмотра мест под строительство заводов.

Строительство Петропавловского завода в основном было завершено к весне 1761 года, так как 1 марта этого года Максим Походяшин дал Ломаеву лестную характеристику: «...находящейся, за плотинного, при новостроящихся Петропавловских заводах Анисим Ломаев, которого по должности ево исправление происходило весьма добропорядочное, и впредь к таковым производствам надежным признавается, и отпущен».

2 апреля 1761 года он был отослан Канцелярией в Екатеринбургскую заводскую контору. 14 июня 1762 года было определено, что Ломаев, мастер «дела водяных колес и дела сухих зубчатых колес же с шестернями, и произведению оных при действии в машинах, достоин прибавки жалованья по 30 рублевому в год окладу». Пока неизвестно, был ли при строительстве Петропавловского завода использован «типовой» для того времени проект или вся система водяных и сухих зубчатых колёс была придумана Ломаевым, но достаточно взглянуть на сохранившиеся чертежи заводских фабрик, чтобы понять, насколько технически сложным оказалось дело, затеянное Походяшиным. Осуществить его мог только большой мастер, высококлассный специалист.

Кое-что известно о потомках первых строителей Петропавловского завода. Внук Ивана Савастьянова Алексей Сергеевич служил маркшейдерским учеником в Березовских золотых производствах горной экспедиции. Его сын Дормидонт дослужился до берггешворена, полицмейстера Златоустовского завода.

Второй внук первого строителя Иван Сергеевич в 14 лет начал службу маркшейдерским учеником на Березовском золотопромывальном заводе. В сентябре 1795 года был переведен на Мотовилихинский завод на должность заводского надзирателя. В 1796 году был назначен управителем каравана с железом уральских заводов по рекам Каме и Волге. В 1798 году произведен в унтер-шихтмейстеры и Канцелярией Главного Заводов Правления был вновь назначен сопровождать караван с железом, сталью и мрамором с Уткинской пристани на реке Чусовой до Санкт-Петербурга. По прибытии в 1799 г. в Петербург произведен в шихтмейстеры 14-го класса. После возвращения на Урал был отправлен на Гороблагодатские заводы, где исполнял должность валдмейстера (лесничего) Баранчинского завода. В дальнейшем его судьба целых 20 лет была связана с Богословскими заводами.

В декабре 1799 он был определен сначала помощником управителя Богословского завода, а с 1 сентября 1804 года - управителем Петропавловского завода. С 1 мая 1809 года по 1 ноября 1810 года он уже управитель Богословского завода, где, кроме этого, исполнял должности полицмейстера и казначея. В 1811 году Ивана Сергеевича переводят на

должность полицмейстера Турьинских рудников. С декабря 1814 года он уже помощник управителя рудников и смотритель салосвечной фабрики. В 1817 и 1818 годах был представлен к чину берггешворена.

19 августа 1819 года Иван Сергеевич вновь назначается управителем Петропавловского завода, а в декабре 1820 выбран обществом горных чиновников комиссионером для закупки провианта в уездах Пермской губернии. Был членом Горного Совета Богословских заводов. В 1822 году исполнял должность полицмейстера Златоустовских заводов. После увольнения и переехал в Екатеринбург. У него было пятеро детей. Иван Сергеевич был возведен в дворянское достоинство.

Его сын Николай (правнук первого строителя) Савастьянов родился в 1819 году, по всей видимости, в Петропавловском заводе. Окончил Екатеринбургское горное училище и в 1835 году поступил в штат Уральского горного правления, где проходил службу в качестве подканцеляриста, канцеляриста и столоначальника. В 1840 году он получил первый классный чин коллежского регистратора. Когда в 1841 году в Ревдинском заводе Демидовых были возмущения углежогов, был командирован секретарем в Военносудную комиссию. Позднее был чиновником особых поручений при главном начальнике Уральских горных заводов В. А. Глинке. В 1851 году был назначен главным смотрителем казенных металлических караванов Уральских заводов. Был награжден орденом святой Анны 3-й степени, получил знак отличия за 15 лет беспорочной службы и учрежденную в память войны 1853-1856 годов светлую бронзовую медаль на Владимирской ленте для ношения в петлице.

В 1858 году вышел в отставку в чине надворного советника. В 1860 году купил трёхэтажный каменный дом в центре Екатеринбурга, перестроил его по проекту архитектора А. И. Падучева. В 1874 году продал дом казне под размещение Екатеринбургского окружного суда, переехал на жительство в Санкт-Петербург. Владел золотыми приисками в Чердынском уезде, Надеждинской мануфактурной фабрикой, Тюшевским пивоваренным заводом в Красноуфимском уезде. Член-учредитель УОЛЕ. В 1870-м году был первым председателем Екатеринбургской уездной земской управы. Умер в 1883 году.

Здание в Екатеринбурге по адресу проспект Ленина, 53, известное под именами «Дом Севастьянова» (фамилия со временем была искажена. По документам архива - Савастьянов) или «Дом профсоюзов», сохранилось до нашего времени. Здание неоднократно перестраивалось и меняло своих владельцев. Архитектор выбрал необычное решение - эклектичный «мавританско-готический стиль». В этой стилистике был выполнен не только фасад здания, но и интерьеры, в которых прослеживаются восточные орнаментальные мотивы. В апреле 1917 года солдаты Ачинского пехотного полка устроили в доме погром. После революции, 28 августа 1919 года в бывшем Окружном суде состоялась первая общегородская конференция большевиков. В советские времена здесь располагался областной совет профсоюзов, позже в здании находились многочисленные офисы. Постоянно меняющиеся владельцы здания не раз перестраивали и перedelывали внутренние помещения под свои нужды, здание неумолимо подвергалось разрушению с течением времени. В 2008 году было принято решение полностью реставрировать как фасад здания, так и интерьеры. Было проведено полное обследование здания, произведены необходимые исторические изыскания. В 2009 году в отреставрированном здании прошли основные мероприятия, состоявшейся в Екатеринбурге встречи руководителей стран членов ШОС - Шанхайской организации сотрудничества, получившей высокую оценку Президента России и руководителей государств ШОС.

Александр Сергеевич Севастьянов родился около 1821/1822 годов, возможно, тоже на Богословских заводах. Служил в Уральском горном правлении чертежником, межевщиком, горным землемером. Вышел в отставку в 60-х годах XIX века. Имел прииски в Оренбургской губернии. Был гласным Екатеринбургской городской Думы, возглавлял комиссию по организации сети городских начальных училищ. Завещал Екатеринбургу капитал в 8600 рублей для расходования ежегодных процентов с него на выдачу пособий бедным ученицам начального народного училища. Член-учредитель УОЛЕ. Умер в 1890 году.

Сын Анисима Ломаева Никита Анисимович Ломаев в 1794 году получил чин бургмейстера, в 1797 году был принят на должность казначея Екатеринбургской монетной экспедиции, затем был управителем Екатеринбургского завода, судьей в Екатеринбургской судных и земских дел конторе. Внук, Ломаев Василий Никитич, был маркшейдером Екатеринбургских горных заводов. В разное время управлял Уктусским, Нижне-Исетским, Каменским, Миасским заводами.

По архивным документам и публикациям Михаила Сергеевича БЕССОНОВА
подготовил к печати Юрий СЫСУЕВ

Дом Севастьянова в Екатеринбурге

4. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ЗАВОД

Североуральск получил статус города областного подчинения в ноябре 1944 года в результате развития бокситового рудника. Однако история его возникновения уходит своими корнями в начало второй половины 18 века, когда во главе государства была императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великого.

Период её правления (с 1741 по 1761 г.) был временем относительной политической стабильности, периодом укрепления государственной власти и закрепления в обществе результатов петровских реформ. И хотя императрица не во всём следовала заветам своего отца, при ней невиданными ранее темпами развивалась экономика. Выплавка чугуна и железа возросла более чем в два раза. Отмена внутренних таможен оживила торговлю, объединила российский рынок. Доля частных предприятий в металлургии заметно возросла, государство всячески поддерживало частную инициативу. Этим в полной мере и воспользовался купец города Верхотурья Максим Михайлович Походяшин, решивший начать собственное горнозаводское дело на севере Верхотурского уезда.

По тем временам это был невероятно большой риск. Местность малоисследованная, покрытая труднопроходимыми лесами и болотами, со многими реками. За рекой Лялей дорог на север не было. К тому же местность малонаселённая, во всех отношениях дикая и не освоенная русскими людьми. Лишь несколько семей аборигенов манси (тогда их называли вогулами) обитали по берегам Ваграны и Сосьвы. Они исправно платили ясак государству соболями и бобрами и по природе своей не любили, когда в их вотчинах появлялись непрошенные гости.

И всё-таки Максим Михайлович рискнул. К тому времени он уже имел некоторый опыт отношений с горным начальством: пытался возобновить производство железа и меди на двух бездействовавших в Красноярском уезде заводах и даже получал разрешение на постройку в тех местах домны. Тогда в горном деле без решения Берг-коллегии, которая находилась в Санкт-Петербурге, и без согласия Канцелярии Главного Правления Казанских, Сибирских и Оренбургских заводов (далее для краткости - Канцелярия ГЗП или Канцелярия), что находилась в Екатеринбурге, и шагу ступить было нельзя. Походяшин нашёл с ними общий язык. В красноярских землях ему не повезло – руды не нашли, строить домну не было смысла, заводы обветшали. А на севере Верхотурского уезда, по берегам реки Колонги, верхотурским крестьянином Григорием Никифоровичем Посниковым была найдена железная руда. С разрешения верхотурской воеводской конторы он каждый год бывал в тех местах, искал слюду и точильный камень и, надо полагать, сдружился с аборигенами. Врага они в нём не видели.

О находке Григория узнал Походяшин и, «заввав в дом свой, просил, чтобы рудники отписывать ему и для строения завода место сыскать». Так со слов самого Посникова описана их судьбоносная встреча в одном из документов, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области. Посников стал работать на Походяшина. Вскоре у него появились и помощники – целая команда поисковиков.

30 июля 1757 года Походяшин подал в Канцелярию Доношение (просьбу к начальству), в котором просил разрешить ему добычу найденных по реке Колонге железных и медных руд и «вододействуемый завод строить». Он намеревался построить здесь одну действующую и одну запасную домны с кричными молотами, а для переплавки медных руд – две или три печи с гармахерским и штыковым горнами. И обосновывал это тем, что в железных рудах есть «немалая благонадёжность» и лесов вокруг достаточно. В те времена

руды плавил только на древесном угле. Начать строительство завода Максим Михайлович намеревался уже летом будущего, 1758 года. Посников нашёл для завода два места: нижнее – в 260 саженьях и верхнее – в 5 верстах 160 саженьях от впадения Колонги в Вагран. Образцы руд, которые Походяшин представил в лабораторию для испытания вместе с первым обращением в Канцелярию, дали весьма обнадеживающие результаты: от 58-ми до 67 фунтов чугуна и от 2,5 до 6 фунтов чёрной меди на центнер руды. Теперь слово было за специалистами Канцелярии.

Начало

Стоял сентябрь 1757 года. Берёзы отливали золотом, солнце ещё щедро грело, хотя утренники были уже крепкими. По тропе вдоль Сосьвы пробирались на север пятеро всадников с двумя вьючными лошадьми. Путь до вогульских юрт был вдвое короче, чем от Екатеринбурга до Верхотурья. Туда на подводах они доехали за четыре дня. А здешняя тропа, петляя по дремучему лесу и пропадая в болотинах, так их измотала, что добраться до юрт по времени короче не получалось.

Главными в экспедиции были старший пробователь Екатеринбургской лаборатории, недавно аттестованный в горные оберофицеры, Леонтий Яковлев и мастер водяных и мельничных колёс с Екатеринбургского завода Иван Савастьянов. По указу Канцелярии главного правления уральских заводов предстояло им осмотреть рудники на Колонге, заявленные верхотурским купцом Походяшиным, и возможные места под его будущий железодельный завод. Помочь им и показать дорогу вызвались знакомые купца, – верхотурские посадские Степан Богомолов, Яков Пинягин и Данило Титов. В уездном Верхотурье нашли их без труда, а вот с Походяшиным не встретились. Отбыл Максим Михайлович по неотложным делам, а куда – неизвестно.

Вечером у костра, да и днём на привалах только о нём и говорили. С разных сторон обсуждали доношение, с которым купец обратился в Канцелярию месяц назад. Ведь по его просьбе послали их на север. Ни Иван, ни Леонтий в тех дальних местах ещё не бывали.

Одно было ясно: уж коли просит купец отвести леса на сто лет и намерен уже весной будущего года начать строить завод, значит, работать им в тайге предстоит неослабно. До настоящих холодов надо всё успеть.

На Сосьву к Петру и Ивану Кочкиным прибыли к полудню 15-го. Братья, казалось, даже не удивились. Видимо, были наслышаны о грядущих переменах от Григория Посникова. Он наезжал сюда из Верхотурья ежегодно, порой ещё и снег не сойдёт, и на всё лето. Поначалу говорил вогулам, что ищет слюду и точильный камень. В урочищах с товарищами не безобразничал. Сохатого и бобров они не били, а всё по лесам шныряли близ Ваграна, Колонги, Сосьвы да Кальи. Иногда огненной водой угощали, подарки дарили. Случалось, муку выменивали на собольи шкурки, если долгов по ясаку не было, и охота была удачной. Привыкли вогулы к Григорию, подружились. И вот теперь прибывшим предстояло получить от местных жителей безоговорочное согласие на строительство завода. Иначе не бывать Походяшину горнозаводчиком.

Данило Титов по прибытию отправился на переговоры к Ивану Маслову, что жил по речке в семи верстах. Остальные начали готовиться к ночлегу. За ужином разговор вёл Леонтий.

- Скажите, уважаемые, не будет ли вам худо, если на Колонге завод построят?
- Не будет, не будет, начальник! – чуть ли не хором ответили Пётр с Иваном. – Григорий обещал добро, мы ему верим.

- Григорий зря не скажет, с новыми людьми уживётесь мирно, и вам легче будет.

На том и порешили. Перед сном выпили по чарке за здоровье и успешную охоту.

На другой день вернулся Данило и подал Леонтию сотворённый с вечера документ, под которым вместо подписей уже стояли тамги: Масловы ничего не имели против заведения завода.

- Трудный ли был разговор? - спросил Леонтий.

- Не больно трудный. Выпили малость, да и пошло дело. Хорошие люди.

- А что про вагранских вогул узнал?

- Говорят, кроме четырёх семей там никто не живёт. А рудники на Колонге, мол, действительно приисканы были посланными от Походяшина людьми, и до тех мест им дела нет. Ты сказку-то посмотри, там всё описано.

День угасал. Солнце садилось в той стороне, куда утром 18 сентября и отправились: По холодку кони шли бодро, да и тропа была добрая, натоптана изрядно, видно, часто по ней ходили. А привела она к полудню на берег Вагран, прямо к юрту Петра Тихонкова, чьи строения были на другом берегу.

По воде плыли жёлтые листья, и тёк Вагран нехотя, будто устав от летней круговерти. Был он по-осеннему прозрачен и зябок. Пофыркивая и вздрагивая от удовольствия, кони напились и пошли бродом. Вся семья Тихонкова высыпала на берег. Дети радовались лошадям, брали их под уздцы, помогали развьючить. Спешить было некуда. Пётр сказал, что увидеть всех можно только завтра, ведь надо ещё известить. И не мешкая, отправил старших сыновей по вагранским юртам. С одним из них на переговоры к далеко живущему Степану Мунтину отправился и Яков Пинягин.

Гости прибыли на другой день. Они внимательно слушали Леонтия, согласно кивали и цокали, а когда Степан Богомолов, скрипя пером, завершил написание сказки, поставили под документом свои тамги и отбыли. Вечером Леонтий записал в своём путевом журнале:

«1757 года, сентября 19 дня призваны были живущие вблизи упоминаемых на речке Колонге рудников с Ваграну-реки жители Данило Петров сын Алтипков, Степан Яковлев сын Мунтин, Пётр Тихонов сын Тихонков, Фёдор Алексеев сын Маслов, которые подтвердили слова Кочкиных и Масловых, что ежели на Колонге Походяшиным завод построится, то они от того никакого себе помешательства и утеснения не признавают».

Путру Пётр повёл их напрямик к устью Колонги. Быстрая речка словно раздвинула здесь лесистый увал для встречи с буйным Ваграном, бегущим в скалистых берегах. Левый берег казался ниже правого, где они спешили. Оглядев окрестность, Иван сказал:

- Доброе место под завод Григорий Посников выбрал. Можно запереть здесь речку плотиною.

- Однако наперво надо прииски осмотреть, - ответил Леонтий, беря лошадь под уздцы. - Будет руда, будет и завод.

Спустились к устью Колонги и мерной цепью начали отсчёт расстояния до первого рудника. По словам Петра, лежал он вверх по Колонге не очень далеко. Левым лесистым берегом добрались до него к полудню. В отлогой горе, на сбегавшем прямо к реке северо-восточном склоне нашли три шурфа. В двух из них была железная руда, такая же, какой большими камнями полно было на самом склоне. Сам Бог создал здесь рудный склад на 220 сажень вдоль склона и настолько же сажень в гору. Высота его была не менее семнадцати сажень. Мерная цепь прилипала к камням: руда была магнитной.

От устья Колонги прошли семь вёрст с гаком. После осмотра и обмеров Пётр сказал, что второй рудник - почти рядом, но на другом берегу. А потом вывел их на тропу к дому. В тот

вечер Леонтий отметил в своём журнале: «Лес на оной горе сосновый, с которого нынешней осенью пожаром стоячего и самосушного подгорело и вывалилось немалое число, так что местами пешему человеку едва пройти можно».

На втором руднике над берегом стояла изба с нарами из жердей человек на восемь. Берег уходил к северу крутым скатом. Рудные каменья буквально покрывали склон. По подошве этой рудной лавины намерили 110 саженьей. Леонтий записал в журнал: «Руды железной разборной имеется немалое довольство, наломано до десяти тысяч пудов, шурфами разработано. Из добытой взято на пробу руды железной десять, а медной пять фунтов».

Ночью заметно похолодало, а днём ветер гнал тучи с запада, сквозь которые иногда проглядывало солнце. Пробираясь к третьему руднику через большой сосновый лес, местами через гарь, Леонтий беспокожно поглядывал на небо: не подул бы борей со снегом.

успеть бы до хляби. За версту до речки Еловки опять пошла гарь. Лес поредел и перед небольшой горкой кончился. По всей горке большими и малыми каменьями лежала светлая магнитная руда. Нашли и обмерили три шурфа, про которые Леонтий записал: «...длиной и глубиною по одной сажене, шириною по полтора аршина, в которых по бокам и в глуби руда такова же, как и по поверхности земли, добыто руды до 5000 пудов, из оной взято для пробы 10 фунтов».

Когда возвращались, Иван спросил:

- Сдаётся мне, Леонтий, ты рудниками доволен.
- Повезло купцу на первых порах. Чугун есть из чего плавить. А в медной руде надёжы пока не вижу. Теперь твоё слово, Иван. С чего начнём, с верхнего или нижнего места?
- На верхнее удобней со второго рудника зайти.

Так и решили. Осмотр верхнего места под завод занял весь следующий день. Место оказалось удобным. Плотину можно было поставить меж береговыми увалами, поросшими лесом. Глины для неё вполне хватало. Первые рудники были менее чем в двух верстах, до третьего - более пяти вёрст. Промерив глубину Колонии, Иван подсчитал, что две домны и четыре молота с кричными горнами поставить можно.

Заночевать решили в избе на руднике. Слава Богу, комаров не было. Изба курная, с дымником под крышей, а потому дым от каменки не сильно мешал. Уж было совсем спать собралось, как за стеной послышался шум и крик: «Да здесь кто-то есть!»

- Здорово жили, честные люди! - сказал вошедший первым, видимо, главный. Это был, как выяснили при знакомстве, Григорий Посников. Он очень был рад встрече с посланцами Канцелярии и первым делом спросил про рудники. Получив ответ, повеселел, будто и не устал с дороги. Рассупонили лошадей и поужинали ухой. Оказалось, Григорий с товарищами возвращался с Улуса реки. Место для пристани искали по поручению Походяшина.

- Нашли удобное в устье Ямсы. Она впадала в Улус с правой стороны. С левой-то Жигалан впадал, что с горы течёт, а на нём водопады!

- Далеко это?

- Вёрст семьдесят будет. И дорог туда - никаких. Только верхом проехать можно. И лесов сосновых, годных для построения судов, не имеется, одни ельничные.

- Глухомань?

- И не говори. Не живёт там никто, кроме вогуляки Григория Губина с братом. Пустые места.

Помолчали. Каждый о своём думал.

- Зима на носу, успеть бы до снегов-то под рудники землю отвесьть.

- И то верно, торопись, Леонтий. На Поясовом Камне уже снега легли, мы с трудом

пробились.

Каменка медленно угасала. Укрывшись плащом, Леонтий думал о том, сколько дней ещё придётся по тайге шагать, отмеряя границы рудников. На пахучем лапнике думалось и спалось хорошо.

Поутру распрощались с Посниковым и отправились к устью Колонги левым берегом. Шли быстро. Благо, измерять путь цепью теперь не было нужды. Нижнее место осматривали основательно. Глины для перекрытия речки плотиной вверх по берегам было достаточно. Место для неё Иван определил в 260 саженьях от впадения в Вагран.

- Сажень на сто десять по поверхности плотина потянет, - сказал Иван, закончив подсчёты. - А пруд против верхнего места гораздо более будет, Лапча с озёрным Истоком его подпитают.

Он ещё долго и с большим тщанием промерял речной перебор, а потом объявил:

- Молотов восемь с горнами речка поднимет.

- Наконец-то разродился, - засмеялся Леонтий и предложил перекусить, чем Бог послал. Теперь уж окончательно стало ясно: заводу на Колонге быть!

Солнце садилось за Кумбой, когда они вернулись к жилью Петра Тихонкова. О том, что минувший день войдёт в историю Северного Урала, они не ведали. Были довольны, что половина дела сделана. Бог даст, и остальное успеют, была бы погода.

В свой первый приезд на Колонгу в сентябре 1757 года посланцы Канцелярии унтершихтмейстер Леонтий Яковлев и плотинный мастер Иван Савастьянов подтвердили, что железной руды здесь «довольно», лесов достаточно, но в медной руде никакой надёжности ещё не видно. Отметили границы рудников: по установленным в те времена правилам вырезали буквы (литеры) на деревьях, уложили по углам отвода в ямы «нетленные вещи» – уголь и бересту. Произвели расчёты мощности реки Колонги и одобрили выбор мест под заводы. К каждому руднику первоначально тогда отводили лесов «по три версты квадратно», что и было сделано. Семьи воголов Антипковых, Мунтиных, Тихонковых, Кочкиных и Масловых, проживавшие на берегах Ваграна и Сосьвы, заверили приехавших, что «никакого притеснения» от завода им не будет.

Заслушав отчёт своих посланцев, Канцелярия посчитала, что на нижнем месте строительство разрешить можно, а на верхнем, хоть и удобном, пока строить не нужно, дабы «не опустошить леса» – так было сказано в решении. Лучше поискать для этого более удобные места на других речках. Своё мнение вместе с чертежами и описаниями, подготовленными Яковлевым и Савастьяновым, Канцелярия направила в Берг-коллегию в начале ноября 1757 года.

Надо было ждать решения высшего горного ведомства. Но, видимо, для того, чтобы ускорить принятие положительного решения, Походяшин отправляет в Санкт-Петербург своего поверенного Ивана Хлепятина с челобитным письмом, в котором повторяет всё, что просил у Канцелярии, и заверяет, что намерения его тверды. А намерен он был строить свои заводы весной следующего года «сильною рукой» и именовать те заводы во имя верховных апостолов Петра и Павла Петропавловскими.

Что имел в виду будущий горнозаводчик, говоря про сильную руку? Скорее всего, деньги, которые во все времена считались силой. На сильного Бог да Государь, – говорили в народе. Возможно, купец имел в виду ещё и свои организаторские способности. А «к чему надлежит руки прикладывать, за свидетельством Верхотурской ратуши кредитное письмо объявил». Наверняка в нём говорилось о средствах, которые он намерен вложить в строительство. И ещё просил на окончательный отвод лесов и рудников послать именно Яковлева и Савастьянова, поскольку они здесь уже были и положение дел «аккуратно знать

могут». А Савастьянов ему был нужен и после – «до окончания строительства плотин и прочего».

Хлепятин передал письмо в Берг-коллегию в конце ноября. Ждать решения долго не пришлось. Указ был подписан в Берг-коллегии 4 декабря, Канцелярия получила его 7 января 1758 года. Максиму Походяшину разрешили построить на нижнем месте две домны в одном корпусе, молотовую фабрику, 2-3 медеплавильные печи с гермахерским и штыковым горнами. А с весны 1758 года он должен был «приложить всекрайнее старание» к поиску удобного для построения молотовых фабрик места на других речках. И на все строительные дела по горному регламенту давалось ему три года. Удовлетворили и другие просьбы: отпустить с казённых заводов железные и чугунные материалы по «указным» (казённым) ценам и дать мастеровых, пока своих не обучит. А для обучения купить крестьян. «По пустоте тамошних мест» Берг-коллегия посчитала возможным приписать к заводам государственных крестьян из Чердынского уезда, если Сенат разрешит. Налоги за них должен был платить Походяшин.

Он беспрепятственно мог искать руды. Его дети, приказчики и мастеровые не могли быть избраны «в службы». Никто не мог их задерживать в пути к строящимся заводам с хлебом, харчевым запасом и с материалами для строительства, атак же при поисках руд.

Будущего заводчика освободили от постоев и других «отягощений и препятствий», мешающих скорейшему пуску заводов. Он мог покупать для заводских надобностей и для поселения своих людей пашенные земли и покосные места у местных жителей с уплатой пошлин и оформлением соответствующих документов. В соответствии с Берг-регламентом и Берг-привилегиями помощь государство обещало немалую, но с условием: Походяшин строит заводы "собственным коштом" - на свои средства, не требуя денег из казны. Указ определял нормы приписки крестьян к домне, молоту и медеплавильным печкам.

Все решения властей для начала нового дела были получены. Можно было двигать его далее. В начале февраля он просит Канцелярию направить на строительство своего завода доменного подмастерья Тараса Швейкина с Сысертского завода и ученика меховых дел Василия Кострыгина с Екатеринбургского завода. Видимо, он уже знал их способности и договорился с ними. А для отвода лесов, мест под заводы и рудники просил послать не позднее марта непременно Савастьянова и Яковлева, которые те места осматривали и одобрили. Возможно, боялся, что другие посланцы Канцелярии могут их забраковать и все планы его нарушат.

Канцелярия без промедления выполнила просьбу, направила к Походяшину Швейкина и Кострыгина, а сам он дал подписку, что содержать их будет «добропорядочно» и вернёт, когда потребуют. В эти же дни контора Алапаевских заводов получила указ отпустить Походяшину нужное количество материалов и инструментов для строительства, и уже через неделю Иван Савастьянов принял под роспись 16 наименований чугунных изделий, общим весом 922 пуда, и 14 наименований (568 пудов) железных припасов, голландские пилы и другой инструмент. Весь этот груз (без малого 24 тонны) надо было доставить на Колонгу по зиме, как говорил Походяшин, "пока земля не растаяла". Вывозили санным обозом, и если разом, то использовали для этого не менее семидесяти лошадей. Лошади требовались и на строительстве завода. С ямщицким народом Походяшин был хорошо знаком, и нанять нужное количество мужиков с лошадьми вряд ли было особо хлопотно. По мартовским снегам все припасы с Алапаевского завода были вывезены на Колонгу.

Год больших поисков

Вспомним: Берг-коллегия не разрешила Походяшину строить завод на верхнем месте реки Колонги, чтобы не опустошать леса. Она потребовала с весны 1758 года приложить "всекрайнее старание" в поиске мест, удобных для строительства молотовых фабрик на других реках и в поиске руд. Ведь чтобы перековать на молоте чугунную крицу в железо, её требовалось нагреть в горне, который пожирал немало древесного угля. Уголь выжигали днём и ночью, заготавливали впрок, чтобы печи и горны могли работать непрерывно. Для этого действительно требовалось много леса. Поэтому с ранней весны посланцы Походяшина ушли в тайгу искать руды и места на других реках.

Поиски не были напрасными. В конце июля Походяшин отправил в Канцелярию реестр на 29 приисков с образцами руд. Среди новых приисков было 18 медных. Хозяин строящегося завода просил позволить Яковлеву эти прииски описать и ограничить. В реестре значился прииск в Терсяцкой слободе – территории нынешней Курганской области. Выходит, люди Походяшина искали руды не только в границах Северного Урала. А среди медных значился прииск на реке Турье, где ранее медных руд не находили, а вернее, и не искали. Результаты лабораторных испытаний показали, что медные прииски содержали невысокий процент металла – до пяти фунтов на центнер, а железные до 55 фунтов. 7 августа Канцелярия повелела заводчику рудные места разработать, не упуская летнего времени, и где надежная руда окажется, те места Леонтию Яковлеву освидетельствовать, описать и назначить им границы.

Любопытно, что в этот год, когда собственный завод ещё только строился и каждый рудный прииск в его окрестностях имел большое значение, Максим Походяшин вдруг добровольно уступает барону Александру Строганову железный прииск на речке Оленьей и два медных на речке Лямбе – на притоках в верховьях Ваграны. Барон решил построить в тех местах собственный завод. А какими намерениями при этом руководствовался Максим Михайлович?

Для начинающего заводчика это был дипломатический ход, который мог иметь (и действительно имел) последствия для отношений владельцев, хозяйствующих на смежных землях. Строгановы были давними хозяевами приуральских и части сибирских земель, пожалованных им ещё царём Иваном Грозным. Теперь по соглашению сторон Строганову отошли все прииски к западу от границы отвода лесов для Петропавловского завода. Возможно, Походяшин хотел заявить о себе в высшем свете и с первых своих шагов на новом поприще установить добрососедские отношения с бароном. Но могли быть и другие причины.

Он не мог не понимать, что составить конкуренцию «железному кролю» Демидову будет весьма проблематично, построив завод в глухомани, где не было путей для вывоза продукции на рынок. Затраты будут слишком велики. Иное дело производство меди. Здесь серьёзных конкурентов мало, спрос на медь велик, а стоимость её на рынке была в двадцать раз выше, чем железа. А потому с уверенностью можно говорить, что Походяшин надеялся найти на севере богатые месторождения медной руды. Можно предположить, что с открытием первых медных приисков на Колонге Максим Михайлович с одержимостью устремился к своей цели. Он отдал Строганову место под завод, получив взамен прииски медных руд в верховьях Серебрянки и Ляли, где были селения и дороги. К тому же рядом находились медные рудники бывшего Лялинского завода, в которых после закрытия завода, как считал Походяшин, могла остаться руда.

Тем временем Леонтий Яковлев закончил отвод лесов и, пробыв некоторое время в

Петропавловском заводе, отправился в Екатеринбург. И уже в пути получил указ Канцелярии, по которому ему следовало освидетельствовать новые рудные места. Офицер обязан выполнять приказы, и он вернулся в Верхотурье, разыскал поверенного Ивана Хлепятина и получил от него письменное разъяснение о том, где находятся новые прииски. Ближайшие из них были в верховьях рек Лобвы и Ляли. 4 сентября он приступил к их обследованию и до 10 сентября осмотрел четыре прииска, один из них был медным. Двум приискам с железной рудой сделал отвод, установил границы. Однако этим командировка Яковлева на север не закончилась, хозяин завода вновь приготовил ему сюрприз.

2 сентября Походяшин прибыл в Канцелярию и сообщил, что новые удобные для молотовых фабрик места найдены по впадающим в Лялю речкам Нясме и Павде. Освидетельствовать их он опять просит Яковлева и Савастьянова. На другой же день Канцелярия издаёт соответствующий указ, а чтобы с новым поручением Яковлев не медлил, отправляет ему указ с самим Походяшиным. Очень торопился заводчик: приближалась зима, а дел - невпроворот.

Леонтий и Иван осмотрели речки и леса и решили, что на Павде завод построить можно. 21 сентября они вернулись на Колонгу. Савастьянов снова приступил к строительству завода, а Яковлев продолжил освидетельствование рудников на Колонге. 21 сентября осмотрел прииск с самым высоким содержанием чугуна (55 фунтов) и отвёл ему границы, а три медных прииска нашёл недостаточно разработанными. И тут вручили ему новый указ Канцелярии: вместе с Савастьяновым освидетельствовать место под завод на Вагране и рудники, отданные Строганову. 22 сентября они выехали и пробыли там до конца месяца.

Место, удобное для постройки завода, нашли на левом берегу Ваграны, в 25 верстах к западу от строившегося Петропавловского завода, в одной версте от устья речки Лямбы, недалеко от горы, где люди Походяшина добывали камень для кладки доменного горна. 28 сентября здесь состоялась встреча с Григорием Посниковым. С ним Яковлев, Савастьянов и приказчик Строганова Федор Ваулин ездили на уступленные Строганову железные и медные прииски, а так же и на указанные Посниковым поблизости четыре железных прииска, найденные им для барона. Но определить надёжность приисков, убедиться, что там руды достаточно, не удалось. Потому что к тому времени выпал снег «в три четверти аршина» (более полуметра), а на горе Брусковой в аршин с лишним. К тому же Ваулин отпустил своих людей домой, поскольку у них кончились харчевые припасы.

Всё лето посланцы Походяшина искали руду и удобные для построения заводов и молотовых фабрик места на северных речках Верхотурского уезда. И 2 сентября лучшее место они нашли на реке Турье в сорока верстах к югу от строящегося Петропавловского завода. Яковлев и Савастьянов осматривали его 2-4 октября, и Савастьянов сделал вывод, что здесь можно будет построить фабрику на 8 молотов. Но судьба распорядится так, что вместо молотовой фабрики позднее здесь был построен Богословский медеплавильный завод. Осмотрели и леса, которых вполне хватало для работы будущего завода. Мест под пашню здесь не было, а покосные места были, но в сорока верстах – на Сосьве.

Осмотрели они и новые прииски: 8 октября – медный по течению Турьи на левой стороне в утесе в западную сторону, «от воды вверх в сажене, расстоянием от устья оной речки в 25 верстах», а от отысканного под завод на Турье места ниже по течению в 10 верстах. Он был разработан отвалом в гору на сажень, где оказалась жила «медной руды с зеленью... толщиной в аршин».

Это был самый первый из открытых позднее богатейших Турьинских рудников. И

чтобы разработать его первоначально вручную «отвалом в гору на сажень», потребовался не один день. Значит, было здесь какое-то временное жилище для работников – изба или даже шалаш. И потому 8 октября 1758 года считают в Краснотурьинске датой основания своего города, хотя Яковлев этому руднику даже границ не определил и чертежа не составил. Открытие главного богатства – Васильевского рудника, названного Походяшиным в честь старшего сына, было ещё впереди. Таким образом, Леонтий Яковлев и Иван Савастьянов, сами того не подозревая, осенью 1758 года определили основы будущего походяшинского хозяйства на севере Верхотурского уезда и будущее Северного Урала. 22 ноября Яковлев вернулся в Екатеринбург. Сколько вёрст он преодолел по тайге вместе с Савастьяновым без дорог, верхом на коне и пешком? Очень много, подсчитать невозможно. Это была тяжелейшая командировка.

А Походяшин ни на день не прекращал свои хлопоты. 27 ноября он просил Канцелярию разрешить ему построить завод на Турье, разработать бывшие рудники остановленного казённого Лялинского завода, продать ему его припасы, на которых охотников не было. Заботится и о кадрах: просит принять для обучения железному и медному делу на казённые заводы семерых «вольных охотников» (ведь крепостных у него не было). Обучить своих людей плавке меди он просил известного плавильного уставщика Пермских заводов Фёдора Яковлева (отца Леонтия Яковлева). Причём, обучить за счёт казны, поскольку во время обучения «работать они будут, заменяя других работников, в пользу тех заводов», на которых будут обучаться.

8 декабря Канцелярия разрешила Походяшину строить завод на Турье, места, удобные для заводов на Нясме и Павде записала за ним же. Разведанные прииски на речках Талице, Чёрной и Ермаковой повелела в удобное для него время разведать обстоятельно, а с Лялинских рудников руду добывать и на заводы возить, ежели она там окажется. Припасы бывшего Лялинского завода решили отдать ему по казённым ценам; пятерых вольных наёмных людей принять на екатеринбургские заводы для обучения ковке железа, остальных направить для обучения к Фёдору Яковлеву в Пермь с пропитанием за счёт казны. С мнением Канцелярии могла не согласиться Берг-коллегия, но она согласилась. Так закончился 1758 год - год начала строительства завода, год больших надежд Походяшина на открытие новых месторождений медных руд.

Чугун и железо

В Государственном Архиве Свердловской области (ГАСО) хранится план, составленный Леонтием Яковлевым и Иваном Савастьяновым, по которому начали строить Петропавловский завод. На нем обозначены:

«1) плотина; 2) крепостные свинки; 3) откосные свинки с открьлками; 4) прорезы; 5) против вешняшного прорезу двор; 6) вешняшной мост; 7) лари; 8) костыли; 9) домна о двух корпусах; 10) доменной двор; 11) молотовые фабрики; 12) плавильная фабрика; 13) якорная, стальная и укладная; 14) каналы; 15) амбары для содержания железа и протчих припасов; 16) кузница; 17) пробная; 18) кантора; 19) меховая; 20) линии под обывательские квартиры; 21) проезжие улицы; 22) переулки». Всё это в соответствии с указом Берг-коллегии требовалось построить за три года.

В первое лето главной заботой строителей были плотина и домна. Без сомнения, строили и жилые дома, чтобы можно было зимовать. Уже 2 сентября 1758 года Походяшин сообщил в Канцелярию, что «за помощью Божией на речке Колонге плотина и фабрики строением производятся». Из каких мест нанял Походяшин людей на строительство?

Сведений об этом не найдено, но можно предположить, что это были жители ближайших поселений, способные к плотницким работам, и нанятые с лошадьми на перевозку глины для плотины и вывозку леса. Ближайшими селениями были деревни Лопаева, Коптякова и уездный город Верхотурье. Высокую оценку их труда дал академик П. С. Паллас, побывавший на заводе в 1770 году. Он писал:

«Каменистая речка Колонга в Вагран текущая перепружена, и своими крутыми берегами, хотя небольшой составляет пруд, но водою всегда довольный. Весьма разумно сделали, употребив на водяное строение лиственничное дерево, которое в воде почти неистлеваемо, надобно желать, чтобы везде, где только можно, сему последовали примеру».

Судя по сохранившимся чертежам, заводская плотина представляла собой слоёный пирог: на слой глины уложен слой лиственничных брёвен, затем шёл слой глины, на который уложены два слоя таких же брёвен, затем снова глина и опять два слоя брёвен, и снова - глина и два слоя брёвен, покрытых глиной. По рассказам старожилов, в таком виде она и сегодня лежит под шоссейной асфальтовой дорогой, что идёт от улицы Павла Баянова к мосту через канал Колонги. Из лиственницы были выполнены и все конструкции прорезов (шлюзов) плотины.

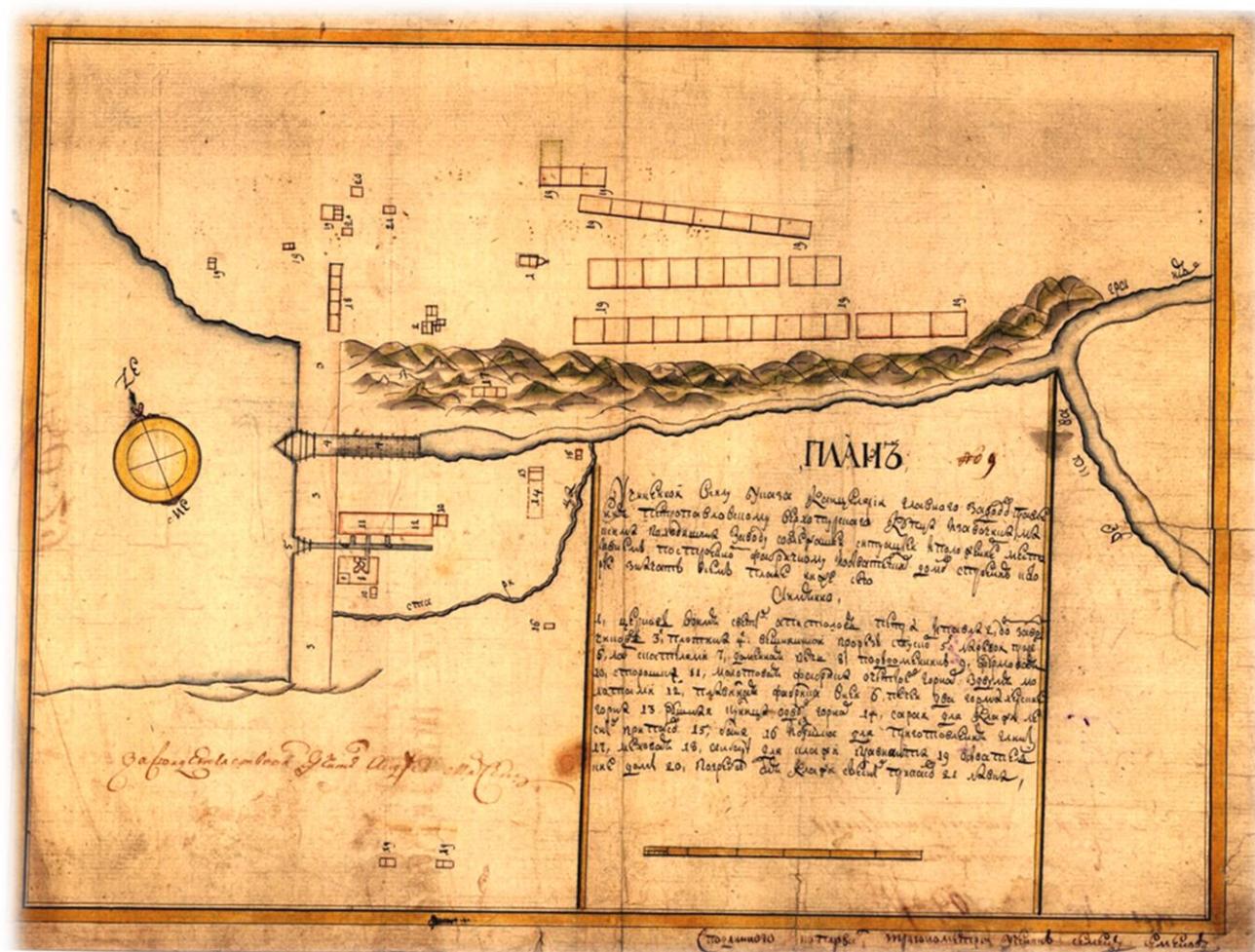
Главной заботой Походяшина теперь становятся мастерские. Напомним: в феврале 1758 года для строительства домны к нему были отправлены доменный подмастерье с Сысертского завода Тарас Швейкин и меховой ученик с Екатеринбургского завода Василий Кострыгин. Тогда же Походяшин сообщил, что других мастеровых он попросит, когда они понадобятся. Ведь домны ещё не было. Прошел год. До выплавки первого чугуна оставался год с небольшим. Чтобы обучить людей «ковке железа», построить молотовые фабрики, тоже требуется время. Поэтому 9 марта 1759 года Максим Михайлович просит Канцелярию дать ему с казённых заводов трёх молотовых мастеров, одного дощатого и одного фурмового мастера, ибо у него «собственных людей, к тому искусных, не имеется и вольных никого сыскать не можно...»

В это время многие казённые заводы передавали в частные руки, поэтому на оставшихся в казённом содержании заводах мастеровых оставалось немного. Но поскольку Берг-коллегия требовала «к размножению промыслов советом и делом помогать», уже через два дня в Канцелярии решили дать Походяшину трёх молотовых и одного дощатого мастеров с Екатеринбургского завода, а фурмового – из учеников с Каменского завода. Это были молотовые мастера Антон Герасимов, Тимофей Чуркин, Никула Фёдоров и дощатый мастер Егор Питерский, получавшие за свою работу по 65-66 рублей в год. С Каменского завода был определен фурмовой ученик Яков Холкин, который получал 16 рублей в год. Холкину по его просьбе («чтоб я и оставшиеся жена и дети в пропитании и одежде не могли иметь нужды») Канцелярия увеличила жалованье, на время пока он будет находиться у Походяшина, до 24 рублей в год. Отправились они туда в конце марта 1759 года. А в ноябре Максим Михайлович сообщил Канцелярии, что строительство домны и молотовых фабрик заканчивается, и передал доношение от работавших у него казённых мастеровых. Они докладывали, что на заводе нет знающих дело доменных, молотовых и дощатых подмастерьев и подсобных работников. А без них пустить завод в действие никак невозможно, ибо «с незнающими людьми не только их обучить, но и настоящего своего порученного дела не исправить». То есть, когда начнётся производство, им без помощников, хорошо знающих процессы выплавки чугуна иковки железа, не обойтись.

Так случилось, что в это время ушедших в отставку или назначенных к отставке подмастерьев и работников не было, а работающих отдали на частные заводы. Кто-то

находился «при денежном деле» (монетном дворе), кто-то в карауле – послать некого. Но тут несчастье помогло: на Екатеринбургском заводе часть фабрик сгорела. И Канцелярия отправила на Петропавловский завод тех, кто был временно свободен из-за случившегося пожара. Решение было принято 28 декабря, но только к середине февраля 1760 года были определены с Каменского завода доменный подмастерье Семен Тупикин, с Екатеринбургского – дощатые подмастерья Никула Комаров и Евдоким Селянин, дощатый работник Филат Комаров, молотовые подмастерья Дмитрий Степанов, Игнатей Ялунин, Иван Спиридонов, молотовые работники Павел Парамонов, Яков Порошин, Егор Крохалев.

До окончания строительства ещё был целый год, но Берг-Коллегия уже подгоняла заводчика: указом от 29 февраля 1760 года она требует, чтобы домну, пять молотов для перековки чугуна в железо и восемь медеплавильных печек он «все, конечно, построил и в действо пустил в нынешнем 1760 году к декабрю неотменно, не принося никаких отговорок». Надо полагать, главное горное ведомство было заинтересовано не столько в чугуне и железе (его исправно поставляли заводы Демидова) сколько в скорейшем получении меди. А поскольку для наладки доменного производства Канцелярия главного заводов правления дала ему всё, что он просил, можно было и требовать. И Походяшин не подвёл Канцелярию: домна была построена и пущена в действие до срока. В ведомости Петропавловской заводской конторы за 1760 год, подписанной сыном заводчика Василием Походяшиным, говорится: «построен и в действие пущен доменной горн июня с 26-го числа 1760 году».

План 1760 года

Тут же сказано, что в 1760-м году было выплавлено 7000 пудов чугуна в штыках и крохах, вылито разных чугунных припасов в песок общим весом 1443 пуда 20 фунтов. Из чугуна было сковано под большим кричным молотом 497 пудов 5 фунтов железа разных сортов на разные заводские поделки. По себестоимости чугун штыковой получился от 10 до 12, чугунные припасы от 15 до 18, железо полосовое от 35 до 40 копеек за пуд. На внутренние заводские потребности было израсходовано 1000 пудов чугуна штыкового, все чугунные припасы, отлитые в песок, и 246 пудов 12 фунтов железа разных сортов. В продажу и в «заморский отпуск» (на экспорт) ничего не осталось. Железо разных сортов было сковано под большим молотом и ушло только на заводские нужды. А чтобы наладить выпуск полосового железа разных сортов для продажи, требовался более опытный мастер - уставщик. И Походяшин письмом в Канцелярию сообщил, чтоковка полосного железа начата, только «за неимением уставщика в настоящий порядок не приведена». И просил прислать уставщика. Канцелярия отправила к нему бывшего молотового уставщика, а теперь уже мастера Павла Иванова, сроком на двадцать дней.

Выплавку чугуна и ковку железа наладили, и хотя трехлетний срок пребывания на заводе мастеровых еще не закончился, Походяшин отправил в Екатеринбург Антона Герасимова и Никулу Федорова, которые «за старостью и от продолжительных трудов крайнюю слабость имеют, и впредь... должности исправлять не в состоянии». С ними отправили и Егора Питерского с четырьмя работниками. В архиве хранится доношение молотового мастера Тимофея Чуркина, где он сообщал, что был послан к Походяшину «для дела кричного железа» в марте 1759 года, а 10 марта 1761 года из-за недостатка на заводе чугуна для перековки в железо отпущен для свидания с домашними. В Екатеринбурге он сильно заболел и оправился от болезни, когда закончился срок его пребывания у Походяшина. Поэтому Канцелярия опять определила его к кричному делу на Екатеринбургском заводе.

Нет сомнений, что первую руду для выплавки чугуна брали из ближайшего рудника на Колонге. Но из сообщения мастера Тимофея Чуркина ясно, что уже через несколько месяцев с выплавкой начались трудности, перековывать в железо стало нечего. На то были серьезные причины. Судьба железоделательного производства на Петропавловском заводе оказалась не столь удачна, как судьба медеплавильного.

Казенные мастеровые, которые участвовали в подготовке, выплавке первого чугуна и выковке первого железа, были разного возраста, но дело знали. Самому старшему из них Никуле Фёдорову – 65 лет. Родом из крестьян, он в 15-летнем возрасте был определён на завод и 27 лет проработал молотовым мастером. Почти такой же стаж работы молотовым мастером был у 58-летнего Антона Герасимова, потомственного мастерового. Чуть поменьше – 23 года – отработал молотовым мастером 56-летний Тимофей Чуркин. Все они с одного завода, весьма опытные и хорошо знавшие друг друга.

Потомственными мастеровыми были и остальные. Тарас Семенович Швейкин был в числе первых учеников первой уральской школы в Уктусском заводе. В службу вступил в 1734 году учеником. Позднее работал доменным подмастерьем на Верх-Исетском цесаревны Анны (1745 г.) и Сысертском императрицы Анны (1753 г.) заводах.

Василий Прокопьевич Кострыгин (Кострикин) родился в 1726 году. Сын отставного кузнеца «государевой мельницы», жителя Ирбитской слободы, в 1724-м году работал на Лялинском медеплавильном заводе. После смерти отца, в декабре 1738 года был определен в Екатеринбургскую арифметическую школу, где, кстати, учился вместе с будущим выдающимся механиком Иваном Ползуновым. У Походяшина он появился, имея 16 лет

стажа меховым учеником. С 1767 года – машинный подмастерье, автор оригинального проекта гуртильных машин для Екатеринбургского монетного двора. В дальнейшем работал на Кушвинском заводе, в Монетной экспедиции, на Березовских золотых промыслах, умер в 1807 году.

Самый молодой, 28-летний Егор Питерский уже 16 лет служил «при деле железа» на Екатеринбургском заводе, в 1755-м он здесь же «дощатой фабрики подмастерье» при расковке штыковой меди в доски. Тридцатилетний Яков Холкин за 13 лет службы на Каменском заводе хорошо освоил «фурмовое и песошное» дело. Как видим, Канцелярия направляла к Походяшину не случайных людей.

Весть о том, что верхотурский купец затеял на севере большое дело и берёт людей на строительство, быстро распространилась по Верхотурскому уезду. К весне 1759 года в заводском поселении на Колонге собралась уже не одна сотня вольнонаёмных. Были и беглые без паспортов, которые находили здесь кров и работу за кусок хлеба. Начались воровство, драки. Это обеспокоило хозяина настолько, что 9 марта 1759 года он попросил у Канцелярии для охраны и усмирения вольнонаемных работных людей, «дабы от них ссор, драк и оттого паче чаяния смертного убийства, а особливо от воровских станиц (станция - воровской притон) грабительства и разбоя последовать не могло», дать из Екатеринбургских рот пятерых солдат («хотя бы из отставных»). За его счёт на срок до первого октября. «А без таковых,- писал Походяшин, - ни по которой мере пробыть не можно». Канцелярия направила на завод пятерых отставных солдат с оружием, со смутьянами разобрались.

По осени пришла другая беда – начались болезни. 12 ноября 1759 года Походяшин написал в Канцелярию о том, что для лечения больных ему «потребен знающий то искусство, ибо при заводе больных немало умножилось». И на завод был послан лекарский ученик Иван Панаев, который пробыл здесь до Нового года. О результатах его работы есть рапорт: на осмотр явились 132 человека, 60 из них болели в основном цингой и были отпущены по домам, 11 человек умерли, осталось 60 не пролеченных – не хватило медикаментов.

К сожалению, болезнь не пощадила и руководителя строительства, мастера по установке плотин и водяных колёс Ивана Савастьянова. Он скончался в июне 1759 года. Вместо него 9 июля 1759 года из Екатеринбургской заводской канторы был направлен «знающей производство в строении плотин и дела водяных колес» мастер Анисим Ломаев.

К лету 1760 года, к моменту первой плавки чугуна был готов доменный двор длиной 15, шириной 11 и высотой три с половиной сажени. В нём находились: корпус домны на кирпичном фундаменте длиной 6, шириной 5 и высотой 3 сажени; два молота, водяное колесо и печь для выплавки меди. Производство вели 7 казённых мастеровых. 132 человека «работных» людей – вольные и два-три десятка приписных крестьян Чердынского уезда использовались на «чёрных» работах – в доменном дворе, на рудниках, перевозках, углежжении.

Между тем приписка чердынцев шла медленно из-за нежелания крестьян покидать свои семьи в разгар страды. На январь 1761 года на заводе числилось 40 приписных (на январь 1762 года – 80 приписных). Не менее 60-ти человек после посещения врача остались не пролечены, болели цингой. На вспомогательных работах людей не хватало. Из-за тяжелых условий труда и быта росло недовольство, и в 1761 году 200 человек убежали с завода, в том числе и вольнонаемные.

В отчете за 1762 год указано, что «домна находилась в остановке из-за разгорания горнового камня», – выгорела обмуровка. Согласно указу, Походяшину следовало иметь

вторую доменную печь, но она так и не была построена. С этого года, с пуском первых медеплавильных печей, главное внимание заводчик уделяет производству меди. Из года в год оно неуклонно росло.

К этому времени Посниковым было найдено месторождение бедных железных руд от завода в трёх верстах ниже по течению Вагранна «за Сарайной речкой подле Даншинскую дорогу на плоском месте, в сосновом лесу» (позднее месторождение было нанесено на карту как «Благовещенское», а в 1931 году получило название «Красная шапочка»). В 1932 году его начали разрабатывать. О том, что это боксит, ни Максим Походяшин, ни Григорий Посников не знали и знать не могли. Поэтому попытка получить чугун из руды Благовещенского месторождения окончилась неудачей. Возможно, после первой неудачной попытки было решено испытать плавку руды из этого месторождения в измельченном виде. С этой целью перед доменной печью установили толчею с девятью пестами. В 1763 году «доменный горн пущен 11 сентября и в действии находился по 4 ноября» – 53 дня. За это время получили 2796 пудов 25 фунтов «чугунных припасов литьём в песок».

С ноября 1763 года домна была остановлена из-за нарушения обмуровки. Не работала она и в первой половине 1764 года из-за отсутствия горнового (обмуровочного) камня, не работала и в 1765 году. Доменная печь по технологии действует непрерывно и должна находиться в работе без остановки 12 лет. У Походяшина обмуровка пришла в негодность после нескольких плавок. Вполне вероятно, что в стремлении выплавить металл из ближнего от завода («три версты низом») месторождения «убогой» руды, максимально поднимали температуру печи, что и привело к разрушению обмуровки.

Простаивала домна и в 1767 году, а в последующие работала всего по несколько недель в году. Без малого 12 тысяч пудов «убогой» руды лежали на заводе мёртвым грузом. Использовали руду других ближайших приисков. В дальнейшем чугун выплавляли тогда, когда появлялась необходимость литья различных заводских изделий. Железо также выковывали для собственных целей.

Самым лучшим годом по выплавке чугуна оказался 1766 год. Видимо, связано это было с разработкой Троицкого рудника. Кроме того, Походяшину запретили отправлять с завода медь до выхода соответствующего указа, очищать ее на заводе, выливать не в круги, а в штыки. Сколько в этот год выплавляли меди – неизвестно. Возможно, её совсем не плавляли, а домна проработала 27 недель. Последнее железо выковали в 1775, а последний выпуск чугуна состоялся в 1778 году. Всего за эти годы (без учёта 1769 года, данные о котором пока не найдены) завод произвёл 191518 пудов литья в штыки, 106960 пудов литья в песок для изделий и 61963 пуда выковано железа.

В 1779 году Походяшин обращается в Канцелярию с просьбой разрешить остановить производство чугуна. В этом году Походяшин откупил у Ливинцова часть Николае Павдинского завода и стал единоличным его хозяином. Иметь два железоделательных завода не имело смысла. Канцелярия пошла ему навстречу. С этого момента месторождения богатых железных руд по берегам Колонги оставались без разработки долгое время. Только в XX веке в связи с пуском Надеждинского рельсового завода вновь вспомнили о Покровском и Баяновском месторождениях железных руд.

Первая медь

Одновременно с домной строили и медеплавильные печки. Но для выплавки меди нужны были знающие люди. Поэтому ещё год назад Походяшин договорился с Канцелярией, чтобы отобранных им людей обучал на Пермских заводах плавильный уставщик Федор

Яковлев (отец Леонтия Яковлева). И вот 10 марта 1759 года Походяшин просит послать для обучения посадского из Соли Камской (так назывался тогда Соликамск) Дмитрия Семеновича Хлепятина, Степана Герасимовича Котельникова и верхотурского посадского Егора Васильевича Абушкина. Он их хорошо знал.

Степан Котельников был сыном служившего у него рудоискателя, а Дмитрий Хлепятин - племянником поверенного заводчика Ивана Хлепятина. Года за три до этого Дмитрий уже обучался пробирному искусству у Леонтия Яковлева, а спустя несколько лет он станет известным купцом. Очевидно, в Екатеринбург они приехали вместе с Максимом Михайловичем, так как уже на следующий день, 11 марта, заводчик получил от Канцелярии указ для Пермского горного начальства с повелением принять людей для обучения.

Высококласным специалистом по выплавке меди в то время был Федор Яковлев. Походяшин об этом знал и потому 12 ноября 1759 года он просил прислать на свой первый завод именно его, чтобы не случилось остановки ни в строительстве печек, ни в «установлении плавки».

Фёдор Патрикеевич Яковлев был родом с Вологодчины, из семьи государственного крестьянина города Тотьмы, что на реке Сухоне. С родителями переехал на Уктусский завод и в 1715 году начал здесь службу. Обучался медеплавильному делу у иностранных специалистов. Он первым из русских мастеров освоил европейский тип плавки меди в четыре цикла. Пять лет служил на Екатеринбургском заводе старшим шмельцером (плавка на черную медь), год – на Полевском заводе плавильным мастером. В 1731 году получил награду за открытие пяти железных месторождений близ Полевского завода. Неоднократно привлекался к консультациям по медеплавильному производству на Выйском заводе Акинфия Демидова, к освидетельствованию медных месторождений и залежей горного камня близ Полевского завода. Работал на Лялинском и Ягошихинском заводах.

С 13 апреля 1742 года Фёдор Патрикеевич назначается медеплавильным уставщиком над всеми казёнными Пермскими заводами (Висимский, Мотовилихинский, Пыскорский, Юговский-верхний, Ягошихинский) с окладом 84 рубля в год. Участвовал в опытах по внедрению двух циклов промышленной плавки меди (руда - чёрная медь - чистая медь), в монтаже и опробовании горнов «спленс-офен» на Мотовилихинском и Ягошихинском заводах. Будучи сторонником предварительного обжига и плавки руды на роштейн, способствовал распространению этой технологии на частных Пермских заводах. В конце 1759 – начале 1760 года участвовал в оценке Юговских медных заводов, отданных графу И. Г. Чернышову.

Канцелярия удовлетворила просьбу Походяшина. Она посылает Яковлева на Петропавловский завод сроком на один месяц, не считая проезда, за счет средств просителя. Федор Патрикеевич должен был дать письменное наставление о том, какие медеплавильные печи надо строить, каким порядком «по качеству тамошних руд медь плавить». В течение месяца консультировал он строителей, рассчитывал режимы плавки и весь процесс. Возможно, свои расчеты он передал Дмитрию Хлепятину, Степану Котельникову и Егору Абушкину, которых обучал плавильному делу на Пермских заводах.

Но одно дело выплавить чёрную медь из руды и другое дело очистить её в гермахерском и штыковом горнах. Для этого нужен был мастер более высокого класса – гермахерский. И нужен он был на такое время, за которое можно было бы своих людей обучить. 10 марта 1760 года Канцелярия решает послать на Петропавловский завод плавильного мастера Ивана Евсева, нужды в котором из-за пожара на Екатеринбургском заводе пока не было. И хотя гермахер в это время находился при монетном дворе, и нужда в

нём была не меньше, чем до пожара, контора, исполняя указ Канцелярии, отправила его на Петропавловский завод.

К этому времени Ивану Евсееву было не более 43-х лет. Родился он в семье солдата (по другим данным – в семье мастерового). Обучался в Екатеринбургской арифметической школе, а в октябре 1737 года был определён в Екатеринбургскую контору денежного дела в плавильные ученики с годовым жалованием 12 рублей 96 копеек. В мае 1750 года его аттестуют в минцпробиреры, и Канцелярия определяет его гермахером и штыковым подмастерьем с годовым жалованием 24 рубля в Якутск на Тамгинский завод на шесть лет. Через два года после возвращения в Екатеринбург он просит Канцелярию «за долговременную и беспорочную службу определить его гермахером к денежному делу», которое он хорошо познал и мог выполнять самостоятельно. Для этого 10 апреля 1758 года его аттестуют в гермахеры с годовым жалованием в 30 рублей, ибо «он ту должность совершенно знает, человек не подозрительный, состояния доброго и не пьяница». Так Иван Евсеев стал гермахерским мастером в Екатеринбургской конторе денежного дела, откуда и был направлен на Петропавловский завод. Вернулся он в Екатеринбург только в мае 1764 года. Узнаём об этом из доношения Василия Походяшина в Канцелярию: Евсеев печи построил и трёх человек «к плавке и очистке гермахерской меди обучил».

Любопытный факт: через 40 лет (в 1799-1801 годах) в Турьинских рудниках будет служить сын Ивана Евсеева, коллежский регистратор Василий Иванович. В свою очередь, один из его сыновей, Иван Васильевич, продолжит службу в Турьинских рудниках (в 1824-1835 годах) в качестве копеиста, подканцеляриста, унтершихтмейстера. В ревизской сказке Турьинских рудников упоминается дочь Ивана Васильевича – правнучка первого плавильного мастера Петропавловского завода. Судьба нескольких поколений Евсеевых была связана с заводами Походяшина.

Люди плавильному делу обучены, медеплавильные печи строятся. Два года назад в медных рудах благонадежности никакой еще не было. Откуда же взяли руду для первых плавок? Возможно, это была руда местная. Косвенно об этом говорит рапорт Екатеринбургского школьного подмастерья Петра Феофановича Солонина, который в 1759 году отводил леса к Турьинскому (Богословскому) заводу и освидетельствовал вновь найденные рудные прииски. 7 декабря он осматривал медной рудник, «состоящий выше Петропавловского завода, подле речку Колонгу, по течению оной на правой стороне. От речки во 145 сажнях, на отведенной в 1757 году пробователем Яковлевым для добычи железной руды дистанции, на которой в минувшем 1759 году, во время добычи железной руды, под оною оказалась в глубь медная мякая разборная руда, которой и добыто до 35000 пуд ... из ямы в гору двумя штольнями». Солонин писал: «Просил меня Походяшин, чтоб для добычи медной руды к прежней дистанции назначить еще другую такую же дистанцию, я другой дистанции, без особого указа, назначить не смел». Возможно, это был Покровский рудник. Но была ли эта руда доставлена в завод? Неизвестно.

Есть другой документ: Ведомость, поданная в Канцелярию 8 июля 1762 года приказчиком Петропавловского завода Иваном Смышляевым и подьячим Михаилом Беднягиным. В ней среди разработанных рудников, отысканных до 1761 года, указан всего один медный – Турьинский, по течению Турьи на левой восточной стороне, от зимовья Турьинского в трёх верстах, а от Петропавловского завода в 54-х верстах с благонадёжной рудой. Руды здесь добыто и в завод перевезено «остаточной от второй 1761 года половины добытой, обвалившейся с боков в северном шурфе 250. В первой сего 1762 году половине добыто 7200. Итого с прежнею 7450 пуд, которая в завод вывезена без остатку. Всего при

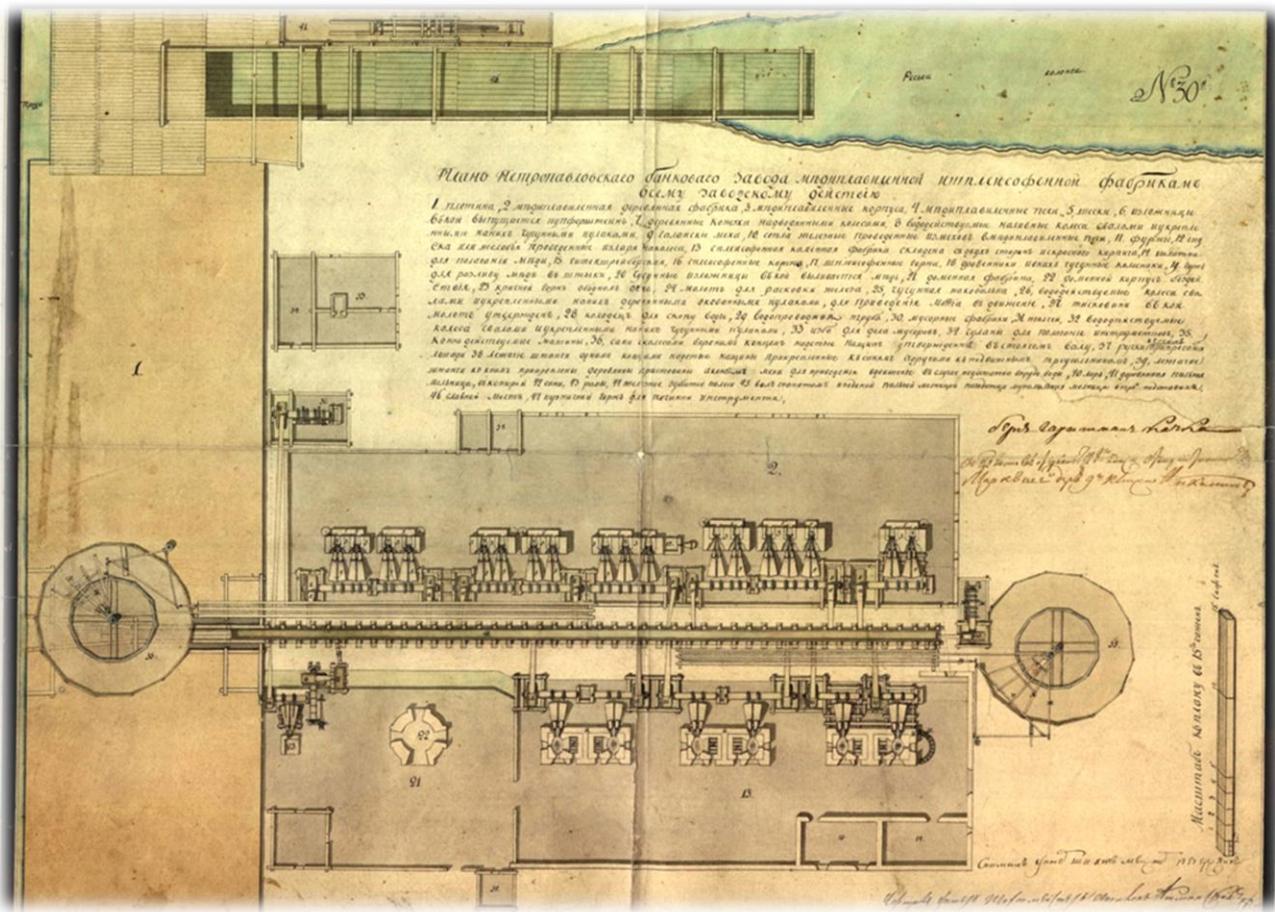
заводе руды, за издержкою, в наличии и с подрудками и прежними рудами 70400 пуд».

Как видим, документы не дают чёткого ответа на вопрос, из какого рудника была взята руда для первой плавки 1 мая 1761 года. Но точно известно, что в трёх рудниках по берегам Колонги и в двух рудниках на землях Андрея Денежкина по берегам Сосьвы на тот момент медной руды добыто не было, прииски не разрабатывались.

В феврале 1760 года Берг-коллегия решает взять у Походяшина «скаску» о количестве уже построенных домен, молотов и медеплавильных печек. По всей видимости, Максим Михайлович в это время находился в Санкт-Петербурге, так как в указе Берг-коллегии от 29 февраля 1760 года говорится, что верхотурский купец «скаскою» показал: «На речке Колонге построен Петропавловской завод, при котором имеется для плавки чугуна вододействующая домна одна, для ковки того чугуна в полосы вододействующих молотов пять... да для переплавки медных руд строятся ныне плавильные четыре печки, да к тому еще пред будущим сего года летом построит он при том заводе медеплавильных четыре печки. И к построению оных материал в готовности».

Как видим, Походяшин был намерен сразу вдвое увеличить количество медеплавильных печек. Но хоть Канцелярия и требовала полностью завершить строительство завода к декабрю «неотменно», 26 июня 1760 года начала работать только домна. Обещанное число медеплавильных печей до конца года построить не удалось.

14 мая 1761 года сын Максима Михайловича Михаил подает в Канцелярию следующий рапорт: «За Божией помощью, чрез прилежное отца моего Походяшина старание, с немалым употреблением капитала его, железовододействующей и медеплавильной Петропавловской завод построен. **И сего 1761 года мая 1 дня при оном заводе, по одну сторону ларя, пущено в действие в одной фабрике шесть печей медеплавильных**». Шесть печей, а не

План фабрики

восемь, как обещал отец. Канцелярия на это сообщение отреагировала с большим опозданием. Только 5 декабря, выслушав рапорт, она приказала послать на Петропавловский завод унтершихмейстера Ивана Колокольникова, чтобы тот, проведя пробную плавку, мог определить, сколько чистой штыковой меди завод сможет выплавить в год. Но 10 января 1762 года Колокольников сообщил, что «медеплавленные печи ныне состоят, за маловодием». К тому же и хозяин отбыл в Санкт-Петербург. И просил Колокольников не посылать его на завод, так как «хоть бы те печи и действовали, то без Походяшина произвести пробную выплавку никак не возможно». Боялся унтершихтмейстер гнева Походяшина.

Из доношения в Канцелярию Василия Походяшина узнаём, что в 1761 и 1762 годах завод выплавил чистой штыковой меди, «на денежное дело годной», 422 штыка, весом 425 пудов 31 фунт. Медь была отправлена в Екатеринбург с гармахером Иваном Евсеевым. Василий Походяшин просил выдать деньги за выплавленную медь находящемуся в Екатеринбурге своему поверенному при питейных сборах Василию Замятину.

Первую петропавловскую медь вывезли в Екатеринбург работники служителя Петропавловского завода Федота Галафтина - Ефтифей Васев и Петр Глазунов с товарищами. Канцелярия решает, по какой цене заплатить за медь - по 6 рублей за пуд, или по пять, как обычно принимали с других заводов. И 7-го февраля она приказывает Екатеринбургской конторе денежного дела присланную медь «со свидетельством мягкости ее и годности к употреблению в дело монеты, принять верным весом...», а оплату произвести по 6 рублей за пуд – 2554 рубля 65 копеек. Это был первый доход новоявленного заводчика от продажи меди. Большие прибыли были впереди.

Трагедия чердынских крестьян

Начиная строительство в глухих безлюдных местах, Походяшин понимал, что нужного количества свободных людей нанять на работы в округе не найти, рассчитывать можно было только на приписку к заводам государственных крестьян из Приуралья. И он наверняка знал, что это неизбежно вызовет их сопротивление и неповиновение. Так было при приписке крестьян к государственным Алапаевским заводам, к Невьянскому заводу Демидова и к Екатеринбургским заводам. Но выбора у Походяшина не было.

Рассмотрев просьбу заводчика, 19 января 1760 года Сенат разрешил приписать к его заводам 4200 душ крестьян сроком на десять лет (считая с 1760 года) из Чердынского уезда. Тех крестьян, которые ещё не были приписаны ни к частным, ни к государственным заводам. 2600 из них должны были работать на Петропавловском заводе.

Почему именно столько? Количество определили, исходя из сложившейся к тому времени практики. На каждую домну приписывали по 100 дворов, а на каждый молот – по 30 дворов, как было на заводах Демидова. При этом считалось, что в каждом дворе – четверо мужчин. К медеплавильным печкам приписали, как в своё время на завод графа Чернышева: по 200 душ на каждую тысячу пудов выплаваемой меди. Берг-коллегия напомнила Походяшину условия, которые он непременно должен был соблюдать.

Во-первых, крестьянам платить не меньше, чем им платили на казённых заводах. Во-вторых, использовать их на заводе только в свободное от крестьянской работы время, то есть, не использовать в летнюю страду. А работы, которые на заводе ведутся непрерывно, следовало производить людьми по найму. И платить за работу «в летнее время мужику с лошадей по десять копеек, а без лошади по пять копеек, в зимнее – с лошадей по шесть копеек, а без лошади по четыре копейки на день», а кроме того оплачивать «прохожие дни»

(переход от дома к заводам и обратно), крестьянской их работе не мешать, «поголовно всех (из семьи) на работы никогда не высылать», и платить за них подушный налог. Походяшин письменно подтвердил своё согласие со всеми условиями. А чтобы ускорить приписку, направил в Чердынский уезд приказчика Фёдора Агафонова.

Приписку вели местные власти. Для этого Соликамская воеводская канцелярия направила в Чердынский округ подканцеляриста Андрея Татаринова. Поехал с ним и Фёдор Агафонов. 1 мая 1760 года Татаринов сообщил, что крестьяне двух станов (так назывались здесь сельские поселения) отказались выслушать и подписывать указ. Мало того, на трёх солдат, посланных сюда, напали в дороге с дубьём, заявляя, что только «печатному» (с печатью) указу поверят. По зову взбунтовавшихся крестьян пришли мужики ещё пяти поселений. Тридцать крестьян собрались «для бою, против посланной команды противность свою учинить». Тем не менее, Андрей Татаринов смог приписать к заводам 1594 души из девяти поселений «целыми селениями, не разбивая семей врозь» и уплатил за них подушные деньги. Остальные 2600 душ должен был приписать Фёдор Агафонов. Но взбунтовавшиеся крестьяне семи деревень не позволили это сделать.

Для выяснения обстановки на месте Походяшин посылает в Чердынь своего поверенного Ивана Хлепятина. Время для крестьян было горячее: разгар летней страды. Их возмущение и сопротивление были так велики, что 1 июня Хлепятин просит Канцелярию направить в Чердынь обер-офицера с командой, «который сможет склонить крестьян к добровольной приписке или принудить силою». Канцелярия направила из Екатеринбурга капитана Семёна Метлина с шестью солдатами, чтобы всё расследовать и добиться приписки «добрым увещанием». А уж кто ослушается, того «привести к усмирению и на заводы выслать с нарочным».

В экспедиции капитана Метлина по взбунтовавшимся поселениям участвовали Татаринов и чердынский воевода с солдатами. В результате после увещаний и некоторого времени «держанием под караулом», ослушники указы подписали, то есть дали своё согласие идти к Походяшину. Но в связи с наступившими земледельческими работами на завод они не были высланы. Метлин вернулся в Екатеринбург с подписями более ста крестьян. В краткой ведомости от 31 августа 1760 года, говорилось: «Всего приписано - 4200 душ. В том числе по свидетельству явилось: годных к работе - 1837; негодных за старостию и дряхлостию - 606; отданных в рекруты - 135; беглых и отпущенных по пашпортам - 395; умерших - 1227; итого негодных к работе и убывших и умерших – 2363».

Однако этим дело не закончилось. В сентябре в Чердынский уезд приехал из Казанского гарнизона каптенармус Максим Хаткин и начал требовать от приписных крестьян уплаты подушных денег «в крайней скорости». Брал с них об этом подписку или давал отсрочку выплат на три недели. «Принуждает платить ему по три рубля и даже просто грабит», - говорится в одном из документов. В октябре приказчик Походяшина Фёдор Шестаков доложил о действиях в одном из поселений местного урядника и подьячих, которые «чинили крестьянству немалые обиды и разорения»: десятника Мартына Селянинова изувечили так, что оформлять наряд и высылку на завод крестьян он не смог.

Незаконные действия местных властей ещё более озлобили крестьян. Поверенный Походяшина Фёдор Шестаков мирно, как сказано в документе, договорился с крестьянами восьми поселений об отправке на завод 226-ти человек к 10 октября и выдал им деньги «на проход». Но они начали возвращаться с полдороги. Навстречу им были посланы Соликамский посадский Иван Поскрёбышев и выбранный из крестьян Григорий Попов. В пяти верстах от Чердыни крестьяне встретили их и «без всякой причины, злодейски били

весьма бесчеловечно и перешибли у Поскребышева правую руку». И если б проезжавшие в Чердынь купцы не забрали пострадавшего, «могли его и до смерти убить». Попов едва смог убежать. Около ста крестьян направились в Чердынь, грозя разбить квартиру приказчика Федора Шестакова, самого его убить, а тело «разметать по кусочкам».

От Чердынской воеводской канцелярии навстречу смутьянам послали солдата с приказом остановить и по одному от каждого поселения привести в канцелярию. Солдат крестьян остановил, но пошли они не в канцелярию, а к квартире воеводского комисара Василия Змейкина, «имея каждый в своих руках великие дубины и палки». Комисар попытался уговорить их идти на заводы, иначе – неизбежное наказание. Однако крестьяне не согласились и заявили, чтобы за ними «никто для высылки на завод не приезжал, а если приедут, то они их будут бить, а подушные деньги они сами за себя платить будут».

В начале декабря пристав Василий Змейкин просит Канцелярию ГЗП прислать специальную команду. Однако Канцелярия ГЗП решила доложить о случившемся в Берг-коллегию и требовать от неё указа о том, чтобы именно Чердынская канцелярия всеми мерами (кроме драки и убийства) «привела крестьян к послушанию». Послать для усмирения крестьян из Екатеринбурга было некого, поскольку и в других местах крестьяне оказывали сопротивление.

Не было хороших вестей из Чердыни и с началом нового, 1761 года. К тому времени на Петропавловском заводе находилось лишь 40 человек приписанных. Хозяин нёс убытки: за полгода он был обязан уплатить за крестьян без малого 4000 рублей подушных, а, кроме того, с начала приписки оплачивал ямскую и почтовую гоньбу своих посланцев в Чердынский уезд.

Из Чердыни сообщали, что крестьяне девяти станов готовы идти на заводы беспрекословно, если будет на то указ с печатью. И чтобы впредь Шестаков и посланные от него без такого указа «не выезжали, а ежели будут выезжать, то их будут бить до смерти». Канцелярия ГЗП вторично представляет в Берг-коллегию тревожные доношения из Чердынского уезда и просит усмирить крестьян с помощью воинской команды. С этой же целью Канцелярия ГЗП направляет в Чердынский уезд шихтмейстера Никифора Заруцкого. Чем закончилась его миссия, известно из доношения сына Походяшина Василия, поданного в Канцелярию 9 января 1762 года.

В нём сказано, что за всех приписанных к заводам 4200 крестьян его отец с 1758 по вторую половину 1761 года заплатил 6633 рубля 82 копейки подушных денег. «И хотя с начала приписки при строении Петропавловского завода из них до 80 человек и были, но и те, не заработав за себя подушного оклада, сомустя (сомустить - склонить к чему-либо) с собой и вольнонаёмных того же Чердынского уезду крестьян до двухсот человек, коим в задатки дана немалая денежная сумма, которой и они, не заработав, с ними бежали».

Посланцу Канцелярии унтершихтмейстеру Заруцкому крестьяне «злодейскими сборищами чинили крайнее непослушание и огурства» (огуртить - согнать в кучу, сгуртить). И поскольку от этого заводы пришли «в крайнюю остановку», Василий просил Канцелярию крестьян к заводским работам принудить «военною рукою». Ибо, по его мнению, «с ослушниками и противниками императорских указов и законов надлежит поступать как со злодеями».

Крестьяне требовали от посланцев Походяшина указа с печатью, и Канцелярия ГЗП в январе 1762 года направила унтершихтмейстеру Заруцкому и местным властям заверенные копии двух указов, касавшихся приписки крестьян и наказания за противодействие приписке, и запросила Берг-коллегию: что делать с теми крестьянами, которые и далее будут

упорствовать?

Меж тем сведения о действиях местных властей и посланцев Походяшина в Чердынском уезде дошли до столицы. В челобитной к императору Петру III крестьяне жаловались, что Семён Метлин, Василий Зайкин, Андрей Татаринев и Иван Хлепятин, не учитывая, «что наступило уже работное к поставке сена и к собиранию с полей хлебов время, забрали многое число крестьян в разные избы, приказали солдатам обнажить палаши и, примкнув к ружьям штыки, принуждали крестьян с великими угрозами, чтоб для работы к заводчику Походяшину подписались. И содержали их под караулом двое суток, а некоторых, неведомо за что, связав руки и подняв в избах, били дубьем бесчеловечно. А бывшие в той команде солдаты, будучи в домах крестьян, чинили немалые наглости и обиды, брали для себя скот и птицу без всякой зато платы и причинили немалые разорения».

Говорилось в челобитной и о положении крестьян на Петропавловском заводе: «Походяшин, вместо оказания приписным крестьянам вспоможения, поступал с ними с неопикуемой строгостью, распределяя днем по разным работам, а в ночь собирал в большие избы под караул. Брили волосы, как у рекрут, некоторых содержали закованными в железях. И от строгостей и от вредного при заводах воздуха и нездоровой воды сначала того завода померло чердынских крестьян до 300 человек, за которых принуждены подушные деньги и прочие казенные поборы платить оставшиеся...». Федор Шестаков, посланный Походяшиным в Чердынь, якобы «брал с некоторых крестьян по рублю и давал им письма, что они не годны к заводским работам, и вместо их высылал на рудники других». Авторы челобитной - выборные от крестьян Иван Лунегов и Иван Леонтьев с товарищами просили императора освободить их от приписки к заводам, и согласны были, чтобы из Санкт-Петербурга прибыл нарочный для проверки «на их коште», то есть на деньги крестьян.

20 марта 1762 года Берг-коллегия потребовала в течение трёх месяцев расследовать факты «по самой сущей справедливости, не похлебствуя никому» (похлебствовать - угождать из корысти, держать неправую сторону). Походяшину запретили отписывать и брать в наряд крестьян. Для расследования дела от Пермского горного начальства был направлен ассессор (младший член правления) Иван Рукин со служителями и солдатами.

У каждой из противоборствующих сторон была своя правда. И это было лишь началом трагедии чердынских крестьян, которая унесла не одну сотню жизней. В прошении к императору крестьяне говорили о 300 умерших. Подтверждения сему факту в документах пока не найдено. Возможно, так оно и было. Оторванные от родного дома на долгую зиму, мужчины несли непосильные тяготы, а домой к началу летней страды возвращались, ничего не заработав. Беды чердынцев отметил и академик Пётр Симон Паллас во время посещения Васильевского рудника в 1770 году:

«Самое худшее, что в сем руднике есть, то многочисленность воды: а сверх того здешние работники наемные беглые и крестьяне Чердынского округа за подушное работающие страдают в зимнее время, в которое наиболее работа производится, а иногда и в лето скорбутною болезнью, которая раждается частью от мокрой и холодной в странах сих погоды, частью от недостатка свежей пищи, частью от употребления соленых мяс, вялых рыб и пр. Равным образом сугубит зло и употребляемая в рудниках стекающаяся вода, которую работники за неимением по близости ручья пьют, и которая должна быть весьма металлическа. Одним словом, не проходило ни одной зимы, чтоб здесь многие работники не помирали, а прочие, отделав свою работу, возвращаются в свои дома бедны и не здоровы».

Селения приписанных к заводам Походяшина крестьян находились, порой, за десятки вёрст от Чердыни и Соликамска, и дороги до них были отвратительными. Поэтому долгий

обходной путь на завод с лошадьми и припасами через Соликамск и Верхотурье, пока Походяшин не обустроил дорогу через Уральский хребет, был страшной мукой. Казарменное положение на заводе, плохое питание, отсутствие всякой медицинской помощи и жестокость приказчиков побуждали к побегам, что и случалось неоднократно.

Следствие по жалобе крестьян велось несколько месяцев. Насколько оно было справедливым и непредвзятым можно только догадываться. Расходы по делу понесли те, кто жаловался. Но были наказаны и некоторые чиновники. После разбирательства, с апреля 1763 года отправку крестьян на работы Походяшина продолжили. Двух смутьянов наказали кнутом и выслали в Петропавловский завод на вечное поселение, а остальные «принесли чистосердечное раскаяние и по наряду в декабре 1763 года в работы вступили». По отчёту конторы от 13 июля 1764 года на Петропавловском заводе вместе с мастеровыми было от 130 до 170 рабочих людей. Однако противодействие чердынских крестьян приписке на этом не закончилось и в 1767 году вылилось в настоящий бунт, который был жестоко подавлен вооружённой командой под руководством командира над Гороблагодатскими и Кемскими заводами генерал-майором Ирманом.

Походяшин в эти годы понёс значительные убытки. Поэтому со второй половины 1761 года он прекратил уплату подушных денег за приписных. После усмирения «упорщиков» появилась возможность поправить дела. В июне 1764 года он начал расчистку дороги от завода до Чердыни через Уральский хребет.

Дороги Походяшина

Необходимость прямого пути до Чердыни для Походяшина была очевидной с самого начала строительства завода. Разрешение на расчистку дороги через Уральский хребет он получил весной 1759 года. Однако приступить к её обустройству смог лишь через пять лет. И, судя по документам, сделал это очень быстро, в течение года.

В Госархиве Свердловской области хранится документ с необычно длинным названием: «Описание сочиненной примерной карты Петропавловскому заводчику Максима Походяшина заводу и от завода разчишенным ево Походяшина коштом в разные места дорогам и приписным в Чердынском уезде крестьянским станам и деревням в каких урочищах и по каким рекам жительства имеют, также и от заводов в каком расстоянии». Самой карты, к сожалению, нет.

Сочинял карту унтершихтмейстер Перфилий Фролов. Характер описания не оставляет сомнений, что офицер Канцелярии Главного Правления уральских и сибирских заводов прошёл путь от Петропавловского завода через Уральский хребет до Чердыни и измерил его по румбам более или менее точно. По его описанию дорога от завода шла вверх по течению Ваграны, левому его берегу, через речку Оленью, «место под завод господ Строгановых на реке Вагране», через реки Лямпа, Палья, Пылайка (зимовье) до Малого Ваграны. Далее – до реки Улуса (зимовье), потом через реки Молмус (зимовье), Кабай, Язвю (зимовье), Колчим, Вишеру – до города Чердыни и реки Колвы.

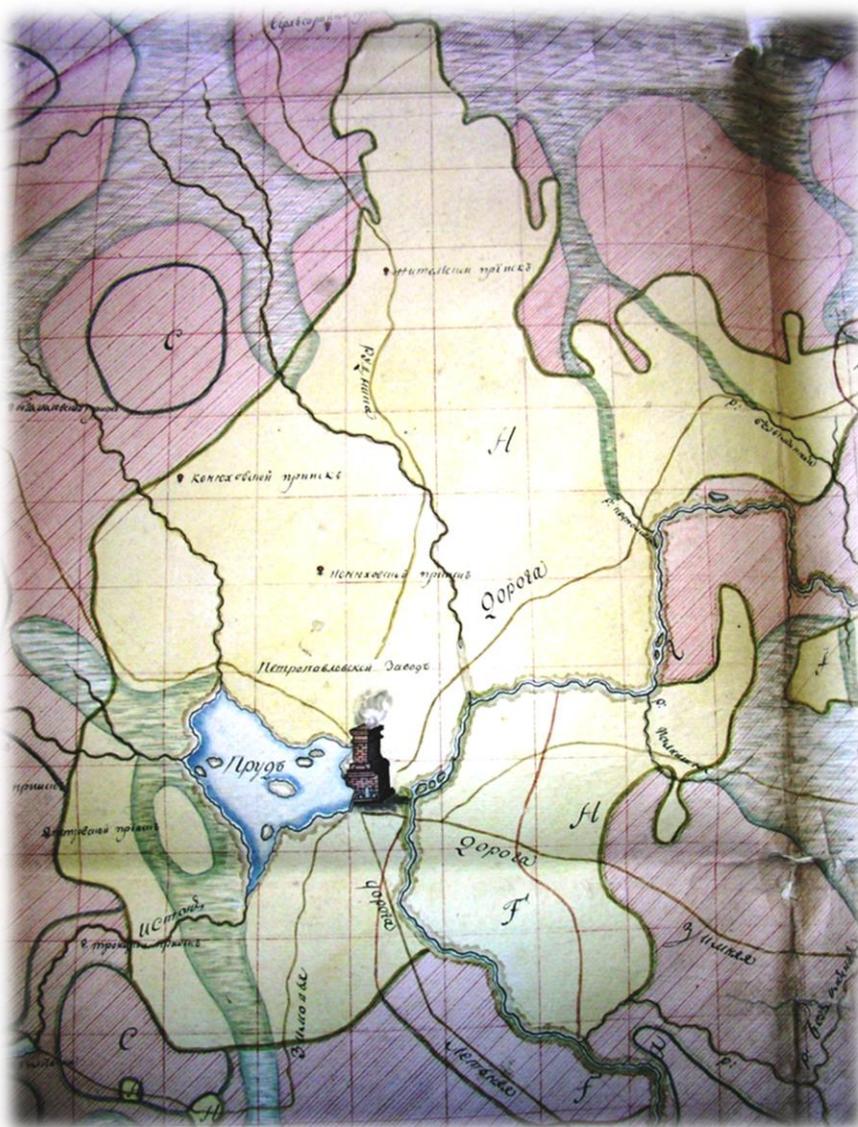
Пылайка и Улус – прежние названия рек Тулайки и Улса, место под завод Строгановых – Баронское. А какую речку называли Пальей – не ясно. Указаны четыре зимовья. Из них три – за Уральским хребтом. А зимовье «на месте под завод господ Строгановых», составитель карты почему-то не указал. Измерения по румбам дали ему расстояние в 214 вёрст. Истинное же расстояние, понятно, было больше, возможно, около 220 вёрст.

Названия всех зимовий на этой дороге находим в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии», составленном Н. К. Чупиным (издание 1873 года): Баронское,

Тылайское, Улсуйское, Молмысское, Частых, Быстринское, Язвенское (или При-трёх-рассохах). От Петропавловского завода до первого поселения в Чердынском уезде (Верх-Язвенского), по сведениям Чупина, было 142 версты с четвертью. Он писал:

«На всех этих зимовьях (за исключением Язвенского, заведённого позже) Походяшин построил по избе и в каждой поселил по крестьянину, на жалование от себя, чтобы доставить тёплый приют приписным к его заводам крестьянам Чердынского уезда, шедшим в заводы на работу, либо возвращавшимся домой. После поступления Богословских заводов в 1791 году во владение казны, зимовья эти ещё довольно долгое время поддерживались, и зимовщики получали от казны жалование, за которое обязаны были принимать проезжих для отдыха и обогрева, иметь в запасе для продажи им харчевые припасы и корм для лошадей, и кроме этого летом очищать дорогу от буреломника, а зимой протаптывать её своими лошадьми».

Дорога, проложенная в 1597 году крестьянином Бабиновым в Сибирь через Верхотурье,

шла через Николае-Павдинский завод; отсюда через хребет, реки Косьву и Язвуду до Соликамска, составляя между Богословским заводом и Соликамском 180 верст. Но дорога эта была узка и болотиста, и была проезжаема, особенно с тяжестями, только в зимнее время. Этот путь приписные крестьяне преодолевали с величайшими трудностями. М. Блинов в своём «Историко-статистическом очерке Богословских заводов» утверждал, что дорога, проложенная через Уральский хребет М.

Походяшиным, оканчивалась в Сюлбском селении Чердынского уезда и составляла 144 версты. Как видим, разница, по сравнению со сведениями Чупина, невелика. И с 1807 года, как утверждает М. Блинов, «с увольнением от

План земель завода

работ приписных крестьян, дорога эта была оставлена» и заросла лесом. Но свою положительную роль в хозяйстве Походяшина она, безусловно, сыграла.

Если верить «Описанию», то кроме этой дороги на средства Походяшина были расчищены и дороги между селениями Чердынского уезда, жители которых были приписаны

к заводам Походяшина и графа Ивана Григорьевича Чернышева. В документе даётся подробнейшее описание расположения всех селений, их названия, к каким заводам приписаны крестьяне этих поселений и расстояния между поселениями. Если сложить все указанные расстояния, то получится более 785 вёрст. Нельзя исключить, что затраты на расчистку этих дорог, если она действительно была произведена, граф Чернышев и Походяшин как-то поделили между собой, поскольку в хороших дорогах оба были заинтересованы.

По «Описанию» выходило, что крестьяне поселений, ближайших к Петропавловскому заводу, были приписаны к Аннинскому заводу графа Чернышева. Таковых селений оказалось 20. А крестьяне поселений, которые стояли ближе к Аннинскому заводу (таковых было 30), оказались приписаны к заводу Походяшина. Почему так произошло, намеренно или не намеренно так провело приписку Пермское начальство, и были ли изменения – пока не ведомо. Только из другого документа известно, что Канцелярия ГЗП, выслушав рапорт Перфилия Фролова, потребовала от Пермского наместничества скорейшего рапорта о том, сколько в каждом поселении «мужеска полу душ состоит». Указ Канцелярии об этом 25 августа отправлен по почте Пермскому начальству.

Надо отметить, что карту составили по просьбе Походяшина. Он считал, что приписанные к его заводам поселения были «бесплодоприносимы и во всякой пустоте и совсем неприступными» (так было сказано в его доношении в Канцелярию), пытался это доказать и, надо полагать, изменить в свою пользу. В одном из отчётов о строительстве заводов читаем: «Во второй половине 1764-го году, по усмирении и вступлении в работу показанных приписных крестьян, от Петропавловского завода прямая дорога до города Чердыни до жилищ приписных крестьян прочищена и в нужных местах мосты намощены».

«Описание» содержит и другие не менее важные сведения. Кроме дороги от Петропавловского завода через Уральский хребет до Чердыни, на средства Походяшина были расчищены ещё пять дорог:

1) От Петропавловского завода через реки Вагран и Сосьву до реки Ляли к деревне Тимошиной – 150 вёрст.

2) От бывшего Лялинского медеплавильного завода через «вогульскую деревню Лобву» до Петропавловского завода – 132 версты.

3) От деревни Лобвинской через деревню Коптякову и реки Какву, Турью и Волчанку, «по которым рекам и зимовья поселены», до Петропавловского завода – 116 верст.

4) От реки Лобвы через те же реки к Петропавловскому заводу, «которая не дочищена до завода, вышла на зимнюю против озера Вагранского – 95 вёрст.

5) От Петропавловского завода до юрты «вогульца Петра Денешкина и до покосных мест» – 16 вёрст.

Всего по «Описанию» вместе с дорогой через Уральский хребет к августу 1765 года на средства заводчика было расчищено 6 дорог общей протяженностью 721 верста. При этом расчистка дорог между поселениями Чердынского уезда в расчёт не принималась. Таким образом, к лету 1765 года Походяшин сделал всё возможное для того, чтобы приписные крестьяне и другие его работники могли относительно быстро добираться до Петропавловского завода из Чердыни и Верхотурья, и чтобы с меньшими трудностями можно было доставлять на завод продовольствие.

Необходимость надёжного обеспечения заводов продовольствием заставила Походяшина освоить и водные пути. Сообщение с Тюменским, Ялуторовским и Туринским уездами Тобольской губернии, где можно было купить продовольствие, было возможно

только по Туре, Тавде и Сосьве. Освоив речные пути, М. Походяшин получал из этих уездов, по сведениям М. Блинова, от 25000 до 60000 пудов муки. Для её хранения были построены магазины при реках Туре и Сосьве. Из этих магазинов хлеб перевозился уже сухопутно: через Туринск в Богословский и Петропавловский заводы, через Пелым на Сосьве – в Турьинские рудники. После поступления заводов в казну провиант доставлялся постоянно сухим путем.

В 1800 году были попытки доставки из Ялуторовского уезда по рекам Тоболу, Тавде и Сосьве, но перевозка эта обошлась дороже сухопутной и была оставлена.

Сообщение с европейскою частью России было возможно только по Вишере и Косьве, притоках Камы. Косьва, протекавшая на расстоянии 70 верст от Николае-Павдинского завода, служила Походяшину для сплава железа в Санкт-Петербург. Медь Богословских заводов перевозилась сухопутно на Ослянскую пристань на реке Чусовой, близ Серебрянского завода Гороблагодатского горного округа, откуда отправлялась в Петербург вместе с общим металлическим караваном Уральских заводов.

По архивным документам и публикациям Михаила Сергеевича БЕССОНОВА
подготовил к печати Юрий СЫСУЕВ

По вальдмейстерской инструкции

Канцелярия удовлетворила просьбу Походяшина, направила для отвода лесов именно Леонтия Яковлева и Ивана Савастьянова. 3 апреля (здесь и далее даты даны по старому стилю) они отправились из Екатеринбурга, на Колонгу прибыли 4 мая 1758 года. На другой же день под их руководством мужики, нанятые Походяшиным, начали расчистку места под плотину и заводские строения. С 18 мая по 27 июля Яковлев и Савастьянов отводили леса для завода. Кстати, с 26 по 29 июня вместе со строителями отдыхали, отмечали день Петра и Павла - престольный праздник будущей церкви. Сделали к трём новые железным рудникам на берегах Колонги отводы с вырезкой новых литер на деревьях. 28 - 30 июля делали чертежи отвода лесов, рудников и их описание. 1 и 2 августа рассчитывали потребность лесов для работы завода.

Леса оказались труднопроходимыми. Лишь тропы связывали поселения местных манси-вогулов. Лес в основном был смешанный: еловый, сосновый, кедровый, часто с берёзой, мелкий, средний и крупный, с болотами, буреломами и гарями. В подробном рапорте в Канцелярию Леонтий Яковлев указал более десятка гаревых мест, которые пришлось преодолеть при отводе. Как видим, леса горели во все времена.

При отводе лесов Яковлев и Савастьянов руководствовались действовавшей в то время вальдмейстерской инструкцией, по которой лес отводить полагалось "смотря по выдержке оною по сметам, сколько в год вырублено будет" на нужды действующего завода. А завод ещё не был построен, и потому Канцелярия приказала отвести леса на 60 лет. Тогда считали, что за это время на вырубленном месте вырастет полноценный лес, и его снова можно будет использовать. За границами отвода лес рубить не разрешалось.

Ориентиром площадей и объёмов для отвода лесов должны были стать уже известные к тому времени "издержки" лесов для казённых заводов. На местности требовалось "границы поставить", а в Канцелярию "учинить обстоятельный чертёж с ясными описаниями". Поэтому в нескольких местах на деревьях посланцы Канцелярии вырезали литеры Г.Н.Л.П.П.З.М.П.З. с указанием или без указания года (1758 г.). Буквы означали: «Грань назначена лесам Петропавловского заводчика Максима Походяшина завода». Отвод считался временным, границы его уточнялись позднее, уже во время работы завода.

Примечательно, что Канцелярия требовала леса рубить «ближние от завода с ряду», и особенно постараться употребить поваленные штормом и пострадавшие от огня, "дабы оной напрасно не погнил". Так декларировало заботу о своей собственности государство.

Яковлев и Савастьянов выполнил все предписания Канцелярии, и сделали подробный расчёт потребности леса для будущего завода. За основу взяли средние расходы леса для Полевского и Сысертского заводов. Получилось, что Петропавловскому заводу на год потребуется 38130 коробов угля, а на 60 лет - 2287800 коробов. На выжиг такого количества угля потребовалось бы 9000 сажен леса, на распиловку в тес 30 тысяч хвойных деревьев. Берёза шла на молотовища, клинья, долонки (брус над молотовищем кричного молота), долонные стойки (средняя стойка в стане кричного молота), на разные поделки, гнеты и втулки. На тот же срок потребовалось бы 60000 деревьев берёзы. Ещё 12 тысяч деревьев должно было уйти на обжиг железной руды, на крепление шахт и штолен медных рудников. А на все нужды - 210 тысяч деревьев.

Таким образом, за 60 лет завод мог потребить лес с 784-х с лишним квадратных верст, что и были отведены. Плюс к тому в отвод вошли более 143 квадратных вёрст гаревых, болотных и «безлесных» мест. Общая площадь отвода земель заводу составила 928 квадратных вёрст. Расчёты были сделаны на работу двух домен, пяти кричных молотов и трёх медеплавильных печек, на гермахерский, штыковой, колотушечный и гвоздильный горны, на два сталеукладных горна, горн литейного дела и горн якорный.

Как повёл себя Походяшин по отношению к лесам? Посетивший в 1770 году Богословские заводы академик П.С.Паллас увидел «славный у здешних жителей кедрово-сосновый лес» справа от дороги между речками Лобвой и Каквой, «в коем Походяшин для постройки себе водяной машины вырубил без позволения до 400 дерёв, не смотря на то, что сей лес к округе его не принадлежит, и вообще высочайшими указами сии дерева рубить заповедано».

Почему он так поступил? Свои леса берёт? Возможно, руководствовался тем, что вырубленный за рекой Каквой лес зимой легче доставить на Колонгу по плохой, но уже существовавшей дороге, чем из кедровника на Атюсе, куда дороги ещё не было. Но, как явствует из плана окрестностей Петропавловского завода, в тридцативёрстной окружности земель, отведённых заводу, кедровые леса занимали всего 13 квадратных вёрст из 1374-х. Значит, свой кедровник решил уберечь, но построить завод хотел из самого качественного леса. До столицы далеко, пока узнают да разберутся. А победителей, как известно, не судят.

Отведённого леса вряд ли хватило на всё время работы завода, потому что производство меди росло, количество печей увеличилось. Завод прекратил работу в 1827 году, и к концу 19 века на вырубленных площадях вырос новый лес. Лишь незначительную его часть использовало для своих нужд местное население. Высокое качество лесов северо-запада Петропавловской дачи отметила в 1899 году министерская комиссия под руководством Д. И. Менделеева. Таким образом, к началу 20 столетия на территории, которую занимает ныне Североуральский район, были в основном зрелые, здоровые и почти не тронутые леса.

Лес и сегодня является гордостью Североуральского района, хотя в прошлом веке его вырубали очень много. И только здесь, в заповеднике «Денежкин Камень» сохранились нетронутые со времён Походяшина хвойные леса.

Во славу России

В середине XVIII столетия Россия, прочно заняв место среди ведущих европейских

держав, проводила активную внешнюю политику. Екатерина поставила перед собой задачу сделать то, что не успел Петр I – присоединить к империи берега Черного моря. Со свойственной ей энергией она начала подготовку к будущей войне с Турцией. И в этом деле уральские заводы, в том числе и Петропавловский завод Максима Походяшина, сыграли значительную роль.

К 1768 году завод Максима Походяшина на реке Колонге жил и работал. Вода поднимала молоты и раздувала огонь в горнах, выплавлялись железо и медь. Превосходную медь разных сортов давал завод: с примесью серебра для монетного дела, простую чёрную и красную, столь необходимую в оружейном деле и для солдатской амуниции.

За десятилетие многое изменилось в металлургии Российской империи. Казна, то есть государство, осталась без медеплавильных заводов, о чём свидетельствовал указ Правительствующего Сената от 8 августа 1765 года. В нём говорилось: «... доколе казна собственных заводов иметь будет исправляться (обходиться) покупкою на частновладельческих заводах». Почему так получилось? Можно предположить, что это стало следствием раздачи императрицей Елизаветой Петровной государственных заводов своим сторонникам - вершителям дворцового переворота, посадивших её на трон. Но новые хозяева оказались плохими завододержателями. Они довели заводы до упадка, продали и тому подобное. В 1768 году обнаружилась острая и срочная нужда в меди, – война с Турцией была уже на пороге.

С 1765 по 1768 год казна так и не завела собственных медеплавильных заводов столько, сколько требовалось. А потому, следуя букве сенатского указа, пришлось искать медь там, где она есть, в том числе и на частных заводах. Подготовку и вооружение армии императрица поручила своему сподвижнику и фавориту - генералу фельдцейхмейстеру, над фортификациями генерал директору, шефу кавалергардского корпуса и прочая и прочая Григорию Орлову, который энергично взялся за дело.

Но Берг-коллегия сокрушенно сообщала графу, что ни в Туле, ни в Москве «меди в наличности ничего нет, хотя в ведомстве Берг-коллегии один медеплавильный завод имеется в Оренбургской губернии, именуемый Вознесенский, да при гороблагодатских заводах две медеплавильные печи, на которых хотя в требуемое число ... выплавляться и может, но по дальности мест доставить её ближе сентября или октября будущего 1769 года никак не можно».

Около Москвы медных заводов не было. Готовую медь можно было взять на заводах в Сибири. Но если ее везти оттуда сухим путем, то «она медь тем привозом превзойдет ту цену, почём за неё платить, а именно по пять рублей по пятидесяти копеек многим числом». В январе 1769 года Григорий Орлов рапортует в Сенат: «По нынешним военным обстоятельствам к укомплектованию полков требуется оружейных вещей весьма большое число, на исправление (изготовление) которых надобно теперь вдруг красной меди 2500 пудов, и дабы в оружейном деле не причинить совершенной остановки, показанное число меди приискано здесь в покупке по вольной цене». Поэтому решили объявить частным заводчикам, чтоб они «полное число» меди в Тулу (где были основные оружейные заводы) поставили, и это будет зачислено им, в том числе и в налог.

И патриоты нашлись. Приказчик коллежского асессора Ивана Твердышева (заводчика из Оренбургской губернии) и сын верхотурского купца Максима Походяшина Василий, явившись к графу Орлову, договорились требуемое количество меди поставить пополам «без потери времени с заводов своих с оплатой самой умеренной цены (5 рублей. 50 копеек за пуд)». Сенат указал Твердышеву со своих Оренбургских заводов, а Походяшину с

Верхотурского уезда, с Петропавловского завода через Соль-камскую, Кузьмодемьянск и Нижний Новгород по тысячи двухсот пятидесяти пудов красной меди «на ямских подводах на тульские оружейные заводы доставить». 4 августа оружейная канцелярия объявила, что медь в Тулу доставлена и принята.

Надо заметить, что завод господина Твердышева находился в той же Оренбургской губернии, что и государственный Вознесенский завод, а завод Походяшина находился немногим далее государственных Гороблагодатских заводов. За неимением меди на государственных заводах казна вынуждена была поклониться частникам и дать им преференции, чтобы вовремя получить стратегически важный продукт.

К сожалению, кампания 1769 года не принесла России успехов. А вот в следующем 1770 году русская армия под командованием Румянцева в сражениях на реках Ларе и Кагул разгромила многократно превосходящего противника (27 тысяч русских при 118 пушках против 150 тысяч турок и 180 орудиях) – в боях звенела петропавловская медь! Через два года тот же граф Орлов вел с турецкими дипломатами мирные переговоры, по которым к России отходили Керчь, Еникам, Кинбурж. Россия получила право иметь в Черном море военный и торговый флот и еще многие выгоды.

Так выплавленная в печах Петропавловского завода медь принесла славные победы России. В наших лесах выжигали уголь для ее выплавки. Храм Святых апостолов Петра и Павла, построенный на средства Походяшина, - единственный свидетель тех славных дел. О чем говорит она звоном своих колоколов правнукам тех славных мастеровых? Наверное, и о том, что надо помнить историю нашего Отечества, где судьба даже такого небольшого заводского поселения, с которого начался Североуральск, вплетается в большую историю России.

Александр СОКОЛОВ

«Из капитала исключить»

По случаю приезда горного начальства контору в эти дни топили хорошо. Особо рад был этому Федор Казаков. Он приходил сюда затемно и до прихода ревизоров успевал найти в своем архиве всё, что они с вечера заказывали. Сегодня на очереди были мельницы. Порывшись в своем чулане, архивист нашел нужные бумаги как раз к приходу гостей. Голландки еще не думали остыть, когда в стеклянные окна заглянуло утро. Все были в сборе, ждали лишь Степана Артемьева. Ему доставалось больше всех, каждый день до глубокой ночи скрипел пером парень, готовя опись. Чего гут скажешь, холостой, вот и паши.

За посветлевшими морозными узорами окон появилась чья-то тень, потопталась малость, и над сонным селом поплыл осипший голос медного часового колокола. Дверь распахнулась, пропустив в избу вместе с белыми морозными клубами писаря и ночного сторожа. Сбросив шапки и рукавицы, они тотчас прилипли озябшими руками к теплой печи. Глядя на них, на мороз не поманивало.

- Пора, однако, - сказал управитель, поднимаясь с лавки. - К обеду мельницы осмотрим, запишем опосля.

- И то верно. - Наше дело писать, а не тесать. Скорей бумагу справим, скорей и уедем. Пора уж, засиделись в вашей глуши.

Через полчаса бергауптман с унтершихтмейстером и бухгалтером шагали по плотине замерзшего пруда к ветряной мельнице на горе. Следом нехотя плелся непрспавшийся писарь. Из-за леса за Ваграном сквозь туман лениво выкатывался диск холодного январского солнца...

«Построенная в казенном содержании ветряная мукомольная мельница об одном подставе ... ветха и невозможна к употреблению, разобрана в машинных членах, почему получается к исключению из капитала...», - старательно выводил заводской писарь в тот январский вечер 1821 года. Писанию, казалось, не было конца. А когда завершили «Описание о заводских фабричных и домовых строениях при Петропавловском заводе», оно оставило без малого сорок листов. На сосвинские покосы и в селение Баронское не поехали. По морозу-то невелика охота коней гнать. Считай, и за неделю не управиться в оба конца. Поверили на слово, что избы там еще стоят, хоть и ветхи, как и все остальное, тщательно ревизорами переписанное.

К вечеру подбили бабки. Получалось, что все заводское хозяйство тянет на 42 тысячи 723 рубля 68 копеек и одну деньгу.

- Откуда набралось-то? - удивленно спрашивал управитель у бухгалтера. - Почитай, все сгнило, кроме кузни, госпиталя да конторы. А что ветхо, то поправки требует, денег немалых.

- Дерево сгнило, а железо цело. Одних крюков да петель разных под тыщу наберётся. А ты про храм-то забыл? Да и плотина, хоть и гнилая, а в цене. Восемь за нее да 15 за церковь, вот тебе уже и половина капитала по описи.

- Кой-чего еще стодится, если по-хозяйски распорядитесь, - заметил посланник. - Составьте сметы на поправу. Особо - на новую плавильную фабрику. Да не загибайте сильно-то, много всё едино не ассигнуют. А пока бумаги по канцеляриям ходят, пару печей поправить можно. Плавьте медь помаленьку. Оно, глядишь, всё к пользе вашей да казенной.

- Оно может и так, да уж больно далеко руда. Всю прибыль перевоз сжирает. А людей кормить надо, а то убегут. А, не дай Бог, зашумят? Ведь рабочим с лета ничего не платили, нечем. Холостые да ссыльные, почитай, на одной рыбе и живут.

- Верно говоришь, худые у вас времена настали. Поруха. Уж к одному бы концу...

Еще долго судили да рядили под трубный голос голландки, пока писарь, то и делопоправляя огарок свечи, выводил скрипучим гусиным пером последние листы заводской описи. Жена управителя принесла гостям харч на дорогу. Наконец, под документом подписались и приняли, как водится, за успешное завершение дела. Звуки первых ударов утреннего петропавловского колокола догнали проверявших уже на Рудничном тракте, на пути в Богословск...

Так оно было или по-другому, о чем действительно говорили тогда в заводской конторе - теперь уже не знать. Есть только один тому свидетель – та самая «Опись». В ней скрупулезно собрано всё, начиная от деревянных перил на железных крюках вокруг каменной церкви, кончая баней у казенного дома на Воскресенском руднике, крытой драньем, с дверьми «на двух петлях и крюках железных, окнами в две окончины и без оных».

По описи из 54 объектов в «казенном содержании» было сооружено не более десяти. Дома в заводе и в Волчанском зимовье, две мукомольные мельницы, ветряная и вододействующая, пробирня из бревен, лесопильная мельница, госпиталь. Вместе взятое не потянуло и на пять, тысяч рублей. Не щедры были банки, на содержание Петропавловского завода давали слишком мало, ибо главную ставку делали на прибыль от Турьинских рудников и Богословского завода. А в Петропавловском дорабатывали бедную руду из отвалов. Благо, некоторые печи и молота, Походяшиным поставленные, ещё могли что-то производить. Завод умирал, ветшая. С момента упомянутой описи имущества жить ему оставалось всего шесть лет.

Особенно в жалком состоянии были здания медеплавильной и шпайсофенной фабрики. От домны остался лишь каменный горн. Почти всё получило окончательный приговор: «к употреблению не пригодно, из капитала исключить», то есть списать. Однако некоторые строения Походяшина благополучно жили ещё много лет. Хлебный амбар, к примеру, сгорел лишь в начале восьмидесятых годов двадцатого столетия, а храму Петра и Павла была суждена, очевидно, самая долгая жизнь.

Кстати, в январе 1821 года рядом с ним еще стояла первая деревянная церковь с одиннадцатью окнами в десять сажен высотой от фундамента до креста на шпиле. Оценили её в десять рублей, поскольку некоторые ее части были годными на дрова. А часовню на кладбище из красного кирпича на скалистом берегу Ваграны «с крыльцом и слюдяными окончинами» оценили в 70 рублей.

Описание имущества было завершено 15 января. На эту же дату был составлен и «Список о мастеровых Петропавловской конторы». Оба документа расшифровал самым внимательным образом Евгений Павлович Мылов, что было весьма непросто. Он считает, что много лет жившая среди петропавловцев легенда о сожжении завода рабочими в знак протеста или мести совершенно несостоятельна. И действительно, какой был смысл сжигать то, что само по себе уже не представляло никакой ценности? Имущество описали по ветхости, а завод закрыли по причине нерентабельности. Можно предположить, что часть его строений растащили на дрова, металлические изделия и инструмент переправили в Богословск, а что-то сожгли пацаны, которых только по спискам училища в возрасте до 12 лет значилось более двух десятков. Добавьте сюда малолеток, оставшихся после смерти отцов (всего 11), да работавших на заводе (31 человек) в возрасте до 18 лет. Было кому пошालить.

Без сомнения, последние годы завода были самыми трудными для петропавловцев, оставшихся без работы. Таковых было 210 человек. Из них холостых мужчин от 18 до 50 лет – 69 человек, старше 50 лет – 18, старше 60 – двое. Из казенных припасов иждивенцам мужского пола до 12 лет (с этого возраста мужчина считался работоспособным) и девушкам до 16 лет выдавали по пуду провианта на месяц, а женам работавших – до двух пудов.

План Петропавловского заводского селения. 1827 г.

Скорее всего, это была мука. В списке мастеровых напротив каждой фамилии обозначены цифры жалования или поденной платы. На разных работах не получали более рубля с полтиной. Чернорабочим в основном платили от рубля до трех рублей с полтиной, лишь некоторым – до четырёх. По четыре рубля получали плотник, кузнец, рабочий на плотине. А вот ученику в лаборатории полагалось 6 рублей.

Молодых конторских переписчиков, хоть они и были грамотными, тоже не баловали: восемнадцатилетний холостой Степан Артемьев получал три рубля, а шестнадцатилетний Гаврюша Евсеньев – два, семейные Степан Макарихин, Иван Поджаров и Василий Пустозеров – по четыре рубля, у Антона Садова было трое детей – 4 рубля с полтиной. У Андрея Сусанона были мать и две сестрёнки, но получал он только три рубля с полтиной. Василию Ивановичу Казакову (36 лет), имевшему четырех детей, платили более всех – 7 рублей, а бездетному Тимофею Григорьевичу Попову (53 года) – 6 рублей. Брат Василия Казакова Федор Ионович (51 год) отвечал за заводской архив, за что жаловали ему 4 рубля. Только вряд ли видели эти деньги петропавловцы в последние годы умиравшего завода. Скорее всего, довольствовались только провиантом – в основном по два пуда на каждого мужика. Двенадцать вдов в возрасте от 27 до 71 года не получали ничего.

На 15 января 1821 года в состав завода входили Баронское, Волчанское и Половинное зимовья, Прилозьвинский конный завод (67 человек, из которых 32 – мужчины). Вместе с ними по заводу числилось 237 рабочих и служащих, а если считать всех членов их семей, то выходит 652 человека из которых 327 мужского пола.

От нищеты, безработицы и голода многих жителей села спасло открытие в 1823 году на территории Богословского горного округа россыпного золота. По сути своей, то был коренной поворот в экономике района. Лишь с пуском Надеждинского завода появились новые перспективы.

Юрий СЫСУЕВ

Преждевременно закрытый?

Известные читателю события, связанные со строительством завода, говорят о том, что Походяшин сразу понял преимущества производства меди, а, возможно, и сразу имел такую цель. Ведь государству медь была нужна для производства вооружений, а на рынке она стоила много дороже железа. А потому медеплавильное производство на Петропавловском заводе развивалось ускоренными темпами.

В 1761 году на заводе имелось шесть медеплавильных печей. В ноябре 1764 года появилась седьмая печь. По заводским отчётам в этот год 16 пудов меди было использовано на литьё колоколов, – начала работать колокольная фабрика. Можно было считать, что завод полностью построен. Но количество печей с каждым годом увеличивали.

По нормам Берг-коллегии планировалось выплавлять на одной печи 1000 пудов меди. В 1765 году на семи печах выплавляли меди более 8886 пудов. Выходит, после окончания строительства завода, выплавка меди превысила нормативный рубеж. Плавил руду из открытых в 1761 году богатых Турьинских рудников, в одном из которых добывалась так называемая серебристая медь – медная руда, содержащая серебро. Добытую руду по Рудничному тракту за 50 вёрст возили на лошадях до Петропавловского завода в основном зимой.

В этот период, судя по заводским отчётам, печи часто простаивали из-за отсутствия угля и руды, поскольку на добыче и вывозке руды, на углежжении людей не хватало. Не было людей для расчистки дороги в Чердынь через Уральский хребет, хотя разрешение на то

и было получено. Некому и не на что было начать строительство завода на реке Турье. И только в 1764 году после жестокой расправы с «огурщиками» приписные чердынские крестьяне начали работать у Походяшина. К концу года дорога до Чердыни через хребет и дороги между чердынскими селениями были расчищены, мосты наведены. Появилась возможность начать строительство завода на Турье. При Петропавловском заводе тогда было 10 приказчиков, служителей и подъячих, 170 мастеровых и работных людей. Но в производстве меди появились и другие трудности.

Когда было обнаружено серебро в меди, получаемой из руд Васильевского рудника, Походяшину было приказано серебристую медь поставлять в Екатеринбург на монетный двор для изготовления монет. Но вскоре Берг-коллегия предписала: серебристую медь в Екатеринбург не отправлять, а складировать на заводе до особого указания. И всю имеющуюся на заводе черновую серебристую медь переделывать в чистовую и разливать не в «круги», а в «штыки» (из штыков легче отделять серебро). И чтобы не было остановки производства, деньги за складированную медь выдавать Походяшину в размере 3/4 стоимости меди. Остальную сумму выдавали после сдачи меди потребителю.

Трудно было выполнить указание Берг-коллегии о переплавке черновой серебристой меди в чистовую без увеличения числа печей. И в апреле 1765 года Походяшин просит Канцелярию выдать ему деньги в размере трех тысяч рублей в счет неоплачиваемой одной четверти от стоимости меди и разрешить «для преумножения выплавки» к действующим семи печам добавить ещё две, которые «построить на одном валу». А для переливки меди в штыки направить плавильного мастера с Екатеринбургского завода – плавильщика саксонца Георгия Крегеса. Кроме того, он просит разрешить построить на Истоке из озера Троицкого запасную плотину «для размножения завода и будущей государственной пользы».

Все просьбы заводчика были удовлетворены. В 1766 году Троицкая плотина была построена, но не запружена. В 1767 году на девяти печах было выплавлено более 29286 пудов металла, что больше норматива в 3 раза. Получен хороший результат выплавки меди, и можно было бы на нём остановиться, но этого не произошло. Строятся новые печи: к 1771 году их было 17, в 1797 году – 20. Судя по достигнутой производительности, выплавка меди должна быть 50-60 тысяч пудов в год, а выплавалось от 21 до 39 тысяч пудов. Причиной столь низкой выплавки явился недостаток воды в пруду. Зимой половину печей останавливали. А в отдельные месяцы завод вообще не работал, так как пруд полностью промерзал.

Ещё в январе 1762 года унтершхтмейстер Иван Колокольников докладывал Канцелярии, что в Петропавловском заводе медеплавильные печи «стоят за маловодием». Причиной были многие щели и пещеры, через которые уходила вода. Спуски воды из пруда в 1772 и 1778 годах для заделки на его дне провалов и щелей нужного результата не давали. Не обеспечивала водой и плотина на Истоке. Попов в своей книге «Хозяйственное описание Пермской губернии», которую он написал в 1804 году, объяснил: «Для умножения оной (воды) еще заводчик Походяшин построил на истоке, выходящем из Троицкого озера и вливающего в пруд, запасную плотину длиной 120, шириной в 12 сажень и вышиной в 6 аршин, в расстоянии 8 верст от Петропавловского завода; но как при стоке воды оказалось и там щели и пещеры, в которые вся спрудная вода ушла; то потеряна предлагаемая на оную надежда; время и труды же и иждивение сделались тщетными».

Известняк, по которому протекали Колонга и Вагран, по природе своей не мог устоять перед постоянным натиском воды, она его растворяла, образуя многочисленные пустоты, через которые и уходила. В полную силу завод мог работать лишь осенью и весной, а в

остальное время с помощью «коннодействуемых» машин, которых к концу столетия на заводе было две.

В 1768 году Походяшин обращается в Берг-коллегию с просьбой построить на реке Турье, вместо ранее намечаемого молотового завода, медеплавильный завод. Решение было правильным, поскольку медные рудники были рядом. Но почему Походяшин не строил Богословский завод сразу же после открытия богатого Турьинского месторождения? Ответ на этот вопрос можно найти в заводских отчетах, направляемых в Канцелярию.

В одном из них сообщалось: «В прииске железных - 17, коих на 60 лет быть признается. Медных - 33, на оных на коликое число лет стать может, показать невозможно, ибо ...руды имеют положение не жильное, но гнездовое, почему и доброты бывают разной». К тому же, до начала 1764 года разрабатывать рудники было некому: чердынские приписные крестьяне отказывались идти на завод, а кто уже там работал, вскоре сбежали.

К 1761 году уже имелось 24 неработанных медных прииска. К 1764 году было найдено 33 прииска. Три из них – на горе Кумбе, что вселяло надежду найти недалеко от Петропавловского завода богатое месторождение. А запасы руд в Турьинских рудниках определить было невозможно. По отчётам конторы в 1797 году за Петропавловским заводом числилось три действующих рудника, а всего недействующих, записанных за Походяшиным, – 85.

В 1770 году начал работу медеплавильный завод на реке Турье. На нём имелось 19 медеплавильных печей. С пуском Богословского завода можно было бы не возить руды на Петропавловский завод. Но Походяшин продолжал плавить медь на двух заводах. Количество выплавляемой на них меди достигает 50-60 тысяч пудов в год, что составляло третью часть меди, добываемой на Урале. В 1768 году на Петропавловском заводе было произведено 39012 пудов металла – самый большой результат за все годы выплавки меди на заводе. Для сравнения: восемнадцать лет назад такое количество давали более двух десятков (!) медеплавильных заводов Урала вместе взятые. Походяшин становится медным королем Урала, а затем и России.

Но производство меди на Петропавловском заводе шло с немалыми трудностями. Плавильные печи часто выходили из строя не только потому, что за неимением горнового камня строились из кирпича. Воздух в них нагнетался допотопными клинчатыми мехами, приводимыми в движение наливными колесами. Однако по тем временам это была современная многоотраслевая горнозаводская мануфактура с законченным циклом производства, с развитыми основными и вспомогательными службами, техническое состояние которой постоянно улучшалось.

«По недостаточному искусству плавильных в те времена мастеров, - сказано в одном из документов, - с начала действия Петропавловского завода скопилось большое количество медной крицы, загромоздившей помещение фабрики и несколько амбаров». В 1768 году был найден способ использования этого продукта, что привело к более рациональному ведению плавки и послужило причиной резкого увеличения производства меди. В это же время началась замена гармахерских горнов на более совершенные печи, что также значительно улучшило и ускорило процесс очистки черной меди. Была сооружена рудорасколочная машина. В конце 18 века на казенных заводах Урала начали строиться высококорпусные печи. В бывшем хозяйстве Походяшина они появились в 1799 году, когда 18 медеплавильных печей Петропавловского завода были «надделаны повышением на 2 фута».

С вводом в действие Богословского завода роль Петропавловского завода отходит на второй план, хотя пытаются разработать Верхневагранский старинный рудник, три медных

рудника у Баронского зимовья, Воскресенский золотосодержащий медный рудник. Но все попытки отыскать богатое месторождение меди в округе Петропавловского завода для полной его загрузки результатов не дали. Со временем старые шахты на Турьинском месторождении стали нерентабельными из-за большой глубины, новых богатых приисков не было найдено. Поэтому уменьшается и количество руды, отправляемой на Петропавловский завод.

После продажи в 1791 году Богословских заводов в казну производство металла стало резко сокращаться. Менее чем за пять лет выплавка меди по сравнению с предшествующим десятилетием сократилась более чем в два раза. В 1800 году встал вопрос о продаже заводов в частные руки с целью поправить пошатнувшееся хозяйственное положение округа. В числе претендентов на владение заводами был и Григорий Походяшин. Но этого не произошло, бывшее хозяйство Походяшиных продолжало ветшать и разрушаться. В 1827 году по решению Богословского горного совета Петропавловский завод был остановлен. Главной причиной закрытия по официальным данным было истощение Турьинских рудников и дальняя перевозка медных руд.

По мнению некоторых исследователей, упадок горного дела в Богословском округе произошел во многом от «неразумного ведения дела», приведшего заводские строения и оборудование в полуразрушенное состояние. Вот документ 1821 года: «Медеплавильная фабрика угрожает падением, от которого невозможно поддержать большую часть оной никакими подкреплениями». Горному начальству предлагалось тогда «во избежание опасности от общего разрушения и к сохранению по крайней мере некоторых печей для заводского действия ещё на некоторое время, разобрать неподкрепимые места фабрики». Не соответствовала своему назначению заводская плотина. «Прорез со сливным мостом, свинками и коренными в вешняшном прорезе стойками и ставнями совершенно ветх и гнил, так что во всякое время должно опасаться прорыва плотины... Сплейзофенная фабрика почти во всех частях ветха, что и медеплавильная, а изба для дела мусоров совершенно обветшала и годилась только на дрова. На плотине у ларя стояла конная машина к восьми медеплавильным печам, но была разобрана, и снято с неё железо».

Вкладывать средства в полуразвалившееся предприятие было крайне рискованно. Тем не менее, в 1834 году Комитет Богословских заводов предложил возобновить действие Петропавловского завода. В обоснование этого решения Комитет выдвинул следующие доводы.

В окрестностях Петропавловского завода открыты многочисленные и богатые золотоносные россыпи, разработка которых вполне способна покрыть расходы на его содержание (31 тыс. руб. в год). Кроме того, Петропавловский завод является последним населенным пунктом на севере региона, откуда могли бы отправлять экспедиции для дальнейшего минералогического исследования Северного Урала. Ожидаемые открытия новых, а также разработка многочисленных уже известных месторождений могли бы послужить делу возрождения преждевременно упраздненного предприятия.

Однако мнение Комитета не было принято во внимание высшим горным начальством. Завод не работал уже более 7 лет, жило в нём не более 800 человек. Все имущество его было передано в управление смотрителю, которого назначала Турьинская горная контора.

По архивным документам и публикациям В. Я. ИЩЕНКО и В. А. ЧУДИНОВСКИХ (Екатеринбург)
подготовил к печати Юрий СЫСУЕВ

5. ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ

Петропавловский завод

Со времени правления Петра I в России начинается развитие горнометаллургической промышленности. Все возникавшие при заводах, рудниках и приисках населенные пункты носили их названия, начиная с Петрозаводска – столицы Карелии, кончая Нерчинским Зааводом в Читинской области. Все они имели статус горнозаводских селений. Так было и после смерти Петра. Во время правления его дочери императрицы Елизаветы, 5 мая 1758 года, верхотурский купец Максим Михайлович Походяшин начал строить на речке Колонге железоделательный и медеплавильный завод, назвав его Петропавловским. Со временем многие селения стали крупными городами, а многие исчезли с карты страны. Большими городами стали Пермь (Егошихинский завод) и Екатеринбург (Екатеринбургский завод). Наш областной центр возник в 1723 году, а статус города получил через 40 лет - в 1763-м.

Петропавловский завод просуществовал 69 лет и был закрыт по причине ветхости и нерентабельности производства. Однако горнозаводское селение при нём с момента своего основания в течение 105-и лет сохраняло свой первоначальный статус и своё первое коренное название – Петропавловский завод. А в некоторых документах, в частности, на карте Богословского горного округа, составленной Е. С. Фёдоровым и В. В. Никитиным, оно сохранялось до начала 20-го столетия.

На территории, которую сейчас занимает Североуральский городской округ, кроме Петропавловского завода, было основано ещё одно горнозаводское селение – Всеволодо-Благодатский завод. Это первое название села. Исчезнувшие с карты района в прошлом столетии деревни Воскресенская и Мостовая первоначально назывались Воскресенским и Мостовским приисками. На нынешней территории Свердловской области, которая образована в 1934 году из бывших Пермской и Тобольской губерний, находились Екатеринбург, Красноуфимск, Камышлов, Ирбит, Верхотурье и Туринск Тобольской губернии. Все эти города являлись центрами уездов.

Интересный факт: на их территориях находились горнозаводские селения, превосходившие по количеству населения и развитости промышленности уездные города, но они не имели статуса города. Так нынешний город Серов (Надеждинский завод), получил статус города 15 сентября 1919 года решением Екатеринбургского губернского военно-революционного комитета как безуездный город. Он входил в состав Верхотурского уезда до образования Постановлением ВЦИК от 12 ноября 1923 года Надеждинского района. Но город Серов, как и положено, отмечает дату своего рождения не с момента получения статуса города, а с момента основания – с сентября 1893 года, что закреплено решением городской Думы.

К началу реформ второй половины 19 столетия, связанных с отменой крепостного права, медеплавильное производство в Богословском горном округе, находившемся в казённом содержании, приходит в упадок. В 1827 году закрывается Петропавловский медеплавильный завод, сокращается производство меди на Богословском заводе. Но первые годы после закрытия Петропавловского завода для жителей заводского селения прошли безболезненно. И связано это было с открытием золотоносных песков. После того, как берггешворен А. Н. Чеклецов в 1826 году провёл разведку на золото в округе Петропавловского завода, начались добычные работы на приисках Пуинский и Лотовой, куда пришли на работу и мастера Петропавловского завода. В 1830 году в Богословском округе было добыто наибольшее количество золота. С 1850 года количество добываемого золота начало уменьшаться, так как увеличивалась его стоимость. В 1873 году стоимость

добытого золотника увеличилась более чем в три раза по сравнению с 1830 годом. Добыча золота стала нерентабельной. К тому же с уменьшением работ жителей Петропавловского завода постигло стихийное бедствие: в начале 50-х годов 19-го столетия селение было уничтожено пожаром почти полностью.

К 250-летию Североуралья из архива Свердловской области (ГАСО) была получена копия проекта застройки сгоревшего селения Петропавловского завода. При сравнении проекта застройки с тремя фактическими улицами бывшего села Петропавловского видно, что проект выполнялся строго. Даже соблюдена квартальная застройка трёх бывших улиц: Советской, Свердлова и Красноармейской (нынешние названия), возникших в 19-ом столетии. На проекте были указаны фамилии владельцев будущих усадеб, которые перешли в собственность по реформе 1861 года. Указано место строительства здания училища. В архиве краеведческого музея хранится документ об окончании строительства здания училища в 1855 году. Здание и сейчас существует по адресу Советская, 32, где находится воскресная школа храма Петра и Павла.

Село Петропавловское

1861 года в России начались реформы, связанные с отменой крепостного права. На территориях горных округов создавались новые волости. В Богословском горном округе были созданы две волости: Богословская и Турьинская. По Уставной грамоте Турьинской волости от 31 октября 1863 года селение Петропавловского завода получило статус села и стало называться село Петропавловское. Приисковские селения стали зимовьями Воскресенским и Мостовским. Жителей из сословия мастеровых перевели в сословие сельских обывателей. Деление населения на сословия в России отменили только после Февральской революции в апреле 1917 года. Горнозаводские мастеровые по реформе 1861 года, кроме усадебной земли были наделены и сенокосными угодьями. Сравнивая списки получивших земли с данными Всероссийской переписи 1897 года и сельскохозяйственной переписи 1916 года, вы не найдёте многих фамилий жителей села Петропавловского и окрестных деревень. Богословский округ считался совершенно непригодным для хлебопашества. Его жители занимались в основном заводскими работами и огородничеством. Хлеб сюда завозили из Сибири. После освобождения от крепостной зависимости люди спешили хотя бы за бесценок распродать имущество, чтобы выручить что-либо на дорогу и убраться из сурового края. Многие усадьбы, сенокосы и покотины перешли к оставшимся жителям села. Покотины находились за его северной окраиной и были огорожены от леса и дорог - Ивдельского тракта и Даньшинской дороги.

Село Петропавловское становится «заштатным селом», почти захолустным, поскольку здесь не было волостного правления. Таким, кстати, было и село Никито-Ивдельское (нынешний Ивдель) Всеволодоблагодатской волости, превосходившее по числу жителей волостное село Всеволодо-Благодатское.

Обстановка в Богословском горном округе изменилась с началом строительства и пуском Надеждинского завода, который начал поставлять рельсы для строящейся Сибирской железной дороги уже в сентябре 1896 года. Богословское горное общество было заинтересовано в исследовании минеральных богатств округа. Такие исследования на всей его территории в конце 19 века провели профессора Санкт-Петербургского горного института Е.С. Фёдоров и геолог В.В. Никитин. В окрестностях села Петропавловского они обследовали два месторождения железных руд: Благовещенское и Покровское. Исследование Благовещенского месторождения они посчитали пустой тратой времени, поскольку оно было слишком бедным по содержанию железа. Фактически они прошли мимо

основного богатства края – бокситов, открытие которых состоялось уже в 20-ом веке. В Покровском месторождении определили запасы магнитного железняка в 20 миллионов тонн с содержанием железа 64%. Это была одна из лучших железных руд в округе. У жителей села Петропавловского появились новые перспективы.

Для выплавки металла основным топливом служили дрова и древесный уголь. В основном применялся древесный уголь двух видов: костровой и печной. Надеждинский завод отдал предпочтение печному углю. Лучшими лесами для углежжения были леса в северо-западной части округа в бывшей даче Петропавловского завода.

К 1897 году реку Сосьву расчистили для сплава леса, берега её укрепили. У деревни Филькиной устроили запань и пристань, где принимали дрова, сплавляемые по Сосьве, Ваграну, Лангуру и другим рекам. Заготовка древесины в окрестностях Петропавловского началась в конце 19-го столетия. В начале 20-го столетия появилось новое предприятие - Петропавловское лесничество, которое продолжило работы по разбивке лесных территорий на кварталы, дальнейшую таксировку леса и строительство лесных кордонов. Кроме заготовки дров на территории нового лесничества работали углевыжигательные Козьинские печи в районе Старых Боксит и в верховьях Ваграна, в деревне Ванькино, а также печи в Григорьевке и Шанаурье (Черноурье). Начало работы на Козьинских печах подтверждают метрические книги храма Петра и Павла, где имеются записи о рождении детей у двух братьев Соловьёвых: Василия Георгиевича и Георгия Георгиевича в 1900 и 1901 годах. Семьи обоих до приезда сюда проживали в Чернохолуницком заводе Слободского уезда Вятской губернии.

К началу 1905 года Богословско-Сосьвинская железная дорога была построена до Ваграна (станция Вагран, старые Бокситы). Об этом подробно сказано в газете «За бокситы» в 2006 году в номерах 61, 62, 64: «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы...». В книге Г. А. Кротовой из Екатеринбурга с названием «Житие священномученика Аркадия Гаряева – пресвитера Боровского» опубликованы некоторые его дневники. В них есть упоминание о первом приезде в село Петропавловское в 1908 году архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского. С открытием железной дороги закрылся Рудничный тракт «Петропавловское-Турьинские рудники» как основной путь сообщения. Действовал только Ивдельский тракт.

С закрытием рудничного тракта прекращается история зимовья Половинного на речке Семёновке. В 1863 году зимовщику Дмитрию Обысканову, имевшему право на землю по списку горнозаводских людей, была выделена покотина в этом месте. К началу 1904 года умерли приёмные родители Любови Симоновны Караваевой, проживавшие вместе с ней в зимовье Половинном. Зимовье было построено между 1821 и 1863 годами. История жизни Л. С. Караваевой в зимовье описана в книге И. Я. Кривощёкова «Словарь Верхотурского уезда». По метрическим книгам храма Петра и Павла Любовь Семёновна Караваева уже в 1908 году жила в селе Петропавловском.

Здание зимовья на Семёновке было приобретено Георгием Георгиевичем Соловьёвым-старшим и перевезено в так называемый Кукуй села Петропавловского (по словам правнука Г. Г. Соловьёва). В Настоящее время дом зимовья находится по адресу: улица Куйбышева, 9. В этом доме провёл детские и юношеские годы Алексей Георгиевич Соловьёв – первый председатель Союза молодёжи (предшественника комсомола) села, отметивший в октябре 2008 года своё девяностолетие. А. Г. Соловьёв похоронен на старом кладбище, находящемся по дороге на склад взрывчатых веществ СУБРа. Старейшие здания училища на улице Советской, 32, на улице Куйбышева, 9, а также здание храма Петра и Павла являются

свидетелями 19-го и бурного 20-го столетий и сохранились до наших дней. За эти годы от дома Соловьёвых осталась одна половина и снесены надворные постройки, а сам дом врос в землю из-за поднятия автодороги.

После получения телеграммы Уральского областного Совета от 26 октября 1917 года Советы в Богословске и Надеждинском заводе объявили себя единственными органами власти. К этому времени относится переход всей власти в руки Петропавловского Совета крестьянских и солдатских депутатов. С этого времени село Петропавловское становится административным центром бывшей Петропавловской дачи Турьинской волости.

С 1918 года по 1922 год полыхала безумная гражданская война. В 1918 году была принята первая Советская Конституция, которая утвердила местные советы органами власти с новым названием – Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Такое название подтвердила и Конституция 1924 года. После окончания войны на Урале Надеждинский завод вновь начал выплавку металла. Начала оживать жизнь и в селе Петропавловском. Вновь началась заготовка древесины в Петропавловском лесничестве и добыча железной руды в Покровском руднике. В заготовке древесины кроме постоянных жителей участвовали сезонные рабочие. На Покровском руднике работали в основном жители Турьинских рудников, где медные шахты были затоплены. Работали бригадами, в основном семьями. На лесозаготовки стали приглашать из других областей, особенно из Вологодской области и республики Коми, жители которых имели большой опыт работы в лесу. Продукты питания на лесных и горных работах выдавались с выработки кубометра леса и горной массы. Так было до 1934 года.

1931 год явился переломным в развитии села Петропавловского. В январе Петропавловское лесничество было преобразовано в лесопромышленное предприятие – Петропавловский леспромхоз с подчинением тресту «Уралсевлес Упрлеспрома Наркомлеса СССР». Административно-хозяйственным центром нового предприятия стали хозяйственные и жилые здания бывшего лесничества. Началась расчистка территории Кукуя от леса для строительства новых служб. Появились здания автогаража, электростанции и другие.

Главная улица посёлка Горный – Космодемьянская (ранее Комсомольская) и улица Щорса застраивалась домами, перевезёнными с прииска Григорьевки. Оттуда перевезли и возвели на новом месте без всяких изменений внутри и снаружи бывшее здание клуба, оно стало клубом леспромхоза. Посёлок застраивался домами, принадлежавшими лично рабочим предприятия.

В 1935 году был организован Петропавловский химлесхоз. Новое предприятие занималось сбором живицы для химической промышленности и имело свой химический завод сухой перегонки древесного сырья на реке Колонге. На берегах реки Троицкий Исток появились хозяйственные постройки, склады для хранения продукции и жильё для рабочих. Рабочие строили и собственное жильё. Местные жители называли этот новый посёлок «Подсочкой». К 1947 году оба посёлка получили общее название – «Горный». Почти без изменений он перешагнул в 21 век.

В тридцатых годах прошлого века Петропавловский леспромхоз был крупным промышленным предприятием. Его лесоучастки находились на территориях Волчанского района – Угольная Волчанка (ныне Волчанск), Шанаурье (ныне Черноурье) и Ивдельского района – Сама, Денежкино и Марсяты (по данным А. Н. Арцибашева), но большинство – в Североуральском. На участках строили жильё, объекты соцкультбыта, хозяйственные здания. Первыми отделились лесоучастки Ивдельского района, вошедшие в Марсятский

леспромхоз. В 1939 году в самостоятельные предприятия выделили Покровский и Баяновский мехлесопункты. В 1952 году из Петропавловского леспромхоза выделился Шегультанский леспромхоз с центром в селе Всеволодо-Благодатское. В феврале 1958 года в связи с истощением сырьевой базы Петропавловский леспромхоз ликвидировали.

В ноябре 1931 года Н. А. Каржавин открыл на левом берегу Ваграна близ Даньшинской дороги недалеко от села Петропавловского самое крупное в Советском Союзе месторождение бокситов - сырья для алюминиевой промышленности. Геологоразведочные работы начались 15 апреля 1932 года. С 1 июля 1933 года в селе Петропавловском появилось новое предприятие – «Надеждинский Бокситстрой Уральского алюминиевого комбината». Приказом «Главалюминия» от 2 апреля 1934 года оно становится самостоятельным предприятием под названием «Северо-Уральские бокситовые рудники» (СУБР).

В первые годы подразделения СУБРа располагались в селе Петропавловском. Контора управления находилась на улице Кооперативной (Свердлова) в доме Воронцовых. Позднее здесь был горвоенкомат. С 1933 года контору перенесли в район бывшего конного двора у нынешнего моста через Вагран. На улице Красноармейской, в бывшей усадьбе И. С. Чвырина, размещались механическая мастерская, автогараж и другие службы. На нынешнюю промплощадку по улице Ватутина (по воспоминаниям Г. Дементьева) мехмастерские переехали до 1937 года. Первые рабочие СУБРа жили в домах жителей села Петропавловского (по рассказам старожила Г. Дементьева («Правда Севера» от 19 августа 1969 г.) и М. И. Мелехиной).

Новые промышленные здания и сооружения начали строить на площадке, которая располагалась на Даньшинской дороге (начало улицы Ватутина). Эта дорога соединяла Новую промплощадку СУБРа с селом Петропавловским. Она шла от села через нынешнее здание роддома, между домами 32 и 30 на улице Ленина, домами 16 и 14 на улице Чайковского, далее – южнее здания администрации, пересекая дом 8 на улице Молодёжной, школу-интернат и дом 20 на улице Каржавина. Выходила на левый берег реки Сарайной к перекрёсткам улиц Пирогова и Морозова, Шахтёрской и Ватутина, далее – по улице Ватутина.

Сохранился план Петропавловского лесохозяйственного участка Кабаковского лесного отдела треста «Востокстальлеса», где указан земельный отвод села Петропавловского из государственных земель местному сельсовету до 1935 года. Границы земельного отвода были прорублены широкой полосой и в народе назывались «пожарной» полосой. Граница сохранилась, например, за телевышкой на запад и между каналом Исток – Вагран и кладбищем. На землях этого отвода начали создавать посёлок для работников СУБРа, промышленные здания и карьеры. Рубку леса на отведённых СУБРу площадках производил Петропавловский леспромхоз, остатки древесины отводили местным жителям на дрова. Петропавловский леспромхоз имел свой лесозавод в районе, где сейчас вокзал, и кирпичный завод там, где была лыжная «освещёнка». СУБР имел свой лесозавод на площадке, где сейчас «Нордвуд», и кирпичный завод в районе впадения Сарайной в Вагран.

По рассказу Г. Дементьева («Правда Севера» от 19 августа 1969 года) на месте клуба «Строитель» был барак леспромхоза, где располагались магазин райторга и квасная. В четырёх километрах от села Петропавловского находился леспромхозовский посёлок 156-го квартала. От него была построена лежневая дорога к посёлку 105-го квартала, которая проходила по территории нынешнего посёлка Третий Северный. Оба лесоучастка занимались вырубкой леса на отведённых СУБРу землях под строительство рудников Второй Северный, Третий Северный и Кальбинский. Леспромхоз выступал в качестве

подрядной организации СУБРа.

В газете «Северный рабочий» от 13 мая 1938 года был опубликован список избирательных участков и комиссий округа № 504 по выборам в Верховный Совет РСФСР по Надеждинскому району. На территории Петропавловского сельсовета было образовано десять избирательных участков, в том числе в селе Петропавловском и посёлке Бокситовые рудники. В избирательный участок 57 (центр – клуб села) входили село Петропавловское, станция Бокситы, лесоучасток Калья, пос. Коноваловка, Железнодорожный Тупик (старый тупик – ныне территория городского кладбища). В 58-й участок (центр – клуб Бокситовые рудники) входили посёлки Бокситовые рудники и Крутой Лог. На шести избирательных участках указаны также десять посёлков кварталов, жители которых работали в леспромхозе.

Посёлок Петропавловский

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 октября 1938 года и решением облисполкома от 21 августа №1573 село Петропавловское и посёлок Бокситы получили статус рабочих посёлков, где проживали работники промышленных предприятий, а все остальные посёлки и деревни вошли в состав вновь организованного Покровского сельсовета с центром в посёлке Покровск. Сначала они относились к пригородной зоне города Серова, а в марте 1940 года вошли в состав Серовского района.

По принятой 5 декабря 1936 года Конституции СССР (Сталинской Конституции) в стране победившего социализма основу трудящихся составляли рабочие, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Государственные органы на местах были переименованы в областные, городские, поселковые и сельские Советы депутатов трудящихся. В рабочем посёлке Петропавловском вместо сельского Совета был образован Петропавловский поселковый Совет. Образование Покровского сельского Совета, жители посёлков и деревень которого работали в промышленности и попутно занимались только огородничеством и содержанием скота, отрицательно сказалось на их жизни в годы войны 1941-1945 годов.

Любопытный факт: указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 марта 1941 года рабочий посёлок Угольный был преобразован в город областного подчинения Карпинск. Посёлок Угольный появился в начале 20-го столетия, а горнозаводское селение Богословский завод, фактически ставшее основой города, – в 1767 году. Так говорят документы Областного архива (ГАСО). Тем не менее, Карпинск отпраздновал своё 250-летие в 2009 году. Вот другой исторический факт. Из всех посёлков, вошедших в состав нынешнего Екатеринбурга, самым старым является Уктус. В этом посёлке В. Н. Татищев с марта 1720 года сосредоточил «Управление уральских горных заводов» и оттуда руководил строительством Екатеринбургского завода. Но день города в столице Урала отмечают по дате основания Екатеринбургского завода (1723 г.). Как видим, логика принятия решений такого рода не всегда согласуется с фактами истории.

Посёлки Петропавловский и Бокситы находились в одном земельном отводе. Из них первый был административным центром, а другой только промышленным посёлком СУБРа. В 1940 и 1941 годах на территории Северо-Уральского бокситового бассейна работала топографо-геодезическая экспедиция Метростроя. Она оставила подробные планы посёлков с окрестностями. Посёлок Петропавловский показан как сформировавшийся, кроме улицы Кирова, застройка которой продолжалась в годы войны от железной дороги в сторону нынешней больницы. На север от улицы Кирова на бывших покотинах между Ивдельским трактом и Даньшинской дорогой находилось подсобное хозяйство СУБРа. К востоку от Даньшинской дороги покотины были разгорожены. До начала войны там проводились

спортивные соревнования. На правой стороне реки Сарайной лес был почти вырублен, и там появились две новые улицы – Чкалова и 8-го Марта (от Даньшинской дороги до улицы Свердлова). Улица Свердлова была почти застроена от нынешнего пансионата «Северный» к реке Сарайной. Дома строились с двух сторон – со стороны Петропавловского и посёлка Бокситы. Возводили дома жители Петропавловского, работники леспромхоза и жители посёлка Бокситы. Между посёлками образовался разрыв (переулок), где в 1945 году была построена ЛЭП с Богословской ТЭЦ. Серовская ГРЭС была введена в строй летом 1954 года, и старая ЛЭП была демонтирована (нынешняя «освещёнка»). На этом разрыве после сноса домов был возведён памятник героям фронта и тыла.

На левой стороне реки Сарайной между нынешними улицами Каржавина и Ленина в 1940 году имелись три улицы: Ворошилова (Пирогова), Первомайская и Октябрьская. Две первые были застроены индивидуальными домами. На Октябрьской с одной стороны стояли двухэтажные деревянные дома, на другой индивидуальные. Остальная территория посёлка Бокситы была застроена двухэтажными домами, зданиями соцкультбыта и промышленными объектами Старой и Новой площадок. Об этом подробно сказано в выпусках «Вагран» газеты «Наше слово». Юго-западный угол посёлка был занят сарайчиками, огородами и пеньками вырубленного леса вплоть до кирпичного завода СУБРа на берегу реки Сарайной. В отчёте экспедиции Метростроя было сказано, что посёлки Петропавловский, Бокситы при дальнейшем строительстве будут одним рабочим городом. О жизни, труде и бытовых условиях в годы Великой Отечественной войны сказано в майском, 51-м номере «Вагран» за 2005 год. Материал был составлен по докладу бывшего директора СУБРа В. Н. Богатова Главалюминию Наркомцветмета.

В годы войны трудящиеся ОСМЧ «Бокситстрой» строили не только шахты, промышленные объекты, но и жильё: одноэтажные дома с общим коридором и дома с отдельным входом на две квартиры по улицам Ватутина и Кирпичной (Октябрьской) от клуба СУБРа в сторону речки Сарайной – двухэтажные общежития на улице Кирпичной. В квартале нынешних улиц Ленина, Октябрьской, Циолковского и Свердлова были построены двухэтажные восьмиквартирные дома. От школы №1 в сторону улицы Ватутина построили четыре двухэтажных общежития на улице Свердлова. На левой стороне речки Сарайной достраивалась улица Чкалова от Даньшинской дороги в сторону железной дороги и появилась новая улица Осипенко с индивидуальными домами. Продолжили строительство индивидуальных домов по улицам Октябрьской и Первомайской в сторону улицы Свердлова. Особенно нужно выделить постройку засыпных бараков в квартале улиц

Буденного - Октябрьская - Шахтёрская и двухэтажных домов по улице Ватутина. Они были построены для наших солдат, побывавших в плену в Финляндии. Но после госпроверки лагерь закрыли, а в дома поселили работников СУБРа и «Бокситстроя». Этот посёлок жители называли по имени прораба: «Хегай» – корейца по национальности. Индивидуальные дома строили по улице Красноармейской и улице Серова. Таким был город перед тем, как его назвали Североуральском.

Североуральское золото

История поисков золота в даче Петропавловского завода (ныне Североуральск) началась, во второй половине XVIII века во времена Максима Михайловича Походяшина и связана с открытием золота Ерофеем Сидоровичем Марковым в районе нынешнего города Березовского. Золото нередко попадалось поблизости реки Вагран между медными рудами. На случайные находки Походяшин не обращал внимания. Вскоре на правом берегу Ваграна был обнаружен рудник с явными признаками золота. При государственной монополии любое частное предпринимательство грозило конфискацией недвижимой собственности.

Походяшин в 1769 году известил о находке золота и предложил устроить промывальные фабрики на плотинах своих заводов. В то же время П. П. Енталцов и Е. Н. Посников открыли признаки золота в пойме реки Вагран. Были посланы горные служители во главе с маркшейдером Вонявиным для установления благонадежности открытых приисков. Главным итогом экспедиции был выбор места под фабрику на реке Оленьей, описание месторождения и закрепление его за Богословскими заводами.

В 1773 году П. П. Енталцов и Г. Н. Посников вошли в компанию с М. М. Походяшиным для организации промысла, а затем открытия нового рудника в районе слияния рек Сосьвы и Шарпа. Стали добиваться разрешения на постройку золотопромывального завода. Однако позволения от Берг-коллегии не получили.

По сообщению горного начальника Богословских заводов, в 1792 году у селения Воскресенского, на левом берегу Сосьвы, была начата разработка семи кварцевых жил. В течение года было добыто 15,5 тыс. пудов руды, из которой получено более 4 фунтов шлихового золота. Была обнаружена золотосодержащая жила в Воскресенском медном руднике. Разработка месторождения возобновилась, а на Богословском заводе (ныне г. Карпинск) построили фабрику для толчения и промывки руды. Результаты работ не оправдали надежд.

В 1814 году штейгер Лев Иванович Брусницын впервые открыл золотоносные пески на Березовском месторождении.

Открытие Л. И. Брусницына совершило переворот в золотодобывающей промышленности России. Долгие годы обширные хребты Севера считались геологами неперспективными по месторождениям драгоценных металлов. Они считали,

Бригада на добыче золотого песка

что все месторождения драгоценных металлов могли находиться только в экваториальных местах, где палящий луч солнца мог проникнуть вглубь земли, а в снежных и льдистых областях он только скользит по поверхности земли. Европейские геологи напрочь отрицали нахождение драгметаллов в холодных странах с непроницаемыми лесами и болотами. Сыны России разрешили это древнее недоразумение геологов и показали просвещенной Европе, что природа равномерно распространила драгметаллы по Земле. Только после того, как русские стали извлекать золото из недр Урала, геологи других стран устремились исследовать золотосодержащие пески Америки.

В статье начальника Богословских заводов Г. Г. Гавеловского в «Горном Журнале» №5 за 1827 год описывается открытие в 1826 году золотосодержащих песков на территории Богословского горного округа. «Такое явление, новое не только на Урале, было необычным для столь высоких северных широт. Правительство России возбудило в россиянах пламя соревнования в обширных горных областях, во всех горных казенных заводах и частных промыслах. Ежегодно посылались многие партии во главе с горными офицерами, снабженные наставлениями по изучению горных хребтов и их подземных богатств. Искусные «горные партизаны», получившие образование в Горном кадетском корпусе, раскрывали недра Земли в самых диких и безлюдных областях страны и извлекали сокровища на пользу Отечества».

К таким «горным партизанам» Гавеловский относит господина берггешворена Чеклецова, посланного от Богословских заводов. Углубившись к северу от Петропавловского завода, Чеклецов произвел геологические и горные исследования по рекам Малой Пуе, Сольве, Томге (Тонге) и Мостовой и открыл там золотоносные песчаные россыпи. В 1826 году он представил произведенные наблюдения, исследования и открытия отдельно по этим речкам.

В литературе по истории золотодобывающей промышленности мало сведений о «господине берггешворене Чеклецове». Не было известно ни имени, ни отчества, ни даты рождения человека, открывшего новую эпоху Богословского Урала, продолжающуюся на протяжении почти двух веков. Но благодаря екатеринбургскому краеведу Михаилу Сергеевичу Бессонову кое-что мы теперь знаем о «господине берггешворене».

Оказывается, он наш земляк – родился в селении Турьинские Рудники (ныне Краснотурьинск). Из исповедной росписи церкви Максима Исповедника за 1801 год видно, что Александр Наумович Чеклецов родился в 1795 году в семье крестьянина Наума Максимовича Чеклецова, происходившего из Юрменской волости Чердынского уезда. В росписи также указаны семья брата Наума Максимовича – Федота. За 1824 год Александр Наумович числится на заводах шихтмейстером, а в 1826 году – женат. Из статьи Гавеловского за 1827 год известно, что он уже берггешворен, что соответствует 12-му классу Табеля о рангах. В «Уставе о службе гражданской» 1832 года говорится, что горные чиновники пользуются «всеми преимуществами военной службы, т.е. приобретают потомственное дворянство с пожалованием в первый классный горный чин» (т.е. 14 класс – Е. М.). М. С. Бессонов сделал предположение, что А. Н. Чеклецов был удостоен дворянского звания за его открытия золотосодержащих песков в районах России за 60-ой параллелью. Кроме статьи Гавеловского, об уровне образования А. Н. Чеклецова в Горном кадетском корпусе говорит небольшая заметка о нём как составителе «Геогностического описания Чердынского уезда» в 1832-34 годах. Такое под силу только высокообразованному человеку. Настоящий самородок из крестьян.

По донесению генерал-майора Иоссы (уроженец Богословского завода) по

Богословскому округу добыча золотосодержащих песков производилась поверхностными и подземными работами и составляла в 1855 году 23940478 пудов. Прииски были разделены по следующим дистанциям: Каменской, Петропавловской, Магдалинской, Чапинской, Пуинской, Волчанской, Питателевской. Три прииска (Шапшинский, Полуночный и Холодный) находились в Округе Северной горной экспедиции. В Пуинской дистанции, золото которой было открыто А. Н. Чеклецовым, отстоящей от Петропавловского завода в тридцати одной версте, работали девять приисков: Мостовский, Агафоновский, Лотовой, Луковской, Никольский, Семеновский, Троицкий, Кедровый и Пуинский. Открытие золотоносных песков помогло решить проблему занятости и выживания многих петропавловцев.

Евгений МЫЛОВ

Грозные дни Петропавловского

«...В большинстве городов и районов Северного Урала Советская власть утвердилась мирным путём без кровопролития. Задача перехода власти к народу была облегчена тем, что незадолго до Октябрьской революции большевики заняли в Советах прочные позиции... Сразу же, как только было получено телеграфное сообщение Уральского областного Совета о победе вооружённого восстания в Петрограде, в Надеждинске организовался Центральный совет рабочих и солдатских депутатов Богословского горного округа. Затем начались выборы на местах...»

Иван ДИТЛОВ

Документальная повесть «Рабочая кровь».

Опубликована в «Правде Севера» в 1964 году.

Как узнали в тихом Петропавловском селе о восстании в Петрограде и провозглашении Советской власти? Одни старожилы села утверждали, что весть эту принесли возвратившиеся с «Германской» войны солдаты. Другие клятвенно уверяли: первой в селе узнала об этом дежурившая у коммутатора-номерника в лесничестве телефонистка Клава Воронцова. Конечно, она тотчас поделилась новостью со всеми знакомыми, те - с соседями. Так от дома к дому весть об этом историческом событии облетела всё село.

Утром 26 ноября Петропавловское бурлило, на улицы высыпали и старые, и малые, люди сбивались в кучки, возникали стихийные митинги. На них выступали и вернувшиеся с фронта солдаты, которые горячо рассказывали о революционных событиях в Петрограде и на фронтах, а также активисты, поддерживающие или сочувствующие большевикам. Наиболее рьяные призывали немедленно «гнать в шею богатеев», отбирать их имущество и раздавать его бедным. «Хватит пить нашу кровь!» - кричали они. – Берём власть в свои руки, установим свои порядки».

И верно, наиболее нетерпеливые, особенно из бедных, разгоряченные речами ораторов, бросились к лавкам и домам купцов и зажиточных селян и начали громить их. Видя это, активисты стали призывать прекратить грабёж и «сделать всё по закону», то есть выбрать Совет, который и будет осуществлять власть на месте, устанавливая новые порядки.

И такой Совет был избран на общих собраниях селян. В него вошли самые заслуженные люди села: Павел Геронтьевич Баянов, Никандр Григорьевич Кузнецов, Павел Иванович Палехов, Иван Михайлович Дерябин, Николай Михайлович Паршуков и Павел Павлович Ожегов. Первым председателем исполкома Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов стал бывший фронтовик П. Г. Баянов.

Совет незамедлительно развернул активную деятельность, руководствуясь в своих действиях требованиями, изложенными в телеграфном воззвании Уральского областного Совета. В числе первых мероприятий значилось: помочь Уральскому областному Совету в

формировании новых частей Красной гвардии. Для этого требовались не только люди, но и деньги. Как утверждали старожилы села, в том числе краевед И. Ф. Дитлов, в короткий срок было собрано 32 фунта золота, конфискованного в основном у купцов Кузнецова и Чувырина и богатых селян. Золото отправили в Екатеринбург.

Кое-кто из тех, кто не поддерживал новую власть, бросили дома и бежали. Их имущество поделили меж особенно нуждающимися. В доме купца Чувырина открыли школу, начали налаживать торговлю, жизнь в селе ожила. Баяновский и Покровский рудники были затоплены прежними хозяевами. Члены Совета попытались восстановить их работу.

Совет пользовался большой поддержкой населения села. Конечно, были и такие, что не поддерживали новые порядки. Одни открыто высказывали своё недовольство, другие затаились в надежде, что всё это непрочно, ненадолго, что вернутся прежние порядки, прежняя власть, надо терпеливо ждать. И верно: через несколько месяцев утвердившаяся было мирная жизнь нарушилась – началась иностранная интервенция и гражданская война.

Уже весной 1918 года США, Япония и ряд европейских государств начали вооружённую интервенцию против молодой Советской республики. Военные действия одновременно начались на севере и юге, на западе и востоке, а также в центре страны. Особенно ожесточённый характер борьба приняла на Урале, являвшемся крупным промышленным центром России, её военным арсеналом. Здесь был создан плацдарм для свержения Советской власти, называемый Восточным фронтом. Летом и осенью 1918 года Восточный фронт был главным. Красная Армия, находившаяся ещё в стадии формирования, плохо вооружённая, с плохо обученными бойцами, отступала по всем направлениям, и к концу того же года весь обширнейший Урал оказался занятым белогвардейцами и иностранными войсками.

На этот раз не остался в стороне от кровавых событий и Северный Урал, в частности село Петропавловское. В ноябре здесь появился карательный отряд колчаковцев из так называемого экспедиционного корпуса князя Вяземского, которому был дан приказ прочесать Урал с юга до севера, освободить его от Советов и Красной армии, беспощадно расправляться с их сторонниками, даже сочувствующими. Отрядом командовал Федька Постников – человек местный, хорошо знавший людей и край. Среди населения его знали, как отъявленного бандита. Такие высоко ценились у колчаковцев. Как вспоминали старожилы, в селе побывал и князь Вяземский, которого даже угостили настоящими уральскими пельменями.

Конечно же, в первую очередь каратели расправлялись с членами местных Советов. И операцию эту в селе Петропавловском провели блестяще, так как в отряде кроме Федьки Постникова были несколько человек из местного населения, добровольно или насильно мобилизованные. Они и помогли найти членов Совета, составить чёрный список, в который внесли тех, кто радел новой власти, помогал ей, грабил купцов, да и просто всех сочувствовавших Советам и Красной армии. Всех их надлежало выпороть.

У членов Совета была возможность своевременно скрыться, но они почему-то ею не воспользовались. Вот как об этом пишет Иван Дитлов в повести «Рабочая кровь»:

«С первых дней Октябрьской революции Александр Михайлович Бахарев был активным организатором Советской власти на местах. Когда Урал был захвачен белогвардейцами и повсюду начался террор, бывший подпольщик не дрогнул. Зная повадки врага, Бахарев перед тем, как скрыться, предупредил членов Петропавловского Совета о том, что ни на какую милость рассчитывать не следует, что в случае ареста они будут уничтожены. Поэтому всем надо уходить в лес. Дальнейшие события показали, что он не

ошибся.

Первым, к кому пришли каратели, был Бахарев, но его дома не оказалось. Небольшая землянка на речке Даньша укрыла его от глаз хищников».

Да, член Совета Турьинских рудников и Надеждинска А. М. Бахарев, незадолго до этих событий присланный сюда для помощи местному Совету, оказался прав. Всех шестерых членов первого Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов села Петропавловского каратели арестовали и после жестоких пыток и истязаний расстреляли в Надеждинске. Но на этом не остановились. Они арестовали некоторых активистов и учинили им публичную порку. В своё время я записал воспоминания старожилов села Леонида Евгеньевича Воронцова, Стефана Алексеевича Косякова и некоторых других. Вот что поведал Леонид Евгеньевич Воронцов:

- Я учился то ли во втором, то ли в третьем классе, но хорошо запомнил события тех лет, как пороли розгами моих соседей. Намеревались устроить экзекуцию и моему отцу. Он тогда работал на конюшне в небольшом поселении около озера Гальяновского, где в бараках жили пленные первой мировой войны - австрийцы, поляки, немцы, мадьяры и другие, занимавшиеся заготовкой леса. Отца, однако, кто-то предупредил, что его ищут каратели, и он скрылся в лесу. А вот дядю моего, Ивана, колчаковцы насильно мобилизовали в свой обоз, потребовав двух лошадей и хорошие сани. В сани погрузили винтовки, сели двое карателей, которые приказали ехать во Всеволодо-Благодатское. Дорога была плохая, и в одном месте сани перевернулись, оружие рассыпалось, сонные солдаты, падая, сильно ударились о мёрзлую землю. Опомнившись, они вскочили на ноги и стали прикладами бить дядю, ругая его «красной сволочью» и другими обидными словами.

А Стефан Алексеевич Косяков добавляет:

Моему дяде всыпали 25 розог. После порки он едва встал со скамейки, ошарашено глянул на усатого палача, который только что хлестал его, и как-то непроизвольно проговорил: «Спасибо». Каратели озверели, схватили дядю, снова привязали к скамейке и дали ещё 25 ударов. После этого он не смог сам подняться, его подхватили на руки родственники и увели домой, где он долго не мог ничего делать.

Выпороли Валентина Бобровского, Фёдора Балина, Виталия Бисерова, Степана Кузнецова, Василия Паршукова, Михаила Палехова и других. По слова С.А. Косякова, не менее 80-ти человек. Другие называли цифру значительно меньшую. Каждому давали от 25 до 50 розог. Многие, конечно, долго болели.

Наследил отряд Федьки Постникова и во Всеволодо-Благодатском. Здесь начальником почтово-телеграфной конторы служил Василий Афанасьевич Плаксин.

До революции он поддерживал связь с нелегальным кружком марксистов, даже распространял «крамольную» литературу. И, конечно, восторженно встретил Октябрьскую революцию. Когда же появились белогвардейцы, он сообщал командованию Красной Армии о продвижении их отрядов. (Всё это записано со слов старожилов села Всеволодо-Благодатское).

Карателям, прибывшим из Петропавловского, кто-то из местных сообщил о «красном почтаре». Василия Афанасьевича арестовали, долго допрашивали и истязали, а затем раздели до нижнего белья и приказали бежать по улице. Когда он удалился на несколько метров, в него выстрелили.

Это произошло 3 декабря 1918 года. К трупам Плаксина никого не допускали.

Сначала поставили часового, затем заменили его кем-то из местных. Ночью каратели наспех зарыли труп на окраине местного кладбища. И лишь когда каратели покинули село,

жена Плаксина Варвара Тимофеевна с маленькой дочерью Александрой с помощью местных жителей перезахоронили его по всем христианским правилам. Ныне на могиле В. А. Плаксина растёт лиственница.

Каковым было участие петропавловцев в гражданской войне и отражении иностранной интервенции? Краевед И. Ф. Дитлов много лет собирал материал о том, как была установлена Советская власть на Северном Урале, в частности, в селе Петропавловском, и об участниках гражданской войны. Он побывал в архивах Перми, Нижнего Тагила, Свердловска, записал воспоминания старожилов, в том числе и тех, которые уехали отсюда. По его сведениям, сначала добровольцами записались в Красную Армию 37 жителей села, из них 10 девушек. Среди добровольцев были Фёдор Дерябин – сын расстрелянного колчаковцами члена первого Петропавловского Совета, В. Пустозёров, С. Пендуров, П. Логинов, А. Соловьёв, Н. Ожегов, А. Баженова, С. Другова и другие. Позднее на фронт ушли ещё несколько человек. В списке краеведа значится 45 добровольно ушедших на фронт. Были добровольцы из Всеволодо-Благодатского, Воскресенки, Сольвы и других селений.

Например, в Сольве состоялось собрание, на котором член партии И. П. Коровин рассказал о положении на фронтах и призвал молодых вступать в ряды Красной Армии и отправиться добывать врагов Советской власти и интервентов. Тут же изъявили желание пойти добровольцами в Красную Армию восемь человек, в их числе П. И. Коровин, Н. П. Борисов (брат П. П. Борисова - будущего дипломата СССР), братья Н. и А. Устиновы, Ф. Н. Ильиных, У. И. Алфёрова.

Домой вернулись далеко не все. Погибли в боях на разных фронтах братья Иван и Антон Паршуковы, Илья Чалин, Александр Бегетнев, Анна Баженова, Анастася Палехова, Александра Забелкина, Пётр Логинов, Прокопий Артемьев, Алексей Первушин, Николай Борисов и другие.

Летом 1919 года Урал полностью освободили от интервентов и белогвардейцев, военные действия переместились в Сибирь. И сразу же здесь приступили к восстановлению Советской власти и разрушенного войной хозяйства. Начали создавать губернские, уездные, заводские, волостные и сельские ревкомы.

Ожило село Петропавловское. В сельский ревком избрали Александра Михайловича Бахарева, Алексея Артемьева, Константина Бегетнёва, Прокопия Баянова, Виталия Бисерова, Маврикия Зырянова и Ксению Баянову. Возглавил ревком Александр Бахарев. Создали и милицию, куда вошли Илья Подковыркин и Василий Ожегов. Позднее ревком реорганизовали в Сельский Совет.

Налаживалась жизнь в селе и окрестных деревнях и поселках. Возвращались с фронтов участники боёв, были среди них и увечные. А вот точных и достоверных сведений о погибших в первой мировой войне и в годы интервенции и гражданской войны, к сожалению, нет, пользуемся сведениями, добытыми краеведом И. Ф. Дитловым.

В «Книге памяти» изданной в Североуральске в 1993 году, названы десять погибших, которые до призыва жили во Всеволодо-Благодатском и Тренькино, шестеро расстрелянных членов первого Совета села Петропавловского. В списке погибших в годы гражданской войны (1918-1922 гг.) значится 27 человек (по сведениям И. Ф. Дитлова - 28). Назван и расстрелянный В. А. Плаксин.

Не забыты имена борцов за Советскую власть. На месте их расстрела в городе Серове есть обелиск, на котором выбиты имена шести членов первого Петропавловского Совета. В Североуральске на привокзальной площади в канун 40-летия Великого Октября в 1967 году

установлен памятник «Погибшим в борьбе за Советскую власть в 1917-1922 гг.».

На нём слова: «Стойкость, преданность вашу чтят благодарные потомки». Одна из городских улиц, по которой въезжают в город со стороны города Серова, названа именем Павла Баянова. Во Всеволодо-Благодатском также установлен памятник борцам за Советскую власть, есть здесь и улица имени Василия Плаксина, погибшего от колчаковцев в 1918 году.

7 октября 1938 года Петропавловский сельский стал поселковым Советом. Петропавловское и входившие в состав Совета посёлки относились к Надеждинскому, а затем к Карпинскому району. 27 ноября 1944 года рабочий посёлок Петропавловский (включая посёлок СУБРа) был преобразован в город областного подчинения Североуральск. В декабре того же года сформировали первый городской Совет. Его возглавил Николай Иванович Царьков.

Памятник на месте расстрела в г. Серове

Борис ЗОЛОТАРЕВ

Исследователей советского периода мало интересовала подлинная история гражданской войны. Основное внимание большинство из них уделяло действиям Красной армии. Ситуация изменилась в нынешнем столетии. Кто конкретно руководил действиями белых на Северном Урале? Кто такие князь Вяземский и Федька Постников, о которых упоминали старожилы села Петропавловского? На эти и другие вопросы благодаря усилиям краеведов и историков сегодня можно частично ответить. Вот что говорит об этом директор Фёдоровского музея города Краснотурьинска Ю. В. Гунгер:

- Из литературы ещё советских времен широко известно, что от красных территорию современного Северного округа освободил 16-й Ишимский полк под командованием капитана (впоследствии полковника) Николая Николаевича Казагранди. Конкретно же «очищение района Северного Верхотурья от банд красных и установление местных охранных дружин» было делом отряда ротмистра Михаила Михайловича Манжетного, вступившего 20 октября 1918 года в Турьинские Рудники. В Петропавловское отряд Манжетного не входил.

В ноябре 1918 года в село Петропавловское прибыла «местная охранная дружина» во главе с «городским головой» Турьинских Рудников Ф. Постниковым, которая по приговору волостной управы арестовала шестерых членов Петропавловского совета, а других советских активистов выпорола. Арестованных отправили в Надеждинск, где их расстреляли.

С декабря 1918 года край правого фланга Сибирской белой армии занял 18-й Тобольский полк подполковника (впоследствии генерал-лейтенанта) Антона Викентьевича Бордзиловского. Две роты этого полка через Павду и Кытлым действовали против отрядов Б. В. Дидковского. Именно из этого полка был направлен на север отряд князя Вяземского, самого загадочного деятеля Гражданской войны в нашем крае. Поиски сведений о нём пока мало что дали.

6. ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Город, который видел всех

В минувшем веке нашему городу, а тогда – селу Петропавловскому, пришлось принимать репрессированных абсолютно всех категорий.

Всё началось с первых лет советской власти.

В июле 1918 года V съезд Советов принял первую Конституцию, статья 65 которой лишала избирательных прав большую часть населения страны. Их лишались выходцы из эксплуататорских классов, бывшие жандармы, полицейские, офицеры белой армии, духовенство и т.д. Свой список «лишенцев», как их тогда называли, появился и в селе Петропавловском. В него попали И. С. Чвырин с женой, хозяин собственного магазинчика, и все служители культа. В том числе священник Ежов Сергей Николаевич с женой. С началом коллективизации массовым стало лишение избирательных прав крестьян, не желавших вступать в колхоз.

Кризис хлебозаготовок 1927 и 1928 годов вызвал массовые репрессии крестьян за отказ сдавать «излишки продовольствия». И потянулись на север первые эшелоны с крестьянскими семьями. В 1929 году сельхозналог увеличился в два раза, что вызвало сопротивление на местах. Ответ не заставил себя ждать: циркуляр Наркомюста от 5 сентября 1929 года гласил: «...Усилить меры репрессий вплоть до расстрелов в отношении кулаков и контрреволюционеров, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти». 1929 год, провозглашённый годом «сплошной коллективизации», породил лозунг «ликвидации кулачества как класса».

В начале 1930 года комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) во главе с Молотовым разрабатывает общегосударственную карательную акцию против кулачества, которая планировала выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала. Судя по тому, что проведение акции было намечено на вторую половину зимы, можно предположить, что целью её являлось физическое уничтожение выселяемых.

25 января 1930 года закрытое заседание Уралоблисполкома принимает постановление, утвердившее порядок переселения и применения рабочей силы выселяемого кулачества на территории севера Уральской области. Требовалось расселять «кулацкую массу в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обраться». Ссылных предполагалось расселять в лесных районах

Выселенные

посёлками или колониями, дабы превратить их в постоянных работников лесозаготовок. Необходимо было создать «этой массе» «такие материальные условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих

ей заработок».

На 12 марта 1930 года станция Надеждинск (ныне г. Серов), приняла 15 эшелонов (13 из них – с Северного Кавказа и 2 уральских) – всего 25 405 человек. Здесь переселенцы получали продовольствие на 5 дней и отправлялись дальше в глухую уральскую тайгу. Камураллес и Уралмет не выполнили своих обязательств по жилищному строительству, трудоустройству и снабжению прибывших. Лесозаготовительные предприятия отказались снабжать продовольствием нетрудоспособную часть населения (детей, стариков, инвалидов, больных). Дневные нормы снабжения работающих выдавались не всегда.

Весной и летом 1930 года голод, мор, болезни, невыносимые условия труда и быта царили в посёлках спецпереселенцев. По данным на 20 апреля на территории тагильского севера (Тагильский округ был образован в 1923 году в результате слияния Верхотурского и Тагильского уездов) находилось 54 537 переселенцев. В посёлках, отрезанных бездорожьем от внешнего мира, свирепствовал голод, цинга и смерть. В спецпосёлке Баяновка из 300 переселенцев на 29 июня 1930 года болели цингой 93 человека (данные ГАСО).

Но самым трудным был 1933 год. Из воспоминаний Кожевиной (Черняевой) Нэллы Васильевны: «В 1933 году был страшный голод. Наш папа отдавал кусочек хлеба, который получал на работе, нам, своим детям. Но это не спасло всю семью. От голода умерли папа, сестра Лена, брат Павел. Их похоронили вместе, положили в один гроб. С 1935 года жизнь становилась немного лучше, голод отступал. В магазинах появились продукты. Но не было уже в живых брата Вани (умер в 20 лет), Оли (умерла в 17 лет). И остались мама, я и брат Вася». Украина теперь много говорит о голодоморе, но на Урале, в посёлках спецпереселенцев было не лучше. Известны факты каннибализма.

В районе нынешнего Североуральска в те годы посёлки спецпереселенцев, репрессированных, трудармейцев, появлялись как грибы после дождя: Коноваловка, Усольцево, Лямба, Тонга, Высотинка, Берёзовка и т.д. Некоторые из них не имели названия, заносились в документы просто по номеру лесоучастка: 171 квартал, 49 квартал и т.д. Чаще всего там были 2-3 барака и баня. Квартальный посёлок 69 был закреплён за МВД – его населяли спецпереселенцы из Прибалтики. В посёлке 156 квартал располагалось одно из отделений ПФЛ № 305. В десяти километрах от посёлка Даньша был довольно большой посёлок Мотовилиха. Здесь в бараках жили сосланные из Курганской области, а также украинцы, мордва, чуваша. В Усольцево в трёх бараках жили спецпереселенцы, но не долго. В Лиственичном логу – три барака. Временно расселяли прибывших и в уже существующие посёлки – Баяновке, Воскресенке, Мостовой.

В 1936-1938 годах масштабы репрессий расширяются. В 1937 году арест для большинства заканчивался расстрелом. Священник Петропавловской церкви Ежов С.Н., лишённый избирательных прав, уже, будучи простым работником в Нижнем Тагиле, снова оказывается под следствием. Его обвиняют в антисоветской

Ежов Сергей Николаевич

пропаганде и осуждают на 7 лет, выйти на свободу ему уже не суждено, он умирает в лагере. В 1991 году был полностью реабилитирован. Были и такие, которым пришлось пройти все «круги ада». При этом, чтобы быть осужденным, вовсе не обязательно быть виноватым. Например, Матусяк Климентий Васильевич (пос. Баяновка), получил 10 лет лагерей по статье 51-10 ч.1 УК УССР (контрреволюционная агитация и пропаганда) за комментарий к песне. На какой-то вечеринке деревенские девчата пели: «Кто тебя оденет, кто тебя обует, кто твоё личико ещё расцелует». На что Климентий проворчал, что новая власть и обует, и оденет. Кто-то донёс.

Накануне войны из пограничных территорий были высланы немцы и поляки. 28 августа опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья, по сути обвинивший в предательстве всех советских немцев поголовно. Операция по их выселению проходила с 3-го по 20-е сентября 1941 года. В Сибирь и Казахстан вывезли 376 717 человек. Зимой 1941 года многие немцы - мужчины получили повестку. Но вместо армии, в составе которой они готовы были защищать свою Родину, оказались в трудармии, а, по сути, в качестве заключённых без суда и следствия. К концу декабря 1941 года из всех союзных, автономных республик, краёв, областей выселили 894 600 немцев. Даже тех, кто находился на фронте, отозвали и отправили в качестве трудармии на Урал.

Марюхина Александра Петровна, родители которой были высланы в 1931 году в посёлок Даньша, вспоминает, что в 15-ти километрах от Берёзовского лога была колония ссыльных советских немцев. Они валили лес, расчищали землю и что-то сеяли на так называемом «немецком поле». День победы они встречали с радостью и надеждой. Но 28 ноября 1948 года Указ Верховного Совета СССР о вечном поселении всех депортированных народов узаконил и оправдал геноцид и насилие. Только за национальное происхождение им пришлось с 1946 по 1956 год жить и работать в ссылке. С 1948 года зону открыли, установили новый порядок содержания и учёта трудармейцев, ставших теперь спецпереселенцами. Каждый был приписан к своей комендатуре и два раза в месяц обязан был являться на отметку, паспорт им не полагался. Такое продолжалось до 1956-1957 годов.

Приказ НКВД СССР за № 001078 от 26.06.1943 г. положил начало созданию ПФЛ на территории СССР. До этого момента действовала временная инструкция «О порядке учёта в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника». В лагерях Свердловской области большей частью находились вышедшие из окружения советские солдаты и офицеры и репатриированные граждане. Филтрацией репатриантов в спецлагерях НКВД занималась НКО «Смерш». В сентябре 1944 года был создан Отдел проверочно - филтрационных лагерей (ПФЛ) НКВД СССР, до февраля 1945 года именовавшийся «Отделом спецлагерей» (существовали около 2-х лет, затем переданы ГУЛАГу).

Места для размещения их лагерей были выбраны в полном соответствии с расположением важных промышленных объектов. Не в первый раз советское правительство так обеспечивало промышленность рабочими руками. Североуральский ПФЛ № 0305 располагался в районе добычи стратегического сырья. Об этом прямо говорится в документах: «лагерь № 0305 был организован для обеспечения рабочей силой Североуральских бокситовых рудников». В разное время он вмещал от 3 000 до 6 500 человек. Всего за время его существования с июня 1943 по 15 января 1946 года, филтрацию прошли 10 344 человек. Из них реально осужденных по итогам проверки 12 человек (или 0,12%). Вместе с репатриантами в лагере, но в разных отделениях, содержались и немецкие военнопленные (3170 человек за всё время).

Бывшие военнопленные, успешно прошедшие проверку, не имели права вернуться на родину. Они обязаны были 6 лет отработать в Североуральских бокситовых рудниках или тресте «Бокситстрой». Многие оседали здесь на всю оставшуюся жизнь. Так оказались в наших краях после ПФЛ № 0305 Григорий Платонович Люльчак, Василий Васильевич Клюй и другие.

После войны наш город принял раскулаченных с территорий Латвии, Литвы, Эстонии, присоединённых к СССР перед её началом. Возле ныне не существующего посёлка Мостовая сохранилось кладбище, на некоторых надгробиях прибалтийские фамилии написаны латинским шрифтом.

В послевоенные годы многие русские эмигранты из Китая мечтали вернуться на Родину. Им обещали помочь с переездом, поселить на исторической родине. В 1947 из Китая в СССР пароходами выезжают 5 крупных партий, около 1500 человек в каждой. Обещания заканчивались сразу после пересечения границы СССР. Как вспоминают наши «местные харбинцы» им было предложено в качестве нового места жительства на выбор – либо Воркута, либо Североуральск, лесоповал или геологоразведка. Выбирали по принципу «меньшее из зол». И долго потом ещё находились под пристальным присмотром «органов».

В некотором роде нашему городу повезло, тяжёлый поток человеческих судеб принёс сюда многих талантливых, образованных, трудолюбивых людей. Они участвовали не только в строительстве города, поднимали нашу промышленность, но и вносили свою лепту в развитие культуры и образования.

Наталья МАХВИЕНЯ

Район в 30-е годы

Организация в районе двух новых предприятий совпала с массовым притоком в районы Урала раскулаченных семей с Украины, Кубани, Дона, из южных районов Урала и Западной Сибири, Крыма.

До организации Петропавловского леспромхоза и СУБРа на территории Петропавловского и Всеволодо-Благодатского сельских советов велась добыча золота Южно-Заозерским и Северо-Заозерским приисковыми управлениями. К Южно-Заозерскому приисковому управлению относились Тулайский участок в поселке Баронское, участки Тулайка и Лямпа; Даньшинский участок в поселках Мораковский, Даньша и Усть-Калья, Мостовской участок в деревне Мостовой и правобережной части деревни Воскресенской.

В поселках Покровск и Баяновка вёл добычу железной руды Покровский железный рудник Богословского рудоуправления. Добыча была прекращена в 1935 году. На территории Петропавловского сельсовета находились две железнодорожные станции – Вагран и Покровск-Уральский Богословско-Сосьвинской железной дороги. С 1935 года они были подчинены Надеждинскому отделению железной дороги имени Л. М. Кагановича. На территории сельсовета работали мелкие торговые предприятия Золотопродснаба – филиала Надеждинского райторга.

Во Всеволодо-Благодатском сельсовете работали прииски Северо-Заозерского приискового управления: Ореховский, фактория СЗПУ в окрестностях деревни Воскресенской и самый крупный прииск – в поселке Сольва. А также ряд мелких организаций «Союзохоты».

Труд раскулаченных семей разрешалось использовать только в лесной промышленности. Устройство быта и снабжение продуктами, одеждой и обувью переселенцев легло на местные властные и хозяйственные органы. Вновь прибывших селили

Шарпинский кордон

Шегульта́н, Долгая Паберега, Тонга, Высотинка, Коноваловка, Покровск, Баяновка, Березовка, Оленья, Ванькино, Вторая База и Старые Бокситы. Вместе с возведением постоянного жилья и хозяйственных построек строили объекты соцкультбыта: фельдшерско-акушерские медпункты, магазины, бани, детсады, школы, клубы или открывали красные уголки.

Евгений МЫЛОВ

Рождённые на муки

Воспоминания Любви Михайловны Ключ (Нестеровой)

Семья деда

Родилась я в Курганской области, в деревне Бочанцево Белозерского района, 30 сентября 1923 года. У деда моего Никиты Тихоновича Нестерова 1868 года рождения и бабушки Анисьи Аусимовны 1862 года рождения было 18 детей. В живых остались шесть мальчиков: Яков, Поликарп, Михаил, Андрей, Матвей и Степан. Жили все вместе, одним хозяйством. Семья была большая, 18 человек. Дом большой и просторный. За стол под образа садился дедушка Аусим, за ним садились все, каждый знал своё место. Ставили общую чашку и ели все из одной чашки деревянными ложками.

Двое сыновей жили с семьями в отцовском доме. Для них были построены дома напротив, через дорогу, но уходить они не спешили. В хозяйстве было до тридцати коров, 18 лошадей, мелкий скот. Выращивали хлеб. Имели конные косилки и грабли, мельницу, мололи муку. Делали отличный квас, сусло, варили пиво. Ткали, пряли, вязали, умели ткать ковры. Лён ткали очень тонкий, делали полотенца и ювелирно их мережили. Мужчины мастерили сани, кошевки, сбрую для лошадей, корзины. Сами были плотниками и

кузнецами, могли сложить печку. Словом, всё необходимое могли производить сами. Нанимали только катать пимы и шить верхнюю одежду.

В хозяйстве и в доме был полный порядок. Каждое утро дедушка четко распределял работу. Семья была дружная, никто не ссорился, все были заняты, каждый знал своё дело. Работали много, жили в достатке, но экономно. На всех сыновей был один костюм, и женились они в этом костюме. Лампу в доме не зажигали, пока все не соберутся. Когда дядя Андрей пошёл сватать себе невесту, она отказала, потому что в доме очень много работают: «У них одна работа».

Мои дядюшки

Дядя Яков, старший, был больно, умер в 1918 году.

Поликарп проходил действительную службу в Уссурийске Приморского края. Когда в 1914 году началась война, войска перебрасывали с востока на запад. Поезд шёл через Курган. Родители приехали на телеге повидаться. Стоянка была недолгой. Поезд пошёл, дядя Поликарп встал на подножку и долго-долго махал картузом. В этом же году он был убит, домой пришли награжденные: три георгиевских креста.

Михаил, мой отец, тоже был призван в 1914 году. Он был в плену в Австрии три с лишним года. Австрийцы пахали на пленных. Раз в год ему можно было послать открытку на немецком языке. Ходили к попу, он писал и за это брал полтора рубля. Это были большие деньги. Примерно столько стоила корова. Несколько раз отец пытался бежать. Побег удался на третий раз. Когда он вернулся в Россию, здесь уже была революция. Отца призвали в трудармию. Тогда был повальный тиф. Отец вспоминал: «Не успевали делать гробы».

Дядя Андрей был призван в действующую армию. Служил год царю, а потом попал в первый набор красных командиров при Кремле. Окончил школу командиров. Служил в Краснодарском крае, Бессарабии, Румынии, исходил весь Запад пешком. Закончил службу в Сибири, в Ачинске, и в 1920-м году вернулся домой.

Матвей был призван в 1919 году. Взяли вместе с лошадью. Служил в Екатеринбурге. Попал в Первую конную армию. Воевал под Каховкой, в Крыму, на Перекопе. Было голодно. Выдавали четвертушку хлеба.

Степан, самый младший, служил в Кургане и Томске.

Когда началась продразверстка, со двора деда увезли 60 подвод хлеба. После окончания гражданской войны сыновья вернулись домой. К 1929 году четверо сыновей были женаты. Двое отошли от семьи: мой отец и дядя Андрей, двое остались в отцовском доме. Хозяйство вели общее.

Горе

В 1929 году умерла моя мама Прасковья Ефимовна. Осталось пятеро детей четыре брата и я: Василий 1914 года рождения, Андрей 1921 года, Любава 1923 года, Леонид 1925 года, Виктор 1928 года. Младшему было 8 месяцев. Отец снова женился. Мачеха не хотела идти на пятерых. Старшего, Васечку, взял дедушка, а младшего взяли бездетные друзья. Мачеха Варвара Михайловна прожила в семье год, и началось раскулачивание. Каждый вечер жителей деревни сгоняли на собрания, где решали, кого раскулачивать. В один из вечеров отец вернулся с собрания, дети спали. В доме началась тревога. Мачеха смотрит в окно и говорит: «Зашли на старину (дом деда) двое мужчин, двое остались на улице». Забрали дядюшек. Пришли за отцом, дети проснулись. Отец закурил, надел ватные штаны, фуфайку, ему не по себе. Их повели пешком в Курган, за 50 километров, в тюрьму.

На следующее утро пришли описывать имущество. Описали, всё увезли. В доме пусто. Сказали: «Дом освободить». Мы перешли в дом деда. Там уже было 40 женщин и детей –

все, у кого отобрали дома. Под охраной жили месяц. Потом сказали, что будут увозить. Стали собираться в дорогу. Погрузили на подводы в марте 1930 года. Взять с собой почти ничего не дали. Дети и старики ехали на подводах, остальные шли пешком. Родственники шли за подводами и плакали. Привезли на станцию Лебяжье. Людей было много. Погрузили в товарные вагоны – целый эшелон. Останавливались редко. В Кургане привели мужчин из тюрьмы, посадили в вагоны. Из нашей семьи было 16 человек. По темноте прибыли на станцию Вагран. Из Петропавловского подали подводы. Я держалась за бабушку. Жена дяди Андрея держала годовалого ребёнка на руках, все устали. Подводами руководил Шипулин. Он ударил тётку, жену Андрея. Андрей дал сдачи. В темноте и неразберихе тот не понял, кто его ударил.

Баяновка

В начале осени всю нашу семью перевезли на Баяновку. Трудоспособные уходили рубить лес. Дети и старики оставались в бараках. На работу поднимали в 6 часов стуком железа об рельс. Зима была снежная и морозная. На лесоповале сдохла лошадь. Отец и дядя приносили мясо, тем и спаслись. Голод заставлял людей тайными тропами идти в Петропавловск и менять оставшиеся вещи на еду. Если ловили, отбирали всё и садили в каталажку. Мой отец ночью сходил на Баронское. Обменял подушку и брюки на хлеб, к утру вернулся и пошел на работу.

В Баяновке было много немцев и крымских татар. Они не были приспособлены к такому климату и начали умирать первыми. Запомнилось, как обезумевший от голода татарин накладывал ложкой в железную тарелку землю. Ему казалось, что накладывает еду. Давали паёк, муку, но очень мало. Сушили и толкли мох, подмешивали в муку, но хлеб был настолько плохой, что ели его через силу. Печь для выпечки хлеба стояла на улице.

Очень ждали весточки с родины. Когда приходила почта, комендант вставал на пенёк и выкрикивал, кому письмо. Вокруг народу толпилось много. Иногда, очень редко, доходили посылки. Дожили до весны. Около продуктового склада нетрудоспособные стояли целыми днями, а продукты выдавали всё реже и реже. А потом их перестали выдавать совсем. Съели всю траву около пней, а в лес идти не было сил. Люди стали тайком уходить из посёлка. Отец и дядюшки ушли в Петропавловск, устроились на работу. Постепенно одна за другой ушли все женщины нашей семьи. Осталась одна мачеха со мной и младшим братом Лёней. Он был хромой, идти не мог.

Посёлок начал вымирать. Слышны были стоны умирающих, особенно на закате: «Спасите, помогите». Сначала умерших уносили хоронить на кладбище. Падали, поднимались и опять шли. Потом хоронить стало некому. Царил полный произвол. Люди были бесправны, а комендант всемогущ. Одного мужчину по фамилии Штыба (грек) вызывали каждый вечер к коменданту. Били палкой по рукам и ногам. Требовали золото, а золота у него не было. Продолжали бить. Он перестал выполнять норму, слёг и умер. В бараках уже никого не оставалось: кто умер, кто ушёл. Мы с мачехой ушли в Петропавловск, Лёню оставили. Потом за ним съездил один петропавловец, на двуколке привёз. Год жизни в Баяновке показался нам вечностью.

Брод

Напротив лесозавода в долине Ваграна стоял барак. Место называли «Брод». Туда нашу семью и переселили. Там жили Абраменковы, Белобородовы и многие другие семьи. Отец и дедушка ходили работать в Горный посёлок. Брались за любую работу и всё умели делать. Это помогло им наладить контакт с местными жителями.

Барак стоял в лесу. К весне около барака срубили баньку. Мылись из консервных

банок. Из коры, веток и травы сделали шалаши, спали в них всё лето, а в бараке заедали клопы и вши. На улице поставили железную печку. Собирали прошлогодние грибы и съедобные травы. Ходили в лес за грибами, где была старая больница. На месте современного универсама рос густой ельник, там драли мох. Сюда же ходили за грибами и ягодами. На месте современной улицы Свердлова были покосы и поскотины. К осени 1932 года стали говорить, что придёт геологоразведка, барак нужно освободить. И мы ушли.

Овин

Где сейчас улица Молодёжная, примерно на территории художественной школы, стоял старый Чвырин овин. Купца Чвырина раскулачили. В этом овине поселились мои дедушка с бабушкой, дядя Матвей с женой, мой отец. Сложили камин из кирпича, прорубили окна.

Первого сентября мы с Андреем пошли в школу около церкви. Вышла учительница и сказала: «Вам нельзя в школу». Мы пошли домой. Брат проплакал всю дорогу. Потом школу посещать разрешили, но мы были голодные, часто болели, одежды не было, и в школе почти не учились.

Напротив овина был крольчатник. Вокруг было распахано поле, сеяли зелёнку, выращивали овощи, и было парниковое хозяйство. Считалось, что огурцы и овощи выращивали для столовых, ссыльным ничего не давали. Руководил парниками Кириков. Он был агрономом. Рамы для парников делали после работы мой отец и дядя. Вечерами после работы взрослые и дети плели из зелёнки маты, ими закрывали парники на ночь. Недозревшее зерно обдирали и ели, это было основной едой. Всем этим хозяйством руководил Василий Иванович Галактионов, подчинялось хозяйство «Лескоопу».

Весной 1933 года готовились к празднику 8 Марта. Василий Иванович Галактионов попросил отца зарезать лескооповскую корову. Отец простыл, заболел крупозным воспалением легких и умер. На петропавловском кладбище ссыльных хоронить не разрешали. Для них было отведено другое место, в районе, где сейчас «Современник». Кладбище было в лесу. Снега было много. На кладбище вела конная дорога. В одну могилу хоронили чаще всего двоих. А иногда покойников просто закапывали в снег.

После смерти отца мачеха отдала в детский дом меня, Андрея и Лёню. Отец был очень добрым человеком, и пока он был жив, мы чувствовали себя защищёнными.

Детский дом

Петропавловский детский дом занимал четыре или пять домов. Дети были разного возраста. Многих привозили с участков. Кормили плохо. Почти каждую ночь кто-нибудь умирал. Основной обязанностью дежурных было выносить покойников. Часто пели песню «В саду при долине» и плакали. Зато голодным и умирающим детям не забывали приносить газеты и заставляли читать.

Однажды к одному из мальчиков пришел старший брат с посёлка, голодный и опухший. Дней пять он пролежал на бревнах, напротив детдома. Младший делился с ним хлебом, и брат выжил. Устроился в геологоразведку. Там давали хлеб, и требовались рабочие руки. Он поправился, приходил в детдом и помогал, чем мог, младшему.

В июне от голода в один день умерли оба моих брата. Лёня умер утром, а Андрей на закате солнца. Умирая, он всё просил простокваши. Но дед не сумел её найти, её негде было взять. Похоронили ребят рядом с отцом. В октябре этого же 1933 года умерли дед и жена дяди Андрея. Остались без матери четырёхлетний Толя и Нина постарше. Толя не играл, как обычные дети. Он сидел и повторял: «Какая бывает мука, какая бывает крупа, какой бывает сахар?» Дядя Андрей работал на Высотинке, детей брал с собой. Толю нёс в пайве, а Нину вёл за руку. Пока отец работал, дети сидели в бараке. В воскресенье он возвращался домой.

К осени 1933 года детский дом перевели на станцию Морозково под Надеждинском (г. Серов). Поселили в какой-то барак. Я очень тосковала по бабушке. Нас почти совсем не кормили. Ребята собирали грибы, складывали их на железную лопату, толкали в печку и эти «жареные» грибы без хлеба и соли хватали с лопаты и ели. Это была гибель.

С одной девочкой постарше мы решили бежать. Пришли пешком в Надеждинск. Около вокзала кто-то ел репу. Мы собрали очистки из пыли и съели. Сели на поезд, но не на тот, и уехали в обратную сторону. Добрые люди объяснили, как добраться до города.

Приехали вечером, а наш поезд уходил утром. Нужно было ждать всю ночь. Ночь провели на железной тачке. Была поздняя осень, иней, одежды почти никакой. Окоченели голодные и грязные. Дождались поезда, и я снова пришла в овин. Тётка, жена дяди Матвея, начала ругаться. Я ей была не нужна.

В няньках

Больше всего я рада была встрече с бабушкой. Толя и Нина уже жили у бабушки, но есть было совсем нечего. Мы с Ниной собирали очистки с помойки. Ходили на станцию Вагран, там перебирали картошку, можно было взять отбросы. И я пошла в няньки.

Люди встречались разные. Одни относились с пониманием и сочувствием, другие обижали и оскорбляли. Жила у Артемьева Якова Петровича. Он был хорошим человеком, разрешал ходить в школу, а с ребёнком нянчилась во второй половине дня. Приходилось мыть полы за кусок хлеба. Запомнился такой случай. Меня взяли мыть полы в одну семью. Утром в овин пришла хозяйка и сказала: «Пойдёшь со мной в комендатуру, ты украла у меня 100 рублей». Коменданта на месте не оказалось, уехал в Надеждинск. Вернулись к ней домой. Она посадила меня на камень около дома, и я просидела до семи часов вечера. Пришёл хозяин с работы и сказал, что это он взял деньги. Мне тогда было десять лет.

Однажды мне очень повезло. Мой старший брат Василий работал на лесоповале на Канде. Он приехал в Петропавловск и увёз меня. Там меня взяли в семью Чудинова Ильи Ильича и Александры Степановны. Илья Ильич был начальником этого лесоучастка. У них была корова. В этом доме мне хорошо жилось. Я поправилась, пришла в себя. Но перед новым годом Чудиновы предупредили, что ссыльная в их доме жить не должна (он был коммунистом). Я вернулась в овин и снова пошла в няньки. В няньках жила до 1937 года.

В 1937 году дядя Матвей сломал овин и построил дом в Горном посёлке. В доме было хозяйство и много работы. Здесь мы с бабушкой и стали жить. В этом же году посадили старшего брата Василия. Он работал на Второй Базе трактористом и спел частушку:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал,
Чтобы хлеба не давал,
Мяса не показывал.

Васе дали пять лет. Срок отбывал в Благовещенске, вернулся больной туберкулёзом.

Витя

Судьба моего младшего брата Вити была тяжелой. Во время переселения он остался с приёмными родителями на родине, но семья попала в немилость властям, начались притеснения. Они вынуждены были уехать. Перебрались в Новосибирскую область, в тайгу. Приемная мать вскоре умерла. Вите было четыре года. Отец уходил на работу и вынужден был оставлять мальчика одного. Привязывал и оставлял. Потом отец женился, пошли свои дети, мачеха сказала, что чужой ребёнок не нужен. Отец привез его на родину, но активист, который раскулачивал, сказал: «Ребенок кулацкий, девай его куда хочешь». Отдали в детдом около Кургана. Там он прожил до 15-ти лет.

В 1942 году пятнадцатилетний Виктор приехал на Урал к родственникам. Дядя Матвей устроил его в гараж леспромхоза учеником токаря. Тетка, жена дяди Матвея, гнала его, и он устроился в общежитие леспромхоза в Горном посёлке. Но пожил он там недолго. Уехал в Серов, потом решил ехать дальше. Проводница его не пускала, вытолкнула из вагона, он сорвался, пропал под колёса, ему отрезало руку по плечо. В это время прибыл состав с ранеными на фронте. Витю подобрали и поместили в госпиталь.

После госпиталя он не давал о себе знать три года. Уехал в Свердловск, видимо, с бойцами из госпиталя. Там формировался Уральский добровольческий корпус. Бойцы кормили его, и он с ними уехал на фронт. Там много было таких подростков, непригодных к строевой службе. Их собрали и создали отряд. Ночью ребята пробирались в тыл врага и выводили из строя танки, вредили кто как мог. Витя выкручивал свечи. С этим отрядом он прошёл Кавказ, Украину, Польшу. Через три года вернулся в свою деревню, нанялся пасти скот. Ему было 19 лет, женился. У него родился сын Миша.

Дядя Андрей и Степан построили свои дома и остались в Североуральске. В 1947 году умер дядя Матвей. В 1957 году умерла бабушка, прожила 90 лет. В 1979 году умер Витя. В этом же году умер брат Василий. Люди были рождены на муки.

В посёлке Горном я прожила до самого замужества. В 1943 году поступила в швейную мастерскую треста «Бокситстрой» и проработала в тресте до пенсии. На пенсию ушла в 1979 году. У меня есть сын, внуки и правнук.

Записала Любовь БЕЗРУКИХ,

PS. Любовь Михайловна Ключи жила в Североуральске по ул. Осипенко, скончалась летом 2017 года в возрасте 94 лет.

Тонга

Каждый из нас может написать одну гениальную книгу - историю собственной жизни. Но мемуары не каждому по силам. Большинство «пишет» свою историю в памяти. Александр Васильевич Черный, наверное, начал бы свою книгу с самых первых детских воспоминаний...

А помнит он хутор возле станции Петровской, что в Краснодарском крае. Вот отец с дядькой пашут, а они, ребятишки, выбирают из жирного чернозема земляные орешки.

Семья жила справно: было несколько коров, три лошади. Но родители и вся многочисленная родня трудилась от зари до зари. И ребятишек с детства к делу приучали. Шестилетний Саша однажды вздумал «лупить жердели», чтобы повялить их на зиму. Разложил абрикосы на сушню да и полез с ней по лестнице на крышу. А лестница поползла вниз. Со страху закричал мальчишка, и услышала его тётка. Сперва хотела наказать за баловство, но, когда тот объяснил, что помочь хотел, не просто так на крышу полез, ничего не сказала. На всю жизнь запомнил он запах и вкус краснодарского детства – вкус яблок, груш, винограда...

1930-й год сломал прежний уклад жизни. По малолетству он, конечно, много не понимал, но от старших слышал мудреные слова: переселение, раскулачивание. А однажды арестовали почти всех мужиков, и отца в том числе. Последняя ночь в отчем доме запомнилась тем, что мать и тетки собирали в дорогу продукты и узлы. Тут был и незнакомый дядька с палкой (позже он понял, что это была винтовка).

На другое утро семья, как и семьи многих хуторян, на телеге отправилась к железнодорожной станции. Почти всю дорогу Сашка со старшим братом благополучно проспала, несмотря на то, что на подводах кто-то то и дело ударялся в плач. На станции

путешественников по неволе ждали вагоны на манер теплушек. Страх он не помнит, хотя нутром чуял неладное. Больше разбирало его любопытство: куда их всех везут, почему?

Через день поезд остановился на станции, и кто-то из женщин выглянул в зарешеченное окно: «Бабы, глядите, наши мужики идут!» И в самом деле, к вагону под конвоем шли бывшие хуторяне, среди которых Саша увидел и отца. «Воссоединенные» семьи отправились в Москву. Все с любопытством старались глянуть на столицу через мутные стекла вагона, может, поэтому огромный город показался мальчику мутным и туманным.

Эшелон шел на восток. В Казани переселенцам впервые дали горячего супа. Но старшие отказались: негоже кубанцам есть конину. А оголодавшие ребятишки ничего, поели...

От Казани до Надеждинска (Серов), потом по узкоколейке, добрались до Турьинских рудников – так называли тогда будущий Краснотурьинск. Сашу удивил тогда снег. Уезжали они осенью, но ещё было тепло, а на Урале уже брала своё зима. И поразили невиданные деревья: лохматые ели, янтарные, как свечки, сосны. Тетка наломала еловых веточек, а Сашка об них искололся.

В пункте назначения спецпереселенцев расселили по маленьким домикам. Но мужчин и подростков постарше сразу же отправили дальше, на какую-то Тонгу. Весной Саша с матерью и всеми остальными туда приехали. Знать шутники были местные жители, что дали такое название крошечной речке, что впадает в Сосьву. Ведь Тонгой называется целое государство, расположенное на островах Тихого океана. Но, разумеется, Сашка этого не знал. Он увидел несколько новых барачков, их срубили за зиму «кулаки». Туда расселяли их семьи. По прикидке Александра Васильевича, жило там не менее ста семей: немцы из Саратовской области, татары из Крыма, «хохлы» из Краснодарского края... Целый интернационал!

«Кулаки» работали на лесоповале, а за лесом приезжали вольнонаемные. Да и сами они тоже зимой рубили лес, а по весне, ещё по санному пути, уезжали с ним домой. Но на Тонге и до «врагов народа» кто-то жил: был тут старый кордон, такой же склад да конный двор. Чуть позже новоселы построили новый склад, контору лесоучастка, дом для коменданта. Рано утром всё трудоспособное население уходило пешком за 5-6 км на свой участок. Женщины обрубали сучья и пилили деревья на «метровки», из которых выжигали уголь для Надеждинского завода. Возвращались затемно.

На Тонге Саша пошел в первый класс. Под школу был приспособлен один из барачков. Все сидели в одном классе – первоклассники, второклассники и третьеклассники. Первый год всех учила Сашина мама, а потом женщина из вольнонаемных, которая рассказывала, как цари угнетали трудовой народ.

Дошколят водили в детский сад, тоже в барак, где за ними присматривала бабка Тарасиха. «Воспитательница» вечно обижалась, что малолетки постоянно ревели и таскались за ней хвостом. «Голодные, верно, были», – делает свое заключение Александр Васильевич. Он и сам-то не помнит себя в то время сытым. Утром их никто не кормил, поэтому во время уроков он, как и все остальные, мечтал, когда же всё закончится и их поведут в столовую, где дадут суп и кашу. Малышей обслуживали старшеклассники.

А вечером мать готовила нехитрый ужин из пайков, которые выдавали работающим. Обычно муку, крупу и какую-то сушеную рыбу. Хлеба и сахара Саша из того времени не помнил. Умирили переселенцы часто. Помнит, как умирал сосед: просил есть и за кусок хлеба отдавал хорошие хромовые сапоги. Но хлеба в поселке не было...

Летом жилось легче, потому что ребятня переходила на «подножный корм»: ели

щавель, дикий лук и всякую траву. Кто умел – рыбачил, уха считалась царской едой, и все даже самые крошечные пескари обсасывались до последней косточки.

Сметливые Черные захватили с собой кое-какие семена, и Сашина тётка в первую же весну разработала небольшой огород. Сашка помнит, как выросли на нём рябые арбузы величиной с яблоко. Потом приезжие учились у местных сажать картошку, морковь. Был свой огород и у школы, соток пятнадцать. Саша помнит, как собирали первый урожай картошки, и мать посылала его к коменданту, чтобы узнать, куда её ссыпать. На следующий год посеяли еще и морковь, но тогда уже всех жителей переселяли в Баяновку, и урожай достался неизвестно кому.

У местных жителей спецпереселенцы меняли на продукты вещи: шапки, обувь. Такой оживленный натуробмен шёл с жителями соседней Воскресенки. Саша не помнит, чтобы местные и приезжие враждовали, ему теперь кажется, что им сочувствовали и понимали, что они такие же трудяги, согнанные с родных мест. Да и жизнь вольных мало чем, в сущности, отличалась от жизни переселенцев: та же тяжелая работа, нужда и бесправие.

На власть не роптали, но бежать пытались многие, особенно молодые, не обремененные семьей. Даже родные Сашиней тетки раз подались в бега, да поймали их возле Надеждинска. Назад не вернули, поселили на Белке под Краснотурьинском. Саша с отцом к ним потом в гости ездил, они там и осели. За порядком в посёлке следили комендант и староста, выбранный из ссыльных. Саша помнит, как в «холодную» за то, что «как-то не так» сказала коменданту, посадили его маму. Они с братом бегали к ней в надежде освободить, но та только погрозила им пальцем из крошечного окошка.

На зиму сушили ягоды и грибы. По-краснодарски сушили голубику, шиповник. Ходили за непривычно кислой брусникой. И однажды в её поиске наткнулись на старое ограждение из бревен – острог, на котором ещё «царскими» буквами было выведено «колония». Никто из местных не мог ему сказать, что за место это было такое. Мучает эта загадка Александра Васильевича по сию пору.

Был на Тонге клуб, где у старательского заведующего были и приемник, и шашки. Однажды тот поймал Казань: на далекой волне певец пел татарскую песню. Саша увидел, как изменился в лице молодой татарин, он даже умоляюще зашептал, чтобы песню дали дослушать до конца. В бараке располагалась и больница, а врач из спецпереселенцев ходил с котомкой за лекарствами вплоть до Черемухова и Дубровой, где жили вятские мужики.

Почти четыре года прожили переселенцы на Тонге. Тогда там стояло пять рядов барачных, по 10-15 домов в каждом ряду. Но производство там уже сворачивалось. Отец Саши к тому времени плотничал: делал лодки, строил на плотках избышки для рабочих, которые сплавлялись по реке. На плоту даже была харчевня, что-то вроде продовольственного склада, которая тоже кочевала вслед за сплавщиками, подчищавшими «хвосты» и разбиравшими заторы.

В 1934-м всех переселили в Баяновку, где власти задумали строить плотину: планировалось копить воду, а затем сбрасывать её вместе с лесом в Вагран. Но замысел так и остался невоплощенным.

Сейчас Александру Васильевичу Черному 73 года, он по-прежнему живет в Баяновке и ни разу не был ни на своей исторической родине, ни на Тонге. В военное время туда снова привозили переселенцев, но это уже не его история. Годы, прожитые на маленькой уральской речушке, стали для него особенными. Там он осознал, что такое Урал. Это место стало, по сути, наукой выживания. На жизнь он не ропщет, хотя теперь-то точно знает: то, что произошло и с ним, и с тысячами таких, как он, было величайшей несправедливостью.

Звание спецпереселенца ему нет-нет да и поминали, мол, знай своё место. Но обидно ему то, что история нашу власть ничему не учит. Для него, например, и Чеченская война точно такая же несправедливость для народа. Зачем она была? Кроме горя народу она ничего не принесла.

А с Урала он не уехал. Тут похоронил родителей, женился и дал жизнь четверым сыновьям – фамилию Черных хорошо знают в Североуральске. Когда мы прощались, он, улыбнувшись, сказал: «А знаете, о чем я сейчас мечтаю? О той каше из чечевицы, которой кормили меня в школе на Тонге, вкусная была каша. Говорят, железа в чечевице много, теперь почему-то такой крупы нет...»

Галина ХАРЧЕНКО,
1996 г.

Говорят документы

(Протокол № 38/С закрытого заседания при облисполкоме 25 января 1930 года)

Председательствует тов. Ошвинцев.

Присутствуют т. Советников, Несом, Успенский.

Слушали: о расселении кулаков в северные районы
(докладчик т. Успенский).

Уральская область в связи с мероприятиями правительства по практической ликвидации кулачества, как класса, должна принять на себя и провести ряд мероприятий по населению значительного кадра кулачества в северных маложитных районах. Переселение кулаков внутри области так же должно коснуться значительной их части. Всё это требует сосредоточения кулацкой ссылки в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обрастать.

Необходимо всю кулацкую ссылку поставить в такие материальные условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих ей заработок. И устранить всякие возможности для создания ссыльными кулаками собственных хозяйств, могущих существовать самостоятельно и развиваться. Расселение кулаков не должно идти по принципам размещения адмссылных, живущих временно, а этот кадр должен размещаться в порядке колонизации с расчётом концентрирования, – трудоспособные элементы которого превратятся в постоянные кадры лесных рабочих.

Президиум Облисполкома постановляет:

1). Расселить в первую очередь 15 тысяч семей кулаков в лесозаготовительных районах Урала в следующем порядке: (далее идёт перечисление районов с указанием числа переселённых. Наибольшее их число направлено в районы лесозаготовок Надеждинского комбината Уралмета – 5000 семей).

2). С момента приступа к работам ссыльных, снабжение продовольствием должно иметь место лишь по выполнению ими производственных заданий по рубке...

Председатель Овшивцев. За секретаря А.Б. Верно (подпись)

Источник: НТФ ГАСО, Ф.21. Опись 1. Дело1221. Листы 3 - 3об.

Железнодорожные станции для разгрузки эшелонов с переселенцами

В список внесено 16 станций. Под номером 11 - станция Вагран, куда должно прибыть наибольшее число семей - 1531.

Источник: НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. д.1221. лист 79.

Председателю Тагильского Окрисполкома тов. Кабакову
Телефонограмма от 10 марта 1930 года.

Сообщаю вам для сведения, что за 10-е сего марта принято для вселения в северные районы Тагильского округа 10 эшелонов кулаков с Северного Кавказа и Курганского округа. Расселено около 4000 семейств и 20 с лишком тысяч душ.

Расселение проходит пока нормально, без заторов. Особых происшествий нет. Подводы подаются своевременно. Вследствие перегруженности узкоколейки и снежных заносов 4 эшелона пришлось разгрузить на ст. Верхотурье и отправить гужем по тракту Верхотурье–Сосьва.

Вчера получил распоряжение принять 2 эшелона сверхутвержденного (7800 семей) плана: 1 эшелон в составе 50 семейств и второй - 260 семейств.

Занаряженное лесным организациям продовольствие для снабжения переселенцев до сего времени в Надеждинский узел не поступало.

Начальник Округного отдела ОГПУ – Руднев

Источник: НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. д.1221. лист 80.

Выступление спецпереселенцев Петропавловского леспромхоза

Из докладной записки оперуполномоченного ОО ПП ОГПУ по Уралу А. С. Кирюхина и начальника областного Комендантского отдела Н.Д. Баранова ППОГПУ по Уралу т. Рапорту. 13 мая 1931 г.

На основании распоряжения Вашего, 25 апреля с. г., выбыв в Надеждинский район для расследования состоявшегося организованного выступления 20 апреля с. г. спецпереселенцев-кулаков, расселенных в территориальных границах Петропавловского леспромхоза, равным образом выявления возможных перегибов со стороны работников леспромхоза и комендатур, нами были взяты на выдержку ряд спецпоселков и других мест расселения кулачества, а, в частности, Самский, Денежкинский и Марсятский лесоучастки, причём при ознакомлении на местах с бытом переселенцев, их материальным и правовым положением, хозяйственным обустройством, трудиспользованием и т.д., мы обнаружили нижеследующее:

1. Снабжение продовольствием

Снабжение продовольствием спецпереселенцев, занятых на работах Петропавловского леспромхоза, а равно их семей и вовсе нетрудоспособных проводилось местным райпо через подведомственные ему на периферии сельпо из фондов специального назначения, однако расследованием установлено, что все фонды Надеждинским ЦРК, по заявлению зав.снабжением Васильева, – обезличивались, и учета, куда, сколько именно и каких продуктов заслано в спецпоселки – проследить так и не удалось.

Такая постановка работы, при наличии общепродовольственного кризиса в условиях надеждинского района, вследствие перерасходования местным ЦРК продовольственных фондов целый квартал (снабжались лишние 20 000 едоков), в конечном итоге уже в первых числах апреля с. г. сказалась на материальном благополучии переселенцев и вскоре же, почти повсеместно переселенцы стали голодать, тем более, что местные сельпо, главным же образом склады последних в спецпоселках, не руководимые райпо, произвольно расходовали поступающее продовольствие, не разделяя контингента спецпереселенцев, устанавливали

самые разнообразные нормы снабжения.

Начиная с января с. г., в связи с объявлением ударного месячника на лесозаготовках, фактически продлившегося до 11 апреля с.г., то есть до момента окончания лесозаготовок, по директиве Ураллеса нормы выработки леса для спецпереселенцев против вольных рабочих были увеличены на 50% (6 фестметров в день) причем при проведении в жизнь этой директивы лесоучасткам никакие особенности лесозаготовок по породам и лесонасаждениям не учитывались, а вместе с этим выдача продовольствия производилась в полной норме вольного рабочего только выполнившим эту норму. А так как спецпереселенцы, не обеспеченные вовсе профодеждой и не имевшие лично таковой, не могли выполнять эти нормы выработки, последним продовольствие выдавалось не полностью, с уменьшением дневной нормы на 50 и даже на 75 процентов.

Наступивший продовольственный кризис окончательно ослабил мускульную силу спецпереселенцев, в особенности же на дальних поселках, в связи с наступлением весны и бездорожья оторванных от какого-либо общения с ближайшими населенными пунктами, вследствие чего переселенцы буквально голодали, употребляя в пищу мясо павших животных, мох, березовые листья и другие листовенные суррогаты, не имея возможности приобрести продукты питания за личные средства не только потому, что леспромхоз зарплату установил по низким ставкам и не уплачивал таковую свыше 6-ти месяцев, так что переселенцы оставались постоянными его должниками, но были созданы и такие условия: зам.секретаря Надеждинского райкома ВКП (б) Маслов своей директивой в феврале с.г. категорически запретил торгующим организациям продажу переселенцам продовольствия и промтоваров. За время нахождения на работах в лесоучастках спецпереселенцев, последние заработали за полгода 83968 руб. 57 коп., а забор их выразился в 132927 руб. 65 коп., причем оказалось, что в этот забор включено: удержание за строительство избушек, их оборудование, инвентарь и имущество, за облигации займа, паек, безвозвратные взносы в ЦРК (паевые), на содержание яслей (детских), процентные отчисления от зарплаты и т.д., не включая в этот список взысканий 25 % отчислений.

2. Трудиспользование спецпереселенцев

За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания – большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков по 2–2,5 кубометра в день, тогда как, по показанию заведующих производственными участками и других работников леспромхоза, по описанию этих лесосек средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали. Обмораживались, подвергаясь массовым заболеваниям, тогда как с наступлением весны на складах сельпо остались неизрасходованными в значительном количестве промтовары - телогрейки, полушубки и т.п., которые нами и были обнаружены на складах. А не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных жилищных условий, к концу лесозаготовок они окончательно, стали нетрудоспособны и в большинстве своем инвалиды.

В будущем эта рабочая сила может быть использована лишь только при условии длительного отдыха, усиленного питания и проведения ряда надлежащих профилактических мероприятий.

3. Меры взыскания для спецпереселенцев

В силу указанных выше причин выполнение спецпереселенцами норм выработки было, естественно, невозможным, однако местные партийные и лесозаготовительные организации, не осознав важности утраты в будущем мускульной силы спецпереселенцев, фактически составляющих кадры постоянной рабсилы на лесозаготовках, вместо создания для них надлежащих условий, гарантирующих хотя бы повышение производительности труда спецпереселенцев, стали на путь резких репрессий.

Для этой цели тот же зам. секретаря райкома партии Маслов той же директивой, игнорируя деятельность и права поставщиков рабсилы спецпереселенцев - комендатуру, предоставил карательные функции в отношении спецпереселенцев даже хозорганам (десятникам и куренным мастерам), как например: производство ими арестов, уменьшение продовольственного пайка и т.п., в силу чего заведующий Денежкинским производственным участком Воронцов Константин Андреевич, член ВКП (б), в свою очередь издал распоряжение подчиненному ему аппарату о применении к спецпереселенцам арестов, наложении штрафов и других взысканий.

Все это вместе взятое создало обстановку и условия произвола и издевательств над спецпереселенцами со стороны работников низового аппарата леспромхоза (десятников и куренных мастеров) и командированных райкомом партии бригадиров, а также и поселковых комендантов. Повсеместно в каждом спецпосёлке были созданы арестантские помещения «каталашки», куда десятниками леспромхоза, бригадирами и комендантами беспричинно, а зачастую из личных корыстных побуждений заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в неотапленных помещениях, раздетыми по несколько суток и без пищи, там же систематически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и их смертельным случаям.

Издеательства указанных лиц над спецпереселенцами по своей дерзости, не находили себе границ. В этих арестантских помещениях, в домах переселенцев, на улице, в лесу на работах и даже во время отдыха переселенцев последние избивались. Женщины и девицы подвергались также избиениям, понуждались и использовались в половом отношении, от спецпереселенцев бесконтрольно отбирались вещи, деньги и продукты. Были случаи вымогательства взяток.

Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению переселенцев, что бесспорно подтвердилось показаниями десятников, некоторых комендантов и других лиц.

Особенными жестокостями отличались:

1. Бригадир Ратушняк - избивший всевозможными способами ряд спецпереселенцев, в результате чего Мартыненко умер в арестантском помещении; насильничал женщин и девушек, произвел ряд ограблений на дороге. Был вдохновителем десятников и бригадиров по избиению спецпереселенцев и говорил: «Переселенцев надо всех уничтожить».

2. Бригадир Калугин Иван, член ВКП (б). Избил ряд переселенцев, в результате чего переселенец Луговой умер. Среди спецпереселенцев слыл за палача под кличкой «Ванька Каин». Вместе с десятниками издевался над переселенцами.

3. Бригадир Кучин, член ВКП (б). Участник избиений целого ряда переселенцев, в результате избиения Горовой умер.

4. Бригадир Чернов, член ВКП (б). Избил ряд спецпереселенцев, был соучастником преступлений Калугина.

5. Бригадир Суетнов, член ВКП (б). Избил ряд переселенцев в соучастии с бригадиром Мерзляевым, в результате чего переселенцы Терпугов и Дудников умерли от избиений.

6. Мерзляев (бригадир), член ВКП (б) - соучастник и пособник в преступлениях Суетнова.

7. Старший десятник Кривошеков, кандидат ВКП (б) с 1931 г. Избил целый ряд спецпереселенцев, в результате чего от побоев умерли Самойленко и Деомид Сидоренко. Последнего Кривошеков толкнул в горящий костер дров. Был одним из дерзких исполнителей расправ над спецпереселенцами. По делу арестован.

8. Старший десятник Ярославцев, кандидат ВКП (б) с 1931 г. Избил несколько спецпереселенцев. Отбирал вещи у них. Соучастник преступлений Кривошекова. Совершил ряд подлогов при выплате зарплаты спецпереселенцам в корыстных целях. По делу арестован.

9. Старший десятник Бердюгин, беспартийный, избил целый ряд спецпереселенцев, а в частности, совместно с бригадиром избил Дудникова, который впоследствии умер. Склонял к половой связи девушек. Получал взятки со спецпереселенцев. Арестован.

10. Десятник Щелагин, член ВКП (б). Избивал переселенцев. Положил в гроб для похорон живую спецпереселенку.

11. Десятник Смышляев. Избил прутом железным Харченко Ивана на глазах переселенцев за то, что последний употреблял в пищу мясо павшей лошади. Избивал других переселенцев.

12. Десятник Медведев, беспартийный. Избивал спецпереселенцев. По установке коменданта Деева, бросал в воду работавших на сплаве спецпереселенцев.

13. Старший рабочий сплава Кузеванов - соучастник Медведева в избиении спецпереселенцев.

14. Поселковый комендант Деев, беспартийный, был главной фигурой избиений и убийств спецпереселенцев. Избил ряд спецпереселенцев, из коих Мирошниченко от его побоев умер. Отбирал вещи от переселенцев, вымогал взятки, был вдохновителем десятника по избиению спецпереселенцев. Арестован.

15. Его помощник Новоселов, кандидат ВКП (б) с 1931 г., соучастник преступлений Деева.

16. Комендант Смирнов, беспартийный, избил целый ряд спецпереселенцев. Отбирал вещи и продукты от них, частично присваивал. Избиения спецпереселенцев отличались особой жестокостью. По делу арестован.

17. Комендант Рудеев - соучастник преступлений десятника Кривошекова в избиении переселенцев. Отбирал вещи у них, частично присваивал. Избиения спецпереселенцев отличались особой жестокостью. По делу арестован.

18. Комендант Рудеев - соучастник преступлений десятника Кривошекова в избиении переселенцев. Отбирал вещи у них, частично присваивал. По делу арестован.

19. Конвоир штрафного участка Болотов Иван. Систематически избивал спецпереселенцев, от чего умерли: Саледин Мустафа и Борда Феодосия. Отличался особой жестокостью. Среди переселенцев известен под кличкой «Ванька палач». По делу арестован.

20. Конвоир штрафного участка Замятин - соучастник преступлений Болотова. Арестован.

21. Комендант Масыгин - соучастник преступлений Болотова. Избил переселенцев братьев Беккер, умерших после побоев.

22. Кладовщик Бессонов и сторож Целищев. Систематически пьянствовали, расхищая

продукты. Обвешивали спецпереселенцев. Обменивали продукты на их вещи. Среди переселенцев агитировали так: «Мы кубанцев всех уничтожим, живыми никто не вернется».

При попытке районных комендантов Ласкина и Новгородова заострить внимание на означенных ненормальностях, последних райком ВКП (б), в лице заместителя секретаря Маслова обвинил в оппортунизме, и даже Ласкин, по решению райкома, подлежал снятию с должности.

Указанным выше произволу, издевательствам, голоду и изнурительному труду были подвержены спецпереселенцы прежнего подъема, находившиеся на лесоразработках с начала 1930 г. и в своей массе происходящие с Кубани.

В конце марта и начале апреля 1931 года в этот район были выдворены на жительство спецпереселенцы Западной области преимущественно из бывшей Смоленской, Брянской губерний, расселенные по поселкам на различных лесоучастках: Усть-Калья, 25-й, 80-й кварталы, Усть-Канда, участок № 12, Атюс № 1 Петропавловского и Марсятского УЛПХ. По ознакомлении их с условиями жизни спецпереселенцев-кубанцев, со стороны спецпереселенцев Западной области в их среде стала проводиться организационная работа с целью склонить эту часть на открытое выступление, для чего велась соответствующая обработка: «Зачем вы, кубанцы, переносите голод, холод и издевательства, нужно выступить открыто против этого с наступлением весеннего и летнего периода. Мы рассчитывали, что кубанские казаки народ смелый и решительный, а они на деле оказались трусами, вот мы этого произвола терпеть не будем».

С 12 апреля 1931 года между расселенными по разным участкам спецпереселенцами Западной области началась проводиться работа по установлению связей и подготовке к выступлению, прикрываемая особенно обострившимся продовольственным кризисом в этот период, когда в среде части этого контингента спецпереселенцев были израсходованы привезенные из дома запасы продовольствия, в таковом ощущался недостаток. Отсутствие какой-либо разъяснительной работы со стороны работников поселков и комендатур, продолжавшийся произвол со стороны десятников леспромхоза озлоблял эту часть спецпереселенцев, среди них распространялись слухи, что «их привезли сюда также на физические уничтожения», а все это вместе взятое порождало в их среде повстанческие настроения.

20 апреля 1931 года на 80-м квартале лесоучастка был убит десятник Прокопьев К.С., замеченный ранее в избиении спецпереселенцев и вновь произведший избиение спецпереселенца Повесьма Никифора и его матери, вследствие чего Прокопьев получил смертельное ножевое ранение со стороны спецпереселенца Повесьма Николая. Это обстоятельство послужило поводом к распространению также в среде спецпереселенцев-кубанцев мысли о необходимости решительного реагирования таким же образом на злоупотребления работников леспромхоза.

Наконец, 20 апреля 1931 года состоялось организованное выступление спецпереселенцев Западной области в количестве 300 семей с участка Усть-Калья, заранее подготовленное крупными кулаками-спецпереселенцами: Щепачевым В. Д., Щепачевым М. Н., Анциферовым В. В., Тезиковым Н. М., Тезиковым П. М., Смоляниновым П. И., Парфеновым А. И., Дикановым К. И. и другими. Эти руководы выступления с участка Усть-Калья заранее организовали связь со спецпереселенцами участка Усть-Канда через руководителя этого участка, крупного кулака Коробова К. С. и Борисова Н. П., на этот счет имели неоднократные совещания. С поселком спецпереселенцев 80-го участка также имелась связь через крупного кулака Филимонова Г. К. Таким образом,

подготавливаемое еще с 12апреля с.г. выступление и состоялось в указанный выше срок с конечной целью намерения продвижения выступавших по железной дороге до станции Сама и до города Надеждинска, но принятыми мерами продвижение было приостановлено и выступившие были водворены на участки прежнего расселения.

На станции Сама выступившей массе спецпереселенцев-кулаков имелся случай содействия со стороны работников железнодорожного транспорта, в частности, некто Окунев И. М. (спекулянт и агитатор против налоговой политики) влившись в массу переселенцев, повел агитацию среди них в необходимости захвата подвижного железнодорожного состава с целью продвижения по железнодорожной линии до города Надеждинска: «Бросьте, ребята, идти пешком, через 20 минут здесь должен быть состав поезда, необходимо его захватить и заставить бригаду перевезти вас до Надеждинска. Захватите еще 150 человек спецпереселенцев из казармы при станции Сама».

После состоявшегося указанного выступления, в других переселенческих поселках спецпереселенцами-западниками также велась подготовительная работа об организации вторичного выступления под лозунгом: «Если не удовлетворят продовольствием, то обязательно уйдем с мест расселения».

Примерно на спецпоселке «Новая деревня» участка №2 Денежкинского учлесхоза, спецпереселенцами Ковалевым Иваном и Хлестуновым Степаном велась подобная подготовка к выступлению с вербовкой для этой цели с/п-кубанцев (Ковалев и Хлестуно изъяты, тоже и на спецпоселке Атюс №3 Марсятского УЛПХ).

Из числа выступавших с/п арестованы 53 активных участника и организатора, кроме того, арестованы: десятники ЛПХ – 4 чел. работники поселковых комендатур – 8 чел., кооперации – 2 чел. всего 67 чел.

Подлежат аресту: работники ЛПХ - 5 человек, бригадиры - 8 чел.

Следствие по данному делу еще не закончено. В силу того, что по делу имеются указания на перегибы со стороны представителей райкома ВКП (б), а также на даваемые аналогичные установки членами бюро райкома - мы вынуждены были выехать для личного доклада вам на предмет разрешения этого вопроса.

Оперуполномоченный 00 ПП Кирюхин.

Начальник областного комендантского отдела Баранов.

Источники: ПАСО. Ф.4 Оп.9. Д.218. Л.34-45. Подлинник. "Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале (1930 - 1936 гг.). Выпуск 1", Екатеринбург, издательство Уральского университета, 1994 г.

7. ГОДЫ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Лидер уральской геологоразведки

В начале 90-х годов прошлого века от так называемой либерализации цен рухнуло около 70 тысяч предприятий. Подобная участь постигла и Североуральскую геологоразведочную экспедицию (СУГРЭ), которая насчитывала в своем составе около 1500 человек и признавалась одним из передовых геологоразведочных предприятий в СССР. Обеспечив СУБР запасами боксита на многие десятилетия, СУГРЭ осталась невостребованной государством и была им ликвидирована, не дожив до 60-летия своего образования. Но свою жизнеутверждающую роль в истории Североуральска она с честью выполнила.

История боксит Северного Урала начинается с Турьинской геологоразведочной базы. Техноруком в ней был инженер-геолог Николай Акимович Каржавин, открывший бокситы в нашем районе в 1931 году. Турьинская база подготовила специалистов и сформировала костяк Петропавловской геологоразведочной партии, руководил которой В. И. Архангельский. Механиком был П. И. Тимошенко, начальниками отряда работали П. А. Хошенко, С. В. Копылов, Г. Г. Копыркин, И. А. Пантелеев.

В 1933 году геологи Уральского территориального геологического управления (УТГУ) Т. К. Волосюк, О. В. Лахтионов, А. Н. Ходалевиц под руководством Е. П. Молдаванцева произвели геологическую съемку бокситоносной территории. С этого времени начались систематические геологоразведочные работы, что уже в апреле 1934 года дало возможность начать промышленное освоение бокситов: открыть первый карьер на южном участке месторождения «Красная Шапочка». Это был год рождения СУБРа.

К 1939 году Петропавловская партия была переименована в Североуральскую бокситовую партию. Техруком буровых работ стал В. К. Попов. Под его руководством за 1939 год было пробурено 5770 погонных метров скважин глубиной от 50 до 350 метров. Буровыми мастерами работали Н. А. Цикало, С. И. Медведев, М. А. Чернов, забойщиками Ф. А. Лисовой, А. В. Казанцев, М. Г. Микишев. В 1940 году предстояло разведать новые участки «Красной Шапочки», а на Черемуховском и Кальинском месторождениях изучить рудоносные горизонты до уровня грунтовых вод.

В январе 1941 года бокситовая партия была преобразована в Североуральскую бокситовую экспедицию. Первым ее начальником был Соколов Николай Сергеевич. В сентябре того же года его сменил Степанов Геннадий Иванович, работавший ранее начальником гидрогеологической группы. За год было пробурено 27 тысяч погонных метров скважин, что равно объему предшествующих 9 лет мирного времени. Были получены расчеты для проектирования работ на глубоких горизонтах. Ускоренными темпами обустроивались участки работ. Построены геологоразведочные поселки на Третьем Северном, Кальинском, Черемуховском, Кедровом участках. Строились жилые дома, кухни-столовые, хлебопекарни, бани, хозяйственные сооружения, лежневые дороги. налажено снабжение продуктами, геологоразведочным оборудованием и материалами, технической водой.

На 1942 год была поставлена дополнительная задача — провести инженерно-геологические исследования для обоснования места под строительство Богословского алюминиевого завода — важнейшего оборонного объекта того времени. Для выполнения этого задания была специально сформирована буровая партия, оснащенная станками КА-300. Вначале было 5 станков, а затем дополнительно выделено 13. Техноруком был назначен Черемных М. Т., а начальником партии - Ривкина Вера Абрамовна, работавшая начальником

отдела кадров Североуральской бокситовой экспедиции после ее приезда из «Союзалюминьразведки». Работы надо было закончить в августе 1942 года, пробурить 3605 погонных метра скважин и исследовать место заложения фундамента для заводской плотины. Правительственное задание к установленному сроку было с честью выполнено. Для Ривкиной В. А. это было боевое крещение как руководителя и организатора производства. Вполне закономерно, что 5 сентября 1942 года ее назначили временно исполняющей обязанности начальника СУГРЭ, а 16 декабря того же года утвердили на эту должность.

В годы войны экспедиция под руководством В. А. Ривкиной выполнила главную задачу, поставленную Правительством, о полном обеспечении бокситового рудника минеральными запасами на ближайшие годы и об опережающем развитии геологоразведочных работ по подготовке рудной базы. Рудник получил возможность значительно расширить фронт горных работ, добыча руды увеличилась в несколько раз.

В годы войны особо отличились и были награждены: В. А. Ривкина, главный инженер С. М. Андронов, начальник Черемуховской партии Ф. Т. Ковригин, техрук Д. И. Тазиахметов, сменный мастер А. Т. Обросова, механик И. Л. Грозь, старшие буровые мастера В. Ф. Зубарев, Н. В. Петухов, Н. З. Пишнегряев, Г. П. Никишин, В. А. Вараксин и другие. Успехи геологоразведчиков в военные годы неоднократно отмечались переходящим Красным Знаменем Государственного Комитета Обороны. За выдающиеся успехи оно было оставлено коллективу экспедиции на вечное хранение. Сейчас оно хранится в городском музее.

В боях с немецкими оккупантами погибли 34 геологоразведчика. Их имена выбиты сегодня на скромном памятнике в том месте, откуда они уходили на фронт. Это Н. Г. Авдеев, А. В. Арно, Н. И. Босых, А. Б. Булданов, В. П. Буторин, Т. И. Гребнев, А. И. Гридин, А. М. Гусев, А. И. Дубовцев, А. И. Козерот, П. И. Коновалов, А. К. Крузе, И. И. Кочубей, К. П. Латников, Е. Е. Лутай, Р. А. Махов, П. И. Неопрятный, Л. К. Никулин, Н. В. Никитин, А. В. Петухов, П. М. Пономарев, А. М. Попов, А. Г. Попов, Н. И. Пьянков, А. З. Сибрев, Г. А. Сошин, М. Е. Степанов, Ф. И. Тарлопов, П. Г. Цыбин, А. М. Чапушев, Б. Д. Чирков, Л. Ф. Чуриков, В. П. Шепелев.

В городском музее хранится альбом, куда занесены имена геологоразведчиков экспедиции, вернувшихся с фронта - 87 человек.

В 1946-1950 годах экспедиция, бесценно руководимая Ривкиной В. А., продолжала разведку бокситов до глубины 200 - 250 метров для проектирования и строительства наклонных капитальных шахт. В 1949 году было выявлено крупное месторождение бокситов «Восточная залежь».

Послевоенная пятилетка отмечена, прежде всего, техническим перевооружением экспедиции. Станки «Вирт» и КА-300 были заменены на более прогрессивные ЗИФ-650. Было пробурено 173,1тысяч погонных метров скважин, получена экономия 361 тысяча рублей.

В этот период коллектив экспедиции в социалистическом соревновании неоднократно завоёвывал переходящее Красное Знамя Совмина СССР и ВЦСПС, Красное Знамя Главгеологии Минцветмета СССР и ЦК профсоюзов, другие высокие награды.

Лучших результатов добивались В. Ф. Зубарев, М. С. Луцик, В. Ф. Готовцев, Н. З. Пиши, Ф. А. Лисовой, А. К. Кусля, П. М. Саранчин, В. А. Рым, Н. Ф. Соколов, М. З. Сигалова, А. И. Тазиахметов, П. А. Вараксин, В. Н. Селянинов, А. К. Койнов, И. К. Степанушко, Н. П. Шумкин, А. Д. Железнова, В. З. Ончинникова, Р. Ф. Бендер и другие.

Существенно повысился уровень подбора профессионально подготовленных кадров, в чем сказался организаторский талант начальника экспедиции. В руководящий состав экспедиции влились Атаев А. Я. (гл. инженер), Миловидов Е. Д. (ст. геолог), Пясецкий В. А. (начальник ПТО), Спесивцев В. Г. (инженер по новой технике), Галита Г. Д. (гл. механик), Линкевич М. А. (начальник ОТиЗа), Мних А. Е. (инженер по бурению), Никонец В. И. (гл. энергетик), Канцеров В. П. (инженер по ТБ.), Мелехина К. С. (начальник планового отдела). Позднее в экспедицию пришли работать ее будущие руководители: Новицкий В. Я. (гл. геолог, затем начальник экспедиции), Гуткин Е. С. (гл. инженер, затем начальник экспедиции), Плотников И. И. (начальник гидропартии гл. гидрогеолог, затем начальник экспедиции), Можжерин И. Г. (гл. геолог), Золотарев Л. А. (начальник отдела кадров, ст. геолог южной партии, а затем парторг экспедиции).

В 1953 году на площади, считавшейся безрудной, было открыто крупное месторождение «Ново-Кальинское». В 50-е годы закончилась разведка новых рудных площадей для проектирования и строительства вертикальных капитальных шахт. Обновился буровой парк, в основном станками ЗИФ-650 и ЗИФ-1200. Технологическая служба успешно работала над повышением скорости бурения скважин. Стало применяться шарошечное бурение вместо дробового. Скорость повысилась против предшествующих лет на 57%. За счет этого была получена экономия в сумме 2,4 млн. рублей.

В 60-е годы экспедиция успешно продолжила детальное изучение геологии бокситовых месторождений с целью наращивания промышленных запасов и перспектив бокситоносности восточного и северного флангов североуральского бокситового бассейна. Геологической службой был составлен генеральный сводный отчет с подсчетом запасов по состоянию на 1 января 1964 года. Он был утвержден с выездом в СУГРЭ Государственной комиссией по запасам (ГКЗ) при Совмине СССР с отличной оценкой. В составлении отчета участвовали Гуткин Е. С., Плотников И. И., Можжерин И. Г., Миловидов Е. Д., Родченко Ю.М., Атаев А.Л.

Рост глубин залегания руды заставил искать эффективные меры защиты горных выработок от воды. Плотников Игорь Иванович возглавил коллектив гидрогеологов и разработал новый метод осушения шахтных выработок посредством перехвата подземных вод дренажными узлами. Им же был разработан проект защиты действующих шахт от речного и паводкового стоков посредством бетонирования русла рек Ваграны, Колонги, Кальи, Сухой, Сарайной. Осушительные работы позволили руднику резко уменьшить затраты на шахтный водоотлив.

В 60-е годы в Североуральскую экспедицию вошла Сосьвинская геологоразведочная партия Уралгеолуправления, которой руководил Крупнов Павел Архипович. Старшим, а затем главным геологом был Ушаков Сергей Александрович, позднее - Суханов Л. П., техруком Лукашонок П. Г., с 1963 г. - Самохвалов П. П.

В состав Североуральской экспедиции вошла также Веселовская (Карпинская) геологоразведочная партия, ранее входившая в состав Тагильской экспедиции. Её возглавлял Фефелов Геннадий Андреевич, гл. инженер Любченко Павел Семенович, гл. геолог Шаршов Василий Стефанович. Сосьвинская партия занималась разведкой драгоценных металлов, Веселовская работала в основном на флангах Волчанского месторождения угля и на медные руды. С их приходом Североуральская экспедиция по объему работ стала занимать на Урале третье место после Челябинского и Пермского геологических трестов.

Силами Сосьвинской ГРП экспедиция в 60-е годы закончила разведку Верхне-Вагранского месторождения золота, геологами Веселовской ГРП доказано промышленное

значение Валенторского месторождения медно-колчеданной руды. С апреля 1960 года Североуральская экспедиция стала называться комплексной — СУКРЭ вместо СУБЭ.

За 1959-65 годы производительность труда выросла по всем структурным подразделениям на 48,6%. Экономия материальных и трудовых ресурсов достигла 3 млн. рублей. С 1960 года экспедиция продолжала удерживать переходящее Красное Знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. В 1961 году она была занесена в книгу Почета Свердловской области, а в 1965 году ей было присвоено звание коллектива коммунистического труда. Это звание было присвоено коллективу Черемуховской ГРП, буровым бригадам Симонова Василия Савельевича, Рещитова Якова Талыбовича, Бунина Николая Ивановича, Мироева Ильи Петровича, Гонштейна Александра Андреевича. Указами Президиума Верховного Совета СССР в 1963 и 1966 годах десять работников экспедиции, в том числе руководители, были награждены орденами и медалями.

В 1966-70 годах экспедиция завершила разведку горизонтов для строительства шахт второй очереди (до 800 м). Были разведаны и переданы СУБРу месторождения бокситов для открытой добычи. Началась разведка месторождения подземных вод. Продолжали внедрять метод осушения шахтных выработок посредством перехвата подземных вод дренажными узлами. Завершалась детальная разведка месторождения золота и платины силами Сосьвинской ГРП в бассейнах Ваграна и Сосьвы, обновлялся новыми станками буровой парк. Постановлением коллегии Мингео СССР и Президиума ЦК профсоюзов геологоразведочных работ от 28 октября 1967 года за выдающиеся успехи в открытии и разведке месторождений коллектив СУКГРЭ был занесен в книгу трудовой славы. В 1970 году 100 работников экспедиции были награждены юбилейными медалями «За доблестный труд и в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

В годы 9-й и 10-й пятилеток Североуральская экспедиция продолжила детальную разведку глубоких горизонтов Черемуховского, Ново-Кальинского и Кальинского месторождений. Для крупных шахтных комплексов СУБРа разведаны новые бокситоносные площади на глубоких горизонтах. Получены данные для строительства капитальных стволов шахты «Ново-Кальинская», вентиляционных стволов шахты 13-13 бис. Промышленности были переданы два месторождения золота. Разведано месторождение питьевых вод. Открыто месторождение дунитов (огнеупоров в литейном производстве). Внедрено многоствольное бурение.

В 1973 году произошла смена руководства экспедиции. Начальником стал Новицкий Владислав Янович, 1930 года рождения, работавший в руководстве экспедиции главным геологом. Под его руководством доказали промышленное значение Валенторского месторождения, и оно было взято на баланс.

Новый начальник экспедиции делал все, чтобы сохранить трудовой настрой коллектива, устоявшийся при В. А. Ривкиной, и поставил своей задачей реконструировать административно-производственную базу. Своим заместителем по быту, строительству и общим вопросам назначил бывшего главного энергетика Никонца Виктора Ивановича. Сформировали строительную группу из 18 человек. Позднее его сменил М. С. Токарев. Построили кирпичное здание для новой механической мастерской и химической лаборатории. Основательно модернизировали складское хозяйство. Построили новое здание центрального склада, которое отвечало всем требованиям погрузки и разгрузки новой геологоразведочной техники и большой номенклатуры материалов для геологоразведочного производства. Вместо одноэтажных деревянных боксов были введены в строй два новых гаражных корпуса с административно-бытовыми помещениями. Транспортная техника,

число единиц которой доходила до 100 и выше, могла разместиться в отапливаемых, оборудованных для технического осмотра боксах.

Было построено двухэтажное кирпичное здание для работников управления экспедиции и коллектива гидропартии. Ранее эти службы размещались в деревянных зданиях, построенных еще в 30-е годы. Всё строительство велось за счет прибыли экспедиции. В. Я. Новицкий добился, чтобы на период строительства часть прибыли экспедиция оставалась для своего производственного обновления. В общем объеме прибыли «Геолуправления» доля прибыли СУКГРЭ доходила до 50%. Коллектив в 1500 человек давал львиную долю прибыли управлению, где работало 16 тысяч человек.

Всё это позволило значительно улучшить условия труда коллективов обслуживающих цехов, работников управления и гидропартии. Созданная новая производственная база позволила централизовать ремонтно-механический цех, автотракторный цех. Были упразднены Южная, Черемуховская и Кальинская партии, а на их базе создан буровой цех, располагавшийся в здании бывшей Кальинской ГРП. Начальником бурового цеха работал инженер-технолог по бурению Рахимов Николай Касымович. Были созданы: единая бухгалтерская служба и центральная диспетчерская.

Диспетчеры (по специальности буровики и механики) могли по радиосвязи контролировать работу буровых бригад и ликвидацию аварий. В совершенствовании структуры управления большую помощь оказали специалисты «Геолуправления».

В 1974 году завершилось бурение самой глубокой структурно-поисковой скважины колонкового бурения, достигнута глубина в 2016,8 метра. С заданиями 9-й пятилетки успешно справились буровые бригады Петухова Н. В., Масонова Н. П., Павлова Н. С., Мурашова В. Н., Конопелько П. С., Парубочего Ф. Н., Гонштейна А. А., Россихина Г. Т., проходческие бригады на разведке золота: Жидкова И. И., Беседина В. И., Вялкова Н. М., Ромазанова М. Н. Более сотни геологоразведчиков были награждены отраслевым знаком «Ударник 9-й пятилетки». На средства из прибыли предприятия для геологоразведчиков были построены 100 квартирный дом № 18 по ул. Маяковского, дом № 39 по ул. Советской и дом № 49 по улице Калинина в Калье. При начальнике кадровой службы П. И. Реутовой большое число геологоразведчиков было вовлечено в заочную учебу в институтах и техникумах, в вечерней школе.

Ширилось спортивное движение. Организаторами были: председатель группкома Войнич С. С., его заместитель Росолов А. П., затем Самохвалов П. П., начальник гидрогеологического отряда Галеев Ю. А., Тихомиров А. А. Шахматное движение не только в экспедиции, но и во всем городе возглавлял начальник гидропартии Плотников И. И. Экспедиция регулярно занимала призовые места в соревнованиях по Уралгеолуправлению и территориальному управлению профсоюзов по лыжам, спортивному ориентированию, волейболу, шахматам и другим видам спорта. По инициативе И. И. Плотникова в городе был открыт шахматный клуб. Больших успехов добивался коллектив художественной самодеятельности. Большую помощь СУКГРЭ оказывала музыкальная школа и лично ее директор Слуднова (Алексеева) Клавдия Васильевна, бывший работник культуры Росолова Елизавета Николаевна. Энтузиастами в этом деле были П. И. Реутова, А. П. Росолов, Л. Я. Кузнецова, В. С. Вашкевич и другие.

С 1974 года профсоюзную работу в СУГРЭ возглавил Самохвалов Павел Павлович, работавший ранее главным инженером Сосьвинской партии, где показал себя ответственным и грамотным специалистом, умеющим наладить производство геологоразведочных работ на россыпных месторождениях драгоценных металлов.

Столь же успешно он проявил себя и в профсоюзной работе. Большим событием было открытие собственного детского сада-яслей № 33 «Серебряное копытце» на 270 мест в 7-м микрорайоне, одного из лучших в городе.

10-я пятилетка была характерна улучшением качества работы экспедиции. Применялось многоствольное бурение, совершенствовались средства искусственного искривления скважин. Экспедиция неоднократно занимала первенство во Всесоюзном, республиканском и областном социалистическом соревновании. В 1981 году на должность начальника экспедиции был назначен Гуткин Ефим Самуилович, доктор геолого-минералогических наук, работавший главным инженером экспедиции. Новицкий В. Я. был командирован на Кубу. На должность главного инженера в 1982 году назначили Хлопцева Виктора Кузьмича, работавшего начальником Черемуховской партии. Продолжалась детальная разведка глубоких горизонтов (от 1200 до 1800 метров) Черемуховского, Кальинского, Ново-Кальинского месторождений. Геологическая служба во главе с Можжериным И. Г. завершила коренную переоценку Ново-Кальинского месторождения, что позволило в три раза увеличить запасы бокситов. Геологический отчет был защищен с отличной оценкой. Большой вклад в составление этого важнейшего документа внесли Можжерин Иван Григорьевич, старшие геологи Антропов Борис Георгиевич, Козлов Константин Савельевич, Селянинов Владимир Николаевич, Падерина Нина Павловна, геологи Яранцева Валентина Григорьевна, Петряева Валентина Васильевна, Кузнецова Лидия Яковлевна, Кузнецова Валентина Павловна, геодезисты Скачков Михаил Николаевич, Быков Иван Григорьевич, палеонтолог Плотникова Наталья Петровна.

Плановая служба (начальник Мелехина К. С.), отдел труда и зарплаты (Карташов И. Н.), бухгалтерская служба (Ковалерова Н. Ф.) совместно с техническими специалистами завершили внедрение на вспомогательных производствах бригадного метода организации труда. На основе нормированных заданий в этих цехах было создано 45 новых бригад. В буровых бригадах в бокситовых партиях был полностью осуществлен переход на бригадный подряд.

В 11-й пятилетке продолжали совершенствовать технические средства при производстве геологических и гидрогеологических исследований. Полностью обновили буровой парк на станки ЗИФ 1200-М, ЗИФ 1200-МР. Вместо нарезки применили накатку резьбы на бурильных трубах, что резко повысило их прочность и дало возможность минимизировать потери времени на ликвидацию аварий в буровых бригадах. На уровне высоких отраслевых рубежей работали 24 буровые бригады из 34, и 26 из них досрочно завершили задание пятилетки. Коллектив продолжал удерживать призовые места во всесоюзном и республиканском социалистических соревнованиях, среди предприятий объединения «Уралгеология». Трудовые коллективы экспедиции ударным трудом встретили 40-летие Победы в Великой Отечественной войне и 50-летие стахановского движения.

В 1986-91 годах экспедиция в пределах бюджетных ассигнований выполнила поисковые и разведочные работы на бокситы, медь, золото, уголь, железную руду, а также провела гидрогеологические и инженерно-гидрогеологические изыскания.

В связи с резким сокращением государственного финансирования геологоразведочных работ экспедиция начала заключать прямые договоры с заинтересованными предприятиями на проведение работ геологического и инженерно-гидрогеологического профиля. Для СУБРа выполняли исследования по предотвращению горных ударов методом объемного гидравлического разрыва горных пород при сооружении вертикальных стволов шахт.

Изучали условия сооружения глубоких стволов шахт 20-40-ствольными скважинами с

целью превентивного водоподавления обнаруженных водоносных зон быстрострхватающимися смесями. Проводили монолитизацию неустойчивых пород на основе их смолизации при сооружении горных выработок.

В начале 80-х годов в СУГРЭ для проведения в основном экспериментальных работ всесоюзного значения была создана Методическая партия, которая создавала новые технологии проводки скважин (гидрогеологических, многоствольных, направленных). Энтузиастами этого нового дела были технологи Глухих Алексей Сергеевич, Артемов Павел Петрович, Глебов Сергей Петрович, Гильдебранд Эдуард Петрович (позднее он стал начальником Методической партии). Работы находили поддержку не только сверху, но и у опытных буровых мастеров Павлова Николая Степановича, Кузнецова Виктора Андреевича, Масонова Николая Павловича, Михеева Михаила Андреевича, Россихина Григория Тихоновича, Шишова Леонида Яковлевича, Осипова Михаила Степановича и других. Много творческих сил отдавали новым идеям в технологии бурения инженеры Рахимов Николай Касымович, Кашинский Николай Викторович и другие.

Так как Черемуховская и Кальинская партия выполнили для СУБРа основные геологические задачи по обеспечению рудника запасами боксита, технические специалисты и гидрогеологи стремились переориентировать бригады на бурение чисто технических скважин для инженерных изысканий при сооружении горных выработок. Однако в полном объеме такие работы СУБРОм и другими предприятиями, в том числе иногородними, не были востребованы.

Нередко работы экспедицией выполнялись в срок и с хорошим качеством, но из-за кризиса платежей оплата за них вовремя не производилась. Это вело к невыплате зарплаты геологоразведчикам и нарастанию долгов по налоговым платежам и в государственные внебюджетные фонды. Рост кредиторской задолженности шел опережающим темпом, что привело в короткий срок к банкротству предприятия. Посредством конкурсного управления имущество экспедиции было распродано, и она была ликвидирована в 1994 году.

Североуральская экспедиция ушла из экономической жизни города, достойно выполнив свой долг. К 1990 году была завершена детальная разведка боксита до глубин 1600 - 1800 метров. Разведанные запасы были утверждены ГКЗ с высокой оценкой и переданы для промышленного освоения СУБРУ.

Иван КАРТАШОВ,
август 2004 г.

Рук строителей творение

Приказ

***Народного Комиссара цветной металлургии СССР № 46. 3 ноября 1941 г. г. Москва.
Во исполнение распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР Наркомцвет
ПРИКАЗЫВАЕТ:***

- 1. Реорганизовать Управления строительства /идет перечисление. - Автор/... Северо-Уральских бокситовых рудников в Особые строительно-монтажные части.***
- 2. Строительства, перечисленные в п. 1. впредь именовать /идет перечисление. - Автор/... Особая строительно-монтажная часть Северо-Уральских бокситовых рудников «Бокситстрой».***

Зам. Народного Комиссара цветной металлургии СССР С. Рагинский

Становление

Кто же осуществляет здесь строительные работы до появления этой мощной организации? В системе Североуральских бокситовых рудников, ведущих свое начало с апреля 1934 года, имелся отдел с громким названием - УКС (управление капитального строительства). Кроме того, действовала еще одна строительная организация, и тоже с солидным названием - «Шахтострой», принадлежащая угледобывающему ведомству. Существовало и несколько мелких субподрядных участков: «Уралсибстрой», «Уралсибстроймонтаж», «Центроэнергомонтаж» и другие. Техническим и рабочим проектированием занималась организация с громоздким названием - «Союзникельоловопроект» (СНОП), инженерно-разведывательские, топографические и геодезические работы вела «Экспедиция № 6».

И вот все эти карликовые маломощные организации и участки объединили в одну - особую строительно-монтажную часть, ОСМЧ «Бокситстрой», из которого вырос затем мощный строительный трест «Бокситстрой».

Первым управляющим его был А. М. Степанов, он непосредственно подчинялся директору рудников.

Объединение и становление треста происходило, что называется, на ходу, по-военному: принимали эвакуированную с Тихвинского бокситового рудника и других предприятий западных областей страны технику, материалы, специалистов и одновременно ускоренными темпами вели реконструкцию существующих и строительство новых рудников, шахт и карьеров. Первоочередной задачей было строительство железнодорожной ветки от станции Вагран (ныне станция Бокситы) до первого карьера «Красная шапочка». Затем проложили узкоколейки и лежневки до вновь открывающихся карьеров открытой добычи боксита. Это позволило увеличить, а главное, ускорить доставку стройматериалов, оборудования и других грузов к действующим и возводимым объектам.

Одновременно с промышленным строительством возводили жилье, магазины, столовые и другие самые необходимые объекты социальной сферы.

С первых же дней строители уделяли большое внимание укреплению и развитию собственной производственной базы. Пустили кирпичный завод - в конце нынешней улицы Ватутина, на берегу Ваграны. Он выдавал в сутки 300 кирпичей, и все они шли на кладку печей отопления в строящихся деревянных жилых домах. Появились лесозавод, свой лесозаготовительный участок, столярная мастерская, гараж. Никаких механизмов, кроме нескольких стареньких грузовичков, не было. Основной тягловой силой являлась лошадь. Имелся конный двор, где содержались 74 лошади.

Основные строительные работы выполнялись вручную. Так на разработке траншей под фундаменты применялись металлические клинья, кувалды, лопаты, тачки да носилки. Подъем материалов на высоту производился на веревках или по покатам. Но вскоре эти самые трудоемкие работы механизировали - приобрели ленточные транспортеры и простейшие подъемники. Для руководства всеми строительными работами образовали профильные конторы - прообразы будущих специализированных управлений.

В конце 1941 года в Петропавловское прибыл первый строительный батальон - более тысячи человек. Их тотчас распределили по конторам. И дела пошли в гору. Были созданы комплексные проходческие и строительные бригады.

Хуже дело было с жильем. Даже примитивных бараков не хватало, и потому рабочие ютились во временно приспособленных помещениях, сараях, землянках. 600 человек разместили в старинной церкви, где соорудили трехъярусные нары. Люди ходили на

строительные объекты несколько километров пешком, к тому же, было скудное питание. Ко всем этим трудностям следует прибавить и суровую зиму, которая выдалась в тот год. Но люди не роптали на трудности и бытовые неудобства, все трудились с одной мыслью: быстрее сдать в эксплуатацию шахты, чтобы горняки могли больше давать стране руды, из которой выплавляли алюминий - материал для постройки боевых самолетов. Всюду - на улицах и строительных объектах - можно было увидеть плакаты, призывающие: «Все для фронта, все для победы над врагом!»

В 1943 году из Москвы направили инженера Вячеслава Ильича Надеждина, который возглавил ОСМЧ. С его именем связано окончательное становление треста, многие новшества, внедренные на стройках, улучшение быта строителей и всех жителей поселка. В первую очередь бесперебойно обеспечили рудники, все стройки электроэнергией. Для этого была построена в кратчайшие сроки временная электростанция, проложена высоковольтная трасса Турьинские Рудники - СУБР. У строителей и проходчиков появилась новая техника - скипы и вагонетки, перфораторы и отбойные молотки, экскаваторы, тракторы и др. Это резко сказалось на повышении эффективности труда горняков и строителей. В коллективах появились стахановцы, которые выполняли нормы на 200 и более процентов. Особенно прославились проходческие бригады Григория Бурмея и Григория Чихарева, оба они впоследствии были удостоены высоких правительственных наград.

Строительству рудников большое внимание уделяло Правительство. Член Государственного Комитета Оборона (ГКО) А. И. Микоян постоянно интересовался делами на стройках, какая помощь требуется, и направлял в Петропавловское новую технику, материалы, специалистов.

Началось строительство наклонных шахт в Калье и Черемухово, на Третьем Северном и на Южном руднике, более высокими темпами возводились жилье и другие социально - бытовые объекты, улучшалось продовольственное обеспечение рабочих и жителей поселков. Коллектив ОСМЧ с честью выполнил возложенные на него обязанности - вовремя сдавал для горняков мощности, которые из месяца в месяц отправляли все больше бокситов на перерабатывающие заводы. И в том, что уже в 1943 году советская авиация безраздельно господствовала в воздухе, то есть имела полное превосходство по количеству и качеству самолетов, немалая заслуга коллектива ОСМЧ.

Строительный гигант

После войны коллектив ОСМЧ из года в год наращивал темпы строительства наклонных шахт и начал проходку вертикальных стволов, повышал механизацию всех работ. При уборке породы из ствольных выработок использовались современные погрузмашины, мощные вентиляторы, более эффективная взрывчатка: детонит, детонит-М, скальный детонит. Внедрялись методы скоростных проходок, комплексные бригады. Значительно возрос объем строительства жилья и соцкультобъектов. Менялась структура треста, совершенствовалось управление.

В декабре 1950 года ОСМЧ переименовали в трест «Бокситстрой». Позднее его включили в состав Главсредуралстроя. Конторы стали называться управлениями с определенным профилем работ. Появились строительные, шахтостроительные и специализированные управления. Сюда же входили строительная лаборатория /ЦСЛ/, завод ЖБИ, управление механизации (СУМ), УПТК, ЖКХ и другие подразделения.

В первые годы существования трест не имел своих квартир. Лишь в 1949 году было арендовано у СУБРа 30 тысяч квадратных метров жилья. Квартирами в первую очередь обеспечивали семьи передовиков производства, молодых специалистов, семьи погибших на

фронтах воинов. Так в составе треста появилось новое подразделение - ЖКО, преобразованное позднее в ЖКХ. В его ведение передали детские учреждения, интернат, бани, парикмахерские и другие бытовые заведения.

В 1990 году трест начал издавать свою газету. Первый номер ее под названием «Контакт» вышел 11 мая, редактором была Т. В. Иванова.

Есть в истории треста и знаменательные события.

Так, 14 октября 1976 года на втором скиповом стволе шахты № 13 был пройден тысячный метр ствола. Это сделала бригада проходчиков Р. Гильмулина, которая шла к такой отметке три года.

Второй тысячник зарегистрирован 27 октября 1978 года на главном стволе шахты № 12, где трудилась бригада А. М. Слободчикова. В 1979 году проходческая бригада Н. И. Райсиха также достигла тысячного метра.

В 1987 году произведена очередная реорганизация треста. Это было сделано в целях совершенствования структуры управления, сокращения управленческого аппарата и обслуживающего персонала. Не стало ШСУ-4, СУ-5, СМУ-2, СМУ-7, СУ-8. В составе треста оставались: ШСУ-1, ШСУ-3, ШСУ-6, «Промстрой», «Жилстрой», «Спецстрой», завод ЖБИ, ЦСЛ, УПТК, ЖКХ.

В январе 1991 года был издан приказ по тресту о создании оргкомитета по подготовке к 50-летию предприятия. Его возглавил тогдашний управляющий В.В. Казанцев. С этого же года начались и перемены в общественно-политической жизни страны, которые в конце концов привели к распаду треста... Началась новая веха в жизни некогда могучего гиганта. Но прежде чем начать рассказывать об этом периода в истории его, еще немного о прежнем «Бокситстрое».

Вехи побед

За высокие показатели в соревновании и отличное выполнение государственных планов коллектив треста отмечен многими государственными наградами. Их получили и сотни тружеников треста.

1967 год. Почетная грамота Верховного Совета РСФСР.

Красное Знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. ВЦСПС. Знамя оставлено на вечное хранение как символ трудовой доблести строителей.

Юбилейный Почетный Знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

1973 год. Диплом второй степени Госстроя СССР, ЦК профсоюза, Совета архитекторов СССР и Центрального правления НТО «Стройиндустрии СССР» за качественные показатели в строительных работах.

Героями Социалистического труда стали проходчики Александр Григорьевич Кирикович и Иван Васильевич Кобзарев.

Десять человек удостоены высшей награды страны - ордена Ленина, пятеро - ордена Октябрьской революции, двое - ордена «Дружбы народов». 50 человек награждены орденами Трудового Красного Знамени. Есть награжденные орденами «Знак Почета», «Трудовой Славы» и др.

Около 900 строителей удостоены медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.». Обладателями медали «Ветеран труда» стали более 3400 человек.

Звания «Заслуженный строитель РСФСР» носят 12 человек, в том числе П. Т. Бойцов, И. Т. Бубенков, Д. З. Городецкая, А. В. Светлов, В. Ю. Штань.

1983год. Лауреатом премии Ленинского комсомола стал бригадир монтажников Рафис Рафиков из СМУ - 2.

В тресте десятки династий строителей, общий трудовой стаж каждой превышает сто лет. В числе первых следует назвать династию Бойцовых. Её основатель Петр Тихонович приехал сюда, в безвестное село Петропавловское, в первые дни войны в составе 1272 бойцов отряда трудармии. Начинал паренек, только что окончивший строительную школу ФЗО в г. Серове, с землекопа. Вскоре начальство заметило старательного молодого рабочего и предложило руководить бригадой, а еще через некоторое время стал начальником участка, и, наконец, стройуправления, сначала СУ - 5, затем СМУ - 7. Словом, вся его жизнь прошла в нашем городе, строительству которого отдал 57 лет. За многолетний и плодотворный труд удостоен многих орденов и медалей, звания «Заслуженный строитель» страны. Участвовал он в сооружении многих объектов. Сам он об этом говорит так: «Иду по городу и горжусь им. Что ни увижу, ко всему я прикоснулся, во всем есть мой труд». Общий трудовой стаж Бойцовых 115 лет.

Вот другой ветеран - Почетный гражданин города Петр Карпович Листратов. Он и его жена Скоробогатова Клавдия Васильевна в общей сложности отдали строительству города 70 лет. Известна в городе и династия Душкиных, Надежда Романовна, ее отец Роман Маркович и сестра Антонина в общей сложности отработали на строительстве города 80 лет. Но есть еще более внушительная цифра. 140 лет - столько отдали строительству города Владимир Максимович Закуткин с женой Зинаидой Петровной, братом Борисом, его женой и сыном.

В числе ветеранов В. Т. Тельнова, Д. З. Городецкая, С. Я. Гельфман, В. А. Зырянова, Бирюковы, Чудиновы и другие. В числе строителей-ветеранов также бывший мэр города Василий Николаевич Брежатенко.

Их биография - это биография города.

С момента организации треста «Бокситстрой» было 13 управляющих. Первым - А. М. Степанов, его сменил Ф. С. Еремин. Четыре с половиной года, с 10 октября 1943 года по 1 марта 1948 года трест возглавлял В. И. Надеждин. Около пяти лет руководил Ф. Н. Карлюков, затем Д. Г. Язов. Но самое продолжительное время - почти десять лет - руководил «Бокситстроем» В. Ю. Штань.

На «правление» трестом В. В. Казанцева падает самый сложный период. Да и не только треста - всей страны. Это так называемые годы перестройки, а затем начавшиеся общественно-политические процессы в стране. Строители упорно шли проторенной дорогой - стремились строить быстро, качественно, дешево. Но общее расстройство экономических связей, нарушение договорных обязательств, оскудение материальных ресурсов, плохое финансирование - все это отрицательно сказывалось и на общих результатах коллектива. А ведь к началу 90-х годов, когда начались все эти неурядицы, трест «Бокситстрой» находился в расцвете сил, был крупнейшим предприятием Североуральска - вторым после СУБРа. Здесь трудилось более шести тысяч высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Ежегодно трест сдавал в эксплуатацию только жилья 20-25 тысяч квадратных метров, новые мощности на СУБРе, объекты социально-бытового назначения.

И вся эта четко отработанная за десятилетия система рухнула - трест «Бокситстрой», как многие предприятия в городе и в стране, стал разваливаться...

Обнадёживающие перспективы

Трест «Бокситстрой» выжил. Строители города остались предельно верны своему имени «бокситстроевец» и предприятию с многолетней славой - «Бокситстрою», ставшему

символом Североуральска.

Живет коллектив, живет «Бокситстрой». Пусть и не такой многотысячный, он стал достойным преемником своего знаменитого предшественника, продолжает его славные традиции. Но - все по порядку.

В середине 90-х годов трест «Бокситстрой» прошел процесс банкротства: не стало ни СУ, ни СМУ ни ШСУ и других подразделений, входивших в состав прежнего треста, в несколько раз сократилось количество работающих.

Из треста выделилось строительное управление, которое приняло его название - «Бокситстрой». Оно просуществовало шесть лет, до июня 2001 года. В тот же год на базе этого стройуправления и путем слияния со строительной организацией, обосновавшейся здесь из Бурятии, было создано два самостоятельных предприятия: ООО трест «Бокситстрой» и ООО СК «Форум». Иначе говоря: вернулись к тому, от чего несколько лет назад ушли.

Характерно отметить, что североуральские строители оказались верными славному имени, приняли его. Возглавили новое предприятие генеральный директор В. А. Козяев, исполнительный директор Н. А. Лебедев и технический директор Э. Ш. Казиханов. ООО СК «Форум» стал руководить А. С. Ананин. Новорожденный коллектив с прежним названием в полном составе перешел на новые объекты и продолжал трудиться.

12 августа 2007 года страна в очередной раз отметила День строителя. Городская газета «Наше слово», как и в добрые былые времена, отвела рассказам о делах и людях треста большую часть своей печатной площади. Были материалы и в предыдущем номере. Помимо приветствий и поздравлений руководителей города и областных организаций, а также фотографий, напечатано пространное интервью корреспондента газеты «Наше слово», З. А. Белошедовой с руководителями ООО треста «Бокситстрой» и субподрядной организации ООО СК «Форум» и председателем профкомитета Н. И. Мухаметовой. Вот что они рассказали.

Все шесть лет стройуправление «Бокситстрой» интенсивно развивалось: на всех объектах обновлялась техника, совершенствовались методы труда, повышалась и квалификация рабочих. Коллектив и численно вырос: сначала было 400 человек, сейчас более пятисот. С каждым годом растут объемы работ. Строители трудятся одновременно на многих объектах Северного Урала. Самый большой объект - это Киселевский гидроузел в г. Серове. Ведутся работы в Волчанске, в частности, там уже возвели плавательный бассейн и несколько жилых домов, ведется благоустройство известного в городе сквера и т.д. На трассе построена автозаправочная станция. На Шемуре возвели дробильно-перегрузочный комплекс. Несколько бригад работает в Краснотурьинске.

И, конечно же, большие работы коллектив вел в родном Североуральске. Например, стройуправление стало генеральным подрядчиком на очень важном для города объекте - лечебном корпусе. Здесь же капитально отремонтировано здание роддома, пищеблок больницы, словом - дел в городе хватает, и коллектив никому в помощи, даже малой, не отказывает.

Строители внедряют в производство более современные технологии, материалы, механизмы. Так оконные рамы сейчас изготавливаются не из дерева, а из пластика. Этот же материал широко используется при монтаже системы отопления и водопровода. Все шире применяют, кроме пластика, металл, стекло, стараясь разнообразить, делать более привлекательной отделку панелей домов и других строящихся объектов.

В коллектив влилось немало ветеранов прежних лет, охотно идет молодежь. Например,

в числе работающих 142 человека в возрасте до 35 лет. Новичков, особенно из молодежи, обучают строительным профессиям по договорам за счет предприятия. Несколько человек направлены в профильные колледж и институт.

Руководство управления проявляет максимум заботы о молодых семьях, поощряет передовиков, не забывает и о детях трудящихся. Стройуправление шефствует над школой № 8, другими коллективами.

В числе нынешних передовиков производства идут прорабы А. Загиров и А. Елсуков, мастера С. Павлов и М. Тарасов, маляры Л. Кочурова, Т. Лаптева, Н. Красных, штукатур М. Ульрих, кровельщица Н. Суглоба и другие.

Стройуправление «Трест «Бокситстрой» уверенно смотрит в будущее. Предприятие работает стабильно. Руководители стремятся повышать эффективность труда, совершенствовать все производственные процессы, широко внедрять механизацию, новые технологии и материалы, а также заботиться о повышении уровня жизни своих трудящихся, в частности, повышать заработную плату всем категориям работающих, их социальную обеспеченность.

Закончить этот раздел хочется тоже на веселой ноте. В честь очередного праздника, т.е. 12 августа 2007 года, коллектив треста поздравил областной министр А. Карлов, который еще накануне в Екатеринбурге - вручил техническому директору Э. Ш. Казиханову знак «Почетный строитель России». Это первоклассный специалист, который более 20 лет свой талант строителя отдает Североуральску и семь лет трудится в новом коллективе под тем же названием «Бокситстрой».

Тогда же генеральный директор треста «Бокситстрой» Виктор Александрович Козяев был награжден знаком «Строительная слава», а исполнительный директор Николай Анатольевич Лебедев - Почетной грамотой правительства области. Еще несколько человек, среди них Евдокия Ивановна Шишкарева, Валерий Сергеевич Балин, Владимир Геннадьевич Корягин удостоены Грамоты министерства строительства. За высокие показатели в труде отмечены коллективы бригад, а также передовики строители. На традиционном торжественном заседании всем отличившимся в предпраздничной трудовой вахте - а это около 50 человек - награды были вручены.

В 1991 году в Североуральске вышла книга «50 трудовых лет» посвященная золотому юбилею треста «Бокситстрой». Авторы ее, Б. М. Золотарев и И. Ф. Гнатченко, подробно изложили историю развития этого мощного строительного треста, рассказали об основных этапах строительства города, о тех, кто возводил шахты и каналы, жилые дома и школы, клубы и магазины, строил железные и шоссейные дороги и многое, многое другое - все, что сейчас видят североуральцы.

В начале книги опубликован «Марш бокситстроевцев», написанный известным горняком-поэтом Михаилом Ложеницыным. Начинается марш такими словами:

Построен нами город на Вагране,
Но не смолкает строек стук...
И эти шахты, что видны в тумане,
И гладь асфальта - дело наших рук.

Североуральцы гордятся тем, что все это сделано руками человека по имени Строитель.

Борис ЗОЛОТАРЕВ,
январь 2008 г.

В те трудные годы

В период подготовки к 40-летию треста «Бокситстрой» редакция газеты «Правда Севера» обратилась к В. И. Надеждину, начальнику ОСМЧ «Бокситстрой» в 1943-1948 годах, с просьбой вспомнить о том, как происходило становление строительной организация, какие задачи решал коллектив в то далекое трудное время. Вот его рассказ с некоторыми сокращениями.

В первые месяцы войны фашисты вывели из строя Днепропетровский и Волховский алюминиевые заводы и Тихвинские бокситовые рудники. Чтобы выстоять, стране нужен был для выпуска боевых самолетов алюминий. В этих тяжелых условиях по решению Государственного Комитета Оборона скоростными методами началось строительство второй очереди Уральского алюминиевого завода, форсировалось строительство Богословского и других заводов. На Восток и Урал шли эшелоны с людьми и техникой, с оборудованием, демонтированным с предприятий и строек. Перед алюминиевой промышленностью и прежде всего УАЗом была поставлена очень трудная задача: в кратчайшие сроки резко увеличить выпуск алюминия.

Испытание войной в полной мере пришлось выдержать и его основной рудной базе - СУБРу. Сотни километров разделяют эти два предприятия, но судьбы их схожи: они полны самоотверженного труда, мужества и героизма. Строительство УАЗа и СУБРа шло почти одновременно. Начинать разработку месторождения на СУБРе весьма просто - открытым способом через выходы на поверхность бокситовых руд. А вот продолжать добычу на глубине и строить шахты оказалось делом чрезвычайной трудности. Создалась сложная обстановка с рудой для УАЗа. Строительство шахт практически не было начато. На шахте «Первая Капитальная» к тому времени проходка из-за огромных водопритоков и отсутствия должной энергетики на СУБРе была остановлена. В этих условиях Государственный Комитет Оборона принимает решение о создании особой строительной-монтажной части, которая должна была строить Североуральские бокситовые рудники - шахты, энергетические объекты, железные и шоссейные дороги, жилье, административные здания, выполнять работы по отводу рек и их регулированию.

Главной задачей являлась проходка стволов наклонных шахт в условиях больших притоков подземных вод. Такого опыта в отечественной практике не было. Прямо надо сказать, у многих горняков, шахтостроителей как в наркомате, так и на СУБРе была большая «водобоязнь». В создаваемую ОСМЧ были направлены горняки, строители, инженерно-технические работники. В числе направленных наркоматом был и я. Меня назначили начальником ОСМЧ.

В сентябре 1943 года мы прибыли в поселок Бокситы. Помню, было это вечером. Встретили нас руководители СУБРа - знакомый мне Богатов Владимир Никанорович и главный инженер Нифонтов Борис Иванович. Старенький автобус привез нас по бездорожью, глубокой жидкой грязи в поселок. Здесь я познакомился с назначенным, как и я, главным инженером ОСМЧ Александром Николаевичем Столбовым.

На другой день начали мы осмотр строящихся объектов и рудников. Помню, принимаемое хозяйство оставило тяжелое впечатление. Не было жилья, рабочие размещались в палатках, отсутствовали какие-либо мастерские. Автомобильный парк состоял из 22 машин, 19 из которых были газогенераторными. Три старых трактора ЧТЗ. Практически не было никакой строительной базы. Все нам предстояло создавать заново. Мы сели с А. Н. Столбовым и заместителем Пашенко, который приехал со мной с предыдущей

стройки, за составление первоочередных мероприятий. Нужно было все сразу строить. Для этого требовались транспорт, оборудование, компрессоры, станки, экскаваторы, стройматериалы и изделия.

Все наши заявки были переданы по телефону в Москву, в секретариат Анастаса Ивановича Микояна. Уже через сутки были даны соответствующие указания, и пошли телеграммы (копии нам) на базы Дальнего Востока, в другие места Союза об отправке нам необходимого оборудования.

В ноябре - декабре 1943 года мы получили 150 автомашин «студебеккер», 15 быстроходных тракторов, экскаваторы, передвижные дизельные компрессоры, насосы разных марок, меховые комбинезоны, непромокаемые шахтные комбинезоны, резиновые сапоги, ботинки, шапки. В общем, смогли одеть людей и начать работу.

Первым делом нам нужна была энергетическая база. Проходка стволов шахт, в том числе шахты «Капитальная», будет сопряжена с огромными водопритоками. Кроме того, разрасталось хозяйство. Возводилось жильё, строились надшахтные сооружения, расширялись рудники. Везде требовалась электроэнергия. А ее не хватало. Действовала в то время электростанция, насколько помню, мощностью 6 тысяч киловатт. Никакого резерва не было. Задачу стали решать по двум направлениям: приступили к расширению существующей станции и начали строительство линии со строящегося Богословского алюминиевого завода. Нужно было проложить по тайге и болотам 35 километров трассы ЛЭП. Монтаж котлов и турбогенераторов осуществляла ОСМЧ своими силами, на строительстве ЛЭП были заняты монтажники субподрядных организаций. Работали напряженно. Всё работы закончили в течение года.

Стояла перед нами ещё одна не менее сложная проблема. В то время основным материалом был лес. Лесоразработок своих не имелось. А леса требовалось много. Не имея опыта разработки больших лесных массивов, мы обратились за помощью, вернее сказать, за консультацией в соседний Петропавловский леспромхоз. К сожалению, никакой помощи они нам оказать не смогли. Тогда мы взяли два квартала леса в районе Кальинского рудника размером два километра на два, сделали в них просеки, проложили железнодорожные ветки, связали их с главной железной дорогой, ведущей от Черемухово до главного рудного поля (она была построена раньше). На этих ветках создали склады для погрузки леса, а вскоре стали получать лес в нужном количестве. Помогли в этом присланные по распоряжению Микояна тракторы для трелёвки леса.

Предстояло создать предприятия по выпуску стройматериалов, стройизделий и, наконец, для получения леса - самого дефицитного, по-моему, материала на Урале. В особых случаях нам помогал директор УАЗа Славских Ефим Павлович. В порядке исключения, по нашей просьбе цемент готовили для нас во вращающихся печах глиноземного завода.

Был построен нами шлакоблочный завод, который выпускал бесцементные шлакоблоки на базе шлаков субровской ЦЭС и гранулированных доменных шлаков Серовского металлургического завода. Шлаки размалывали и пропускали на бегунках, которые мы изготовили сами. Установка для получения гранулированного шлака на Серовском заводе была изготовлена в ОСМЧ совместно со специалистами завода. Вообще, с Серовским заводом, его тогдашним директором Гончаренко у «Бокситстроя» сложились отличные деловые отношения. Мы помогали заводу известняком, лесом, он нам давал гранулированный шлак, буровую сталь и другие металлы.

А вот с песком дело обстояло отвратительно. Поиски геологов ничего не давали. И вот однажды ко мне в кабинет входят начальник автобазы Александр Николаевич Елкин и

начальник конторы Сыченко (оба заядлые охотники) и говорят, что когда они охотились в тайге за Черемухово, видели намывы песка, на которых уже росли кустарник и деревья. Мы срочно организовали туда экспедицию. В 15 - 20 километрах от Черемухово, недалеко от старого Ивдельского тракта, песок нашли. Мы решили использовать его. Ведь надо было бетонировать околоствольные выработки, тампонировать карстовые полости после откачки из них воды, бетонировать фундаменты под жилые дома, короче, везде, где надо положить раствор или бетон, требовался песок. Мы сделали временную дорогу, организовали круглосуточную вывозку песка.

Срочного решения требовал вопрос вывода рабочих из палаток. Начали строить 12 одноэтажных каркасно-насыпных общежитий площадью 500-600 квадратных метров каждое. Строители работали круглосуточно. Построили душевые, санпропускник с камерой дезинфекции и прочие нужные объекты. И вот когда строительство первых двух долгожданных домов-общежитий подходило к концу, произошло следующее.

Рано утром звонит мне начальник железнодорожной станции Бокситы и сообщает, что в наш адрес прибывает несколько пассажирских вагонов из Алма-Аты с 200 воспитанниками школы ФЗО. Это были ребята, потерявшие в войну родителей, они учились и вот теперь ехали сюда на «усиление» ОСМЧ. Делать нечего, надо принимать детей. Стояли морозы, а ребята одеты по-летнему, грязные, голодные...

Мои заместители Пашенко и Данцевич выехали к месту прибытия поезда с тюками шерстяных одеял, каждого из ребят закутали в одеяло, доставили на автобусе в общежитие, накормили. Затем их надо было одеть.

У нас не было специальной одежды, и мы решили пошить ее в нашей мастерской, а вот материал оказался только белый. Сшили из него ватные костюмы и шапки. Через три дня на СУБРе, в поселках появились мальчуганы и девчужки во всем белом. Только валенки были черные. Ребят тогда прозвали Надеждинскими зайцами. Уж очень они походили на зайчат.

Возни с ними было много. Случались происшествия. Но мы понимали: ребята стали членами нашего трудового коллектива, и надо из них сделать настоящих людей.

Организовали в двух общежитиях интернат, руководить им поставили доброго человека, умного воспитателя А. П. Дрегваля. На каждого «фэзэушника» завели рабочую книжку, в ней ежедневно ставили отметки за работу, за поведение. Организовали трехразовое питание. Позднее для ребят сшили настоящую форму. Интернат ОСМЧ вскоре стал известен в Свердловской области и неоднократно занимал призовые места в соревнованиях, а главное, он воспитал хороших советских людей. Я думаю, сегодня еще живут и работают в Североуральске бывшие воспитанники интерната. И они смогут рассказать больше и интересней про то суровое военное время.

Жизнь налаживалась. Строилось рубленое жильё. Приняли меры по улучшению питания рабочих, обеспечению их одеждой, спецодеждой. Создали в ОСМЧ продснаб, тогда он назывался алюминьпродснаб, начальником его назначили Михалевского (он же по совместительству был моим заместителем). Это был старый коммунист, блестящий организатор, честный человек. Он с помощью «Бокситстроя» в короткое время наладил производство валенок для рабочих, посуды из глины, пошив одежды по заказам.

Михалевский организовал, как тогда говорили, децентрализованные заготовки. В частности, закупили 300 оленей. Их держали в тундре. И скоро к пайкам, полагающимся по карточкам, выдавали дополнительное мясо. Летом и осенью организовали сбор ягод и грибов.

Создали подсобное хозяйство. Коллектив «Бокситстроя» многое сделал по раскорчевке

участков в тайге. Здесь сажали картошку, овощи.

Построили клуб, в котором выступали коллективы художественной самодеятельности.

Выступления проходили с большим успехом. Самодеятельность наша отмечалась как лучшая в области. При клубе создали библиотеку, книги для нее закупали в магазинах Москвы на деньги, которые получали в виде премий при присуждении нам призовых мест по соцсоревнованию.

Первомайская демонстрация

Коллектив работал по 10—12 часов в сутки. Но люди умели не только хорошо работать, но и хорошо отдыхать. Праздники, трудовые успехи отмечались торжественно, радостно, организовывались широко и хорошо. Когда осваивали новый горизонт или сдавалась очередная шахта, проводили встречи со строителями.

На главном рудном поле была столовая и самая большая площадь. Помню, как мы иногда веселились! Плясали, пели. Среди горняков и строителей были люди самых разных национальностей, и помнится, как после раздольных русских песен звучали украинские напевы. Конечно, и выпивали, но я не знаю ни одного случая пьянства и хулиганства. Люди жили с чувством большой ответственности.

Не хвальнось, дело прошлое, могу сказать, что коллектив ОСМЧ успешно справился с теми ответственными задачами, которые ставились партией и правительством.

Коллектив был спаянный и боевой, и любая сложная задача оказывалась по плечу. Этому способствовала отличная работа парткома ОСМЧ во главе с горным инженером Юхиным. Партком создал в коллективе деловую обстановку, взаимную требовательность, установил действенный контроль над исполнением решений. С Юхиным было приятно работать, хотя мы часто спорили по отдельным принципиальным вопросам.

ОСМЧ имела в своем составе 12 контор. Три из них чисто строительно-монтажные, остальные горнопроходческие. Одна занималась заготовкой леса, другая вырабатывала строительные материалы и изделия.

Вспоминаю часто моих товарищей по работе - главных инженеров Столбового и Девяткина, начальника производственного отдела, а впоследствии управляющего трестом Карякина, начальников контор Царева, Климова, Хегая, Дунаева, Гаврилова, Красноперова, Акопова - людей, глубоко преданных Родине, работавших с задором, с полной отдачей сил и знаний. Вспоминаю своих заместителей Зорина, Данцевича, Майли, Красносельского, о которых могу сказать, что таких людей желал бы иметь всегда рядом с собой.

Я всегда гордился славными бокситстроевцами и тем, что партия поручила мне возглавить этот прекрасный коллектив. И часто даже сегодня я привожу примеры слаженной работы тружеников «Бокситстроя».

Большую помощь ОСМЧ оказывал в то время Свердловский обком партии. Секретари и члены бюро обкома часто посещали стройку, знали ее нужды, при необходимости

обращались в ГКО. Расскажу о том, как решалась главная задача - освоение месторождения «Красная Шапочка».

К тому времени, к 1943 году, сложилась приблизительно такая система отработки:

1. Добыча открытым способом до глубины грунтовых вод, приблизительно до 30 метров.
2. Отработка на глубину 50—60 метров через малые наклонные шахты.
3. Отработка, как мы тогда называли, глубоких горизонтов - до 150—250 метров через капитальные наклонные стволы.

Но где закладывать наклонные капитальные шахты? Висячем боку, по руде или в лежащем боку? Существовали разные мнения. Окончательное решение подсказала жизнь.

От всячего бока отказались сразу, так как он был больше всего обводнён. Оставались два варианта. К тому времени мы уже накопили небольшой опыт. Начатые проходкой малые наклонные шахты были заложены по-разному. Одни по руде в лежащем боку, но так, что кровлей наклонного ствола была руда, и ствол часто пересекал её. А одна из шахт на Третьем Северном была заложена в разрушенных породах, и вскоре проходку пришлось остановить из-за сложных гидрогеологических условий.

Мы остановились на варианте проходки наклонных стволов в лежащем боку, в 15—20 метрах от руды. Теперь это обосновано научно, а мы всё решали «по-житейски».

Решения по закладке наклонных шахт глубоких горизонтов в то время выносили сами работники «Бокситстроя». Дело в том, что на стройке находилась группа проектировщиков Гипроникеля во главе с весьма нерешительным, инертным человеком. И она не могла рассмотреть этот вопрос самостоятельно. В 1944 году по нашему требованию эту группу передали в оперативное подчинение ОСМЧ, заменили и руководителя. Приехал грамотный, энергичный горный инженер В. В. Девяткин, который позднее стал главным инженером «Бокситстроя». Началась проходка шахт, включая шахту «Капитальная», наклонный ствол которой было решено довести до минус сотого горизонта. Но проходчики встретились с водопритоком в 1250 кубометров в час. Шахту чуть не затопило. Спас главный механик Селивёрстов. Он возглавил бригаду слесарей, которая смонтировала в насосной уже практически затопленного горизонта ещё два насоса.

С водопритоками в этой шахте мы боролись разными способами, но ничто не помогало. Оставался ещё один метод - водопонижение вертикальными насосами. Их в то время в нашей стране не имелось. Но мы добились, что ГКО, хотя в конце войны, поручил разработку и изготовление глубинных насосов заводам отечественной промышленности.

И всё-таки в то время с имеющейся техникой мы освоили проходку наклонных стволов. Своим методом, который мы назвали «проходка методом шагающих стволов». Он заключался в следующем. Одновременно проходили три ствола — эксплуатационный, строительный и вентиляционный. На всех монтировали мощный водоотлив, по 2 - 3 насоса. Проходили первый ствол до глубины, когда водоприток равнялся 150—250 кубометрам воды в час, останавливали проходку, сохраняя, а при необходимости и усиливая водоотлив, и двигали проходку на втором или третьем стволах. Этим

Надеждин В. И.

мы рассредоточивали водоприток в 500— 600 кубометров в час между тремя стволами. Так оказалось легче бороться с водопритоками. Вся заслуга в разработке и осуществлении этого метода принадлежала ИТР и рабочим «Бокситстроя».

С задачей коллектив справился. Шахты были построены, они полностью обеспечивали УАЗ бокситами. Помимо этого, шахтостроители подготовили фронт для дальнейшего развития подземной добычи руды. Приказ Родины североуралья, в том числе труженики «Бокситстроя», выполнили с честью. Это был их вклад в победу. Я счастлив, что в этом есть частица и моего труда.

Вячеслав НАДЕЖДИН

г. Москва.

Подготовил к публикации Борис ЗОЛОТАРЕВ.

Как дали имя городу

Было это осенью 1944 года. Помню, снега еще не было. Как обычно, собрались мы в кабинете управляющего трестом Вячеслава Ильича Надеждина для телефонного разговора с Москвой. Такие сборы обычно проходили дважды в неделю. Присутствовали на них те, кто должен был непосредственно решать с работниками главка неотложные и текущие технические и другие вопросы. В этот раз в кабинете были шесть или семь производственников и я. СУБР тогда еще не был заказчиком, все финансирование новостройки шло через нас, и мне приходилось там присутствовать как начальнику финансового отдела. Вопросов возникало много, поскольку я ведал тогда финансами не только треста, а всего поселка. СУБР еще не занимался этими вопросами. Для него было главным быстрее получить в эксплуатацию новую шахту, новый дом и другое, что мы строили. Никаких других забот, кроме добычи боксита, у него не было.

Поселок наш назывался "Бокситы". Так его обозначили при регистрации в финансовых органах. Недавно я еще раз поднял архивы треста о регистрации нашего предприятия, там и адрес указан: "Поселок Бокситы Карпинского района".

Москва вызывала нас по телефону всегда около 12-ти часов дня. Собрались и ждем, когда нас соединят. Вдруг звонок из Карпинска. Позвонил секретарь Карпинского горкома партии Козлов и сказал Надеждину о том, что ожидается повышение статуса Турьинских рудников и нашего поселка до статуса городов. И спросил: "Какие у вас будут предложения? Подумайте, поговорите с людьми о том, как назвать ваш будущий город. Базстроевцы предложили назвать свой город Краснотурьинском».

Среди присутствовавших были и те, кому "до лампочки" был наш будущий город. Они и в географии-то не очень разбирались - временные, словом, люди. Начали предлагать: Петропавловск, Бокситогорск, Кировград и другие названия, часть из которых на карте уже были. Я сказал: "Давайте назовем по нашему местоположению. Мы находимся на севере Урала, поэтому давайте назовем его "Североуральск". Надеждин посмотрел на всех: ну как, мол, мужики? Все молчали, видимо, обдумывали. А может, им было все равно, как назовут. Прошли какие-то минуты, и нас вызвала Москва. Начались рабочие вопросы, и разговор о названии города на этом закончился. А потом пошли рабочие будни, и о разговоре том, можно сказать, все и забыли. Многие из тогда присутствовавших вскоре разъехались, кто в Донбасс, кто в Москву. Корякин после Надеждина был управляющим трестом, а потом его тоже в Свердловск забрали.

А звонок на счет названия, видимо, был первый и последний. Надеждин обязан был о нём помнить. А мы и забыли о разговоре.

Прошло недели две. Опять собрались у управляющего трестом. Вдруг вызывает его Москва: "Поздравляем вас! Вышел Указ Президиума Верховного совета РСФСР о присвоении вашему поселку статуса города. Назван он "Североуральск", город областного подчинения". Вот так все и было. Буднично. Получили Указ и начали формировать власть в городе.

Почему поселок сделали городом? Село Петропавловское входило в территорию Карпинского района. Территория большая: от Медной шахты и «Базстроя» до нашего СУБРа. С руководителей Карпинского горкома партии "стружку снимали" за все дела на территории, им было очень трудно. Видимо, они и инициировали разделение территории. Тем более, что перспектива предприятий уже просматривалась. БАЗ вот-вот должен был дать первый алюминий (и он дал его 9 мая 1945года). Мы к тому времени уже построили 7 шахт, на центральной электростанции уже смонтировали три или четыре котла. Все смотрелось достойно для повышения статуса поселка. И это произошло.

Я осел в Североуральске и в должности финансиста, а потом главного бухгалтера треста поработал с четырнадцатью управляющими. Город, действительно, стал моим родным. И приятно, что к его строительству и названию я имею непосредственное отношение.

Иван ТИМЧЕНКО

Город начинался с общежитий

Михаил Константинович Горбунов - патриарх североуральского коммунального хозяйства: в 1952 г. он стал начальником ЖКХ треста «Бокситстрой», а в 1981 ушел на пенсию директором городского коммунального хозяйства. Вот что он рассказал.

Ещё во время войны строили большие каркасно-засыпные бараки на 40 комнат. Это место звали "хигай-город" по фамилии одного из прорабов. Потом там (район пивзавода) делали уже брусчатые дома, которые ещё не все снесены и сегодня. Было много общежитий - 22, только в городе по улице Свердлова их было четыре. Народ ехал в СУБР со всей страны, и жилья катастрофически не хватало. Да и строителей не хватало. Их брали из зоны, которая располагалась на Втором Северном, из заключённых формировали бригады и под конвоем привозили на работу. Они и строили бараки, общежития.

Смотрю фильм «Вечный зов» и очень понимаю П. Кружилина, которому надо было размещать тысячи эвакуированных. Примерная ситуация была у нас с завербованными на работу в наши края. Ведь их надо было не просто расселить, но и обеспечить баней, прачечной, постельным бельем, какой-то мебелью - люди приезжали порой с одним чемоданом. Да и публика была разношерстная: у кого 5-6 паспортов, у кого - ни одного. Многие работали только до выдачи подъемных, а потом смывались, прихватив простынь или одеяло. Раз звонит мне начальник Покровского леспромхоза Крысов и растерянно говорит: «Мне прислали 35 вербованных, которых я и не заказывал. Куда мне их девать?». Я - к управляющему трестом Карлюкову: что с ними делать? Он мне: бери! А куда я их поселю? Найдёшь!

Молодые женились, и общежития стали приспособлять для семейных. Дома были деревянные с печами. Работы нам хватало. Раз вызывают в дом, где семья замерзает (морозы тогда стояли лютые). Прихожу. Правда, печь - красная, а на столе бутылка с молоком лопнула: молоко стоит, а осколки рядом. Все окна одеялами заткнули, снаружи утеплили, в общем, помогали людям, как могли. Народ был тогда неизбалованный, знали больше слово НАДО, чем ДАЙ.

Первый водопровод протянули из Ваграны через Горный посёлок, было это в конце 50-х годов. А до этого было в городе 13 колонок. Каждая находилась в будке, и за каждой следил специальный рабочий.

Хуже было с вывозкой мусора. Тогда в ЖКХ была создана бригада ассенизации, которая чистила выгребные ямы, уличные туалеты, вывозила из дворов кучи мусора. Работали на лошадях. Тогда все перевозки были на лошадях, даже «скорая помощь». Жизнь постоянно заставляла что-то придумывать. Мы даже сами изобрели черпальную и насосную машины.

Город рос, но жилья по-прежнему не хватало. Когда колонию на Втором Северном ликвидировали, я получил задание переоборудовать бараки под жилье. Так в конце 50-х появился там «спутник» Североуральска. Требовало догляда и имеющееся жилье, для этой цели держали ремонтно-строительную группу. А с какими только жалобами к нам ни шли!

Кто требует прекратить прогон скота по улице, кто жалуется, что соседи помой под окна льют. Приходилось и убеждать, и мирить, и воспитывать. Идея объединения всех коммунальных служб в одно целое зрела и тогда. Плохо, что как и прежде, на развитие "коммуналки" государство неразумно экономит, поэтому она может стать тем порогом, о который оно само себе и лоб расшибет.

Записала Галина ХАРЧЕНКО.

Первые шаги города

Едва смолкли последние отзвуки артиллерийских залпов на западе и страна стала готовиться к войне с Японией на востоке, люди начали думать о восстановлении разрушенного и строительстве мирной жизни. Не остались в стороне и североуральцы.

24 мая 1945 года состоялось заседание коллегии Народного комиссариата цветной металлургии под руководством П. Ф. Ломако. На этом заседании присутствовал директор СУБРа В. Н. Богатов и управляющий трестом "Бокситстрой" В. И. Надеждин. Был заслушан доклад В. Н. Богатова, он предложил обширную программу для закрепления кадров на предприятии. Одними из основных пунктов этой программы были: снабжение рабочих, ИТР и членов их семей продовольственными и промышленными товарами, строительство жилья, культурно-бытовых объектов. Также предполагалось развивать совхоз "Алюминьпродснаба" и индивидуальное огородничество.

До этого, в сентябре 1944 года, был утвержден перечень строительства жилых и культурно-бытовых объектов на следующий год. Намечалось построить жильё не только в центральном поселке СУБРа, но на Втором и Третьем Северных рудниках, Кальинском и Черемуховском рудниках: одиннадцать общежитий общей площадью 5510 квадратных метров, пять восьмиквартирных домов площадью 1406 "квадратов" и шестьдесят двухквартирных домов площадью 3000 квадратных метров.

По плану культурно-бытового строительства в центральном поселке должны были строить: кинотеатр на 500 мест, поликлинику на 200 посещений, столовую на 100 мест, школу на 400 мест, детский сад, детские ясли, туберкулезный диспансер, банно-прачечный комбинат и школу ФЗО. В поселке Третий Северный - столовую на 150 мест, в поселке Черемухове - школу на 160 мест, столовую на 100 мест и клуб на 200 мест.

Из жилых зданий к 24 мая 1945 года были сданы три общежития в городе и Третьем Северном, один 8-ми квартирный дом в Черемухове. Из культурно-бытовых объектов выполнен только фундамент под поликлинику. По словам В. Н. Богатова, "план был хороший и оформлен хорошо, а вот ресурсов Главалюминий не давал на этот период".

"Бокситстрой", ведущий строительство, не обеспечен нужными ресурсами и, по существу, сорвал план, намеченный на первое полугодие. Тресту необходимо было оказать срочную помощь.

В своем докладе В. Н. Богатов не обошел вниманием и индивидуальное строительство и в целях его усиления просил Главснаб выделить для СУБРа: пакли - 2 вагона, гвоздей - 4 тонны, стекла оконного - 1500 квадратных метров, кровельных материалов - 3 вагона. Кроме этого, директор предприятия просил увеличить план 1945 года по жилищному строительству на 5000 квадратных метров.

Он предложил построить в 1946 году несколько одно- и двухквартирных домов с удобствами и усадьбой. По его мнению, "Гипроград" создал неудачный проект строительства. В Красноуральске при одноквартирных домах была предусмотрена усадьба, а в Североуральске для этого не хватило места. На это прозвучала реплика министра Ломако: "Хорошо получается!" В итоге коллегия Наркомцветмета приняла решение переделать проект строительства города.

25 марта 1946 года состоялось техническое совещание при филиале "Гипроникеля" по вопросу застройки города и поселков в 1946 году. Впервые план застройки города и поселков был разбит на кварталы. Было вынесено решение все разбивки под строительство осуществлять в соответствии с планировкой "Горстройпроекта".

Наряду со строительством в 1946 году восьми - и двенадцатиквартирных домов было начато строительство двухквартирных домов. Строительство индивидуальных домов было разрешено в районе бывшего кирпичного завода и в северной части от улицы Каржавина до Шахтерской. Подобная планировка была запроектирована для поселков Второй и Третий Северные, Кальи и Черемухова. В Черемухове жилые 12-квартирные дома должны были строить по главной магистрали, то есть по нынешней улице Калинина.

Основным строительным материалом было дерево. Из него и строился город. 8- и 12-квартирные дома здесь строились по улицам Ватутина, Комсомольской, Циолковского и Октябрьской на юг от нынешней улицы Ленина. Двухквартирные дома были построены в районе магазина № 6, вокзала, на запад от улицы Мира до Белинского включительно. Особенно большая застройка одно- и двухэтажными домами была произведена в поселке Южный. Никакого благоустройства не было, водопровод строился только по главным улицам бывшего поселка СУБР. Воду жители брали в колонках, которые находились в небольших деревянных домиках. В общественные здания воду доставляли машинами-водовозками.

В 1946 году в Североуральске был пущен шлакоблочный завод. Первые дома, изготовленные из таких блоков, появились на улице Ленина между Комсомольской и Циолковского. Мощность завода не позволяла строить дома в поселках. Там в основном строили из дерева. Одним из лучших руководителей строительства деревянных домов был начальник стройучастка шахтостроительного управления № 1 Леонид Андреевич Гудов, которого в шутку называли, "деревянный король". Это был прекрасный специалист, и под его руководством были построены промышленные здания шахт № 14-14 бис, "Кальинская" и первые панельные дома в Калье. В настоящее время от тех домов остались двухэтажные каменные дома и одно- и двухквартирные коттеджи по улицам Буденного, Тургенева и в начале улицы Ленина. Из культурно-бытовых объектов в 40-е годы введены в строй поликлиника, детсад, детские ясли и столовые.

Финансирование строительства досуговых учреждений, а также банно-прачечного комбината было заморожено. В городе и поселке Черемухове в 1945 году вновь открытые

школы были размещены в общежитии и 8-квартирном доме. Такая же участь постигла ФЗО в городе. 19 марта 1949 года состоялось открытие школы ФЗО № 83 при СУБРе. Занятия с учащимися вели в одном из залов профилактория на улице Свердлова.

В лучших условиях находилась школа ФЗО № 59, которой отдали два общежития. В одном здании находились учебные классы, а во втором жили учащиеся. Учебный процесс продолжался шесть месяцев. Каменное здание для школы ФЗО построили в 1952 году, где ныне находится училище № 76. Первый выпуск из этого здания состоялся в 1953 году.

До второй половины 50-х годов прошлого столетия все отделения городской больницы находились в деревянных зданиях или приспособленных для приема больных помещениях.

Очень важным было развитие совхоза "Алюминьпродснаба", а также выделение двух тысяч гектаров для кормовой базы совхоза и 500 гектаров для огородничества. Было создано товарищество по заготовке кормов и закупке крупного рогатого скота и птицы. Все принятые меры сыграли большую роль в обеспечении жителей города и поселков картофелем, мясом и молоком. Впоследствии непродуманные реформы Н. С. Хрущева нанесли большой вред личным подсобным хозяйствам, которые производили большую часть сельскохозяйственных продуктов. Сильно снизилось поголовье скота и птицы, а совхоз не мог восполнить потери в личном хозяйстве.

От войны до войны

Начало очередного этапа истории здравоохранения района связано с Первой мировой войной. В первый год война вызвала большой патриотизм в народе и была объявлена Отечественной. С началом войны предприятия Богословского горного округа стали испытывать острый недостаток рабочих рук. Причиной тому стали мобилизация мужчин на фронт и сокращение притока рабочих из других губерний.

Вначале недостаток рабочих восполнялся за счет приглашения на Урал китайских рабочих, а во второй половине 1915 года сюда стали прибывать австрийские военнопленные. Вскоре их число в округе достигло 15000. Но в основном это были неспособные к труду и очень многие с хроническими заболеваниями. Например, из Перемышля прибыли несколько тысяч человек столь истощенных, что они съедали по несколько обедов и по семь фунтов хлеба за день. У большинства были зачатки цинги, которая обострилась к лету 1916 года, и последствия были действительно тяжёлыми. Суровый климат усилил и туберкулёзные процессы.

Для укрепления здоровья рабочих и уменьшения заболеваний цингой пришлось заводить и разрабатывать огороды, завозить сюда овощи со стороны. Под огороды было разработано 35 десятин земли, в округ доставили 200 вагонов с капустой и картофелем. Руководство округа не раз обращалось во все инстанции с заявлениями о высылке больных военнопленных на родину в обмен на русских военнопленных инвалидов. Из-за недостатка продовольствия содержание пленных стало проблемой для русского населения округа. Округ же делал всё возможное для улучшения положения больных, не считаясь, русские это или пленные иностранцы.

В августе 1915 года для оказания медицинской помощи из числа военнопленных были привлечены врач по фамилии Плахура – чех по национальности, два студента-медика, окончившие теоретический курс, и санитары. Кроме амбулаторного лечения был организован и стационар на 13 кроватей. Эта первая больница размещалась в Горном посёлке на улице, которая сегодня носит имя Калинина, где с сентября 1947 года до

постройки нового здания в 80-х годах прошлого века размещалось Петропавловское лесничество Североуральского лесхоза.

Фельдшерский пункт в Покровске был открыт в 1914 году. Здесь служил фельдшером Никтоном Александрович Мальцев, коренной житель села Петропавловского. После отъезда врача Плахуры в 20-х годах фельдшерский пункт в Покровске временно закрыли, а Н. А. Мальцева перевели в больницу в Горном посёлке. Здесь же работал фельдшером Николай Сергеевич Шошунов.

После гражданской войны страна столкнулась не только с разрухой, но и с инфекционными болезнями. Особенно был страшен брюшной тиф. Переболевшие могли заболеть вновь так называемым возвратным тифом. Для борьбы с эпидемиями на местах были созданы районные и городские отделы здравоохранения, санитарно-эпидемические отряды и расширены местные больницы. Мероприятия по борьбе с эпидемиями коснулись и Петропавловской больницы. Она подчинялась Надеждинскому горздравотделу. После гражданской войны больница из небольшого дома была переведена в большое деревянное здание (улица Зои Космодемьянской, где в своё время жил главный лесничий Петропавловского лесничества, а позднее размещалось управление госпромхоза «Денежкин камень»).

До постройки и открытия больничного комплекса на улице Ленина в этом доме размещались инфекционное и туберкулёзное отделения поселковой и городской больницы.

В конце 20-х годов пришла сюда с гражданской войны Анна Николаевна Кузнецова, а в начале 30-х годов пришли Екатерина Сысоевна Баянова, Парасковья Пономарёва и Анна Александровна Погибелкина, окончившие медкурсы в Надеждинске.

В какой-то мере на историю развития здравоохранения в Североуральске проливает свет архив Анны Николаевны Баженовой, который хранится в городском музее.

Кузнецова (по мужу Баженова) родилась 19 июля 1900 года в селе Петропавловском. В сентябре 1919 года ушла добровольцем в Красную Армию и служила медсестрой в 1-м армейском полку города Екатеринбурга, а затем в санитарно-эпидемическом отряде №7, который боролся с инфекционными болезнями в Верхотурском уезде. Уволенная из рядов Красной Армии в июле 1921 года, она поступает работать сестрой милосердия в Петропавловскую больницу. Сохранилось удостоверение, подписанное заведующим (или заведующей) Петропавловской больницей Смирных 11 ноября 1921 года о командировке А. Н. Кузнецовой в отдел здравоохранения города Надеждинска по служебным делам.

В 1922 году Анна Николаевна переболела возвратным тифом и была направлена на обследование в город Надеждинск, где получила месячный отпуск. В 1928 году Анну Николаевну назначают старшей медицинской сестрой Петропавловской больницы. Сохранилась характеристика, выданная заведующим Петропавловской больницей, где об этом сказано. В справке, выданной Петропавловским сельским Советом 16 мая 1931 года за №21 говорится о том, что Анна Николаевна «в имущественном положении ничего не имеет, сельхозналогом не облагается». Справка была дана для поступления в профсоюз. Этот год совпадает со временем раскулачивания в селе и открытия бокситов Н. А. Каржавиным.

Во главе Петропавловского сельского Совета тогда стояли председатель Погибелкин и секретарь А. Володин. В 1931 году в селе Петропавловском и окрестных поселках вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Все медицинские силы были брошены на борьбу с ней. Баженова участвовала в этом в качестве медсестры, о чём есть запись в трудовой книжке от 24 июня 1931 года. По рекомендации врача в начале июня 1933 года ей было поручено наблюдать за санитарными мероприятиями в учреждениях, общежитиях рабочих, живущих в

Петропавловском, и взять «под строгую ответственность школу и пекарню». Рекомендация подписана врачом Шилко и заведующей участковой больницей Чащиной. В справке, выданной Петропавловской больницей 1 июля 1933 года, медсестра больницы Баженова характеризуется как высококвалифицированная и добросовестная в своей работе. Справку подписала врач Шилко.

Мария Михайловна Шилко, жена главного инженера СУБРа С. И. Загорского, была в Петропавловском первым советским врачом с высшим образованием. Семьи первого директора СУБРа П. А. Туркина и главного инженера С. И. Загорского проживали в доме на улице Советской (дом принадлежал Л. С. Воронцову, который был раскулачен). Справки,

Больница СУБРа

выданные в 1935 и 1936 годах А. Н. Баженовой о ее работе в больнице и зарплате старшей медсестры подписаны М. М. Шилко как заведующей врачебной участковой больницей.

С ростом числа жителей села Петропавловского, поселка Бокситы и окрестных поселков назрела необходимость открытия больницы и амбулатории в поселке горняков. Новое здание больницы было построено СУБРОм на опушке леса, где сейчас улица Буденного. От этого здания сохранился один блок, в котором в 90-е годы прошлого столетия размещался магазин геологоразведки (СУГРЭ). Сохранившийся участок леса и ныне зовется «Больничным». Амбулатория находилась в одноэтажном здании на бывшей улице Пионерской в поселке, называемом «Старая площадка». В бывшем здании амбулатории в 40-60-х годах размещались школа рабочей молодежи, гостиница и дом техучебы СУБРа.

По рассказам старожилов города, больница СУБРа (второе название «Больница Бокситстроя») открылась в 1937 году. Ветеран медицинской службы А. Д. Плешивцева (ее мать Варвара Федоровна работала санитаркой в Петропавловской больнице) рассказала, что в это время в больнице были терапевтические, хирургическая, родильная и инфекционная палаты. По архиву - А. Н. Баженовой можно установить приблизительную дату открытия больницы СУБРа. С 1 марта 1936 года Баженова работала старшей сестрой больницы общего пользования. Сохранились справки о предоставлении ей очередных отпусков. Одна подписана 23 июня 1937 года заведующим врачом Петропавловской участковой больницы Н. Куликовой. Вторая справка подписана 20 апреля 1938 года заведующим врачом больницы СУБРа Клавдией Павловной Ворошиловой. Выходит, больница СУБРа открылась после 23 июня 1937 года.

Баженову освободили от обязанностей старшей сестры больницы СУБРа и назначили с 3 января 1939 года старшей сестрой инфекционного отделения больницы в Горном поселке. Справка подписана заведующим врачом Кизиловой. Есть документ ЗАГСа о записи новорожденных по справкам больницы. Такие справки начали выдаваться с 1 января 1938 года. Первая справка о родившемся в больнице СУБРа (Бокситстроя) выдана 19 августа 1938

года.

Первой заведующей больницей СУБРа была Ирина Александровна Баянова, врач гинеколог, жена Н. П. Баянова, директора СУБРа. Ирина Александровна начинала работать в больнице в Горном поселке и делала хирургические операции. В Петропавловской больнице в тридцатые годы начинали работать медсестры Екатерина Сысоевна Паршукова, Федосья Барыкина, Конкордия Вячеславовна Чепурина (Архипова), фельдшер Шпик, сестра-хозяйка Александра Ивановна Зырянова, нянечка Анна Александровна Погибелкина. Это был костяк среднего и младшего медицинского персонала отделений поселковой больницы. В больнице в Горном поселке были столовая, чугунная ванна и туалет в помещении, отдельно кухня и прачечная. Медицинские сестры назначались после обучения на медицинских курсах в городе Серове и проходили переквалификацию на тех же курсах.

Лучшие работники больницы поощрялись грамотами и подарками, путёвками в санаторий. Сохранилась характеристика от 9 апреля 1938 года, подписанная заведующим больницей Калашниковым и председателем месткома профсоюза Зоей Ивановной Чазовой с просьбой выделить путёвку на курорт А. Н. Баженовой, так как за время работы старшей сестрой с 1928 года со стороны больных и администрации она имеет хорошие отзывы. Отмечается её любовь к работе и активное участие в общественной жизни.

К концу 1939 года сформировался коллектив больницы в посёлке Бокситы. Здесь работали гинеколог Ирина Александровна Журит, терапевт Людмила Николаевна Чиркунова, зубной врач Зоя Ивановна Чазова (по фамилии мужа - Юхина), хирург Валентина Сергеевна Миловидова, фтизиатр Галина Александровна Норкина, медсестры Екатерина Сысоевна Паршукова, Конкордия Вячеславовна Чапурина и Федосья Барыкина, сестра-хозяйка Александра Ивановна Зырянова, фельдшер и операционная сестра Александра Дмитриевна Плешивцева, врач-гинеколог Кизилова, завхоз больницы Ион Медведев, фельдшер Дина Штек, повар Зинаида Ивановна Ситшаева (Кисель), проработавшая в больнице до 80-х годов прошлого столетия.

Коллектив больницы

В конце 30-х годов инфекционное отделение больницы в Горном посёлке возглавила Клавдия Яковлевна Ворошилова. Там же работала Анна Николаевна Баженова. Амбулатория вела приём больных. В посёлках Баяновка, Коноваловка, Даньша, Мостовая, Тонга, Старые Бокситы работали фельдшерско-акушерские медпункты. В Покровск-Уральском работала своя сельская больница, которую возглавлял врач Гизатуллин. Опытные врачи

из больницы уезжали, так как их мужей, занимавших ответственные посты, переводили на другие предприятия. Так временно уехала Мария Михайловна Шилко. В Челябинскую

область уехала и не вернулась Ирина Александровна Баянова.

Кроме работы в больнице, медработникам приходилось ходить по вызовам, так как «скорой помощи» в те годы ещё не было. Особенно тяжело было ходить в Петропавловский посёлок ночью. Освещения не было. Переход через реку Сарайную в районе, где сейчас улица Ленина, был из трёх брёвен без перил, зимой скользкий, обледенелый. По вызовам ходили в основном в свободное от основной работы время. Медикаментов не хватало. Зимой 1939-1940 годов вспыхнула эпидемия пневмонии среди детей, и нехватка медикаментов не позволила избежать смертности.

Медработникам приходилось дежурить круглосуточно на участках с вредными условиями труда, связанными с горным производством. На проходке ствола шахты 1 - Капитальная применялся кессонный метод. По рассказу Александры Дмитриевны Плешивцевой, она дежурила на шахте вместе с фельдшером, который временно отсутствовал более трех часов. Уходя, он запретил ей заходить в кессон. В это время случилось несчастье, надо было войти в кессон и спасти человека. Она это сделала вместе с дежурным электрослесарем Георгием Кислым. Заболевшего вывели и положили в лечебный кессон. После определенного времени поместили в торгс-кровать, где его снова стало ломать. Тогда его снова поместили в лечебный кессон, а через три часа перевезли в больницу. На лечении он находился полгода. Так судьба свела Александру Дмитриевну с будущим мужем Александром Порфирьевичем Плешивцевым.

Евгений МЫЛОВ

В новом статусе

27 ноября 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, который гласил: «Выделить рабочий посёлок Петропавловский из пригородной зоны Карпинска Свердловской области и преобразовать его в город областного значения, присвоив наименование - Североуральск. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР - Н. Шверник, секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР - П. Бахмуров».

Как видите, основой города назван посёлок Петропавловский. В тексте указа нет слов о посёлке Бокситы, так как этот посёлок фактически уже соединился с Петропавловским в единое целое. Ко второй половине 1944 года созрели все условия для установления поселению нового статуса. Записи о посёлке Бокситы можно встретить лишь в официальных бумагах и документах людей старшего поколения. Например, в трудовых книжках Б. П. Насаева и Я. В. Цепелева, работавших в 1943 - 1944 годах, есть записи о назначении их директорами средней школы № 19 посёлка Бокситы Карпинского района. Я. В. Цепелев сменил на посту директора Б. П. Насаева, ушедшего на фронт в январе 1944 года. В быту жители будущего города обычно называли только районы своего проживания: Горный, Завагран, Петропавловск, СУБР, Сарайнский посёлок. Был и свой Хитрый посёлок.

В посёлке Петропавловском, как во всяком административном центре находились все государственные органы: поселковый Совет, отделение милиции, народный суд, отделение госбанка, почта, телеграф и телефон. С образованием города исполком горсовета временно размещался в двух зданиях бывшего поселкового Совета. Горком партии занимал деревянное двухэтажное здание коридорного типа на углу улиц Свердлова и Циолковского (ныне здесь находится многоэтажный дом № 7). Горком комсомола занимал трёхкомнатную квартиру в двухэтажном доме по улице Октябрьской (сейчас здесь дом № 33). Городской

отдел милиции занял двухэтажный дом на улице Циолковского напротив здания средней школы (сейчас здесь дом № 38). В бывшем посёлке Бокситы находились центральная почта, телеграф, телефон, прокуратура и народный суд. В августе 1945-го горисполком и горком партии переехали в бывшее деревянное здание средней школы на улице Циолковского, сейчас на этом месте находится новое общежитие № 6. Бывшее здание горкома заняла начальная школа № 12, а бывшее здание горисполкома - горвоенкомат, центральная сберкасса и ветстанция. Бывшее здание милиции на улице Советской отдали Промстройбанку. После войны финансирование на административные нужды строго регламентировалось, постройка новых зданий для этих нужд была запрещена.

Покровск, основанный в 1915 году, также пережил изменения своего статуса. В начале это был посёлок в составе Петропавловского сельсовета, потом стал центром сельского Совета, а с 1947 года - рабочим посёлком Покровск-Уральский. Решением облисполкома от 4 декабря 1944 года № 2199 Покровский сельский Совет в административном отношении был подчинён Североуральскому горисполкому.

По Генеральному плану застройки центр города был намечен на территории посковин жителей Петропавловского («Правда севера» №33 от 1 января 1947 г.). Сохранился протокол технического совещания при филиале института «Гипроникель» по вопросу застройки Североуральска и посёлков Второй и Третий Северные, Кальинский и Черёмуховский на 1946 год от 25 марта того же года. В совещании участвовали представители горисполкома, Гипроникеля, СУБРа, «Бокситстроя», горкомхоза и старший архитектор ленинградского отдела Горстройпроекта. Определялись со строительством жилья в городе и посёлках, окончательно решили застраивать центр города двухэтажными домами из шлакоблоков, построить двухэтажное здание детского сада и магазин в кварталах 127,128 и 129.

В бывшем поселке Бокситы продолжали строительство деревянных 12- и 8-квартирных домов по улицам Ватутина и Комсомольской в квартале 121. Общественные двухквартирные дома строились в районе улицы Кирпичной (ныне Октябрьская) и в районе нового центра города в квартале, ограниченном улицами Каржавина, Белинского, 50 лет СУБРа и Мира.

Было разрешено строительство индивидуальных жилых домов в районе кирпичного завода в кварталах № 86 и 101 (ныне улицы Южного посёлка) и в северной части 2-й очереди (от нынешней улицы Каржавина в сторону улицы Шахтёрской). Запрещено строительство индивидуальных домов по Осипенко и Кирова (на второй стороне). Строительство в Южном посёлке началось напротив выхода к железной дороге улицы Осипенко по улицам Хохрякова и Островского в сторону Центрального поля подсобного хозяйства на север. Улица Островского создавалась на обеих сторонах бывшего Ивдельского тракта. С окончанием строительства здания новой школы на улице Каржавина, стройплощадка центра города получила название «Школьной».

В октябре 1947 года в новой школе № 8 был организован избирательный участок по выборам в местные Советы («Правда севера» от 23 октября 1947 г.). Двухэтажный детсад и ясли должны были принять детей во втором квартале 1947 года («Правда севера» № 33 от 1 января 1947 г.), но строительство затянулось. Осенью этого года стояли только коробки зданий. Новоселье в новых домах справили коллективы сада № 2 и яслей № 2, которые занимали здания № 30 и № 44 по улице Советской. Здание № 30 у моста через Колонгу снесено. Двухэтажное здание по Советской, 44 было передано сначала туберкулёзному отделению больницы, а затем санэпидемстанции. Детсад № 2 был организован в 1937-38 годах, и в здание по улице Советской, 30 переехал в 1941 году в связи с большим числом эвакуированных детей. Возглавляла детсад Анастасия Стихина - жена учителя математики средней школы № 1 Н.И. Стихина, погибшего на войне.

Первые шлакоблочные дома, школа, детсад и детские ясли были неблагоустроенными с печным отоплением и выгребными ямами. Новый центр города, ограниченный улицами Ленина, Белинского, Каржавина и Чайковского, окончательно сформировался к 1950 году. 31 мая 1950 года в «Правде севера» появилась заметка, подписанная директорами городских школ под заголовком «Организуем нормальное обучение». В ней

Шлакоблочные дома

шла речь том, чтобы горисполком и горком партии освободили бывшее здание школы и открыли новую школу № 11 в сентябре. Горком партии переехал в двухэтажное здание по улице Ватутина, 13. Горисполкому не повезло: до переезда в нынешнее здание городской администрации он размещался в трёх местах - на улице Ватутина (ныне дом № 20), на улице Комсомольской между универмагом и бывшим книжным магазином и в здании нынешнего суда.

В 1951 году началось строительство благоустроенного жилья. Внутриквартальные котельные работали на угле. В 1953 году североуральцы получили более 16 тысяч квадратных метров жилой площади в деревянных, а более всего в благоустроенных домах («Правда Севера» № 50 от 01.05.1954 года).

В майские праздники 1952 года в Свердловске была организована выставка лучших проектов гражданского строительства. Среди них был проект застройки центра города Североуральска: площадь окружена домами сталинского классицизма, а в центре - Дворец культуры, по архитектуре отличающийся от нынешнего «Современника» богатством внешней отделки. Замыкало площадь трёхэтажное административное здание. Этот проект претерпел значительные изменения после празднования в октябре 1954 года 5-летия КНР, когда на обратном пути из Китая члены советской делегации во главе с Н. С. Хрущёвым посетили Свердловск. На Всесоюзном съезде строителей в 1955 году Хрущёв на примере города Свердловска раскритиковал излишества в архитектуре жилищного строительства.

Первого секретаря Свердловского обкома сняли с работы.

Хрущёв выдвинул идею промышленного изготовления деталей для строительства крупноблочных и крупнопанельных домов на заводах, предложил уменьшить высоту квартир и совмещать туалет с ванной. Было запрещено строительство административных зданий и объектов культуры, и особенно - излишеств в архитектуре. Поэтому все административные органы города ещё двадцать лет оставались в домах общежитского типа и занимали старые дома жителей бывшего посёлка Петропавловского. Кроме военкомата и санэпидстанции, в бывший дом И. С. Чвырина переехал и народный суд. Заморозили строительство Дворца культуры. Его фундамент жители в насмешку называли графскими развалинами.

Первые многоэтажные дома на центральной площади № 8 и № 10 начали строить до выхода постановления правительства. Жильцы дома № 8 справили новоселье 5 декабря 1956 года, в день 20-летия Советской Конституции 1936 года. Дома № 1 и № 2 на улице Мира были построены до заселения этих домов. В доме по улице Мира, 1 работала котельная, которая давала тепло двухэтажным домам улиц Чайковского и Осипенко, расположенных в двух кварталах, ограниченных улицами Чайковского, Каржавина, Осипенко и Жданова (Молодёжная). Дома № 9 и № 10 по улице Мира были последними с большими квартирами. Дом № 10 ввели в августе 1959 года. Заселение дома № 9 началось с 1 января 1960 года. На них уже не было богатой лепнины. Строительство многоэтажных домов из кирпича и шлакоблоков с большими квартирами и отдельными санузлами и ванными было закончено с вводом домов № 9 и № 8 в 1960 году. Дальнейшее строительство вели из крупноблочных и крупнопанельных изделий, изготовленных на заводах, улицу Мира застраивали панельными домами.

После окончания строительства домов № 9 по улице Жданова (Молодёжной) в 1957 году и дома № 22 по улице Ленина в 1960 году центральная площадь города сформировалась, но была ещё недостроенной. 25 августа 1964 года ввели в эксплуатацию нынешнее здание администрации, куда въехали горком партии, горисполком и горком комсомола. Это совпало с вводом новой вертикальной шахты № 15 СУБРа.

21 апреля 1967 года открыли Дворец культуры «Современник». Народный суд переехал в бывшее здание горисполкома по улице Каржавина, где находится и сейчас. В северо-восточной части города осталась прокуратура. Все остальные органы государственной власти сосредоточили в основном в центре города, место которому было отведено по первому плану Генеральной застройки города.

В 60-х, 70-х и 80-х годах на территории бывших посёлков Петропавловского и Бокситы продолжали строительство жилья. К началу 90-х годов прошлого столетия это был уже город, где большинство североуральцев жили в благоустроенных квартирах. Такими же благами пользовались жители Кальи, Черёмухова, Третьего Северного.

Сегодняшний город Североуральск - это воплощение гигантского труда всех поколений, живших на нашей территории и приехавших из других краёв, которые в труднейших условиях создавали его, начиная с первого колышка, первого дома горнозаводского селения Петропавловский завод, оканчивая современными объектами. Даже за границей, где жили русские, основавшие города и селения, считают их возраст со времени первой постройки. Например, возраст города Харбина в Китае считается со времени постройки русскими строителями КВЖД первой казармы в 1898 году. Поэтому при ответе на вопрос, а сколько лет городу, отсчёт следует вести с 1758 года и ни как иначе.

На бывшей главной улице Петропавловского остались домоуправы (Советская, 34), где

размещался первый Совет крестьянских и солдатских депутатов, и дом сельского Совета трудящихся (до присвоения селу статуса рабочего посёлка) по ул. Советской, 40, а затем отделения милиции. Из построек 18-го столетия сохранился прекрасный памятник архитектуры – храм Петра и Павла. И лишь немногие знают, что под нынешней дорогой от последних домов Петропавловского (улица Павла Баянова) до моста через бетонное русло канала Колонги находится ещё один памятник: плотина бывшего Петропавловского завода в 146 сажен из нескольких слоёв лиственничных брёвен и глины.

Здравоохранение в годы Великой Отечественной

С началом Второй мировой войны в августе 1939 года все медработники были поставлены на военный учёт. Началась Великая Отечественная война. Единственный врач-хирург Валентина Сергеевна Миловидова ушла на фронт. 24 августа 1941 года была отозвана в РККА с направлением в Карпинский госпиталь Анна Николаевна Баженова, но 15 декабря того же года возвращена на прежнее место - старшей медсестрой инфекционного отделения Петропавловского врачебного участка. Ушли на фронт ещё два врача, оба погибли. Из терапевтов осталась только Людмила Николаевна Чиркунова, молодой специалист, окончившая институт в 1939 году. Ей помогали советами и делом более опытные медсестры.

Нельзя не отметить большую помощь врачам Ивана Сергеевича Чвырина. Это был ветеринарный врач с высшим образованием, по некоторым сведениям окончивший учебное заведение в Царском Селе. Он жил и работал в Тбилиси, а в начале прошлого века был приглашен на работу в Богословский горный округ, жил в Петропавловском. Его большой дом стоял на улице, которая сейчас называется Красноармейской и где в 30-е годы была база СУБРа, а затем школа № 3. Состоятельный и образованный специалист, он хорошо знал болезни, которые передаются от животных к человеку, знал, как противостоять эпидемиям заболеваний, переносчиками которых являются животные.

Иван Сергеевич не избежал репрессий. У него забрали дом, скотину и вместе с женой отправили в Баяновку валить лес. Но когда начался массовый падеж скота в Петропавловском, вернули на должность ветврача Петропавловского леспромхоза. Под жильё ему дали дом бывшей управы села Петропавловского рядом с домом бывшей школы, что стоит на улице Советской у церкви. Жители села и даже врачи до войны и во время войны постоянно обращались к нему за консультациями и советами. Часто обращалась к нему и Людмила Николаевна Чиркунова, с 1939 года работавшая заведующей инфекционным отделением поселковой больницы в посёлке Горном.

При эвакуации рабочих и служащих с Тихвинского бокситового рудника Мария Михайловна Шилко вместе с мужем Сергеем Ивановичем Загорским в эшелоне с оборудованием возвращались на СУБР. Тяжелобольного, его сняли с поезда в Свердловске и положили в больницу. Там он умер и похоронен в Свердловске.

Ирина Васильевна Журит и Мария Михайловна Шилко в те далекие военные годы возглавляли здравоохранение в нашем городе. Журит работала в больнице в должности главврача в первый год войны. А затем, после возвращения, главным врачом больницы была назначена врач-терапевт М. М. Шилко. А. Д. Плешивцева, работавшая вместе с М. М. Шилко и проживавшая с ней в одной квартире, отзывается о Марии Михайловне как о враче высокой квалификации и очень душевном человеке. Ее знали горожане, любили больные и медперсонал. После образования города Североуральска 27 ноября 1944 года она была назначена на должность главного врача городской больницы. В декабре 1947 года она была избрана депутатом Североуральского городского Совета и на первой сессии 21 декабря

1947 года избрана членом исполкома горсовета второго созыва, в то время ей было 36 лет. Уехала М.М. Шилко из города вначале 1950 года со вторым мужем на Дальний Восток.

В военные годы начала работать Тамара Афанасьевна Гусарова - врач эпидемиолог и по совместительству рентгенолог. С 1938 года в родильном отделении работала фельдшер - акушерка Валентина Осиповна Алексеевская. После смерти сестры-хозяйки А. И. Зыряновой на ее месте работала Эмилия Федоровна Эйзенбраун. В родильном отделении работала акушеркой Урбан.

После ухода на фронт хирурга В. С. Миловидовой операции делали хирурги, которых вызывали из Серова и Карпинска, или отправляли больных на операции поездом в Серов. Не хватало медикаментов и медицинских препаратов. Было много больных дизентерией, брюшным и сыпным тифом. Инфекционное отделение было всегда заполнено. Обострился туберкулез. По рассказу А. Д. Плешивцевой, весь медперсонал был брошен на борьбу с инфекционными болезнями. На предприятиях и в учреждениях общепита проводились санобработки. В школах ежедневно учителя и медработники проводили саносмотры и вакцинацию. Для всех школьников без исключения ввели обязательную стрижку волос наголо. При вселении в общежития проходили обязательную санобработку в банях. Работали три бани: в поселке Бокситы и две в поселке Горном. Железнодорожные билеты выдавались в кассах только при предъявлении справки о санобработке. Такие жесткие меры помогли избежать в нашем районе эпидемий инфекционных болезней. Это большая заслуга врачей, медсестер, фельдшеров и санитаров больницы и местной власти.

Коллектив больницы в военные годы не только лечил, но и старался разнообразить стол больных овощами, картофелем и свежими молочными продуктами. Больница имела свой скотный двор, где содержались лошади и коровы. Сажали картофель, выращивали огурцы и помидоры. Именно коллектив больницы стал первым выращивать в нашем районе огурцы и помидоры.

В поселке Завагран были распаханы покотины, где сажали морковь и картофель. Там были парники для огурцов и теплица для помидоров. Всё делали своими руками медработники. Сено заготавливали по речке Малый Лих, где ныне так называемые Черноурские поля. Медработники сами заготавливали дрова для больницы. Всем этим руководили Мария Михайловна Шилко и ее заместитель по хозяйственной части Ион Медведев. По свидетельству А. Д. Плешивцевой, Ион Медведев был крепкий хозяйственник. Его сын Ион Ионович Медведев на посту главного архитектора СУБРа внес большой вклад в строительство города.

В годы Великой Отечественной войны для поддержания рабочих СУБРа был открыт ночной профилакторий, который курировала Мария Михайловна Шилко.

С 1941 года в больнице стали работать два фельдшера: Яков Иванович Кисель и Георгий Михайлович Казаков. С образованием города 27 ноября 1944 года Яков Иванович Кисель был назначен заведующим горздравотделом и работал на этой должности до сентября 1950 года. Потом работал доверенным врачом в профкоме СУБРа. Георгий Михайлович Казаков затем работал в «скорой помощи». В 1954 году окончил Свердловский медицинский институт и работал детским хирургом в Свердловске, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Являлся профессором и доктором медицинских наук в Свердловском институте, возглавляя одну из кафедр.

Вместе с Г. М. Казаковым в «скорой помощи» работали Григорий Юдин и Николай Забелин. Там же недолго в 1948 году работала А. Н. Баженова. Транспорта не было, и «скорой помощи» требовались физически сильные медработники. Поэтому должность

фельдшера занимали молодые люди, которым приходилось спешить на помощь больному пешком. Тяжелобольных в больницу доставляли на лошадях, принадлежащих больнице. Первые автомашины «скорой помощи» появились к концу 1949 года, с образованием станций «скорой помощи». Это были переделанные в ЦРММ СУБРа грузовые автомашины марки ГАЗ.

На новом этапе

В конце 1947 года вместо амбулатории вступила в строй городская поликлиника на нынешней улице Буденного рядом со зданием больницы с восточной стороны. Поликлиника имела специализированные врачебные приемы: хирургический, терапевтический, туберкулезный, кожно-венералогический, гинекологический, зубо врачебный, глазной, детскую и женскую консультации. Детская амбулатория была открыта в бараках, которые находились в квартале между улицами Буденного, Комсомольская, Шахтерская и Ватутина.

Туберкулезный санаторий был открыт в 1946 году на улице Советской, в бывшем поселке Петропавловском в двухэтажном доме, принадлежащем до начала 1932 года Павлу Петровичу Ожегову (раскулачен в 1931 году), а затем переведен в здание бывшей Петропавловской больницы. Находившееся там до этого инфекционное отделение в начале 1949 года переведено в перестроенное внутри под больницу бывшее здание общежития на улице Кирпичной в квартале между нынешними улицами Свердлова, Комсомольская, Октябрьская и Ватутина.

Вместо одного врачебного пункта в поселке Покровске-Уральском к концу января 1949 года на периферии города работали уже восемь фельдшерских пунктов, два фельдшерско-акушерских пункта и три врачебных здравпункта. По сравнению с 1940 годом количество врачей увеличилось в семь раз, среднего персонала – в четыре раза.

В начале пятидесятых годов открывается детская больница в бывшем здании управления СУБРа. Первой заведующей детской больницей назначили Анну Михайловну Кузнецову – врача-педиатра. До этого дети лечились в больнице вместе со взрослыми. В этом были свои плюсы и минусы. Старшие следили за детьми, но дети видели страдания взрослых, что не лучшим образом сказывалось на детской психике.

В конце 1952 года родильное отделение переехало из больницы в двухэтажное здание со всеми удобствами на улице Буденного (ныне это здание занимает служба заказчика). Ещё в начале тридцатых годов помощь при рождении ребенка матерям оказывали бабки-повитухи. Некоторые женщины ездили рожать в Богословск, Турьинские рудники или Надеждинск, где были родильные палаты и отделения с квалифицированными врачами акушерами.

Первые роды в больничных условиях начали принимать в октябре 1935 года в Петропавловской больнице, где была оборудована родильная палата. Но документов, где записывались новые граждане по справкам врача больницы, в городском отделе ЗАГС нет. Одна из медицинских работников нашего города пояснила, что запись новорожденных была связана с переписью в стране. Первые записи о новорожденных в отделе ЗАГС появились в январе 1938 года. А всеобщая перепись в Советском Союзе была проведена через год, 17 января 1939 года. Готовясь к переписи, власть стала наводить порядок в регистрации новорожденных. До 1 января 1938 года в книгах регистрации не было графы о справке врача из больницы. Регистрацию новорожденных производили со слов отца или ближайших родственников, и дата рождения человека совпадала с днем регистрации. Об этом знают все, кто родились до 1 января 1938 года. Некоторые отмечают свой день рождения по дате, которую указали мать или отец, другие - по официальным документам. По справке врача

больницы окончательно устанавливали время и место рождения человека, что исключало возможность записи в другом административном центре страны.

Первым акушером-гинекологом в Петропавловской больнице была Ирина Александровна Журит, фамилии других акушерок неизвестны. Более известна старшему поколению акушерка Рахилия Александровна Бугуславская, которая начала работать в больнице нашего города до 1938 года. Про неё говорят, что она была акушеркой от Бога. Могла держать новорожденного на руках, пока он полностью не придёт в нормальное состояние. Она работала и после 1945 года. Старшее поколение женщин всегда относилось к ней с большим уважением.

Профилакторий ОСМЧ Бокситстрой был открыт 11 июня 1947 года и закрыт по неизвестным причинам 22 ноября 1948 года. Там временно работала медсестра А. Н. Баженова. Позднее место работы А. Н. Баженовой как старейшего работника здравоохранения города было в туберкулезном отделении больницы. 1 июня 1960 года Анна Николаевна ушла на заслуженный отдых. Последнюю запись в её трудовой книжке сделал главный врач Д. Самохин.

4 апреля 1950 года в газете «Правда Севера» в статье «Важнейшие задачи в развитии города и поселков» есть следующие строки: «По лечебно-профилактическим учреждениям - больничный городок на 240 коек и участковой больницы на 15 коек». Речь шла о новом строительстве, а значит, о новом этапе развития здравоохранения в Североуральске.

Выражаю большую признательность за помощь в написании этой статьи Нелли Ивановне Корчемкиной, Александре Дмитриевне Плешивцевой, Елизавете Константиновне Баяновой, сотрудникам городского музея и редакции газеты «Наше слово».

Евгений МЫЛОВ

Хроника перестройки

1985 год

11 марта Генеральным секретарём ЦК КПСС избран Михаил Сергеевич Горбачев. Начало политики «перестройки и ускорения научно-технического прогресса».

Март. СУБР становится производственным объединением (ПО «Севералбокситруда»).

Переезд управленцев СУБРа и ряда служб в новое здание ИЛК.

9 Мая. Открытие памятника североуральцам - бойцам фронта и тыла.

17 мая. Начало антиалкогольной кампании.

Июнь. Оснащение смотровой площадки у ИЛК исторической горной техникой.

Август. Приезд ветеранов сборной команды СССР по футболу во главе с Игорем Нетто на товарищескую встречу с «Горняком» Североуральска.

1986 год

25 апреля. Авария на 4-м блоке Чернобыльской атомной электростанции.

1987 год

Апрель. ГК ВЛКСМ создаёт клубы творчества молодёжи «Байт», «Искатель», «Импульс» и два стройотряда. Введён в строй действующих санаторий-профилакторий «Серебряный меридиан» (директор СУБРа С. А. Виноградов).

Ноябрь. Из 12 предприятий города с положительным балансом работают ПО «СУБР», швейные фабрики (Черёмуховская и «Спорт»), мехлесхоз, пивзавод и хлебозавод.

Декабрь. В ДК «Строитель» проходят первые в истории СУБРа выборы директора. Им становится Потылицын В.А., работавший секретарём парткома СУБРа.

1988 год

Январь-март. Выборы руководителей в тресте «Бокситстрой», на заводе ЖБИ, в СУГРЭ, на заводе мебельной фурнитуры в Черёмухове, в цехах СУБРа.

Комсомольцы и молодёжь СУБРа сооружают горнолыжную трассу в посёлке Старые Бокиты.

Члены православной общины выступают с инициативой реставрации храма Петра и Павла. Начало действия в городе общественной организации «Народная трибуна».

Начало первого этапа строительства новой городской больницы СУБРа и города.

1989 год

26 марта. День выборов народных депутатов СССР.

Апрель. Первая забастовка горняков СУБРа без выезда на-гора, начавшаяся в шахтах №14 и №15. Приезд на СУБР членов Правительства и Минцветмета.

Официальное начало строительных работ городской больницы.

1990 год

19 марта. На внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР Михаил Горбачев избран Президентом СССР.

Строительство жилья в Черёмухове и в городе силами отрядов МЖК.

Август. Приезд на День шахтёра певца Сергея Захарова.

Декабрь. Новая забастовка горняков на шахтах №14 и №15.

1991 год

Начало переходного периода и выживания предприятий при переходе на рыночную систему хозяйствования.

Март. Создание первых малых предприятий («Корунд», «Умелец»).

Закрытие шахты «Первомайская» в Покровске - Уральском.

Прекращение разведочных работ силами СУГРЭ для СУБРа.

17 марта. Российский референдум. «Да» российскому президентству сказали 70 процентов избирателей.

Июнь. Возобновление выхода после годового перерыва многотиражной газеты «Контакт» треста «Бокситстрой».

12 июня. Впервые в истории Советской России всенародно избран глава государства. Борис Ельцин получил 57,3 процента голосов избирателей и стал Президентом.

Очередная забастовка горняков. Митинги на площади Мира.

Начало движения НПП (независимого профсоюза горняков) в рамках всей России и непосредственно на СУБРе.

19-21 августа. Путч ГКЧП.

24 августа Горбачёв сложил с себя полномочия генсекретаря ЦК КПСС.

26 августа приостановлена деятельность КПСС на всей территории СССР.

Октябрь. Прекращение деятельности парткомов в тресте «Бокситстрой», СУГРЭ, СУБРе, а затем и свертывание деятельности ГК КПСС.

Ноябрь. Выход первых программ городского телевидения (ГИС ТВ. Редактор Г. Беляев). Проведение первого областного конкурса хореографии «Класс».

8 декабря. В Беловежской пуще президентами трёх государств подписано соглашение об образовании СНГ.

25 декабря. Михаил Горбачев уходит с поста Президента в связи с прекращением существования СССР.

К 1992 году в городе насчитывалось 1136 различных автомашин, 183 автобуса (в АТП - 58 автобусов), действовало 15 автобусных маршрутов. В личной собственности горожан - 3327 автомобилей.

Работают 85 магазинов, 22 предприятия общепита, 10 промышленных предприятий, 16 школ. Насчитывалось 44 фермерских хозяйства.

1992 год

Начало экономических реформ, страна вступает в рынок. Цены растут непомерно.

1 января. Образован самостоятельный участок ДРСУ.

Март. Возобновлена деятельность заповедника «Денежкин Камень». Прибытие в город научных сотрудников.

Начало массовой приватизации жилья. За год передано в собственность горожан 864 квартиры.

За 1991- 1993 годы введено в действие жилья: 16 тыс. кв.м., 19 тыс. кв.м., 11,5 тыс. кв. м соответственно.

1993 год

Введены авиарейсы «Челябинск-Североуральск-Челябинск» и «Североуральск-Киров-Москва» (действовали до конца года).

Март. Приезд в город испанской делегации (Р. Пико, фирма «Висенте Рафаэль Пико Валеро») по приглашению фирмы «Северная Русь».

Июнь. Наводнение на Бокситах. Оказание помощи пострадавшим жителям.

Преобразование ПО «СУБР» в акционерное общество. Акционирование ЛПХ «Североуральсклес». Организация в Североуральске казначейства.

21 сентября. Ельцин объявил о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов.

Ноябрь. Выход городской АТС на автоматический набор международной связи.

Декабрь. Назначение главой городской администрации С. М. Бирюкова.

Забастовка рабочих ШСУ-1, ШСУ-3, ШСУ-6. Реорганизация строительных управлений и переход ШСУ в состав СУБРа с созданием в 1994 году подразделений «Шахтострой» и «Шахтопроходка».

1994 год

Год 60-летия СУБРа и 50-летия получения статуса города.

Апрель-май. Организация краеведческого клуба «Вагран».

Прибытие на празднование юбилея СУБРа зарубежных гостей.

10 апреля - выборы депутатов в городскую и областную Думу.

Показ на телеканале СУБРа первых видеофильмов о предприятии и его людях (авторы фильмов - В. Логунов и Н. Галеева).

Июнь. День города. Приезд на праздник певицы Л. Долиной.

Август. Передача в собственность города объектов социальной сферы, имевшихся на балансе промышленных предприятий.

Октябрь-ноябрь. Образование муниципального предприятия «Соцэнерго» (начальник Ю. В. Слободин.).

Организация управления народного образования (начальник Л. Н. Плясунова) и управления культуры (начальник Н. Н. Репина). Открытие художественной школы с вычленением из состава школы искусств. Спад производства на промышленных предприятиях города. Численность работающих составила 11031 человек, что на 9,5 % меньше по сравнению с 1993 годом. Из 11 имевшихся предприятий 4 стали убыточными. Среднемесячная зарплата трудящихся города составила 323 тысячи рублей. Пенсионеров в городе насчитывалось 17081 человек. Прекращено строительство корпусов новой больницы. В самостоятельное производство выделяется Баяновский нижний склад. Страховая компания «Север-Аско» (руководитель А. Копылов) получает право деятельности в городе.

Акционирование молочного завода. Станция юных техников получает новое помещение. 40-летие школы № 2 посёлка Покровска-Уральского.

К 1994 году было построено в общей сложности 72 км бетонированных каналов, дренажные узлы, шлюзы, 3 водохранилища. Капитальные вложения составили 1 866,1 млн. рублей. На строительство городской больницы израсходовано 211,1 млн. рублей.

Население города составило 59,4 тыс. человек. Общая площадь улиц - 554 тыс. кв. м. Общая протяженность улиц - 106 км.

В центре занятости состоят на учете 2 107 человек, пособия получают 1 770 человек. Наблюдается рост числа частных предприятий. Снижение объема промышленной продукции предприятиями на 13,5 процента. В госсекторе остается 2 предприятия, остальные – акционерные общества и частные. Введено в эксплуатацию лишь 12 квартир и 3 частных дома. К декабрю 1996 года суммарная задолженность по оплате труда горожанам составила 17812 млн. рублей. Городской бюджет принимает на своё содержание объекты совхоза СУБРа (подсобное хозяйство «Североуральское»).

1996 год

Январь-февраль. Начало работы Центра геронтологии в пос. Третий Северный.

Март. Приезд в город олимпийской волейбольной команды «Уралочка», встречи с волейболистами города и СУБРа.

Виктор Майгуров второй раз удостоивается звания чемпиона мира по биатлону. Возобновление работы коллектива АТП-9 в уменьшенном составе.

27 марта. Акция протеста горожан против обнищания (участвовало около 2 000 человек).

За 1993-1996 годы в городе и поселках реконструированы больница в пос. Черемухово, помещение Фонда занятости. Здания бывших детских садов переоборудованы в художественную школу (в городе, на ул. Молодежной), центр детского творчества в Калье, детский центр реабилитации (приют) в городе, ДЮСШ (тренеры Лукьяновы) в пос. Черемухово, гостиницу «Кумба», городскую библиотеку, вспомогательную школу № 25, здание администрации пос. Черемухово. Построены жилой 9-этажный дом (108-квартирный в городе), больница в Калье, здание налоговой инспекции. Реконструировано и расширено здание городского народного суда, здание Сбербанка, библиотека семейного чтения по ул. Октябрьской.

Созданы: МПО «Соцэнерго», Фонд социальной поддержки, Муниципальная милиция. Взят на содержание городского бюджета вся социальная сфера СУБРа, совхоз «Североуральский», детские дворовые клубы, спортшколы, бассейн «Нептун», Дом быта. Оказана материальная поддержка предприятиям и учреждениям, не входящим в число бюджетных: профилакторию «Серебряный меридиан», пансионату «Северный», роддому, ветлечебнице, санэпидемстанции, заповеднику «Денежкин Камень», аптекам, АТП, швейной фабрике, заводу термосов, заводу ЖБИ, комбинату торговли (фирма «Русь»), ретранслятору, храму Петра и Павла, спортшколам, городскому музею.

В честь 50-летия получения статуса города (1994 г.) устроено несколько выставок творчества горожан, выпущено несколько книг местных авторов, профинансировано проведение ряда областных конкурсов.

1997 год

В городе и поселках действуют 17 школ с числом учащихся 8 880 человек. 22 детсада посещают 2789 детей, что значительно меньше запланированного. В распоряжении горожан 7378 дачных участков, 50 коллективных садов и 167 личных подсобных хозяйств.

Январь. Прекращение работы кинотеатра «Север».

Март. Проведение очередного конкурса бальных танцев с приглашением коллективов Городов области и России.

Апрель. Пятилетие детской студии «Капельки».

Начало строительства автодороги «Север Тюменской области–Североуральск–Серов–Качканар». Проведение в городе областных соревнований по аэробике. Приезд в город телеведущей Ангелины Вовк и композитора Евгения Крылатова.

Создание «Службы единого заказчика».

Май. Открытие в здании бывшего кинотеатра «Север» биллиардного клуба.

Август. Посещение Североуральска членами правительства области и губернатором. Выступления с концертами Михаила Боярского в честь Дня шахтера. Открытие музея в пос. Калья.

В июне и августе пожары уничтожили 8-квартирный дом в пос. Третий Северный и 12-квартирный в пос. Черемухово.

Сентябрь. Создание ООО «СУБР-Интерагент» и ООО «Валенторский медный карьер».

Октябрь. Акции протеста работников МПО «Соцэнерго» против задержек выплаты зарплаты.

Ноябрь. 5-летие конкурса современной хореографии «Класс».

Окончание благоустройства улицы Горняков в микрорайоне Южный.

В муниципальном образовании работают 32 учреждения культуры и образования, 79 творческих коллективов, 4 из них имеют звания «народных» («Рябинушка», «Младешенька», цирковой «Романтики», «Вита»).

1998 год

Январь. Реформа денежных знаков в России. Пересчет всех оптовых и розничных цен на товары и производимые работы.

В СУБРе создана медико-санитарная часть закрытого типа.

Февраль. В честь 400-летия Верхотурья на его стройки отправлено 5 вагонов известняка в качестве благотворительной помощи от СУБРа.

Июль. Прекращение действия рабочего поезда до шахты № 14.

1999 год

Апрель. 65-летие СУБРа. Пятилетие со времени организации музея истории ОАО "Северуральского бокситного комбината".

Июль. Прекращение строительства шахты "Ново-Кальинская". Создание спортклуба СУБРа.

Август. Приезд в Североуральск большой группы известных эстрадных «звёзд»: группы "Любэ" и "Доктор Ватсон", И. Отиева, Т. Овсиенко, О. Газманов, И. Кобзон, Я. Арлазоров и другие.

Декабрь. Завершение основных строительных и монтажных работ на 9-этажном жилом доме. 31 декабря Борис Николаевич Ельцин объявил о своём уходе с поста Президента. Исполняющим обязанности Президента РФ становится В. В. Путин.

2000 год

Март. В СУБРе создается структурное подразделение "Шахта Ново-Кальинская".

Открытие магазина "Каравай" на ул. Ватутина.

Октябрь. Вхождение ОАО "СУБР" в компанию "СУАЛ-Холдинг".

2001 год

Февраль. Возобновление шефских связей коллектива СУБРа над школами и детсадами.

Нина ГАЛЕЕВА

8. СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Подвиг длиною в жизнь Из личного дела № 10-73

Николай Акимович Каржавин

О Николае Акимовиче Каржавине написано много. Есть отдельные издания, есть очерки и статьи в журналах и газетах. Сняты два фильма. Имеются и многочисленные публикации самого геолога, его родственников, товарищей детства, соратников по геологическим поискам. Кроме того, остались рукописи Каржавина, ждущие издания.

В начале семидесятых годов прошлого века после встречи единственной и очень короткой - со знаменитым геологом, у меня родилось намерение написать о нем книгу.

Задача оказалась не из легких. В течение многих лет собирал сведения, прочитал и сделал выписки более чем из 50 источников, встречался с родственниками Каржавина, сокурсниками по учебе в институте, с теми, кто с ним работал. Пришлось поработать в архивах и музеях - тех, где имелись материалы о нем. И, наконец, дважды побывал на родине Николая Акимовича - в поселке Новоуткинске.

И вот в 1994 году в Североуральске вышла моя книга «Земное иго» тиражом 1500 экземпляров. Из этого количества в продажу поступило не более 200 книг, остальные были розданы по школам, клубам, музеям, архивам, отдельным товарищам. Книга стала дополнительным пособием в школах при изучении истории края и другим предметам. В этом очерке, конечно, будут повторения, однако автор старался использовать те материалы, которые остались за бортом книги и других публикаций.

В архиве Свердловского горного института хранится «Личное дело» Н. А. Каржавина за № 10-73. Привожу некоторые данные из этого документа.

Родился Николай Акимович Каржавин 1 мая 1899 года в рабочей семье поселка Новоуткинск. Член КПСС с января 1952 года.

В 1929 году окончил Уральский политехнический институт по специальности горный инженер. Владеет английским языком. Имеет научные труды (с 1932 по 1942 г. их восемь), опубликованные в местных изданиях, а также в «Известиях Академии Наук СССР».

После окончания местной школы и учебы в Ирбитской учительской гимназии некоторое время преподавал в школах. Два года, 1920-1921 г., учился на рабфаке политехнического (горного) института...

Трудовая деятельность как геолога началась в 1929 году. Будучи студентом, был назначен начальником Троицко-Байновской геологоразведочной партии, а через год переведен в более крупное подразделение Синарско-Каменскую партию, где исполнял обязанности заместителя начальника.

На Северный Урал Н. А. Каржавин попал в 1931 году, где стал техруком вновь созданной Турьинской геологоразведочной базы. Однако здесь пробыл недолго. После открытия им месторождения бокситов, названного «Красная шапочка», Николая Акимовича назначили геологом-сыщиком Каменской геологоразведочной базы, а затем на протяжении

трех лет был начальником геологического бюро на строительстве Уральского алюминиевого завода.

И вот снова Северный Урал, село Петропавловское. Это случилось в августе 1938 года: Н. А. Каржавин стал главным геологом Североуральских бокситовых рудников.

Правда, в архивах СУБРа есть книга учета работающих здесь с первых лет. В записи под № 891 значится: «Каржавин Николай Акимович принят на работу 1 февраля 1937 года». Очевидно, в каком-то документе допущена ошибка.

«Личное дело», о котором идет речь, закрыто 1963-м годом. После работы на СУБРе Н. А. Каржавин трудился в Салаирской геологоразведочной партии на Алтае, затем снова Каменск-Уральский, Шабря и с 1960 года Свердловск - старший инженер по бокситам Уральского геологического управления.

После выхода на пенсию пять лет руководил геологическим музеем, откуда из-за обострившейся болезни в 1968 году уволился. В музее он составил подробный «Путеводитель», написал книгу об уральских рудознатцах всех времен, ряд статей. Книга так и не издана до сих пор.

В историко-революционный музей (Старая роща) Н. А. Каржавин сдал 18 личных документов и предметов, в том числе «Диплом Почетного гражданина г. Североуральска», Знак «Лауреата Государственной премии СССР за № 0809, Диплом Лауреата № 7482 от 30 сентября 1962 года, Диплом первооткрывателя месторождения бокситов «Красная шапочка», ордена Ленина, Трудового Красного Знамени /два/, медали. Подарил музею большое количество книг по геологии. После смерти его вдова Е.М. Зиновьева отнесла в тот же музей еще большую партию книг и личные вещи.

Прирождённые горщики

Известный уральский писатель Константин Боголюбов в биографической повести о Мамине-Сибиряке приводит любопытные сведения о том, как появилась фамилия Каржавин. «... В самом центре уральских гор, на рубеже Европы и Азии, раскинулся Висимо-Шайтанский завод... Коренное население - раскольники. На заводе их зовут кержаками, по имени далекого Кержанца - древнего старообрядческого центра. В дремучих висимских лесах спасались они от преследований... Но земля принадлежала Демидовым, а им требовались рабочие руки. Всех принимали на заводы, где их обращали в крепостное состояние. Так было и с кержаками: от неволи бежали и в неволю попали...

При приеме на работу к пришедшим из лесов обращались так:

-Ага, с Кержанца?! Будешь кержак, керженец...

Вскоре слово округлилось, из прозвища перешло в фамилию - Каржавин (есть и Кержавин). Есть сведения, что семья Каржавина (конечно, у них тогда была другая фамилия) вначале жила среди коми-зырян, а позднее - уже представители других поколений - двинулись к заводским поселениям Пермской губернии. Одни трудились на приисках, другие у заводских домен и в шахтах, т.е. становились горщиками.

Об этом пишет сам Н. А. Каржавин в книге «Красная шапочка», изданной в 1975 году издательством «Советская Россия»: «... дед был старателем того классического типа, о котором рассказывали легенды и о которых писал Мамин-Сибиряк... Он мыл пески на реке Ишим, правом притоке Чусовой, а второй дед - отец матери - заведовал шахтой. Не трудно представить, что в семье много говорили о горном деле, поисках различных руд, золотых россыпей.

Родители будущего геолога также трудились на железодельном заводе. Отец, правда, шел по плотницкой части, но тоже работал на заводе, а дядя Василий

непосредственно стоял у домны, и не раз, по настойчивой просьбе маленького Коли, брал его с собой на завод, показывал и рассказывал, как из руды выплавляется металл.

Все это - рассказы в семье о горщиках, экскурсии на завод, весь уклад заводской жизни разжигало у подростка любопытство и формировало в его сознании определенные цели: «а почему бы и мне не стать горщиком, искателем руд?»

В той же «Красной шапочке» Н. А. Каржавин признается: «Любовь к геологическим поискам была заложена в нашей семье не только рассказами о былой деятельности старателей, но и поисками целебных трав и лесной малины. И мне нередко кажется, что именно во время прогулок с матерью я стал впервые геологом-разведчиком».

Семья Каржавиных жила безбедно, и потому Аким Михайлович без возражений согласился отдать сына в церковноприходскую школу. Николай сразу выделился среди учащихся своей прилежностью, интересом ко всем изучаемым предметам, на уроках у него всегда было больше вопросов к учителю, а отвечал он, когда вызывали к доске, уверенно, подробно. И как одного из лучших учеников - это было уже в третьем классе - его включили в экскурсию в город Екатеринбург. Большой город не понравился Николаю: всюду народ, все куда-то торопятся, толкают друг друга, шум, пыль, дым из высоких труб. Но вот посещение гранитной фабрики произвело на мальчика неизгладимое впечатление. Для него это было царство камней.

После окончания в 1912 году школы он не по своей воле оказался в учительской гимназии г. Ирбита. Однако работа учителя его не привлекла. В нем жила мечта о камнях, поисках руд. И когда в Екатеринбурге открылся горный институт, Николай поступил на рабфак, который и готовил абитуриентов для нового вуза. В 1920 году Николай Каржавин стал студентом геологического отделения института, тогда он назывался политехническим. Отсюда началась главная дорога его жизни - геология, отсюда начался путь к бокситам...

У истока бокситовой реки

На первых же лекциях студент Каржавин узнал, что Урал – самый старый промышленный район страны, а вот в геологическом отношении изучен мало. Пока человек берет здесь то, что лежит на поверхности, под ногами.

Слышать такое о родном Урале было обидно. Как же так, рассуждал Николай, известный во всем мире Урал, богатый всеми минералами, а оказывается, изучен так мало и плохо. Это больно задело самолюбие студента, но оно и вдохновляло настойчиво, как говорили тогда, грызть гранит науки.

Николай с детства обладал завидной настойчивостью, упрямством в достижении намеченной цели. Правилком на всю жизнь стал принцип: не откладывать на потом то, что можно сделать сегодня, доводить начатое дело до конца. Обладал он и огромной усидчивостью, поэтому учился, как и в той церковноприходской школе, старательно, настойчиво. Во время учебы в институте Николай Каржавин побывал на практике на золотых приисках и железорудных месторождений.

Но вот оставались еще два года учёбы, а Николай все еще находился на распутье: чему же он, будущий геолог, посвятит свою жизнь: черным металлам или цветным или чему-то другому? Помог в выборе случай, оказавшийся на редкость счастливым.

Среди преподавателей института особым уважением среди студентов, да и во всем коллективе, пользовался Модест Онисимович Клер – сын Онисима Егоровича, который еще в 1870 году основал Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), ставшее одним из самых известных научных обществ в России. Профессор Модест Клер был одним из опытнейших преподавателей, за 40 лет внес большой вклад в геологическую науку Урала, в

изучение и практическое освоение его недр.

В середине двадцатых годов ему поручили собрать и обобщить сведения о запасах и добыче огнеупорных глин в уральском регионе. Объем работ оказался столь большим, что профессор вскоре понял: одному не осилить задание в названный срок, нужен помощник, который мог бы серьезно увлечься темой, трудолюбивый, а главное, с творческой жилкой. М. Клер просмотрел отчеты студентов, побывавших на практике, в командировках, их характеристики и отобрал несколько кандидатов, затем в этой группе остановился на Каржавине. Вызвал его на беседу. Разговор вначале шел вяло. Заняться глинами, пусть и не теми, из которых делают горшки и детские игрушки, а огнеупорными – об этом Николай никогда и не думал. Да и достойно ли геологу возиться с огнеупорными глинами?!

Профессор говорил спокойно, серьезно. Николай сначала слушал рассеянно, думал о другом - о поисках месторождений. Но каких? Цветных металлов? Железных руд? А профессор все говорил и говорил об огнеупорных глинах. Подкупало то, что он доказательно рассказывал о значении огнеупорных глин в развитии металлургии и других отраслей народного хозяйства. Главное в беседе было то, что профессор не давил авторитетом, не требовал. Когда же беседа закончилась, сказал:

- «Подумайте, Николай, неторопливо, а когда созреет ответ, зайдете ко мне».

Несколько дней Николай размышлял о предложении профессора, терзался вопросом: почему именно ему предложил он эту тему? Значит, доверяет, верит в его способности. И Николай дал согласие.

Работали около Каменска, искали огнеупорную глину, так необходимую для строящихся на Урале металлургических предприятий. Однажды рабочие партии позвали студента Каржавина к себе на буровую и показали несколько красновато-бурых камней: что это? Николай долго рассматривал куски, однако сказать, что не может определить, что это за порода, не решился. «Любопытная находка, - многозначительно ответил студент, - я покажу своему руководителю, выскажу свое мнение, потом приду к вам».

Геолог Ф.И. Кандыкин тоже долго рассматривал принесенные Каржавиным образцы руды, потом изумленно воскликнул:

- Да это же бокситовая галька! Вот это находка!

Так Николай Акимович впервые услышал слово боксит. Уже в конце командировки Кандыкин и Каржавин были едины во мнении: та загадочная красноватая порода содержит боксит. Значит он есть на Урале. Надо искать!

В 1922 году Н. А. Каржавина направили на старое Курьинское месторождение огнеупорных глин на речке Пышме. Это была последняя практика, которой руководил опытный специалист по огнеупорным глинам М. С. Волков. Здесь Каржавин начал писать дипломный проект. После утверждения диплома родилась новая мечта: найти на Урале месторождение бокситов.

Начал этот трудный путь в Троицко-Байновкой геологоразведочной партии. Но здесь он открыл ... крупные залежи огнеупорных глин. И все-таки это была первая большая удача молодого геолога, она, конечно, вдохновляла на новые дерзания. Тем более и здесь ему удалось найти выходы бокситов и даже определить направление, куда они идут - все находки указывали на север. Здесь же, в Байнах, произошло еще одно крупное событие в его жизни: он женился. А через год Мария Ивановна, жена Каржавина, подарила ему двойню. Сына назвали Николаем, дочку Маргаритой.

А между тем сама судьба вела Каржавина по бокситовому меридиану - на север. И вот Северный Урал. Здесь организовали небольшую геологоразведочную партию со штабом в

Надеждинские. Геологи искали огнеупорные глины и воду для быстро развивающегося Надеждинского металлургического комбината.

Буровые бригады Николай Каржавин расставил по берегам речек, так как, известно, глины тяготеют к речным долинам. И действительно, вскоре на речке Каменке обнаружили выходы высококачественных глин. Сообщения об этом стали поступать то из одной, то из другой бригад. Анализируя результаты анализов, а, главное, места нахождения выходов глины, установил, что все они тяготеют к Белкинскому увалу. Не забывал Николай Акимович и о бокситах. Во всех анализах огнеупорных глин он останавливал взгляд на графе «Содержание глинозема». Процент его был явно высокий, и чем была находка севернее, тем этот процент выше. Опять этот север!

Но вот закончены работы на Белке. Найденное Каржавиным месторождение огнеупорных глин утвердили, назвав его Белкинским. Теперь-то он пойдет с бригадами севернее Белки, где-то там, в таежных далях, должна быть бокситовая кладовая.

Однако планам этим не удалось сбыться: Николая Акимовича вдруг направили на шестимесячные курсы в Керамический институт, что в Ленинграде. Не хотелось уезжать из Надеждинска, расставаться с молодой женой, с детьми - такими симпатичными близняшками! Но ... приказ не обсуждают, его выполняют.

Поездка в Ленинград, признается позднее Н. А. Каржавин, обогатила его знаниями о происхождении огнеупорных глин и боксита. Особенно большую пользу принесли лекции знаменитых В. И. Вернадского и В. Е. Ферсмана. Там же, в Ленинграде, у Каржавина окончательно созрело решение: остаться на Северном Урале и заняться исключительно поисками бокситов. Потребность же в них для алюминиевых заводов растет с каждым годом. Его уже сейчас не хватает заводам, а ведь планируется строительство новых.

Н. А. Каржавин вернулся в Надеждинск. Но прежде чем начать какие-то практические шаги к поиску бокситов, он собрал все сведения об этой еще малоизученной породе. В мае 1931 году организовали геологоразведочную базу с центром в поселке Турьинские Рудники. Начальником утвердили опытного геолога В. К. Чулочникова, а Каржавин стал техруком. Сюда же направили и П. А. Хошенко, который помимо основной работы возглавил партийную организацию.

Чтобы не терять зря времени - ведь уральское лето коротко - быстро сформировали несколько буровых бригад, набрали шурфовщиков. Перед всеми коллективами поставили задачу: искать бокситы. Известили об этом и других поисковиков, в частности, Богословского рудоуправления, занимающихся поиском железной руды. Ответственным за поиски бокситов назначили Н. А. Каржавина, ему, как говорится, и отдали все карты в руки. Чтобы ускорить поиск, Николай Акимович решил вести бурение одновременно в нескольких местах между Белкой и Богословском (г. Карпинск).

Особенно Каржавин рассчитывал на лучшую бригаду, потому и поставил ее, как он полагал, на самое надежное место - недалеко от железнодорожного вокзала в Богословске. Ежедневно бывал в каждой бригаде, внимательно изучал анализы. Около Богословска попадались лишь отдельные гнезда боксита. И по согласованию с начальником В. К. Чулочниковым привёл эту бригаду ближе к Белкинскому месторождению огнеупорных глин, только что открытого им. Из первых же скважин извлекли твердую породу темно-красного цвета, и попадалась она тем чаще, чем глубже уходил буровой инструмент.

Николай Акимович едва сдерживал свою радость: значит, надо идти севернее Белки. В эти дни он решил побывать на всех ближайших рудниках, где имеются коллекции образцов руд, взятых ранее работавшими здесь искателями. Особенно богатой коллекцией славился

Воронцовский рудник. Геолог рассматривал не только сами образцы, но и интересовался анализами, завел учет всех находок боксита и наносил их на специальную карту. И все они вели на север, как бы подсказывали геологу: иди за нами!

Как-то на базу приехал из Богословского рудоуправления геолог А. К. Бруштейн. Каржавин встретился с ним, рассказал о планах и тут же попросил сообщать ему о находках боксита в его партиях. Вскоре к Каржавину приехал десятник того рудоуправления Казанцев Сергей Иванович и показал образец руды, взятой из разведочного шурфа № 2562 с глубины 15,6 метра, что находилось около Воронцовского рудника. Николай Акимович долго рассматривал кусок породы, который даже без анализа можно было назвать бокситоносной.

Затем сообщения о подобных находках стали поступать почти ежедневно из рудоуправления. Снова к Каржавину приехал геолог А. К. Бруштейн и сообщил, что его коллега из Покровского рудника П. А. Починегин, работая недалеко от села Петропавловского, нашел в отвалах бывшего походяшинского завода куски породы, похожие на железную руду. Николай Акимович попросил поискать в бумагах рудника анализы этой руды. Вскоре такая бумага была в руках Каржавина. В руде оказалось 47% глинозема, а железа всего 2,83%.

Ну, конечно же, это настоящий боксит! И тут Николая Акимовича осенило: в Турьинских Рудниках есть Федоровский музей, где собраны, помимо предметов и бумаг, и образцы руд, которые дарили музею все геологи, работавшие здесь в разное время.

Немедленно туда!

В музее Николаю Акимовичу сказали, что в фондах хранится 110 тысяч образцов руд. Посетитель схватился за голову: чтобы только перебрать их, потребуются многие месяцы. Даже если брать только красные и темно-коричневые - таких тоже не менее 50 тысяч. Но он так загорелся, что не взирая на трудную задачу, взялся за дело.

Каржавину снова крупно повезло. На работу в музей, после окончания местного горного техникума, прислали Маргариту Васильеву. Начальник базы В. К. Чулочников тоже побывал в музее, встретился с Маргаритой и сказал, чтобы она помогла геологу Каржавину в поисках необходимых образцов руд и их анализов. Маргарита оказалась на редкость отзывчивой и энергичной - сразу же взялась за дело. Николай Акимович показал, какие руды его интересуют, а потом попросил найти в архиве отчеты геологов за 1898 год и анализы руд, которые были взяты ими на Благовещенском месторождении железных руд, что около Петропавловского села.

- Задача оказалась не из легких, - вспоминала впоследствии Маргарита Александровна Смышляева (Васильева). Пришлось перебрать десятки тысяч образцов, просмотреть горы бумаг. Но я сразу почувствовала важность дела, и мне захотелось как можно быстрее справиться с просьбой геолога. Каржавин весь день мотался между буровиками и шурфовщиками, а вечером приходил в музей и работал, работал, иногда даже засыпал около ящиков.

Через несколько дней Маргарита нашла бумаги, которые так нужны были Каржавину - выкопировки 16 шурфов Благовещенского железорудного месторождения, а вскоре обнаружила и анализы пород, взятых из этих шурфов.

В порыве безмерной радости Николай Акимович, просмотрев документы, прямо-таки на глазах посетителей расцеловал молодую сотрудницу и, выпуская ее из своих объятий, воскликнул:

-Да вы, Маргарита, чудо совершили! Чу-до!

Каржавин отобрал сначала 50 образцов, потом, перебрав их, остановился на 14. Их и

послал в химическую лабораторию Надеждинского металлургического завода. Ему так нетерпелось узнать анализы, что, не дожидаясь официального ответа, он передал несколько камней лаборанту Турьинской базы Д. И. Шадрину, который за многие годы работы здесь накопил большой опыт. Наконец, пришел ответ из Надеждинска. Из 14 присланных камней 8 оказались высококачественным бокситом. Когда же Каржавин сравнил эти данные с теми, что выдал Д. И. Шадрин, они с завидной точностью совпали.

Стало совершенно ясным: бокситы надо искать в районе села Петропавловского.

В Петропавловское село Н. А. Каржавин отправился с Е. П. Молдавцевым, оказавшимся как раз в Турьинских Рудниках и направлявшимся в Ивдельский район для продолжения изучения его геологии. Молдавцев тогда работал старшим геологом Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. Сопровождать геологов на старые выработки в Петропавловске взялся лесник Павел Петрович Ожегов, хорошо знавший окрестности и не раз бывавший в том месте. По пути он рассказывал спутникам, что местные жители ходят туда за красной глиной, которой красят столыры свои изделия, а также заборы, печи, двери и др.

- Очень она стойкая! - уверял лесник.

Вышли на плоскую возвышенность, посредине ее росла огромная лиственница, а вправо от нее, у мелколесья, виднелись груды камней. Это и были старые шурфы и выработки, у которых бывал известный уральский рудознатец Григорий Посников.

Далее привожу выдержку из книги «Красная шапочка»:

«В штабеле я увидел, - пишет Николай Акимович на странице 95, - типичные шаровые образования красного боксита... И тут невольно возникла мысль назвать месторождение «Красная шапочка». Именно под этим названием месторождение известно во всем мире».

Теперь предстояла предварительная, а затем детальная разведки месторождения. Уже в начале 1932 года Каржавин составил предварительный отчет, а весной того же года получил разрешение на детальную разведку. Но вот беда: денег на это не дают. Чтобы ускорить дело, Николай Акимович сам отправился в Москву и добился-таки выделения необходимой суммы. Работы на месторождении начались.

А далее начинается история строительства рудников, составившие затем крупное предприятие - Североуральские бокситовые рудники (СУБР), являющееся ныне одним из мощных в мире.

Страсти вокруг открытия

Почти сразу же после заявки Н. А. Каржавина об открытом им месторождении и поэтически названным «Красная шапочка» начались разговоры, а затем и публикации в газетах, что, собственно, никакого открытия месторождения не было. Каржавин отправился в Федоровский музей, отыскал там камни, взятые с Благовещенского месторождения, послал на анализ, а когда анализ подтвердил, что в тех образцах породы высокий процент глинозема, объявил об открытии месторождения. Легко и просто!

Да, Николай Акимович с помощью Маргариты Васильевой обнаружил образцы руды, взятые с Благовещенья, а Васильева нашла необходимые документы. Да, Каржавин послал отобранные из многих тысяч образцов камни на химический анализ. Лаборатория подтвердила: в присланных образцах высокий процент глинозема. Так что Николай Акимович в музее открыл не месторождение, а бокситы как минерал.

До него на протяжении двух столетий тут побывало немало рудознатцев и опытных геологов, в том числе такие крупные специалисты как Е. С. Федоров, В. В. Никитин, Е. Д. Стратанович и другие, но все почему-то не додумались сделать пробам химический

анализ или не обращали внимания на процент содержания в них глинозема и кремния. И все считали, что это железистые руды с низким процентом содержания металла. А немецкий химик, ознакомившись с образцами, взятыми с того месторождения, признал их яшмой.

Каржавин, вооруженный знаниями и опытом, полученными в ходе учебы и особенно на многочисленных и длительных практиках, целеустремленно и неудержимо шел к намеченной цели: найти бокситы. Конечно, используя сведения о них, добытые предыдущими искателями. И путь к ним начался не в Федоровской «каменной библиотеке», а еще во время учебы в институте и практик. Так, участвуя в разведке Курьинского и Троицко-Байновского месторождений огнеупорных глин, пытливый геолог обратил внимание на то, что восточнее и севернее границ этих месторождений часто попадаются розовато-серые породы, которые нельзя было назвать глиной или железистыми образованиями. В сознании Каржавина всё четче оформлялась догадка: это ещё не боксит, но разновидность его, а настоящий боксит надо искать на восточном склоне Уральских гор, особенно в их северной части.

Называют первооткрывателем бокситов Григория Посникова, который, действительно, побывал там раньше других. Но он объявил это месторождение железистым. Надо полагать, и до него тут были самодеятельные искатели - рудознатцы. И, конечно, совершенно абсурдно утверждать, что Посников первый в мире открыл бокситы. В его время этого слова в России еще не знали. Оно родилось во Франции в 20-е годы 19 века.

Особенно разгорелись страсти вокруг «Красной шапочки», когда за ее открытие в 1946 году Н. А. Каржавину, а также И. А. Любимову, Д. В. Наливкину, А. В. Пейве, П. И. Савченко, Д. И. Смирнову и А. Н. Ходалевичу присвоили Государственную премию СССР.

А Николаю Каржавину вручили почетный знак «Первооткрыватель месторождения». Нашлись претенденты на первооткрывательство.

Упомянутый в начале очерка А. К. Бруштейн, геолог Покровского рудника, даже подавал в суд. Как рассказывала жена Каржавина, Е. М. Зиновьева, в присвоении звания Лауреата и первооткрывателя ему отказали, но какую-то часть денег выплатили.

Некоторые авторы допускают ошибку о месте нахождения «Красной шапочки», утверждая, что месторождение находится на правом берегу Ваграны и что выходы бокситов Каржавин обнаружил в обрывах реки. Кстати, эти грубейшие ошибки, оскорбляющие память геолога, допущены и в некрологе, напечатанном в городской газете «Правда Севера» в марте 1974 года.

В отчетах, а также в книге «Красная шапочка» (стр. 89) Н. А. Каржавин пишет, что «Красная шапочка» находится на левом берегу Ваграны, а на странице 96 продолжает: «На Урале нет выходов /бокситов - Б. Золотарев/ в береговых отложениях».

И немного о названии месторождения. Споры идут до сих пор.

Первое. На самом возвышенном месте старых выработок росла огромная лиственница, видная со всех сторон издали. Осенью, когда дерево одевается в золотисто-охристый плащ, вся гора кажется красной, особенно когда освещена низким осенним солнцем.

Второе. На той возвышенности росло много Иван-чая. В разгар цветения, и тоже особенно в солнечный день, она выглядела красной.

Третье. Местные жители брали из старых выработок красно-охристую глину, которую широко использовали в хозяйственных нуждах - красили заборы, двери, а столяры утверждали, что из глины той получается очень стойкая краска.

Все эти названия, рожденные народом, конечно, имеют право на жизнь, они свидетельствуют об одном - о гордости местного населения, о красоте природы родного края.

Попутно коснусь и выражения «Серебряный меридиан». Оно тоже, хотя и косвенно, но связано с бокситами.

Когда появился алюминий, его называли глиняным серебром, и ценился он даже выше золота. Ведь алюминий по внешнему виду похож на серебро. Ну а меридиан - это известное географическое понятие. Все находки бокситов находятся около 60-го меридиана. Вот и получился Серебряный меридиан.

Точнее было бы назвать бокситовым, но то была бы проза. «Серебряный меридиан» - это поэтический образ.

Воспоминания и публикации о Николае Акимовиче Каржавине

Автор встречался со многими людьми, которые жили, учились, работали с Николаем Акимовичем, переписывался с его родственниками и знакомыми, коллегами. Высказывания их, а также публикации в журналах и газетах - хорошее дополнение к образу человека, прославившего своими геологическими открытиями родной Урал, свое Отечество.

«Мне трудно написать полную характеристику своему отцу. Дело в том, что с детства, помню, редко приходилось видеть его в доме.

Он всегда был в отъезде - работал в геологических экспедициях. Очень запомнились его поездки на лошади к горе Денежкин Камень, оттуда он возвращался с огромным количеством камней - образцов пород. И столько, сколько я его помню, всю жизнь были бесконечные отъезды и приезды. Он был человеком исключительно преданным своему делу, труду, своей геологии. До поздней ночи в нашем доме горел свет: это отец работал с привезенными материалами. Мама моя часто говорила, что семьи для него не существовало. Он знал только свою геологию. Это был, очевидно, упрек и справедливый, но, наверное, и у нее в душе была к нему снисходительность, так как я помню, с какой гордостью она говорила о нем... Мне кажется, у него не было свободного времени. В доме часто были гости. Кто бы это ни был, отец с увлечением и азартом заводил с ним разговор о своих геологических делах».

Маргарита Николаевна Мицкевич, г. Макеевка Донецкой области. 20 июня 1982 г.

«Мама выговаривала отцу, мол, тебя и дети-то твои не запомнят, как следует в лицо. Встретитесь где-нибудь на улице, и не узнают тебя, пройдут мимо».

Из другого письма Маргариты Мицкевич, дочери Каржавина

В 1939 году состоялся первый выпуск в средней школе. Тогда это был еще не город, а просто село Петропавловское с субровским поселком. Школа как раз находилась в том поселке.

На торжества пригласили Каржавина Николая Акимовича с женой Марией Ивановной. Весь вечер они и были в центре внимания коллектива учителей и выпускников. Он увлеченно рассказывал о профессии геолога, о своих открытиях, а также о будущем села, уверенно заявив, что скоро здесь будет большой прекрасный город, будут ходить пассажирские поезда, летать самолеты, появятся благоустроенный многоэтажные дома, кинотеатр и прочее.

Николай Акимович охотно танцевал с любым, кто его пригласит, а также с женой, пел известные мелодии, шутил.

Наверное, под впечатлением того яркого выпускного вечера и рассказов Николая

Акимовича о своей профессии и будущем села-города почти все выпускники связали свою жизнь с Североуральском.

Николай Акимович работал на СУБРе, и его знали в лицо все взрослые и дети села и окрестных поселков. Больше всего его видели в рабочей одежде: больших сапогах, брезентовом плаще, всегда куда-то спешившим. Знаю, с работы он возвращался поздно и все равно еще долго не ложился спать - работал и работал. Это был в полном смысле этого слова великий труженик.

Клавдия Игнатьевна Савельева, бывшая работница Черемуховской ГРП. 12 июля 1981 г.

Семья Каржавина и наша жили в одном доме по улице Циолковского, поэтому встречались ежедневно. Был очень подвижный, энергичный, порывистый, говорил быстро, по характеру вспыльчивый, но если убеждался, что поступил неправильно, извинялся...

Роста среднего, черноволосый. Некоторые хорошо знавшие его утверждали, что в нём течёт кровь зырянина. Например, Петр Андреевич Хошенко, работавший с ним многие годы, рассказывал, что нередко, придя домой с работы, он брал на руки свою жену-красавицу и носил ее по квартире, а она, поглаживая его по голове, приговаривала: «Мой ты любимый зыряночек».

Было у него прозвище «Рыжий шаман». Рыжим он не был. Дело в том, что он рано облысел, и его широкая плешина ото лба до затылка имела розоватый цвет, и на ее фоне и лицо казалось красноватым. А шаманом потому, что ему, действительно, во многом везло, он был удачливым, прозорливым. Какую бы цель ни поставил перед собой, обязательно добьется, достигнет ее. Но, конечно же, ничего колдовского, шаманского, тут не было. Просто помогали настойчивость, напористость, трудолюбие и отличное знание своего дела.

Есть кинокартина «Человек, которому везло». В ней, правда, не называется имя героя, но образ явно списан с Каржавина. Фильм поставил киевский режиссер Ершов, отец которого работал геологом. Вот и решил увековечить его имя. Картиной особенно недовольны были уральские геологи, они добились, чтобы ее сняли с экранов кинотеатров, так как грубо искажала сам образ геолога и обстоятельства открытия месторождения.

Но вот прозвище он все-таки в чем-то оправдывал. В его биографии есть немало удивительных удач и предсказаний. Вот один из таких примеров.

На детальной разведке «Красной шапочки» работала бригада шурфовщиков Кузнецова. Закончив проходку очередного шурфа, бригадир пошел к Каржавину, который как раз находился на этом участке, чтобы узнать, где бить новый шурф. У Николая Акимовича не оказалось с собой карты-сетки, к тому же он очень спешил: надо обойти все бригады, так как вечером должен ехать в Москву. Чтобы не сконфузиться перед рабочими, Николай Акимович махнул рукой бригадиру:

- Идем!

Какое-то время они ходил по площадке, останавливались, Каржавин о чем-то вслух рассуждал, затем вдруг ткнул пальцем себе под ноги:

- Тут шурфуй! Тут!

А уходя, добавил:

- Найдешь боксит, дашь мне телеграмму в Москву. Вот адрес и деньги.

Шурфовщики дружно посмеялись, но тут же приступили к делу.

И вскоре, действительно, наткнулись на мощный пласт боксита. И пришлось бригадиру Кузнецову давать телеграмму в Москву.

Семен Евменович Зайцев, нормировщик стройуправления. (Из беседы 6 сентября 1979 г.)

«Образ Каржавина сложно составить. Это был неутомимый трудяга, не только гордившийся своей профессией, но и предельно преданный ей. И как человек добрый, душевный, правдивый, бескорыстный товарищ. Был он неунывающим, мог составить компанию искренне веселых людей.

Не терпел он скучных, корыстных людей и лентяев. И если в коллективе, которым он руководил, оказывались таковые, избавлялся без сожаления.

Большую часть рабочего времени Николай Акимович находился в поле, на площадках разведочных работ. В конторе и за бумагами его можно было увидеть ранним утром или поздним вечером либо ночью. Приходил он на участок обычно раньше всех и уходил последним».

Федор Петрович Ушаков, геолог-инженер, г. Свердловск, октябрь 1980 г.

Мне хочется дать пояснение к публикации в книге «Североуральский ордена Ленина...», вышедшей в Свердловске в 1970 году. Книга посвящена СУБРу. В ней, на странице 82, составитель сборника Григорий Варшавский утверждает, что месторождение бокситов открыл А. К. Бруштейн.

Это не так. Геологи Покровского рудника в районе Петропавловского села вели поиски железной руды с более высоким содержанием металла. Недалеко от бывшего завода М. М. Походяшина геолог П. А. Починегин нашел кусок породы, не характерный для железорудного месторождения, и передал его старшему геологу Богословского рудоуправления А. К. Бруштейну, который решил произвести анализ породы. Данные оказались неожиданными: в руде было 47,43 процента глинозема, а окиси железа всего 2,83 процента. Значит, это не железная руда! На этом действия Бруштейна закончились.

Кроме Починегина подобные куски руды обнаружил и мастер С. И. Казанцев, затем о подобных находках сообщали и другие геологи и шурфовщики. Все находки показали Каржавину. И пылкий геолог решил, что бокситы надо искать в районе села Петропавловского. Но прежде он отправился в Федоровский музей.

Хошенко Петр Андреевич, Краснотурьинск, 1979 г.

Примечание. Это выдержки из письма П. А. Хошенко, первого начальника Петропавловского геологоразведочного отряда в 1931-1936 годах. Его письмо в сокращенном виде опубликовано в городской газете «Правда Севера», после чего автор сдал письмо в Североуральский горком КПСС.

П. А. Хошенко подробнейшим образом изложил историю открытия «Красной шапочки», назвал даже такой факт: П. А. Починегин вел дневник, в нем сделал запись и о находке того куска породы, который передал Бруштейну. Сам Починегин погиб на полях сражения во время войны в 1943 году. Дневник тоже, утверждает Хошенко, сохранился в семье.

«С Николаем Акимовичем мы прожили 15 лет. Прожили в дружбе, согласии, взаимном уважении. Сошлись, когда он овдовел, а я потеряла мужа на войне.

Жили скромно, никаких дорогих вещей в квартире не имелось. Основное богатство наше - камни. Они лежали повсюду - в шкафу, на столах, подоконниках, т.е. где имелось свободное место. И еще множество книг, различных подарков от организаций, его соратников, знакомых и незнакомых.

Николай Акимович, например, очень гордился подарком челябинских геологов, которые преподнесли ему мощного зубра, вылитого из металла Каслинскими мастерами. Было в изваянии быка нечто общее с Каржавиным: сила и мощь, напористость и

уверенность.

Наша небольшая квартирка была всегда полна гостями - это геологи из разных мест приезжали в Геологическое управление в командировку или по другим делам, и каждый обязательно заходил в дом № 111-б по улице Малышева. Мы всех принимали. Николай Акимович угощал любого /конечно, не пьянствовали/, много говорили о геологии, различных случаях из жизни поисковиков. Засиживались обычно далеко за полночь. Никого Николай Акимович не отпускал в гостиницу.

- Вот вам диван, - любезно говорил Каржавин, - На нем оч-чень крепко спится, говорил он гостю.

В 1973 году Николай Акимович очень плохо себя чувствовал и решил все-таки посетить родной Новоуткинск. Я поехала с ним. Долго ходили по кладбищу, где Николай Акимович поклонился родным могилам, затем посетили в поселке оставшихся родственников, знакомых, побывали в школе, подарил несколько книг и картину, долго беседовал с преподавателями и учащимися.

В следующем году 14 марта 1974 года он умер. Даже в день смерти произошло нечто шаманское. Я позвонила в Геологическое управление, сообщила скорбную весть и попросила помочь отправить труп в больницу. В кабинете Олега Александровича Ткаченко - я как раз к нему попала - оказался геолог из Североуральской экспедиции Иван Григорьевич Можжерин, который не раз бывал у нас, был хорошо знаком с Николаем Акимовичем. Вот Олег Ткаченко и Иван Можжерин и приехали на квартиру, помогли мне. Так по воле какой-то колдовской силы, в числе людей, провожавших Николая Акимовича в последний путь оказался североуралец, да еще коллега по профессии.

На похороны приезжала дочь Каржавина Маргарита Мицкевич, а сын даже не ответил сразу на телеграмму.

Елена Михайловна Зиновьева (Из беседы с ней 7 мая 1981 г., а так же из её писем)

«Пытливого исследователя всегда привлекают проблемы, разрешение которых не давались многим его предшественникам. Начиная с 20-х годов прошлого века, каждые 20 лет подвергалось детальному исследованию геологов Благовещенское месторождение. Геологов привлекали красные, каменистые и рыхлые руды, не поддающиеся плавке в доменной печи. Не было ясно, из чего состоят образующиеся в рудах оплавленные шары... Материалы архивов, старые геологические карты, многочисленные коллекции давали один ответ: это убогие железные руды...

Геолог Каржавин всю жизнь помнил слова своего товарища геолога А. Н. Иванова: «Не спешите с выводами. В этом мудрость ученого». Следуя этому правилу, Каржавин пытливо изучал данные разведок месторождения, в которых участвовал, а затем коллекции рудников и Федоровского музея... И вот сделал открытие...

О «Красной шапочке» сразу заговорили во всем мире. Английские и французские геологи, например, считавшие себя большими знатоками бокситовых провинций, называли месторождение фантастическим.

Из книги С. С. Гарина «Друзья-уральцы» Свердловск, 1955г.

«Заслуги Н. А. Каржавина состоят ещё и в том, что он после открытия «Красной шапочки» более десяти лет возглавлял геологоразведочные работы в Североуральском районе и доказал его перспективность и огромное значение для развития производства алюминия в нашей стране.

Николай Акимович навсегда останется в нашей памяти как человек, положивший

начало развития Североуральского бокситового рудника и города Североуральска.

Из некролога, «Правда Севера» март 1974 г.

Николай Акимович Каржавин любил Североуральск. Где бы ни жил, он находил время побывать в нем. Наш город он считал своей второй родиной и гордился этим. Приезжал в Североуральск на различные торжества, юбилеи. Например, он выступил на торжественном заседании в клубе «Строитель», посвященном 20-летию города (ноябрь 1964г.).

На протяжении многих лет дружил с ребятами школы № 8, в каждый приезд дарил книги, картины, образцы руд, а в один из последних приездов подарил рукопись книги об уральских рудознатцах всех времен. Учитель географии П. П. Мартынова организовала специальный кабинет, в котором и разместили все подарки знаменитого геолога.

Большая дружба у Н. А. Каржавина была с художником СУГРЭ Иваном Орловым. Они постоянно переписывались. Иван Акимович нарисовал большой портрет Каржавина и намеревался подарить его местному музею. Для этого нужна была хорошая рама. Заказал ее опытному столяру и передал полотно. Но случилась беда: ночью в помещении столярки возник пожар, в нем погибли картина и сам мастер-столяр... Осталась лишь фотография этой картины.

Н. А. Каржавина несколько раз выступал в городской газете.

Последний раз он посетил наш город в конце 1970 года. Привез большую обстоятельную статью, как была открыта «Красная шапочка» - это был ответ на публикацию в книге «Североуральский ордена Ленина». В очерке Г. Варшавского была грубо искажена история поиска и открытия месторождения бокситов, которую вел Н. А. Каржавина.

Статья, однако, не увидела света, застряла в горкоме партии. Тогда уже у него появилось твердое намерение написать книгу. Рукопись не приняли в Свердловске, Каржавин предложил издательству «Советская Россия». Книга под названием «Красная шапочка» вышла в 1975 году, когда её автора уже не было в живых.

Не забывал Николай Акимович и свой родной поселок Новоуткинск. Здесь в школе № 26 еще при жизни Николая Акимовича открыли музей его имени. Николай Акимович подарил музею много книг, фотографий, образцов руд, картин и других вещей.

Николай Акимович до последних дней вел активную жизнь, если позволяло здоровье, ездил, ходил, вел большую переписку со знакомыми, разными организациями, готовил к публикации новые рукописи, встречался с журналистами...

Таким он - энергичным, активным, добрым человеком - и остался в памяти североуральцев. А самый значимый памятник себе он поставил сам - открытое им месторождение «Красная шапочка» и сам город Североуральск. Есть в городе и улица его имени.

Борис ЗОЛОТАРЕВ

Навечно в истории

В конце декабря победного сорок пятого года на станции «Красная шапочка» с поезда сошел стройный молодой мужчина с тощим солдатским вещмешком за плечами. Вышел из вагона и долго не мог двинуться дальше. Вроде и места знакомые, а не узнаю. Как они преобразились?! Уезжал из таежного села Петропавловского, а вернулся в город... И радостно стало на душе: значит, дел тут много, некогда будет отдыхать...

Этим человеком был Василий Мартемьянович Беляшов, вернувшийся с войны. Уже

через несколько дней бывший солдат пришел в отдел кадров бокситового рудника, где начинал трудиться еще в 1935 году. Его приняли на работу в бухгалтерию «Алюминьпродснаба». Сменил здесь несколько должностей и все по счетной части, а в 1958 году перешел в трест «Бокситстрой». Здесь трудился тоже в бухгалтерии вплоть до выхода на пенсию в 1974 году.

Василий Мартемьянович с первых лет жизни в городе стал довольно известной личностью. По образованию агроном-полевод (закончил заочно Красноуфимский сельскохозяйственный техникум), он стал зачинателем и организатором многих полезных общественных дел, в которых сам был живым примером. Построил свой дом (еще до начала войны), завел корову, занялся огородничеством, затем садоводством и пчеловодством. Часто выступал в областной газете «Уральский рабочий» и в городской «Правде Севера», в которых уверенно доказывал, что и в наших суровых климатических условиях можно выращивать помидоры и другие овощи. И подтверждал это данными из опыта в личном хозяйстве.

«Помнится, - писал В. М. Беляшов в своей книге «Вечная боль», изданной в Североуральске в 1991 году, - меня тогда останавливали на улице знакомые и совсем незнакомые люди и расспрашивали подробно, как выращивать, скажем, помидоры, где взять семена. Я никому не отказывал, помогал советами и делами». И томаты в городе стали выращивать многие. А в 1956 году организовали первую выставку овощей и плодов, выращенных в хозяйствах горожан. Огородничество стало массовым. Следующим этапом стало садоводство. По инициативе В. М. Беляшова здесь создали общество садоводов, которым он руководил бессменно более десяти лет. Самыми известными садоводами в городе были А. А. Павлов, А. П. Дрегваль, В. А. Казенин. Некоторые из них участвовали в областной выставке садоводов.

В 1955 году в городе заложили первый коллективный сад. В организации его на первых этапах активно участвовал В. М. Беляшов. В саду и на усадьбах многих горожан появились ирга, которую долгое время называли почему-то американской рябиной, различные сорта яблонь, смородины, крыжовника, калины. А потом задумал энтузиаст заняться пчеловодством. Завел несколько пчелосемей. В первый же год получил мед. Расширил свою пасеку, помог обзавестись пчелами пожелавшим заняться этим новым делом, научил их ухаживать за пчелами. С годами количество пчеловодов в городе росло. Летом они вывозили своих пчёл в тайгу, поближе к речкам и лугам, где много цветущих трав. К 1977 году в личных хозяйствах горожан имелось 510 пчелосемей.

О своей пасеке Василий Мартемьянович дал такую справку. За 20 лет, с 1963 по 1983 год, он собрал 38 тонн меда, из этого количества на подкормку пчел ушло 10 тонн, остальные 28 на нужды семьи и на продажу. Своими опытами энтузиаст доказал, что и в суровых условиях Северного Урала можно выращивать любые овощи, заниматься садоводством и пчеловодством. Было бы желание да старание.

Большой вклад Василий Мартемьянович внёс и в озеленение улиц города. Появление лиственничной аллеи на улице Мира, ставшей визитной карточкой Североуральска, связано с Беляшовым. На этой улице (тогда она называлась по-другому) начали было сажать тополя, но вмешался в дела бухгалтер треста В. М. Беляшов. Он несколько раз побывал в горсовете и горкоме партии, горячо доказывал, что тополь лет через десять летом затопит улицы пухом, осенью листвой, а проживёт это дерево не более 40-50 лет. И предложил украсить улицу лиственницей, которая в несколько раз живет дольше, она более характерная для Северного Урала. Его план приняли не сразу. Нашлись и сторонники, и противники. Но, в конце

концов, приняли план Беляшова.

Работы на аллее начались в 1958 году. Весной высадили 41 дерево, а осенью 167. Их брали в возрасте 20–25 лет, стараясь подобрать одинаковые по высоте, привозили из леса в районе станции Бокситы. Корневую часть с материнской землей заключали в металлические вазоны, а на месте высаживали так, как дерево росло в лесу, относительно сторон света. Василий Мартемьянович участвовал во всех работах: выемке с мест, перевозке, а затем высадке на новом месте, сам поливал, подкармливал молодые саженцы. Посадка производилась также по его схеме. Работы велись с соблюдением всех правил, поэтому почти все деревья быстро принялись, пошли в рост, заменить пришлось лишь некоторые.

Теперь аллея - гордость североуральцев, это ворота в город, его визитная карточка. Всякий приезжающий попадает на привокзальную площадь, и перед его взором открывается изумительная картина - кусочек тайги, рукотворное диво.

Выйдя на пенсию, В. М. Беляшов вскоре уехал жить в Свердловск (ныне Екатеринбург), где тоже продолжал заниматься садоводством и пчеловодством. Для этого купил усадьбу в Шалинском районе. Он часто приезжал в Североуральск, встречался со старыми друзьями, обязательно навещал своё детище - лиственничную аллею, любовно оглядывал каждое дерево, радовался, что таежные новоселы хорошо прижились на городской улице.

Есть старая притча: мужчина за свою жизнь должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево. Василий Мартемьянович полностью выполнил завет древних: построил дом, вместе с женой Марией Александровной вырастили и воспитали трех сыновей и дочь. И вот посадил... целый лес - лиственничную аллею. Это память на долгое - долгое время, заметный след. Имя Беляшова навечно вписано в историю Североуральска.

Умер Василий Мартемьянович 10 ноября 2004 года. Ему шёл 91-й год.

Борис ЗОЛОТАРЕВ

Учитель, воин, дипломат

Жизнь Петра Павловича Борисова чрезвычайно богата фактами не только сузубо личными. Ему посчастливилось участвовать в событиях, известных всему миру, встречаться с историческими личностями. Сам он считал, что его жизнь сложилась удачно. Но это «удачно» - не простое везение, не «перст судьбы», а результат того, что человек сам строил свое счастье, настойчиво шёл к мечте. А мечтал он... Впрочем, начнем с первых шагов его жизни.

Петр Борисов родился в июне 1915 года в семье старателя таежного села Всеволодо - Благодатского. Здесь вскоре после установления Советской власти открыли начальную школу. Петя Борисов с радостью пошел в неё и все четыре года шел в числе лучших учеников, его успехи в учебе и примерное поведение отмечены «Похвальными грамотами». После окончания школы родители стали говорить, что, мол, писать - считать научился и довольно этого, можно впрягаться в рабочую лямку. Но парень мечтал не о такой лямке – ему хотелось знать ещё больше, стать учителем, чтобы просвещать детей таежников. И настоял на своём: родители согласились:

-Ладно! Коль хочется - учись и дальше.

До ближайшей школы-семилетки было более 40 километров. Родители посчитали: это остудит его желание. Но Петя рос настырным, сильным и смелым.

- И буду ходить! - твердо заявил он отцу и матери.

Так в 1930 году в ивдельской школе появился в пятом классе новичок из далекого села Петр Борисов.

Да, было нелегко. Каждую неделю пешком с солидным заплечным мешком с продуктами, учебниками и прочими вещами шагать более сорока верст, а выходной день столько же обратно. Петра это не пугало. И так три года, каждую неделю, каждый месяц, каждый год.

Но вот и закончилась учеба - сделан еще один шаг к мечте. А потом был Свердловский учительский институт, и его закончил блестяще. По распределению он попал в город Серов, где определили учителем истории в школу № 22. Однако вскоре его перевели в Пермский сельскохозяйственный институт, где преподавал основы марксизма - ленинизма.

Осенью 1939 года Петра Борисова призвали на службу в Красную Армию. Стал он танкистом, служил в далекой Монгольской Народной Республике.

В первый же год Великой Отечественной войны танковый полк, в котором служил сержант П. Борисов, направили на фронт. Он командовал танком, участвовал во многих крупных сражениях, в том числе под Смоленском, где было разгромлено крупное танковое соединение немцев под командованием известного генерала Гудериана... Был ранен, удостоен около 20 государственных наград. Войну П. П. Борисов начинал сержантом, а окончил в звании майора, работником штаба.

1945 год стал памятным для П. П. Борисова не только как год Великой Победы, но и новой ступенью в его жизни. Бывший воин, офицер штаба уже ждал приказа об увольнении в запас, чтобы уехать на родной Урал и продолжить работу в школе. Но ему неожиданно предложили поехать на учебу... в Высшую дипломатическую школу при Министерстве иностранных дел СССР. Словом, это был приказ, который, как известно, не обсуждают, а выполняют. И вместо того, чтобы учить молодежь, Петр Павлович сам сел за парту.

Наконец учеба закончена. Молодого дипломата - это тоже явилось большой неожиданностью - направили в Секретариат Организации Объединенных Наций, где он и представлял Советский Союз. Здесь в Нью-Йорке, помимо чисто служебных обязанностей, он активно участвует в общественной жизни. Чтобы усовершенствовать знания английского

языка, поступил на вечерние курсы при Колумбийском университете. Он постоянно читал журналы и газеты, а также произведения современных и старых писателей, посещал театры.

Однажды узнал, что автор известного во всем мире романа «Овод» Этель Лилиан

Э. Л. Войнич и П. Борисов

Войнич живет здесь, в Нью-Йорке. Найти адрес оказалось не простым делом: никто не знал его, о писательнице напрочь забыли. А когда всё-таки поиски увенчались успехом, Петр Павлович немедленно отправился туда. Это случилось в октябре 1955 года. Этель Лилиан Войнич жила на 17-м этаже небоскреба в крохотной комнатухе, ей шёл тогда 92-й год. П. П. Борисов оказался первым советским человеком, кто посетил ее за последние десятилетия. Дружба семьи

Борисова с писательницей продолжалась многие годы, даже тогда, когда советский дипломат уехал из США.

Американское географическое общество наградило П. П. Борисова дипломом. А известный советский писатель Борис Полевой назвал это событие «величайшим литературным открытием XX века».

Более 30 лет Петр Павлович трудился в Дипломатическом корпусе нашей страны, побывал в 22 государствах, выполняя различные поручения и задания Советского правительства.

В Канаде семья Борисовых жила четыре года. Здесь Петр Павлович был Первым советником при посольстве СССР. Сюда в начале августа 1961 года, возвращаясь из поездки по Кубе, приехал первый космонавт Земли Юрий Гагарин. П. П. Борисов сопровождал космонавта в поездке его по канадской земле. В Канаде же П. П. Борисов заинтересовался творчеством писательницы Паулины Джонсон, которая много писала о быте канадских индейцев, но была мало известна новым поколениям страны. Осмысливая печатные и архивные материалы и на основе личных наблюдений за аборигенами, Петр Павлович сделал вывод: советские чукчи и североканадские индейцы - родственные народы. Дипломат сделал на эту тему доклад в географическом обществе. Позднее внук Борисова Петр Тарасов сделал перевод некоторых рассказов Паулины Джонсон, один из них был опубликован в газете «Уральский рабочий».

Более года Петр Павлович находился в Китае, где исполнял обязанности секретаря Советского Генерального консульства в крупнейшем городе страны - Шанхае. Он многое сделал для укрепления позиций русской православной церкви, которая подвергалась в то время дискриминации местных властей. За это прихожане выразили советскому дипломату признательность в благодарственном письме.

Любопытная встреча состоялась у П. Борисова в Швейцарии. Как-то обедая в частном ресторане, он услышал правильную русскую речь. Сначала не удивился: где только русских нет?! Но прислушавшись, Петр Павлович понял, что одна из посетительниц, пожилая дама, пускает недвусмысленные реплики именно по адресу русского дипломата. В разговор он, однако, не вступил, но поинтересовался у хозяина заведения: кто эта дама? Ему рассказали,

что здесь живет Екатерина Кускова - одна из идеологов русских «экономистов», эмигрировавшая сюда после свершения в России Октябрьской революции в 1917 году. Это ей наш поэт В. В. Маяковский в поэме «Хорошо» посвятил такие строки:

Петербургские окна. Синё и темно.

Город сном и покоем скован,

Но не спит Мадам Кускова...

А в одной из латиноамериканских стран П. П. Борисову пришлось стать спасителем тонущего человека. Как-то прогуливаясь по берегу реки, он услышал крик о помощи. Быстро направился туда и увидел барахтавшегося недалеко от берега мальчика. Но никто из взрослых, находившихся тут, не решался лезть в воду. Тогда Петр Павлович в чем был, кинулся в воду, доплыл до тонущего, подхватил его и вынес на берег.

Родители спасенного мальчика оказались очень богатыми и известными в стране. Узнав, кто спас их ребенка, они прислали советскому дипломату П. П. Борисову в подарок древнюю статуэтку - амулет древних ацтеков. Потом П. П. Борисов узнал, что статуэтка имеет большую ценность, она зарегистрирована в крупном музее США - «Метрополитене».

Несколько раз П. П. Борисов посетил Ирак и Иран, Египет, Монголию и другие страны. И всюду он находил время для знакомства с памятниками культуры той страны, особенно древних, много сделал снимков. И во всех заграничных командировках его сопровождали жена Федосия Ефимовна и их дочь Ирина. И не просто сопровождали, жили вместе, а и участвовали в общественной жизни той страны, где находились.

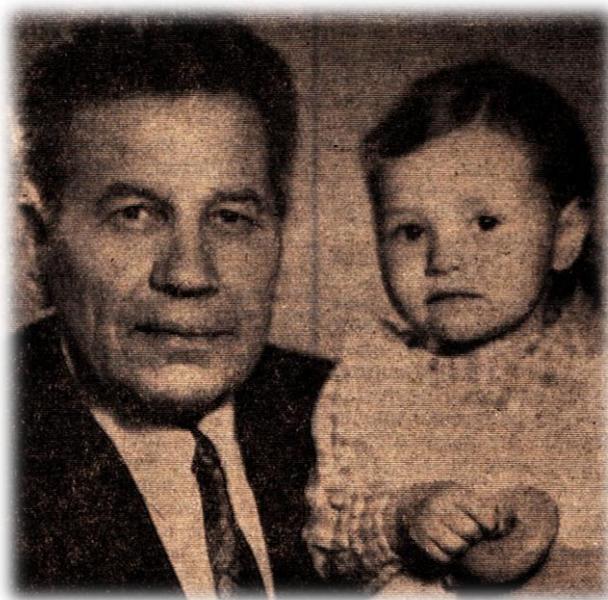
В Нью-Йорке, например, Федосия Ефимовна, тоже по образованию учитель, заведовала школой, где учились дети советских дипломатов. В этой школе, кстати, начала учебу и их дочь Ирина. В Китае Федосия Ефимовна читала лекции о творчестве русских поэтов Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова, а также о современных писателях.

После выхода на пенсию Петр Павлович поселился в Москве, сначала на улице Руставели, затем на Алтуфьевском шоссе. Некоторое время читал лекции, делился богатым опытом работы за границей в Дипломатической академии, писал в журналы и газеты.

Дважды посетил родные уральские места, переписывался с сельчанами, знакомыми по учебе и работе, товарищами по фронту. В частности, часто писал учителям школы № 22 города Серова, подарил ей большое количество фотографий и публикаций.

Из Ивделя товарищ детства Л. Я. Давыдов прислал Петру Павловичу несколько кедриков, они хорошо прижились на московской земле (на даче).

Статьи П. Борисова печатались в журналах и газетах, в том числе уральских. Так, в журнале «Уральский следопыт» в декабрьском номере за 1974 год опубликовал статью «Все ли мы знаем об авторе «Овода»? Городская газета «Правда Севера» опубликовала его воспоминания о родном селе Всеволодо-Благодатском.

Борисов П. П. с внуком Петей Тарасовым

Автор этих строк побывал в московской квартире Борисова (по его приглашению), после чего опубликовал серию очерков под общим названием «Вехи», в них были использованы многие фотографии, которые подарил Петр Павлович.

Наша переписка с ним продолжалась до последних дней его жизни, до декабря 1991 года. Я часто вспоминаю его слова, сказанные им во время нашей встречи в Москве.

- Я только по прописке москвич. Душой и сердцем, как был уралец, так и остался им. На всю жизнь!

Борис ЗОЛОТОРЕВ

С Надеждой и Любовью

На Бокситях она разрыдалась: «Ты куда меня привез, Алексей? Что я тут буду делать после Казани?». Однако в городе быстро взяла себя в руки и, наверное, уже никогда не жалела о том, что судьба подарила ей Северный Урал. Огненно-солнечная в прямом и переносном смысле, она стремительно ворвалась в жизнь Североуральска. И так же внезапно, на пике своей карьеры, ушла от нас навсегда. Она отдала нам двадцать три последних года своей яркой жизни. Эти годы вобрали в себя столько всего, что ещё не одному поколению предстоит осмыслить. Но времена не выбирают.

Был август 1985-го года. Надежда Николаевна Репина приняла руководство школьным сектором «Современника» не новичком. Выпускница института культуры успела три года поработать в Доме пионеров Казани. Солидный город, интересное дело, своя семья, родители рядом - всё складывалось удачно. Кто мог знать, куда приведут объявленные в тот год Горбачёвым «ускорение» и перестройка! Североуральск становился одним из центров политической борьбы, где главное орудие оппозиции старому - шахтёрские забастовки. Но все тревоги для Надежды - дома, в разговорах с мужем. На работе главное - дети.

Здесь её второй дом. Здесь она, как насадка над цыплятами: прикрыть своим крылом, поставить на ноги, вырастить таланты. За четыре бурных для всей страны года школьный

*Репина Надежда
Николаевна*

сектор Дворца вместе с другими отделами становится ядром всей творческой работы с детьми в городе. Её узнали и полюбили руководители студий, кружков, домов культуры, детсадов и школ. Рядом с ней было легко и радостно. В глазах огонь, в руках баян. Она, как магнит, притягивала людей своим оптимизмом и добротой, стремлением поддержать и помочь, своим интересом ко всему новому, главное - к людям. И когда осенью 1989-го потребовался новый руководитель отдела культуры горисполкома, сомнений в её надёжности на новом поприще, наверное, ни у кого не было.

Страна бурлила. В магазинах - пустота. Всё рушится. «Лебединое озеро» в дни ГКЧП. СУБР на грани банкротства. Задержки зарплат и пенсий. Скучные поступления в городской бюджет, в администрации каждое утро по крохам делят на самое необходимое. Но культура жила и вопреки всему набирала обороты.

Возобновили Сабантуй. Позднее под крылом Надежды Николаевны возникнет татаро-башкирское сообщество культуры. На день города впервые приезжают артисты из

Санкт- Петербурга, регулярно гастролируют театры и яркие звёзды. В самые трудные годы город не потерял ни одного учреждения культуры, не закрылась ни одна библиотека. Как ей это удавалось - знают те, кто был рядом. Надо ехать на конкурс, а денег нет. «Найдём! Давайте вместе искать», - говорит Надежда Николаевна. И находили.

А как опекала ребятшек! Забежит, к примеру, в хоровой класс и обязательно спросит: «Не холодно? Кто-нибудь хочет попить, покушать?». Вроде мелочь, но из мелочей-то всё и складывается. Видя такое отношение к детям, всем, чем могли, помогали родители. Она же – в постоянном творческом поиске, как губка, впитывает всё новое на встречах с коллегами других городов, на семинарах.

Училась везде, всему и у всех. Умела слушать и слышать, подхватить ценную идею, смело бралась за новое. Даже если получала за это выговор от начальства. Например, за праздник «Славянский сход» в ночь на Ивана Купала на берегу пруда с кострами, лодками, богатырями, хороводами и играми до глубокой ночи. Плакала от обиды за недоверие и непонимание. Но если праздник собрал столько людей и всем понравился, значит, всё было сделано правильно.

Радость людей была её радостью. Когда готовили городские праздники, не уставала напоминать коллегам: больше рассказов о хороших людях, о почётных гражданах, о тех, кто в Книге памяти. Не без её участия «Лыжня Лукьяновых» стала настоящим праздником. Мы увидели танцующий оркестр Павлова, «Русичей» и «Баян-микс».

Переход в администрацию никак не повлиял на отношения с коллегами. Она никогда не считала, не обозначала себя последней инстанцией, не сковывала инициативу, не ставила жесткие рамки субординации. Никто часами не ждал приёма под дверью её кабинета. Всё так же по-матерински заботилась, защищала и опекала. Ругала и наставляла на путь своих мальчишек - так она называла мужскую половину творческого содружества. И очень расстраивалась, если они не оправдывали доверия. К мужчинам вообще относилась по - особому. Её удивляли наши женщины: по двадцать лет живут с мужьями, не расходятся, но всё стараются их принизить, подмять. Видимо, трудно это понять человеку, выросшему в родном доме в любви и нашедшему настоящую любовь. Ведь Алексей Васильевич в её семье был истинным главой, обожаемым мужем, отцом и другом. А мальчишки с раннего детства усвоили кредо отца: «Парни, мы мужики, а мама у нас золотая и единственная, её беречь надо». И Мама для них всегда была только с большой буквы.

Наверное, как в любой семье, всё бывало. Но очень бережное отношение друг к другу нельзя было не заметить. Семейные праздники были общим творчеством. С малых лет дети устраивали для неё концерты, читали стихи, Паша мучил скрипку, Виталий - баян, а когда подросли, оба взяли гитары. Выросшие в любви сыновья выучились, состоялись. Она ещё успела понять и почувствовать счастье быть бабушкой, о чём так мечтала.

Однажды сказала: «Каждый творческий человек должен сделать в своей жизни для людей нечто, за что его будут помнить». Возможно, для неё таковым стал фестиваль современной хореографии «Класс», поднятый с окружного до российского уровня. На него слетались настоящие звёзды и крепили крылья новичков. Руководитель «Эксцентрик-балета» Сергей Смирнов в порыве благодарности целовал североуральскую сцену, когда стал мэтром. Сюда всегда с радостью приезжал балет трагически погибшего Евгения Панфилова. А какой профессиональной высоты было жюри! С годами коллеги-организаторы всё до мелочей отладили, но она всегда волновалась за каждого. И даже если разошлись в пять утра, просила в восемь быть на месте свежими как огурчики. И никогда не забывала поблагодарить каждого за хорошую работу. Сколько выдумки и общей радости было на тех

«капустниках» после фестивалей!

У неё всё шло от большого уважения к людям. Святой обязанностью считала необходимость выслушать человека и, если возможно, помочь. В администрацию пришёл мужчина, освободившийся из заключения, искал Репину. Спросили: почему именно к ней? «В зоне мужики сказали, что только она поможет» - был ответ. Конечно, даже на посту заместителя главы она не могла помочь всем, кто к ней обращался. Но то, что могла, делала искренне и от души. На встрече с краеведами решали, в какой день лучше отметить 250-летие Североуральска. «Что же мы гадаем? Есть день Петра и Павла, как раз на выходные выпадает!» - услышали от неё и облегчённо вздохнули: наконец-то возобладают здравый смысл и историческая справедливость. К сожалению, не случилось. И мы опять расплываемся на непонятный людям летний день города и ноябрьский «день благодарения», давно утративший своё значение и привлекательность.

Все, с кем довелось мне беседовать, подтверждают, что сил своих она никогда не экономила. Жила на пределе возможностей и стремилась хоть на полшага, но быть впереди событий. С детства была смелой до отчаяния. На мотоцикле - первая, слабого бьют - защитить, коты в речке тонут - спасать. Мама пожурела: не успеваешь с делами по дому, в музыкалку больше не пойдёшь! Так ведь грудью легла на ноты: «Мама, не трогай, я всё буду успевать!». И успевала. Училась, маме помогала и за шесть километров (!) от деревенского своего дома в любую погоду бегала на занятия в музыкальную школу. Мама для неё - святая. Не было дня, чтобы ей не позвонила. Любовь, что в детстве получила от родителей, как эстафету пронесла через свою жизнь, отдала своей семье, коллегам - всем нам, североуральцам.

Никогда не понять, почему Бог так рано забирает лучших туда, откуда не возвращаются. Может быть, в назидание, что только любовь спасёт нас от падения в бездну бескультурья и мракобесия. А ведь к этому идём. Забываем, что главная ценность - человек, и прежде всего дети. Надежда Николаевна Репина, как никто другой, это понимала и боролась за Человека во времена, когда всё рушилось. По сути это был подвиг.

В Казани, когда опускали её тело в последний приют, одинокий трубач на взгорке среди поля играл «Опустела без тебя Земля». Опустела. Отлетела золотая душа. Но мы помним.

Юрий СЫСУЕВ

Глубокий след

Он ушёл от нас навсегда 19 декабря 2018 года. Друзья, работники городского краеведческого музея, совет ветеранов, журналисты поместили в городской газете о нём следующие прощальные строки.

Ушёл Человек, который знал все ответы на вопросы, связанные с историей нашего края. Человек с уникальной памятью, пытливым умом. Казалось, в его ясной голове было записано и разложено по порядку всё, что успел он за свою жизнь узнать, услышать, увидеть, прочитать. А жизнь его была долгой и полной событиями.

Евгений Павлович родился в посёлке Кальинский кордон 7 ноября 1933 года. Отец работал лесничим, мама занималась детьми и хозяйством. В 1941 году пошел в первый класс Петропавловской школы. Несмотря на лишения и тяготы военного времени, учился хорошо. В 1956 году окончил Свердловский горный институт. А дальше – долгая трудовая биография: работал на Кальинском руднике участковым маркшейдером,

продолжал трудовую деятельность в тресте «Бокситстрой», на шахтах №7,13, руднике открытой добычи.

Был неоднократно награжден. Евгений Павлович был в числе людей, всегда добросовестно работавших и оставивших нам в наследство результаты своего труда. Евгений Павлович очень требовательно относился к себе и другим людям, не терпел чужих слабостей и пороков. Может быть, поэтому, так и не нашел свою единственную. Своей семьи у него не было, но всегда окружали вниманием и заботой сестры, племянники.

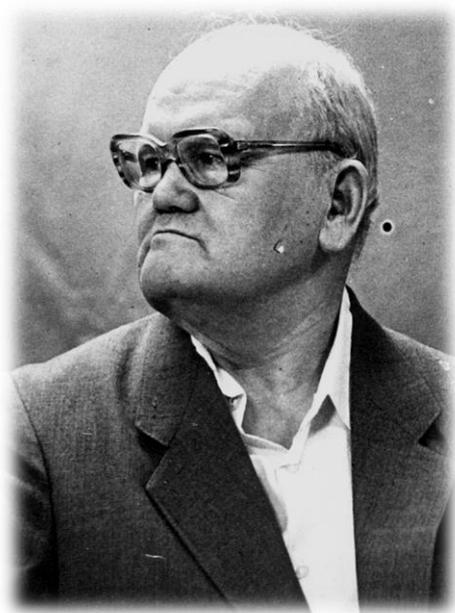
После выхода на пенсию Евгений Павлович занялся краеведением. Собирал материалы для своих исследований, беседуя со старожилами, работая в музеях, архивах, библиотеках. Результат – более 90 статей, посвященных истории нашего края. Материалы его краеведческих исследований публиковались в «Вестнике истории Верхотурского уезда», в местных изданиях, стали основой книги «Деревенька моя», включены в книгу «Страницы памяти».

Материалы по истории нашего края, собранные и систематизированные Евгением Павловичем, постоянно используются в работе учреждений культуры и образования нашего округа. Евгений Павлович был постоянным консультантом по вопросам истории края, рецензентом работ по краеведению, а также участником краеведческих конференций, одним из основных участников краеведческого клуба «Вагран» и самым активным корреспондентом краеведческого приложения «Вагран» к газете «Наше слово».

За активное участие в работе по исследованию истории Евгению Павловичу присуждена премия «Богословский краевед», он был награжден многочисленными Благодарственными письмами, в том числе от Губернатора Свердловской области, грамотой Министерства культуры Свердловской области за вклад в изучение истории Урала.

85 лет Евгений Павлович отметил 7 ноября 2018 года. В этот день был награжден знаком «За заслуги перед Североуральским городским округом». А его заслуги – это сохраненная для потомков память о нашем крае. Об этом маленьком, но самом любимом уголке Северного Урала, о котором так много можно рассказать. Евгений Павлович родился в далекой уральской глубинке, далеко от культурных центров, но поискать еще нужно более интеллигентного, образованного, тактичного, скромного человека. Он всегда имел свое мнение, но никогда не критиковал власть, не осуждал время. Просто работал, занимался любимым делом. Его жизненный путь – пример истинного служения своей Родине.

Я познакомился с ним в начале 90-х годов, когда он впервые пришёл в редакцию газеты с предложением опубликовать историю городских школ. Показал амбарную книгу со своими записями. Признаюсь, я воспринял это с недоверием. Однако вскоре убедился, что ошибся. И под каждой строкой некролога подписываюсь без колебаний. Потому что все годы мы сотрудничали, понимая друг друга с полуслова. Вместе воевали, условно говоря, с непониманием и с неприятием прошлого нашего города многими. В том числе и с представителями власти, что особенно его расстраивало. Однако

Мылов Евгений Павлович

справедливость восторжествовала. Заслуги его и правота признаны всеми, кого интересует история Североуральска. Вот и в этой книге его авторское имя на многих страницах. Я благодарен судьбе за встречу с этим замечательным человеком. Глубокий, добрый след оставил Евгений Павлович в истории города.

Юрий СЫСУЕВ

Семьёй горняцкою сильны

Рассказ о выдающихся личностях СУБРа следует начать с М. М. Арансона. Как удалось установить по архивным данным, Арансон (в другом написании Аронсон) Моисей Менденович родился в 1904 году в Лодзи (Польша) в еврейской семье зубного врача. С юных лет Моисей занимался революционной деятельностью, за что дважды - в 15 и 16 лет - сидел в тюрьме. Получил гимназическое образование, закончил колледж, затем учился во Франции частным образом, вступил в ряды компартии Франции. Изучал право, экономику, увлекался геологией. С 1925 по 1927 год служил в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, был командиром взвода. Позже некоторое время работал в Торгпредстве СССР во Франции как специалист, владеющий пятью языками. В 1930 году его отозвали в Москву для работы в Геологическом комитете, а затем направили в Среднюю Азию для руководства строительством комбинатов по добыче и переработке руды.

В июле 1934 года он командирован на строительство Северо-Уральских бокситовых рудников в качестве помощника директора по промышленной части, а с 5 февраля 1936 года назначен руководителем СУБРа, или как тогда называлось строительство - «Бокситстроя». Именно при нём в течение трех лет закладывались основы коллектива СУБРа, была разработана программа развития предприятия на ближайшие годы. Он вплотную занимался вопросами капрестроительства, механизации ручного труда, под его руководством началась проходка первой шахты и закладка новых карьеров, прокладка железнодорожных веток к объектам рудника. Но самое ценное - по его распоряжению создавались здесь вечерние школы для малограмотных рабочих, школы соцтруда и подготовки мастеров при открывшемся доме техникумы.

Заработала техническая библиотека с выпиской популярных технических и горных, в том числе и зарубежных, журналов, оформлением коллекций минералов, плакатов по ведению горного дела. Начали работать детские садики и столовые, спортивные секции и кружки творческой самодеятельности - драматический с русской и украинской группами, музыкальный. Именно Арансон в 1935 году поддержал идею Н. А. Каржавина о необходимости строительства недалеко от СУБРа крупного глиноземного завода и завода по электролизу алюминия, а также цементного производства. Он рассчитывал на создание в районе нового социалистического города с высокой занятостью населения. Молодой руководитель увлекался фотоделом, по воспоминаниям ветеранов, мог лично в вечернее время заменить на смене уставших шоферов, возивших руду из карьера на запасник железнодорожной станции.

Осенью 1937 года М. М. Арансон на виду у горняков, собравшихся у его дома, был арестован как... враг народа. Все фотопластинки и снимки, сделанные им, сразу же были растоптаны и разбиты, а сам директор увезен в Надеждинск. Вскоре с СУБРа исчезла и семья директора. Люди, арестовавшие Арансона, наказали собравшимся забыть его имя. По их громогласным утверждениям он был... иностранным шпионом. Однако старые горняки всю жизнь помнили его человечность, доступность и доброжелательное отношение к рабочим.

В труднейшие для коллектива годы Великой Отечественной войны СУБР, как единственная сырьевая база алюминщиков, был под пристальным постоянным вниманием руководства страны, Государственного Комитета Обороны. Здесь, на предприятии, ставшем оборонным, шла ожесточенная борьба с холодом, голодом, неустроенностью, с неподатливыми, промерзшими вглубь на десятки метров недрами. Сюда, вместо передовой, направляли бойцов-новобранцев, шли эшелоны с оборудованием и эвакуированными из-под Ленинграда людьми. На СУБР в срочном порядке одна за другой командировались группы ведущих горных специалистов и строителей лучших рудников и предприятий Наркомцветмета.

В числе большой группы специалистов из Красноуральска был направлен на должность директора Валентин Никанорович Богатов, работавший управляющим трестом Красноуралмедьруда. Именно на долю Богатова выпала роль организатора производства горняцкого коллектива. С его приходом (с 1942 года) СУБР стал выходить из неразберихи и разобщенности. Директор смог сплотить вокруг себя отличных помощников-специалистов, создать команду опытнейших горняков-технарей, среди которых опытом и молодым задором отличался главный инженер Борис Иванович Нифонтов. При Богатове и Нифонтове труженики СУБРа, благодаря активной помощи и поддержке Наркомцветмета успешно решали сложнейшие задачи по обеспечению бокситом заводов Урала. Были организованы знаменитые скоростные проходки, вскрыты новые мощности по добыче с закладкой новых шахт и карьеров. За пять с лишним лет его руководства коллектив небывалыми темпами преодолел все трудности этого этапа развития, обрел необходимую социальную сферу, воспитал из бывших фэзэушников и подростков талантливых звеньевых, бригадиров, техников, горных мастеров. А один из бывших детдомовцев вожак молодежной бригады, рекордсмен проходок горных выработок Иван Проничкин в свои 20 лет (!) в 1947 году был удостоен звания Лауреата Сталинской премии, как и известный на весь Урал опытнейший Нигмаджан Минзарипов.

Одиннадцать лет (с 1956 по 1967 годы) коллектив СУБРа возглавлял еще один красноуралец Иван Васильевич Елисеев, имевший солидный опыт руководства рудоуправлением. При нем была осуществлена мощная реконструкция предприятия, обновлены методы ведения горных работ, на предприятии активно стал внедряться бригадный и общий хозрасчет, развернулось массовое движение «За богатый фонд предприятия», внедрены новые формы хозяйствования – постоянно

Бригада Н. Минзарипова

действующее производственное совещание, технико-экономический совет предприятия, общественное бюро экономического анализа. За достижение высоких производственно-экономических показателей и работы по реконструкции СУБР был удостоен ордена Ленина, а сам Иван Васильевич - звания Героя Социалистического Труда.

Он работал, опережая требования тех лет по отношению к проблемам экономики и хозяйствования. Специалисты и рабочие его уважали, ценили, а иногда и побаивались «Ивана Грозного», не терпящего ни малейшей расхлябанности или зазнайства.

Добрую память о себе оставил и директор с 9-летним стажем руководства предприятием Семен Дмитриевич Трепачев, начавший работать на СУБРа в 1943 году старшим маркшейдером Кальинского рудника. Это был вдумчивый, рассудительный, профессиональный хозяйственник, рационализатор, горный инженер, много времени уделявший внедрению механизации и автоматизации горных работ, Почетный гражданин Североуральска. Такого же звания был удостоен и другой руководитель СУБРа, выходец из семьи местных интеллигентов, выпускник Свердловского горного института Станислав Александрович Виноградов, отдавший предприятию 28 лет своего трудового стажа, из них почти 12 лет - директорству. Он много занимался перспективами развития СУБРа, первым, еще в марте 1980 года, поставил вопрос о необходимости скорейшей разработки бокситов Тиманского месторождения в республике Коми. Надеялся, что отработку будут вести именно субровчане, работая там вахтовым методом. Развернул на всей территории бокситового бассейна и города Североуральска строительство объектов промышленного и гражданского назначенияхозспособом. В его бытность были построены просторные спортивные залы на двух шахтах, он курировал сооружение плавательного бассейна «Нептун», углубление стволов имевшихся шахт и пуск новых горизонтов, сейсмостанции, санатория - профилактория «Серебряный меридиан», нового, 6-этажного здания управления СУБРа, нескольких детских комбинатов, общеобразовательных школ, над которыми потом шефствовал коллектив. Проблемы обучения и трудоустройства молодежи, работа совета молодых специалистов, университета технического прогресса, организация спортивных мероприятий, спартакиад руководящих кадров, конкурсы художественной самодеятельности - всем этим он занимался вместе со своей отлично подобранной командой.

При нем более чем вдвое сократилась текучесть кадров на предприятии, значительно выросли производительность труда и объемы поставляемой продукции, наладились более крепкие деловые и общественные связи с заводами-потребителями и контакты с зарубежными фирмами. В 1984 году коллектив Производственного объединения Севуралбокситруда возглавляемый С. А. Виноградовым, за успешную работу и в связи с 50-летием СУБРа был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Из руководителей предприятия перестроечного и постсоветского периода наибольший вклад в сохранение и дальнейшее развитие СУБРа - ныне ОАО «Севуралбокситруда» - внес Виктор Васильевич Радько, с середины 1997 г. назначенный вначале и.о. генерального директора, а затем исполнительным и, наконец, генеральным директором СУБРа. Отличный специалист по экономике и управлению, опытный горный инженер-бокситчик. До переезда в Россию он длительное время работал директором Тургайского рудоуправления в Казахстане заместителем генерального директора по горным работам производственного объединения «Казглинозем», член-корреспондент МАНЭБ, действительный член Горной Академии, Почетный горняк РФ и Почетный гражданин Североуральска. Звания «Директор года» (2000 г.), «Лучший менеджер-руководитель предприятия» (2005 г.) и другие свидетельствуют о его высоком профессионализме, умении нацеливать большую команду главных специалистов, руководителей шахт и служб на слаженную работу, повышение технико-экономических показателей, наращивание мощностей и объемов добычи, освоение капитальных вложений, строительство новых пусковых объектов на более глубоких горизонтах шахт СУБРа, обеспечение занятостью горняков с высвобождающихся шахт. При его непосредственном

участии разработаны долгосрочные программы дальнейшей работы горнодобывающего предприятия, освоения месторождений, расположенных в районе города Ивделя и примыкающих к нему территорий. Было возобновлено строительство «незавершенки» - объектов шахты 12-12-бис, ставшей самой современной и глубокой шахтой «Ново-Калъинской». При В. В. Радько возобновили работу общественные организации — союз женщин и союз молодежи, совет бригадиров, активнее стал действовать «Совет ветеранов войны и труда». Больше внимания стали уделять творческим инициативам трудящихся, проведению различных конкурсов и интересных мероприятий, разнообразной благотворительной деятельности. Под его руководством коллектив несколько раз становится победителем областного конкурса «Лидер в бизнесе», российского «Предприятие высокой социальной эффективности», входит в число лучших динамично развивающихся предприятий России, являясь ведущей сырьевой базой компании «СУАЛ-Холдинг».

Среди ведущих инженеров, главных специалистов наибольшим уважением и авторитетом у сибирчан разных поколений пользовались: первый главный инженер Загорский Сергей Иванович, главные инженеры последующих периодов Гусаров Михаил Иванович, Сафронов Владимир Георгиевич, Горев Евгений Степанович, технические руководители Юхин Валерьян Георгиевич, Алексеевский Николай Александрович, Мирошниченко Святослав Степанович, Бакиновский Иван Иванович, Кречетов Николай Николаевич, Преображенский Игорь Константинович, Салтанов Петр Иванович, Никитин Петр Михайлович, а из современного поколения — Микулин Евгений Иванович, Попов Алексей Сергеевич, Чепчугов Сергей Алексеевич, Гуртовой Юрий Иванович, Шадрин Михаил Анатольевич, начальники шахт В. С. Сидоренко, А. С. Лохнев, В. П. Неустроев, С. А. Корионов, С. В. Глазырин, ведущие специалисты и руководители служб Г. А. Никулин, В. В. Молодцов, В. Н. Перфильев, В. П. Сыркин, А. П. Игнатьев и многие другие.

Золотой фонд предприятия - его замечательные люди. В коллективе - три Героя Социалистического Труда, пять лауреатов Государственных премий. Сотни горняков удостоены званий «Почетный шахтер» и «Заслуженный шахтер РСФСР», кавалеры орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак почета», «Трудовая Слава», Дружбы народов и государственных наград современной России.

В СУБРе воспитаны 18 докторов и кандидатов, технических и экономических наук, специалисты самого высокого ранга, работавшие или работающие ныне в правительстве Свердловской области, комитетах Государственной думы, на других ответственных постах.

Коллектив «Севералбокситруда» гордится как прежними достижениями и наградами - орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, так и свидетельствами нынешнего достойного труда горняков. Работники СУБРа делают всё для того, чтобы предприятие и впредь было не только жизнеспособным, но и высокоэффективным. Чтобы горняцкий Североуральск оставался перспективным и привлекательным.

Нина ГАЛЕЕВА

9. НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Как создавали музей

С созданием музея наш город явно запоздал. Его надо было создавать в 50-х годах, а не после того, как были безвозвратно утеряны материальные и документальные свидетельства и предметы материальной культуры села Петропавловского. В своё время, когда наш район был в составе Серовского района, здесь неоднократно побывала с экспедицией большой энтузиаст-краевед, бывший директор серовского краеведческого музея В. Н. Лузянина. И очень многое, что могло бы стать украшением нашего музея, теперь хранится в серовском музее.

Приближалось 100-летие со дня рождения Ленина. Я работала в школе организатором внеклассной работы и в 1967 году организовала школьный краеведческий музей. Среди школьных музеев он занял первое место. Наверное, поэтому вызвал меня тогдашний председатель горисполкома В. М. Кушниренко и предложил заняться организацией музея в городе. Я не без колебаний согласилась. Начала собирательскую работу. Работать в архивах с документами не позволяло время - сроки были даны очень короткие. Определили меня "подснежником" в СУКГРЭ на должность техника, но продержали там до первой ревизии - меньше года. В августе 1969-го предложили должность заведующей городским отделом культуры с оговоркой, что музеем я по-прежнему буду заниматься на общественных началах.

До моего прихода на это поприще были попытки что-то сделать. Было выделено помещение по ул. Чайковского, 21 (там музей и сейчас находится). Что я там увидела? Несуразные витрины на высоких ножках, а на них что-то типа шкафа-серванта с раздвижными стёклами, только надписи не было "Подходи и бери". В шкафах - коллекция бокситов со всего мира, принадлежавшая Е. С. Гуткину. Несуразные и почему-то розовые планшеты по тресту "Бокситстрой". Но самое печальное зрелище представляли остатки-останки музея заповедника.

Когда контора его была во Всеволодо-Благодатском, научные сотрудники создали там довольно приличный отдел природы с чучелами зверей и птиц. Были там даже заспиртованные пресмыкающиеся. В то время работали в заповеднике Олег и Ада Лишины. Как и всех умных людей, их считали чудаками. После ликвидации заповедника они стали преподавать в школе-интернате и туда же перебазировали музей. И всё было в порядке, пока они работали. Но они уехали из города... Чучела были порваны, изъедены молью, в некоторых завелись черви. Всё подлежало немедленному списанию и уничтожению, чтобы не было заразы в помещении.

Вот так я пришла фактически на пустое место. Но самое главное, у меня не было абсолютно никаких познаний в музейном деле, не знала, с чего начать. Решила, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Побывала в серовском, краснотурьинском, ивдельском музеях. В Ивделе наткнулась на брошюры по музейному делу, которые, судя по хаотично представленным экспонатам, там никто не читал. Мне их без особого сожаления отдали. От них я и начала плясать, как от пачки. Определилась, что должны быть геологический отдел, отделы природы, истории села Петропавловского и предприятий, какие для этого нужны витрины, материалы и экспонаты. И началась работа, которую краеведческой и назвать было нельзя. Тут уж не до ведения края, когда ты один во всех лицах: завхоз, экспедитор, сотрудник и даже уборщица. Да ещё и при исполкомовской должности с серьезными обязанностями.

В Свердловске меня отругал директор областного краеведческого музея заслуженный работник культуры А. Д. Пальчугов. Досталось мне за ту девку (зав. отделом культуры) и за того парня (председателя исполкома). Его длительная, эмоциональная тирада заключалась в следующем. Вот, мол, все города, большие и малые, давно имеют свои государственные или народные (на общественных началах) музеи (их по области было более двадцати), а Североуральск всегда в хвосте. Там, мол, ждут, когда последнее из-под носа уведут и так далее. Ну а я-то тут при чём?

Хулу я эту выслушала, но твёрдо сказала, что впредь буду отвечать за свои дела, а не за чужое безделье, и разговаривать со мной в таком тоне не позволю. (У, ты какая! Да уж, какая есть! - обменялись любезностями). Но после этого разговора он стал моим помощником, руководящей и направляющей силой. Познакомил меня с таксидермистом (а это штучная профессия) В. И. Сидоровым, уговорил его сделать чучела для нашего музея. Познакомил с художниками Саратовского художественного фонда, специалистами по созданию природных диорам и биогрупп В. П. Палимпсестовым и В. Т. Саморуковой. Они как раз выполняли работы по природным уголкам нашего района - озеро Крылышкино, Денежкин Камень - в музее природы Зелёной Рощи: колоссальный труд и неопишуемая красота. Сейчас в этом здании Ново-Тихвинский монастырь - всё вернулось на круги своя, а диорамы безвозвратно утрачены. Долг платежом красен - когда-то у верующих всё отобрали, теперь верующие не пожалели чужого труда и денег.

Госпромхоз "Денежкин Камень" отстрелял лося и медведя. На забой оленей мы ездили вместе с В. И. Сидоровым. Требовалось доставить шкуры в Свердловск. Законсервировали их, чтобы не испортились. Труд огромный. Кто возил, грузил, разгружал - все случайные люди, любители выпить-закусить, и всё за денежку из собственного кармана (иначе как отчитаешься перед бухгалтерией). Пришлось помучиться, пока шкуры эти попали в частный дом в посёлке Шарташ, где у Сидорова была мастерская. Готовые чучела таким же образом доставили до вокзала, погрузили в товарный вагон.

С птицами было проще, они не такие громоздкие. Летом приехали художники из Саратова. Надо было собрать природные материалы для диорам. Здесь выручали автоклуб, отдел культуры (Р. В. Штрейс). Мы постарались оперативно достать для работы алюмокалиевые квасцы, спирт, глицерин. Чтобы не терять времени даром, художники жили прямо в музее. Надо было обеспечить им сносные условия быта: стол, стулья, кровати, постели, электроплитку и прочее. Они писали "задник" и органично с ним создавали передний природный план.

Уже тогда ходили разговоры, что хорошо бы музей разместить в церкви. И много лет спустя эти разговоры не стихли. Я помалкивала, а в душе всегда была против: Богу-богово, кесарю-кесарево. Вот пристрой сделать к любому строящемуся дому - это другое дело. Потому что музей в жилом доме - это абсурд. Не раз и не два с тех пор музей затопляли, что наносило экспонатам непоправимый урон. Но как бы то ни было, живёт музей.

Музей создавали на долевых началах. Составили смету расходов, на заседании исполкома приняли решение: кто даст и сколько. СУБР, трест и другие предприятия перечисляли деньги на счет отдела культуры, и далее они расходились также по счетам. Много денег ушло на материалы: древесно-стружечная плита, для витрин-стекло, древесно-волокнистая плита, оргстекло, пластик для подиумов, уголки алюминиевые и другое. Все это доставали на серовской мелкооптовой базе, а «выбивали» из областного управления снабжения и сбыта.

За работу художников не предъявляли счета, деньги перечисляли Саратовскому

худфонду, откуда художники получали мизерную зарплату. То же самое было и в Тагильском худфонде, художники которого оформляли планшеты и турникеты. Сами платили, заказывали в РСУ. Таксидермист В. И. Сидоров работал по трудовому соглашению. Он был уже пенсионер, свободный художник, знал себе цену. Много потрудился в музее вечерами и в выходные дни плотник Рудольф Федорович Докучаев, который делал витрины, подиумы и т. д., тоже по соглашению. Два специалиста, Мельников и Москаленко, занимались изготовлением витрин из оргстекла.

Вечерами после работы трудились в музее Е. Горев, Р. В. Штрейс. Они собирали планшеты в турникеты и стеклили их, разумеется, без всякой оплаты. Не обходилось, конечно, и без курьезов. Для примера. Отстрелял охотник госпромхоза лося. Контора предъявила счет на 500 рублей. Долго убеждала, что надо написать «шкура лося». По стоимости вроде бы лось, но тогда где же мясо?

За выдрой (редкий зверь в наших краях) долго гонялась, так и не догнала. Из Всеволодска охотник звонит - «отправил», в контору прихожу - нет, во Всеволодск еду - «отправил». Однажды увидела шапку из выдры на голове одного высокопоставленного лица, тогда успокоилась. Были и счастливые случаи. Как-то поехали в Ивдель, а на дороге сидит красавец-глухарь. Теперь он в экспозиции. Гербарий растений нашего региона помогла составить хранитель фонда УФАНа (Уральский филиал Академии наук) Мария Михайловна Сторожева. С коллекцией бабочек и жуков помог энтомолог Борис Петрович Иевлев. Не повезло только с палеоландшафтами. Сделав два, специалист (жил он в Московской области и звали его Дмитрий Вербанович) умер. Так до сих пор и зияют три окошечка, предназначенные для палеоландшафтов. То ли специалиста не нашли, то ли не искали. Предметы старательского труда золотодобытчиков (вашгерд, лоток для промывки золотого песка, ковши) добывали в старательских поселках.

Этнографические вещи быта манси собирали в Тальтии Ивдельского района, где жили супруги Акулина Пакина и Никита Бахтияров. Там нужны были не деньги, а «жидкая валюта», а она сметой по музею не предусмотрена. Но никого это не волновало, так же как и стоимость бензина туда и обратно. Поездить пришлось немало, но Акулина так и не сшила красивую женскую малицу, хотя все ей было доставлено: и шкуры, и драповые цветные кромки для украшения, и разная тесьма.

Но особенно много времени отнимал, конечно, почти подворный обход Петропавловска, Всеволодска, Воскресенки. Искала вещественные экспонаты, фотографии. Тоже всё это не с бухты-барахты. Надо было людям объяснить, что к чему, для чего, расположить к себе, разговорить, принять по акту, чтоб не сомневались. Делала я это вечерами и в выходные дни. Днем занималась основной работой - заведовала отделом культуры. Иногда в отдел приносили фотографии пенсионеры. Особенно активен был Тимофей Петрович Дементьев. Экспонаты с плавбазы «Североуральск» привез А. П. Потапов и представители плавбазы. Была оформлена витрина «Подарки городу к юбилею», а также витрина с книгами, брошюрами, журналами о городе и СУБРе. Из охотников - помощников музею следует назвать Ивана Степановича Шелепанова с Воскресенки и Петра Хозяинова из Всеволодска. С Николаем Каржавиным успела еще встретиться лично, побывала у него дома.

В основу геологической коллекции легла частично коллекция Е. С. Гуткина и то, что давали шахтные геологи. Была прекрасная коллекция у геолога «Первой Капитальной» Шилова, но он не захотел с ней расстаться. Парткомы, особенно субровский, очень неохотно передавали музею экспонаты, особенно различные сувениры, преподнесенные предприятию

в честь знаменательных дат, даже жаловались на меня в горком КПСС. Но в горкоме я, беспартийная, всегда находила поддержку в лице инструктора М. Г. Елисейевой, секретаря по идеологии А. А. Галактионовой и первого секретаря П. Х. Шабалина, а в исполкоме - у П. Г. Емелина, зампреда. Съесть они меня никому не дали, да я и сама несъедобная, могла застрять поперек горла.

Хотя и был создан в городе совет по краеведению, но он состоял из почетных представителей и никому ничем в организации музея не помогал. Об этом я и рассказала на страницах газеты, чем навлекла на себя гнев.

Самый большой зал был отдан под историю предприятий, а в середине были помещены стенды, посвященные участникам Великой Отечественной войны, истории народного образования, здравоохранения, культуры, истории комсомола, но почему-то экспозицию ликвидировали. Сначала СУБР организовал комнату трудовой славы в «Современнике», потом помещение потребовалось для других целей. И всё свалили в кучу в угол в раздевалке. Я уже давно не работала, но мне звонили пенсионеры и с болью в голосе говорили об этом. Пришлось подключать партком и первый отдел - реликвии-то трудовые! Потом и «Бокситстрою» потребовалось сделать то же самое в фойе ДК «Строитель». Где-то они сейчас, эти награды и грамоты! Предприятия «Бокситстрой», по сути, нет, нет и тех людей, которым они были дороги. Конечно, делать это, растаскивать реликвии, не надо было. А для выставки можно было найти другое место.

Музей был открыт 22 апреля 1970 года. А я с его открытием нажила себе дополнительные хлопоты: надо было проводить экскурсии по заявкам и без всяких заявок. Приезжает в субботу-воскресенье какая-нибудь туристическая группа, идут в музей, а он закрыт. Мне звонят из «Современника», и я, бросив все домашние дела, бегу в музей. А в отзывах писали: «благодарим сотрудников музея» - во множественном числе. И невдомек им было, что сотрудников вообще никаких не было. Все было на голом энтузиазме. Раньше думали о Родине, а потом о себе.

Галина ГОРЕВА,
февраль 2005 г.

Дело человеком ставится

В 1955 году, когда город был совсем молодым, благодаря инициативе заведующей отделом культуры горисполкома Елизаветы Николаевны Росоловой, областное руководство дало разрешение на открытие в Североуральске музыкальной школы.

Школа занимала сначала две, а потом несколько комнат в одноэтажном здании по улице Жданова (ныне Молодёжная), рядом с почтовым отделением. Это сейчас, после многих реконструкций в здании бывших детяслей, а теперь Управления социальной защиты населения, тепло и уютно. А тогда это было холодное, с печным отоплением здание. Прежде чем сесть за инструмент, дети грели руки у печки, чтобы пальчики могли бегать по холодным клавишам и кнопкам инструментов.

Кстати, фортепьяно было всего одно, его выделила для школы "Алюминьразведка", а баяны дал клуб СУБРа - конечно же, списанные. Ребятишек, желающих учиться музыке, набралось немало - 52 человека. Класс фортепиано в первом наборе повела сама Елизавета Николаевна, класс баяна - Мария Павловна Минакова. Чуть позднее на преподавание были приглашены Елизавета Федоровна Боярская (баян) и Анна Ивановна Еремеева (фортепьяно). Первым директором назначили Валентину Васильевну Ланда.

В 1958 году после окончания учебного года школа переехала в старое двухэтажное

деревянное здание на углу улиц Ленина и Циолковского. Здесь было просторнее, условия для занятий лучше, но назвать их идеальными было никак нельзя.

При печном отоплении держать оптимальную для инструментов температуру во всех помещениях просто невозможно. И туалеты с выгребными ямами не придавали зданию эстетики.

Первое моё впечатление от посещения музыкальной школы было гнетущим: обвалившаяся кое-где штукатурка, закопчённые потолки, тёмные обшарпанные стены и специфический запах! Разве это школа? Это сарай! А ведь городу исполнилось уже 25 лет! Тут же возникла мысль: уж если не построить новое, то благоустроить это здание просто необходимо, и чем раньше, тем лучше.

Отопление двухэтажного здания 17-ю печами – это великий труд. Маленькая щупленькая старушка сторож-истопник Матрёна Гавриловна Горбунова, ежедневно таскала огромные тяжёлые вязанки ею же наколотых дров по шаткой деревянной лестнице на второй этаж, на обыкновенной русской печке в кухне кипятила воду для питьевых бачков, которую сама же и носила вёдрами из ближайшей колонки. И как тут не вспомнить с благодарностью и уборщицу Элли Августовну Универ – добрейшего человека, к тому же большую любительницу музыки. Она приходила на работу раньше положенного, когда занятия ещё не закончились, и стоя тихонько за дверями классов, слушала музыку. А когда уроки заканчивались и все уходили, мыла полы, а потом подсаживалась к инструменту и подбирала любимую мелодию. Эти две большие труженицы проработали в школе не только до пенсии, но и до глубокой старости.

А вот преподаватели почему-то не задерживались: за пятнадцать лет их сменилось более семидесяти. Приедут, поработают год-два и уезжают. То ли город им не нравился и климат наш суровый, то ли условия работы. Всегда кого-нибудь не хватало, поэтому нагрузка на преподавателей порой доходила до 60 часов в неделю. Но наверняка именно это обстоятельство и помогло родиться доброй традиции: лучшие выпускники школы работали здесь какое-то время, прежде чем продолжить музыкальное образование в других городах.

Директора по разным причинам тоже часто менялись. Преподаватели и ученики были рады и такому помещению. Они учили и учились, но лелеяли надежду, что городские власти, наконец, обратят внимание на столь несоответствующие условия, и в городе будет построено для них новое здание. Этот вопрос не раз и не два ставили на заседаниях горисполкома и горкома партии. Об этом неоднократно писала городская газета "Правда севера". Но безуспешно. Видимо, не хватило инициативы и настойчивости и у заведующей городским отделом культуры И. К. Петровой.

Оснащение школы оставалось убогим. К примеру, в 1959 году при передаче дел новому директору инструментов по ведомости значилось: пианино – 5 штук, баянов – 4 штуки. Это на 36 учеников класса баяна и 66 – фортепьяно.

«В августе 1969 года заведующей отделом культуры была назначена Галина Ивановна Горева. Инициативная, с большими организаторскими способностями и даром убеждать, она сумела добиться решения исполкома о назначении шефами школы строителей треста "Бокситстрой" – коллектива ШСУ-4. Возглавлял это шахтостроительное управление Владлен Владимирович Казанцев. Он сразу пошёл навстречу и согласился привести школу в надлежащий вид. Весной 1971 года, после окончания учебного года, срочно организовали субботники и воскресники, на которых силами учителей, родителей и старших учеников сломали все печи».

Из воспоминаний В.А. Шмайгер, бывшего директора школы

Владлен Владимирович не подвёл. Человек деловой и обязательный, он сделал всё, чтобы в рекордно короткий срок (всего за три летних месяца) школу теплофицировали и отремонтировали. Светлая ему память! Где бы потом ни работал, он до конца своих дней оставался простым, человеческим и доступным, власть его не испортила. Снова остро встал вопрос о строительстве новой школы. Вытащили из архива и отряхнули от пыли забвения проект здания, к тому времени уже изрядно устаревший. Заместитель директора СУБРа по капитальному строительству Фёдор Павлович Каргапольцев из лучших побуждений пытался уговорить меня и директора школы послать запрос на новый проект, более современный, по которому была построена Норильская музыкальная школа. Но мы дружно запротестовали: "Лучше синица в руках, чем журавль в небе". Улита, говорят, едет и когда-то будет. Да и будет ли вообще? Ведь руководство СУБРа может отказаться от финансирования, не включенного в титул объекта. Так и порешили: пусть будет такая, чем никакой, ведь столько ждали! И начали строить.

Школа стала расти как на дрожжах. Нам очень повезло на прекрасных специалистов и просто хороших людей, которые были кураторами строительства: Семён Яковлевич Гельфман в то время был начальником производственного отдела ШСУ-2, а Петр Карпович Листратов начальником участка. Ныне оба - Почетные граждане города. Как же я им надоела со своими дополнениями и изменениями в проект!

Именно благодаря этим неравнодушным людям проект школы в процессе её строительства неоднократно изменялся в сторону улучшения, и что самое замечательное - особого противодействия со стороны заказчика (СУБРа) в лице Ф. П. Каргапольцева не возникало, что, конечно же, не было случайным. Дело в том, что ещё при директоре Иване Васильевиче Елисееве правительство страны приняло два важнейших постановления, определивших развитие СУБРа и города на много лет вперёд.

«Одно из них было подписано председателем правительства Косыгиным, второе Тихоновым. В них определялись перспективы добычи боксита, строительства важнейших промышленных объектов, жилья и объектов социальной сферы. СУБР работал успешно, имел прибыль. Поэтому наряду со строительством жилья для горняков была возможность помогать городу строить школы, детсады, больницу, ДК "Современник", музыкальную школу. Великая заслуга Ивана Васильевича Елисеева в том, что он сумел доказать и в Средне-Уральском Совнархозе и в Москве необходимость принятия таких решений. Требовательный себе и подчинённым, он видел перспективу и боролся за неё. В народе прозвали его Иваном Грозным, но на самом деле это был душевный и очень порядочный человек, много сделавший для СУБРа и города».

(Из воспоминаний Ф.П. Каргапольцева,
бывшего заместителя директора СУБРа по капитальному строительству)

Иван Васильевич Елисеев уехал из Североуральска Героем Социалистического Труда, но среди Почетных граждан города, к сожалению, нет его имени...

Чем были вызваны изменения в проекте? Жизнь вносила свои коррективы. В Красноуральске открыли художественную школу. А разве у нас мало талантливых ребят? Родилась идея построить школу не в два, а в три этажа, отдав один этаж будущим художникам. Но в художественной школе должен быть класс скульптуры, в котором работают с водой и глиной, а кроме того, нужно место для хранения натюрмортного и гипсового фондов - подвал, которого по проекту не было. И в начале строительства пытались

доказать, что подвал нужен, но тогда не встретили понимания. И вот когда уже положили плиты перекрытия, провели расширенное совещание не в кабинете высокого начальства, а в самом строящемся здании. И при поддержке тогдашнего, первого секретаря горкома партии Станислава Александровича Виноградова удалось доказать, что подвал нужен. Пришлось землекопам с помощью перфораторов убирать грунт вручную, а это тяжелый неблагодарный труд.

Вернулась в город бывшая участница танцевального коллектива ДК "Строитель" Альбина Измайлова. Послали её на курсы бальных танцев, а чтоб обеспечить работой, решили в этом же здании открыть школу бальных танцев. Для этого потребовалось соединить несколько помещений в один большой танцевальный класс с зеркальной стеной и станками. С. Я. Гельфман предложил заменить в вестибюле деревянные полы на брекчиевые, более долговечные и эстетичные. Предложение было принято и осуществлено. Между этажами и классами должна быть звукоизоляция - определились со звукопоглощающим материалом. И так по многим позициям.

После посещения школы в поселке Заречном (Белоярская атомная станция), построенной по тому же проекту, увидели воочию, что концертный зал мал, зато к нему примыкает большой и широкий коридор. И отделяет зал от этого коридора глухая стена, неизвестно какую функцию исполняющая. Строители, не дождавшись нашего возвращения из командировки, уже начали возводить стену, пришлось ее ломать. Зал стал просторнее и светлее.

Менялась и комплектовочная ведомость. Пианино марки "Урал" заменили на "Petrof" чехословацкого производства - 15 штук. Вот тут ОКС стал возражать (дорого!), но, в конце концов сдался. С боем через Министерство культуры (Е. А. Фурцеву) с помощью депутата Верховного Совета Страхова из Карпинска (рабочий Волчанского угольного разреза) добыли рояли. Баяны заказывали в Москве на фабрике Советской Армии. За ними я ездила сама. К чести субровского тогда еще не ЦПТК, а просто отдела снабжения, который возглавлял Анатолий Константинович Ильин, снабженец от Бога, по просьбе отдела культуры мебель для школы подобрали соответствующую: полированные и даже инкрустированные письменные столы, журнальные столики, тумбочки для проигрывателей, кресла из Белоруссии.

По сути, на обеспечение школы всем необходимым было положено не меньше труда, чем на то, чтобы добиться ее строительства. Выбивали «с боем» зеркала, их надо было много, на целую стену. Долго не могли достать театральные кресла в концертный зал. Обращались неоднократно в Управление снабжения и сбыта Свердловского облисполкома. Был там тогда начальником Бродов Самуил Юдович - гроза и повелитель. Уже при подходе к его кабинету колени начинали сами собой подгибаться, а в кабинете посетителя пробирала мелкая дрожь. Вместе с инженером - куратором отдела снабжения Горбуновой Раисой Фокеевной мы не раз пытались что-то пробить, но безуспешно, и тогда родилась идея действовать через обком КПСС.

Толкнулись было мы, беспартийные, в здание обкома через парадный вход, но получили от ворот поворот. Нам было велено войти в здание с другой стороны. А там - маленькая комнатка, в одной из стен которой - окошечко. Кто-то невидимый спросил, к кому мы и по какому вопросу. После объяснения потребовали паспорта, дали номер телефона, по которому можно позвонить, и через несколько часов всё через то же окошечко-амбразуру мы получили взамен своих паспортов пропуска, и желанные двери открылись.

Секретарь обкома Коровин, выслушав просьбу, нажал на кнопку, позвонил по прямому

телефону Бродову и о чудо! Кресла, которых у того не было утром, сразу нашлись. Да столько, что хватило не только для концертного зала школы, но и для красного уголка управления СУБРа. Это сейчас читать смешно, а каких нервов это стоило и скольких бессонных ночей, сколько горьких слез пролито, пока школа распахнула свои двери для будущих музыкантов, художников, танцоров. Но всегда находились те, кто шёл навстречу: то ли время было другое, то ли люди.

Здание построено, классы готовы, надо завозить мебель и инструменты. Какими силами? Конечно, в роли грузчиков выступили отцы учеников, но ведь все работают. А в воскресные дни склады СУБРа закрыты. Но ни слова против не говоря, выходят на работу в свои законные выходные несколько недель подряд две милые, добрые женщины Галина Александровна Локтина и В. Юдина и выдают нам эту мебель.

На строительстве школы работали лучшие, прославленные коллективы, специалисты своего дела. Бригада монтажников Ивана Михайловича Стребкова, бригада штукатуров Дании Городецкой, бригада маляров Анастасии Романовны Душкиной, бригада плотников Рудольфа Фёдоровича Докучаева. На отделке фасада трудились штукатуры бригады Александры Федоровны Чукавиной. Мастером на строительстве был Василий Семенович Мартынов. Кажется, всех вспомнила. Кого-то уже нет в живых, а дело их рук стоит и будет стоять еще долго. Не зря говорят:

"Человек делом славится, дело человеком ставится". Строители торопились сдать школу к началу 1972-1973 учебного года. Но как ни старались, все равно не успели. Новый учебный год начали в старом здании.

Но время торопило строителей. Приближался Новый год,- а объект надо сдать в старом, хоть 33 декабря. Акт о принятии школы с недоделками и обязательствами их устранения был подписан в конце декабря. Не помню всех недоделок, но знаю самую крупную: школу приняли без киноаппаратной. Вот так ложкой дёгтя испортили бочку меда. До сих пор жалею об этом: киноаппаратной за 33 года существования новой школы как не было, так и нет. У одних не хватало настойчивости, у других порядочности слово сдержать. Подписано - и с плеч долой!

Школу, которую так долго ждали, торжественно открыли 30 декабря 1972 года. Так наша музыкальная школа на 17-м году жизни получила второе рождение.

Галина ГОРЕВА

Светлые годы юности

42 года отдала музыкальной школе Североуральска Вероника Анатольевна Шмайгер, преподаватель по классу фортепиано. Талантливый, творческий, интересный человек, она отличается большой скромностью и взыскательностью. Никогда не стремилась к власти, административная работа её тяготила. С большим трудом удалось уговорить её на должность директора, где она проработала четыре года. Без сожаления, с радостью уступила она преподавателю-мужчине и должность завуча. Но зато с удовольствием и самоотдачей руководила фортепианным отделом. Сейчас она живёт в Москве. Я долго и упорно просила Веронику Анатольевну написать о своей работе. Наконец, получила от неё долгожданное письмо, которое не нуждается в комментариях.

Галина ГОРЕВА

Я была очень активной пионеркой, а потом комсомолкой, и романтика тех времён полностью захватывала меня: рвалась уехать из дома в дальние края. После окончания Рижского музыкального училища написала по разным адресам, в том числе в ЦК комсомола с просьбой направить меня на целину, но мне отвечали, что мои услуги там пока не нужны.

И тогда мама упростила меня поехать в Североуральск, где жила дочь друзей моих родителей. Написали ей, и вдруг звоночек из Тьмутаракани (для нас), голос Клавдии Васильевны: "Приезжайте. Работой и жильём обеспечим". Я выстояла огромную очередь в железнодорожную кассу, а когда подошла к окошечку, то кассирша, порывшись во всех справочниках, сказала, что станции Североуральск не существует, и билета мне не дала. Пришлось идти к начальнику касс, и тот с трудом нашёл на карте железных дорог рядом со станцией Бокситы маленькую точку - Североуральск.

После длинной дороги, дома у нашей знакомой я заперлась в ванной и вдоволь наплакалась. Но на другой день в музыкальной школе меня почти с распростёртыми объятиями встретили тетя Феня, исполнявшая обязанности технички, истопника и сторожа, и молодая учительница Ирина Дворникова, приехавшая из Свердловска на пару дней раньше меня, с которой мы потому неразлучно прожили два года. Вот эта доброжелательность людей, начиная с технички и шофёра, привёзшего с Боксит мой багаж и не взявшего за это денег, кончая директором Клавдией Васильевной Слудновой, преподавателями Елизаветой Федоровной Боярской, Анной Ивановной Еремеевой и другими, навсегда привязали меня к Североуральску. А родители моих учеников? До сих пор не пойму, за что они меня полюбили и благоговели передо мной, прощая мне вспыльчивость и неопытность.

Тогда на фортепианном отделении кроме меня не было ни одного пианиста со специальным образованием, но опыта и педагогических навыков у меня не было совсем. До сих пор вспоминаю, что часто в середине урока я не знала, чем мне заниматься с учеником дальше. А в зрелые годы, просидев с учеником иногда два урока, я испытывала ощущение нехватки времени. Особая страница в истории моей привязанности к Североуральску - это дружба с Елизаветой Федоровной Боярской. В её доме всегда было много музыки в её исполнении и в грамзаписи, щебетания птиц, редких книг по искусству и покровительственной заботы обо мне. А наши прогулки в лес! Природа Североуральска всегда вызывала у меня восторг. Огненные закаты, экзотический силуэт Кумбы, белые с голубизной шапки снега на деревьях в лесу, морозы до минус 50°, когда стоял, не рассеиваясь, туман и гудели провода - всё это я восторженно описывала в своих нескончаемых письмах домой, в Ригу. Всё-таки я скучала по родителям, по дому, сказывалось и личное одиночество. Проработав три учебных года, уехала. Но, видимо, так приросла душой к Североуральску, что через три года вернулась уже с мужем. И с тех пор не покидала седой суровый Урал и город, ставший родным.

В школе было много талантливых и не менее меня музыкально одарённых людей, но мне очень повезло. И в том, что я родилась в Москве, куда мама ежегодно привозила меня, водила по музеям и театрам, и в том, что выросла в одном из красивейших городов Европы - Риге и там приобщилась к европейской культуре. А главное - повезло с родителями, которые дали мне всё, привили любовь к искусству и природе. И ещё повезло с друзьями.

Много лет мы дружили с Эльвирой Николаевной Хмелёвой, к сожалению, рано ушедшей из жизни. Вот ведь удивительно: после 25-ти лет дружбы без единой ссоры мне очень трудно написать о ней без общих слов. Это был честнейший и благороднейший человек, до самозабвения преданный семье, друзьям, работе. При её горячем южном темпераменте она была бесконечно терпелива к своим ученикам, очень много времени и сил отдавала внеклассной работе. "Музыкальные салоны" у себя дома, постановки музыкальных новогодних спектаклей в школе, вылазки в лес... Все годы она руководила музыкальной секцией городского общества "Знание". Благодаря её энтузиазму и личному примеру наши педагоги ежемесячно проводили несколько концертов и бесед на сцене музыкальной школы,

в общеобразовательных школах, ГПТУ, на предприятиях и в посёлках.

Творческие люди проявляют свою одарённость в разных областях. У Эльвиры Николаевны была склонность к изобразительному искусству. У себя дома она расписала в народном стиле разделочные доски, журнальный столик, дверные стёкла. Этот дар унаследовала её дочь Ирина, ставшая профессиональной художницей.

Школа одарила меня большой дружбой с Ольгой Владимировной Полищук. Такого творческого единодушия и взаимопонимания у меня не было ни с кем. Мы постоянно советовались и, я надеюсь, дополняли друг друга в работе. Всегда восхищалась её энергией, педагогическим талантом, умением найти общий язык с учениками и коллегами, увлечь всех своим вечным горением, исполнительским талантом, внимательностью к людям.

Я не считаю свои достижения очень большими, но немного горжусь тем, что фактически создала фортепианный отдел нашей школы не только количественно, но и качественно. На всех кустовых конкурсах методисты всегда отмечали высокую грамотность наших учеников и особое владение звукоизвлечением, в чем нам часто уступали технари - серовцы.

Мне передали, что Таня Зюбина, живущая в Казахстане, благодарна мне, а не музыкальному училищу, за то, что научила её работать над звуком с учениками, и этим она выделяется среди своих коллег. Тешит душу благодарностью многих моих учеников за то, что я никогда не была равнодушной и всей душой пыталась передать им всё, что любила, знала и умела сама.

Многие, после окончания школы не забывают меня и одаряют своей любовью Наташа Елисеева, Надя Дементьева, Светлана Зайцева, Наташа Тимофеева, Наташа Нелаева, Катя Волкодав, Ирина Лисечко, Оля Гончаренко и другие. Сейчас в городе работают семь преподавателей по фортепиано и столько же в посёлках, среди них мои ученики: Л. П. Лукашина, Г. Б. Соклович (Тарасова), Н. Н. Зарипова (Каримова), Л. А. Аксёнова (Коваленко), Н. Н. Тамбовцева (Хилько), Н. Ф. Руснак (Кувилла). Работали в школе, но уехали мои выпускницы Т. Зюбина, Л. Лукоянова, Л. Крыжановская (в Германии).

Ну вот, пожалуй, и всё, что хотелось рассказать, а судить о моих достоинствах и недостатках могут только люди, с которыми соприкасалась в жизни. Каждого из нас кто-то любит, а кто-то терпеть не может. Бывает, ученики, с которыми добивался самых больших высот, кому отдавал времени и души больше, чем другим, почему-то не испытывают благодарности и привязанности, а те, с кем воевал, кого ругал и тянул за уши к финишу, любят тебя, забыв все обиды.

Конечно, я храню пачку всевозможных грамот и фотографий коллег и учащихся, по которым можно проследить всю мою работу. Но, считаю, дорого это только мне, а после моей смерти полетит, скорее всего, на свалку. Это не грустная нота в финале, а трезвая констатация факта, что все мы идём в одном направлении. До свидания. Желаю всем вам здоровья.

С уважением Вероника

Первым всегда трудно

"Выпускники Нижнетагильского художественного училища Дмитрий Архипов и его жена Алевтина, отправляясь в Североуральск, прекрасно знали, что школы, куда они приглашены преподавателями, ещё нет – достраивается. И всё-таки ехали без всяких сомнений и оглядок. И не потому, что им обещали действительную помощь. Просто они хорошо понимали, что в дальнем городе простор для творческой и организаторской

деятельности гораздо шире, чем где-либо. Где ещё можно найти такую благодатную почву для проверки своих сил, возможностей, способностей? И если с нуля, из ничего, так сказать, по своим эскизам, на этой почве выращено, создано что-то нужное, полезное людям, то можно считать: человек состоялся".

("Уральский рабочий". 8 декабря 1973 года)

Вспоминает Галина Ивановна Горева, заведующая отделом культуры горисполкома начала семидесятых годов:

- Всегда белой завистью завидовала краснотурьинцам. Музыкальное и художественное училища - всё почему-то у них, а не у нас. То ли у власти там были люди равнодушные, то ли по другой какой причине. В начале 70-х годов областное управление культуры начало открывать в городах, где проявляли инициативу и предоставляли материальную базу, художественные школы. И опять Краснотурьинск впереди! Съездили мы туда, посмотрели, побеседовали с заведующим отделом культуры и директором художественной школы. Появилось большое желание открыть школу в Североуральске. Разве у нас мало талантливых ребят? Руководство горисполкома идею поддержало.

Этому благоприятствовал ряд обстоятельств. Новое здание музыкальной школы было решено строить не в два этажа, как предусматривалось проектом, а в три - отдать один этаж художественной школе. В город приехали выпускники Уральского училища прикладного искусства Архиповы: Алевтина Харлампиевна закончила его с отличием по специальности "декоративное оформление", а Дмитрий Дмитриевич - по специальности "художественная обработка камня". Молодые и энергичные, они не испугались трудностей, когда им предложили столь серьёзное, первое в их жизни новое дело. Весной 1972 года они обошли общеобразовательные школы: беседовали с учителями рисования, с учащимися, выступали на родительских собраниях. В городской газете появилась статья о планах и программах школы, объявление о наборе учащихся на 1972-73 учебный год за символическую плату - 4 рубля в месяц. Желавших набралось немало. К собранию будущих учеников и их родителей, которое состоялось в ДК "Современник" 17 августа, преподаватели подготовили выставку своих работ.

19-20 сентября провели вступительные экзамены по рисунку, живописи и композиции. А 2 октября 64 человека первого набора приступили к учёбе. Здание новой школы ещё не было сдано в эксплуатацию, поэтому начинать пришлось в стенах старой школы дома номер 24 по улице Каржавина (снесена в 2004 году). До переезда в новое здание приняли ещё 15 учеников. Таким образом, в первый учебный год начали обучение 79 человек.

Материальной базы для обучения фактически не было никакой, всё начинали с нуля. Гипсовые фигуры для уроков рисунка и муляжи для натюрмортов просили в общеобразовательных школах. Первые каркасные геометрические тела, таблицы по живописи и рисунку Алевтина и Дмитрий сделали сами. Всё, что могло пригодиться для занятий, собирали где могли. Алевтина вспоминает: "Ребятам очень хотелось рисовать, их не смущали трудности. Они сами готовили простейшие наглядные пособия, собирали гербарии. Родители приносили в школу простые предметы для натюрмортного фонда. Заниматься было нелегко. Кое-кто перестал посещать школу. Остальные усердно занимались, готовились к радостному событию - новоселью". Дмитрий с улыбкой вспоминал, как, идя по улице, он увидел в луже старенький чугунок. Оглянувшись по сторонам, взял его и положил в сумку. Несли из дома куски ткани для драпировок, ходили по старым домам Петропавловска, выпрашивали старые ненужные предметы домашнего обихода. Позднее

Дмитрий перенёс в школу свою коллекцию: шестнадцать самоваров пополнили натюрмортный фонд. Для уроков по истории искусств использовали книги из домашней библиотеки. Но чтобы спроектировать из них репродукции художников на экран, поначалу не было даже эпидиаскопа.

О таких "мелочах" стоит говорить, чтобы подчеркнуть - первым всегда трудно! Ведь зачастую те, кто приходит на смену, и не задумываются, какими усилиями было создано то, чем они сегодня владеют. Ведь не с неба свалилось. Неуважительная снисходительность к трудам предшественников никогда не была признаком высокой культуры. Не потому ли, когда Алевтина Харлампиевна хотела вернуться в родную школу, ей отказали, посчитав старой. Не нужной оказалась сорокапятилетняя женщина с высшим университетским образованием по истории искусств и с таким опытом преподавательской и творческой работы, который новым руководителям школы и не снился.

Передо мной пачка копий документов 1973 года. Письма-просьбы о помощи за подписями заведующей отделом культуры горисполкома Г. И. Горевой: к директору и секретарю парткома Кировской фабрики художественных кистей, в отдел снабжения Ленинградского художественного фонда, к директору Подольского производственного комбината художественного фонда РСФСР, к начальнику областного управления культуры Ю. Н. Тимофееву и начальнику продснаба СУБРа Б. А. Штейнбергу. Срочно были нужны кисти, краски, пастель, уголь, рисовальная бумага. Всё, что сегодня продаётся свободно, в ту пору "выбить" сверх запланированных для кого-то, но не для новой школы в Североуральске, лимитов и нарядов было не так-то просто. Особенно кисти. Написали письма-заявки директору опытной экспериментальной фабрики наглядных пособий, директору «Свердлкниготорга», начальнику областного управления снабжения и сбыта - к кому только ни обращались, даже к министру культуры Екатерине Фурцевой.

Вспоминает Галина Ивановна Горева:

Никто не спешил нас облагодетельствовать. Порадовал только Ленинградский художественный фонд - принял заказ на гипсы и сравнительно быстро его выполнил. Гипсы получили уже ко второму году обучения. Радости не было предела! Худо-бедно, но в первый же год обучения приобрели 360 коробок красок, 300 карандашей, 230 наборов бумаги для акварелей, 600 листов рисовальной бумаги, 200 листов картона - целое богатство! К концу первого года обучения собрали более ста предметов натюрмортного фонда. В магазине наглядных пособий и мелкооптовой базе в городе Серове купили муляжи овощей и фруктов, чучела птиц и животных, гипсовые геометрические фигуры, гербарий и даже скелет человека. Приобрели диафильмы и диапозитивы, таблицы, альбомы по искусству и открытки, начали комплектовать библиотеку. И только кисти были в большом дефиците.

И вот однажды в Североуральске вёл приём один из секретарей обкома КПСС. Все шли к нему по личным вопросам, а я - со своими кистями. Как я разгневала высокопоставленное лицо, да и своего председателя горисполкома, что осмелилась по таким пустякам их беспокоить! Мне было сделано соответствующее внушение. Каково же было моё удивление, когда на следующий день в моём кабинете раздался телефонный звонок, и это высокое должностное лицо, назвав меня по имени-отчеству, извинилось передо мной. Сказав, что он и не предполагал, что кисти художественные это такой дефицит. "Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей", а вот такого пустяка нигде не добыть!

Школа получила пять классных комнат, методический кабинет, мастерские и прочие помещения общей площадью более 328 квадратных метров. По отчёту за первый учебный год, который сохранила Алевтина Харлампиевна, в местных ремонтно-строительных цехах

изготовили для школы 80 мольбертов, 200 планшетов, 140 табуретов с выдвигаемыми полочками для красок, 12 натюрмортных столиков, 10 подиумов, 20 станков для скульптуры, этюдники для плейера всего на сумму более 2610 рублей. Почти на четыре тысячи рублей было приобретено разного оборудования через отдел технического снабжения СУБРа. В том числе 28 столов, 68 стульев, 15 шкафов, металлические стеллажи, гардины и прочее.

На первых порах преподавателям приходилось самим составлять программы, разрабатывать учебно-учётную документацию. Только ко второму или третьему году обучения Министерство культуры обеспечило школу программами.

В городской газете Архиповы писали:

"В новом прекрасном здании было всё необходимое для плодотворных занятий. Юные художники получили дневники, отпечатанные по особому заказу, у преподавателей появились журналы. Начались занятия и в скульптурном классе. Во время каникул из Нижнего Тагила привезли специальную глину для юных ваятелей. В январе открылась наша первая художественная выставка, на которой ребята представили свои лучшие учебные работы по живописи, рисунку и композиции.

Радостно было видеть родителям, что их дети даже за такой небольшой срок уже чему-то научились. Подтверждали это и оценки в дневниках, выставленные за полгода. Отличниками были Ира Баранова, Таня Душкина, Надя Александрова и другие. Ребята решили выпускать стенную газету "Палитра". Они с любовью оформляли художественные планшеты к праздникам. Стали чаще ходить в выходные дни за город на этюды. Собирали свою библиотеку по искусству. Весной провели собрание, на котором рассказали, как ребята занимаются, какие проблемы решают преподаватели. Родители познакомились со школой, посмотрели рисунки ребят, сравнили их со вступительными работами. Родительский комитет начал нам помогать, активно включились в работу А. А. Коновалова, А. П. Стафеев и другие. Школа проработала всего лишь год. Благодаря усилиям самих ребят, учителей, заведующей отделом культуры Г. И. Горевой мы имеем уже многое. Но ведь и школа для города может сделать много"...

Учебный год закончили 58 человек. Из них 12 были отличниками, 32 – ударниками, и только у четырнадцати были по одной-две тройки. Лучших по итогам года поощрили альбомами, организовали для них экскурсии в Свердловск и Нижний Тагил с посещением музеев и выставок, картинной галереи, цирка, зоопарка. Ребята побывали в мастерской члена Союза художников СССР преподавателя Уральского училища прикладного искусства Виталия Стеканова, где увидели, как бесформенные куски мрамора, яшмы, флюорита и малахита превращаются в декоративные скульптуры животных и птиц, разнообразные сувениры. По словам Дмитрия Архипова, ребята смотрели на мир уже не пустыми глазами: они почти не расставались с карандашом, везде рисовали. По итогам двухнедельной летней практики оформили выставку работ.

Выставки сразу стали традиционными. В 1974 году с успехом прошла первая передвижная выставка. Жители Покровска-Уральского, Кальи и Черёмухово оставили в книге посещений восторженные отзывы. "Неспособных у нас нет, - говорят преподаватели художественной школы и называют лучших: Валерий Наточин, Галя Мартьянова, Марина Иванова, Галя Полозова, Сергей Деньгин, Ирина Баранова, Галина Рагозина" - писала в те дни городская газета. Лучшие работы экспонировались на областной выставке "Край наш уральский", где грамотами Областного управления культуры были награждены Сергей Арзамасов, Оля Захарова, Владимир Коновалов, Вероника Поздеева, Андрей Помешкин, Сергей Филимонов, Татьяна Соловьёва.

Вспоминает Галина Ивановна Горева:

- Конечно, успехи учащихся зависели не только от их способностей и трудолюбия, но и от уровня преподавания. А уровень специалистов-художников был высоким. Они не останавливались в творческом росте, сами участвовали в выставках. Вот как писала об этом газета: "Очень приятным было знакомство с работами супругов Архиповых. С особым пристрастием рассматривали их работы родители детей, записавшихся в художественную школу. Архиповы научить могут многому. Они представили на выставку работы грамотные по исполнению, интересного содержания. Задумчивым, чуть печальным настроением отмечены акварели Алевтины Харлампиевны. Заставляют задуматься портреты Дмитрия Дмитриевича, невольно залюбуешься его натюрморты. Архиповы представили на выставку два декоративных гипсовых блюда "50 лет СССР", моноптию "Церковь Петра и Павла", резные панно на дереве. Работы выполнены со вкусом, производят приятное впечатление". Алевтина Архипова часто выступала в городской газете под рубриками "Школа для семьи" и "Мир прекрасного" об основах эстетического воспитания и развития у детей художественных навыков. Вместе с преподавателями учащиеся оформляли площадь к Новому году.

"Стремясь дать своим ученикам как можно больше, Архиповы вскоре почувствовали, что управляться вдвоем стало гораздо труднее. Решили пригласить своего давнего друга, выпускника того же училища Алексея Кузнецова. Когда рассказывали ему, что успели сделать, он не очень-то верил, думал, заманивают. Но когда увидел чистые, уютные классы для занятий, кабинеты для лепки и обработки камня, остался без разговоров".

("Уральский рабочий". 8 декабря 1973 года)

Вспоминает Галина Ивановна Горева:

- Алексей по профессии был художник-дизайнер, но прекрасно работал в жанре живописи, ярко писал маслом портрет и пейзаж, силен был и в жанровой композиции. Несколько позже пригласили Александра Фёдоровича Тяжлова, который проработал в школе почти пять лет, а в 1980 году перешёл оформителем в художественную мастерскую СУБРа. Это были способные, талантливые и увлечённые люди. Сделали они для школы, да и для города, немало. Помогали в оформлении краеведческого музея, участвовали в конкурсе на оформление въезда в город. По эскизам Кузнецова был утверждён первый герб города, созданы логотипы местных газет, памятные медали к юбилеям СУБРа. Много раз они участвовали в городских выставках работ самодеятельных художников и в областных. В 1976 году Алексей стал дипломантом областной выставки. Его работы были отправлены на республиканскую выставку. Отмечены были и работы Тяжлова. На областной выставке в декабре 1981 года экспонировались две живописные работы Алексея Кузнецова и три работы Александра Тяжлова.

Всего 35 лет отпустила судьба Алексею Кузнецову. Через год после его кончины в 1985 году в ДК "Современник" состоялась выставка, посвящённая его памяти. Посетители оставили о ней восторженные отзывы, а городская газета писала: "Этот скромный человек прожил недолгую жизнь, но годы эти были плодотворными. Алексей Николаевич был необыкновенно доброжелательным. Он очень любил детей. Свою любовь к живописи сумел передать ученикам. Многие из них выбрали профессию художника на всю жизнь". Алексей Николаевич проработал в школе семь лет и ещё два года - по совместительству. Александр Фёдорович Тяжлов скончался в возрасте 52 лет после тяжёлой и продолжительной болезни в 2002 году. Они никогда бы не ушли работать на СУБР, если бы в школе зарплата была приличная.

С большой самоотдачей работала в школе с 1981 по 1994 год Александра Петровна Исаева, человек творческий, неравнодушный. Благодаря этому человеку школа вновь обрела самостоятельность и переехала в отдельное здание бывшего детского сада № 7, где было уже восемь аудиторий и возможностей для обучения больше. Талантливый педагог и художник, добрая и обаятельная, Александра Петровна была восприимчивой ко всему новому. Её любили все - ученики, педагоги, родители. Она прекрасно владела многими художественными ремёслами. Умела своими золотыми руками вязать вологодское кружево, макраме, ткать гобелен. К сожалению, теперь она живёт и работает в Германии.

До выделения художественной школы в самостоятельную и переезда в новое помещение её закончили 315 юных североуральцев. Надо заметить, что самый первый выпуск художественной школы весной 1976 года был и самым большим за этот период.

Четыре года самоотверженной работы педагогов Архиповых дали удивительный результат: 28 из 35 (80 процентов выпускников!) продолжили своё художественное образование и так или иначе навсегда связали свою жизнь с искусством и архитектурой, дизайном или декоративно-прикладным искусством. Десять человек получили высшее образование и стали архитекторами, модельерами, реставраторами, специалистами компьютерной графики. Одиннадцать выпускников закончили художественные училища и работают оформителями, занимаются живописью, графикой, ковроткачеством, обработкой камня. Питомцы первого набора работают в Североуральске, Краснотурьинске, Асбесте, Ростове, Тюмени, Новгороде, Санкт-Петербурге, Москве, на Алтае, в Германии. Ну а те, кто выбрал другой путь в жизни, с благодарностью вспоминают уроки своих учителей, научивших любить прекрасное.

Пришли другие времена, взошли другие имена. Это естественно и неотвратимо, как естественно для каждого человека приходит пора, когда надо остановиться, оглянуться и "подытожить то, что прожил". Вспомнить годы, когда в нашей жизни было больше порядка, а в людях - больше порядочности. Когда полные сил и энергии молодые люди думали сначала о Родине, а потом о себе. Придут новые времена. Но хочется верить, что лицом художественной школы всегда будут судьбы её выпускников, а её достоинством - сохранение и умножение лучших традиций и памяти о первопроходцах.

Юрий СЫСУЕВ

Хмурый Вангур

Летом пятьдесят девятого года в Североуральске обосновалась группа Свердловской киностудии - снимали художественный фильм "Хмурый Вангур". В основу сценария фильма легла одноименная повесть уральского писателя Олега Корякова о геологах, с невероятными трудностями разыскивающих титановую руду в глухой североуральской тайге, вдоль берега то буйной, то превращающейся в болото, то сплошь заваленной могучими деревьями реки Вангур...

По сценарию в фильме были две собаки. Их киногруппа привезла с собой. Но в жаркий июльский день одна легла в тень под лежневку, а тут машина... А именно эта лайка была по фильму спутницей проводника-манси, именно ей тут, в тайге, надо было сниматься. Ассистенты ударились в поиски - нужен был такой пёс, чтобы мог работать и походил на лайку. Пришли за помощью в горисполком.

Зампредседателя исполкома Павел Георгиевич Емелин посоветовал обратиться к Дерябину, знал его собаку. Охотничий пес с немудреной кличкой Тузик был уральской лайкой, из юрта Бахтиярова, знал команды, подчинялся им - как раз то, что надо. Но имелись у

Тузика и другие особенности: характер имел своенравный, был драчлив и жизнь вёл достаточно самостоятельную. Перед приездом киношников пробегал где-то три дня и, видно, не в одной сваре бился. Хоть шерсть была густущая - не больно прокусишь, - домой явился изрядно потрепанным, выглядел, мягко говоря, не киноголично, а уж как чувствовал себя... Только водичку и мог пить. Потому не больно-то и приглянулся, да и хозяин поначалу отказался отдать Тузика в артисты. Но когда, просмотрев 28 собак и отчаявшись в безрезультатных поисках, ассистенты через три дня снова приехали к Дерябиным, они увидели сильного, красивого пса. И так уговаривали хозяина, что он не смог отказать. Заключил со студией трудовое соглашение, по которому она обязалась выделить человека для ухода за собакой, а также выплатить хозяину за участие пса в съемках 1000 рублей.

Съёмки в окрестностях Североуральска шли всё лето. Но вышла неудача – оператор запорол много пленки. Он был документалистом, а у художественного кино своя специфика. То, что допустимо в документальном фильме – тени, блики, для игрового не подходит. В результате те части, что снимались с дополнительным освещением, подсветками, панорамные съемки - пошли в ход, а почти треть отснятого пришлось переснимать. Пока суть да дело, северное лето ушло, стало мало солнца, а съемки в таких условиях проводить нельзя. И группа отправилась в Грузию. В Боржоми нашли подходящую натуру и продолжили работу. Оператора к тому времени сменили.

Естественно, отправился в Грузию и Тузик. А с ним и Клавдий Семенович. Он летел на съемки не только как хозяин собаки, но и как дрессировщик. Именно так и было записано в новом трудовом соглашении: "Дерябин Клавдий Семенович даёт своё согласие на дрессировку двух собак для съемки их в фильме "Хмурый Вангур". Приручает собак к актерам и исполнению ими нагрузки по ходу фильма, а также несёт полную материальную ответственность за собак Альма и Тузик. За исполнение работы дрессировщика "студия" выплачивает Дерябину 600 руб. в месяц". Соглашение предусматривало также оплату проезда, суточные и квартирные за всё время экспедиции.

С этой экспедицией у Клавдия Семёновича связаны одни из самых приятных воспоминаний молодости. Где бы ещё он смог повариться в "киношной" кухне, узнать, что же там за мерцающим белым экраном. Думать о тех днях приятно еще и потому, что съёмочная группа - около 60 человек - была дружной, слаженной. Режиссер А. Дудоров и актёры относились к дрессировщику хорошо. Как не вспомнить игравшую одну из главных ролей в фильме Юю Арепину? Красавица, очень в те годы популярная, но совсем не высокомерная, обаятельная. Роль сына проводника-манси играл Раднэр Муратов. Современный зритель знает его по "Джентльменам удачи". Именно его герой одну за другой произносил в фильме фразы, вошедшие впоследствии в народный фольклор, к примеру, "кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста". Радик был тоже очень обаятелен, прост в общении.

В чем же заключалась роль дрессировщика? Если в кадре нужна была собака, он должен был обеспечить ее присутствие, а также то, чтобы она лежала как надо, когда надо вставала, бежала, лаяла. Добиться этого было не так уж просто. Тузик, правда, работать начал почти сразу, а вот с Альмой хлопот было больше. В Грузии лайку оценили высоко, не раз предлагали за сильную, выносливую собаку хорошие деньги. Хотя и неприятностей местные жители от неё натерпелись.

Раз шла с ним Ия Арепина мимо киоска "Союзпечати", а там, у продавца собачонка - ну лает, ну лает. А Тузик всяких шавок на дух не переносил, вырвал поводок, влетел в раскрытую витрину киоска и такой там устроил трам-тарарам, что дрессировщику пришлось не только извиняться, но и сотенную выложить за причиненный ущерб,

Впрочем, сами киношники - люди молодые - тоже малость хулиганили. Раз другу Клавдия пиротехнику Саше местная собачонка порвала штанину. Он и спустил на нее Тузика. Шавка так перепугалась, что, удирая, в страхе влетела домой в приоткрытую дверь. Пес же махнул через окно. А там бабушка на примусе варенье из персиков варила. В драке собаки опрокинули и примус, и варенье. Бабушка, правда, спаслась...

Вспоминаются Клавдию Семеновичу и другие связанные с собаками эпизоды киноэкспедиции. Как, проводя съёмки в пещере, из-за Альмы попали в завал - по счастью никто не пострадал. Как эту же пустоголовую Альму Тузик вывел к людям, когда она в горах забралась в недоступное для людей место, а выбраться не смогла. Но все эти любопытные эпизоды лишь сопутствовали съёмкам. Фильм, как утверждает Клавдий Семенович, получился очень живописный, многие наши североуральские красоты вошли в него. За красоту "Хмурого Вангура" даже Австралия купила. В те годы подобное случалось отнюдь не часто.

И хотя воспоминания о тех далеких месяцах милы Клавдию Семеновичу, он никогда особо о них не распространялся. Но вот в одном из выпусков "Вагран" проскользнуло упоминание о съёмках фильма, и Клавдий Семенович позвонил в редакцию. Ему очень хотелось бы снова увидеть этот фильм в Североуральске: "Может, отделу культуры удастся заполучить фильм на Свердловской киностудии, его бы многие с удовольствием посмотрели. Может, видеозапись удалось бы сделать - не каждый город может похвастаться снятым в нем художественным фильмом".

Тузика Клавдий Семенович вспоминает часто. Были у него и другие собаки, только не выпало им столь же необычной судьбы. Живёт теперь без собаки, но с котом Яшей. Яша с Уралмаша начинал свою жизнь в Екатеринбурге у дочери Клавдия Семеновича и зарекомендовал себя отъявленным хулиганом. А здесь и место своё знает, и покладистым стал - хозяин воспитал. Клавдий Семенович утверждает, что животному все можно сказать взглядом, поймет. С Яшей он так и говорит. Потому что умеет - дрессировщик же.

Галина ШЕВЕЛА

Первый стадион

Стоял солнечный день 1939 года. Между поселками Бокситы и Петропавловским было большое поле. Подготовку спортивного праздника вели два предприятия – Петропавловский леспромхоз и СУБР. От леспромхоза руководил директор Николай Григорьевич Семенов, а от СУБРа - председатель рудкома Расторгуев, бывший конник армии Буденного. Собравшиеся жители поселков, по словам Фаины Николаевны Баяновой, наблюдали полет планёра, ведомый самолетом У-2. Планёр и самолет заказал Петропавловский леспромхоз. Планёр вел начальник отдела кадров леспромхоза Василий Аргунов, отслуживший в кадровой армии. Он удачно посадил машину за пределами поля, на котором собрались жители. Затем начались соревнования...

В стране уделялось большое внимание физической подготовке молодежи, было создано Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (ОСОАВИАХИМ). Каждое предприятие строило спортивные площадки, футбольные поля и стадионы. Петропавловский леспромхоз строил площадки с турниками, можно было играть в волейбол и футбол. Футбольное поле у леспромхоза было на месте нынешней улицы Набережной, на берегу Колонги. В свое время один из участников соревнований Михаил Константинович Горбунов вспоминал, что в леспромхозе проводили соревнования среди лесоучастков. Отличалась команда Покровска, которую возглавлял Сергей Васильевич

Баянов. В ней играл Сергей Афанасьевич Бабич, тогдашний житель Покровска-Уральского. Спортивные площадки строили возле очагов культуры, которыми являлись клубы.

До наших дней сохранились планы 1940 года, выполненные «Метростроем», и план «Гипрроникеля» 1947 года. На планшете № 42 1947 года с западной стороны ныне существующего здания клуба горняков находился первый стадион СУБРа, ставший первым стадионом Североуральска. По словам Сергея Афанасьевича Бабича, открытие стадиона состоялось в конце тридцатых годов. В 1937 году начал работать клуб СУБРа. Сюда любили приходить старшеклассники средней школы, играть в шахматы и шашки. Кроме футбольного поля и волейбольной площадки, по словам сторожила поселка Бокситы (СУБРа) Вениамина Петровича Лебедева, был построен небольшой двухэтажный домик на северной стороне стадиона, где размещались службы стадиона. Домик был разобран в годы войны для хозяйственных нужд. Стадион работал и во время войны. В светлое время суток там собиралась молодежь и играла в волейбол. Среди них отмечались сильнейшие волейболисты - Иосиф Черепанов и будущий директор СУБРа Семен Трепачев, на игру приходили девушки, говорит Надежда Александровна Преображенская. Молодежь была одета неброско, но умела с пользой провести свободное от работы время.

После окончания войны, по словам В. Лебедева и Г. Назарова, построили большой спортивный павильон. Вдоль изгороди стадиона поставили скамейки для зрителей. Во время войны площадь стадиона уменьшалась за счет постройки бараков по улице Ватутина. Жители бараков почти вплотную к стадиону построили сарайчики. Во время футбольных матчей, по словам бывшего члена футбольной команды СУБРа Агафона Николаевича Брагина, на крышах вплотную сидели мальчишки. Весной и осенью в свободное время на поле проводили занятия учителя средней школы № 1 и учитель физкультуры ФЗО Иван Таран. На стадионе проходила сдача норм на значки БГТО и ГТО на уроках военной подготовки в старших классах школы № 1, нормы принимали работники горвоенкомата.

По воспоминаниям А. Н. Брагина, особенно активными спортсменами были Вадим Михайлов и Владимир Ландау. Среди известных инструкторов от рудкома СУБРа был Сергей Васильевич Баянов и от стройкома «Бокситстроя» Семен Павлович Бунтман. Оба - бывшие футболисты довоенных лет, Сергей Васильевич - основатель футбола в нашем городе.

Территория стадиона была мала для растущего города. Было принято решение о строительстве нового стадиона. Место выбрали на правом берегу Ваграны. Строительство деревянного моста на другом берегу начали весной 1949 года, напротив нынешнего интерната для ветеранов и инвалидов. Сдали стадион в эксплуатацию в конце 1950 года или зимой 1951 года, но не в 1949 году, как считают некоторые.

Старый стадион не прекратил своё существование. Зимой ставили новогоднюю городскую ёлку, заливался каток для конькобежцев. В городе стали проходить соревнования по хоккею. По воспоминаниям А. Н. Брагина, сначала каток заливали горячей водой, и он был пузырчатый, а потом приловчились.

Брагин принадлежит к спортивной семье. Все его сестры и братья занимались спортом и были известными в городе людьми в сороковые и пятидесятые годы. Нынешний стадион стали строить по той причине, что на территории старого нужно было строить новый канал-дублер. К тому же деревянное здание загорелось от шалостей мальчишек. В спортивном павильоне первого стадиона разместили Дом пионеров.

Евгений МЫЛОВ

10. СУБР: ВСЕМ БЕДАМ ВОПРЕКИ

Первые шаги

Начало тридцатых годов 20-го столетия вошло в историю мировой экономики как годы Великой депрессии. Особенно пострадала экономика США и Германии. Но если Франклин Рузвельт взял курс на развитие экономических отношений с СССР, то в Германии пришла к власти национал-социалистическая партия. Адольф Гитлер провозгласил необходимость передела мира, установленного Версальским мирным договором. Советский Союз пошел по пути развития тяжелой промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Тысячи крестьян, не согласных с коллективизацией, были сорваны с мест и отправлены в ссылку в северные районы страны. В таких не простых условиях создавалась алюминиевая промышленность Урала.

Постановление о строительстве Уральского алюминиевого комбината было принято Советом труда и обороны СССР 3 декабря 1932 года. В нем предусматривалось начало строительства в 1933 году с пуском комбината в 1936. Пуск комбината в установленный срок обеспечивало Постановление Совнаркома СССР, в котором были определены капитальные затраты на 1934 год в сумме 33,4 млн. рублей. В результате многочисленных урезок затраты сократили до 13,1 миллиона. Пришлось ограничиться минимальными подготовительными работами по проектированию, разведке запасов бокситов, сооружению временных обслуживающих сооружений, некоторого жилья, небольшого количества дорог, постройке опытного завода по производству глинозема из местных руд. В четвертом квартале кредиты ещё более сжались, а в 1935 году было профинансировано только 8 млн. рублей, что вызвало сильные сокращения аппарата управления, рабочих, капитальных затрат. Как видим, рождение нового предприятия «Надеждинский Бокситстрой» комбината «Уралалюминий» на базе месторождения «Красная Шапочка» в селе Петропавловском Кабаковского (Надеждинского) района было непростым.

Первого июля 1933 года можно считать началом работы предприятия «Надеждинский Бокситстрой». Основным документом является «Вступительный баланс по Рудоуправлению Надеждинских бокситов на 1 июля 1933 года". Выделенный из управления «Уралалюминия» в сумме 116,2 тыс. рублей баланс подписали начальник УАК и главный бухгалтер. Приняли баланс начальник рудоуправления Петр Алексеевич Туркин и старший бухгалтер.

Основными работами Бокситстроя в 1933 году по отчетам бухгалтерии были научно-исследовательские, проектно-изыскательские, геологоразведочные, строительство временных сооружений, основное производство, складское хозяйство, вербовка рабочих и общее питание.

В связи с тем, что уральский алюминиевый комбинат в будущем был ориентирован на Соколовские бокситы, то «Надеждинский Бокситстрой» приказом по Главалюминию от 02.04.1934 года был выделен из состава «Уралалюминия» по балансу на 01.01.1934 года в самостоятельное предприятие, непосредственно подчиненное Главку и был назван «Северо - Уральские бокситовые рудники» (СУБР). Директором был назначен Петр Алексеевич Туркин. В те годы разведанные запасы бокситов Каменского района обеспечивали бы Уральский алюминиевый завод при его полной мощности только 10 лет. Утвержденные запасы бокситов на 1 апреля 1934 года Уральской комиссией по запасам превосходили запасы Каменских бокситов почти в 1,7 раза. И геологоразведочные работы были не закончены.

Датой начала промышленного освоения Североуральского бассейна можно считать

5 июня 1934 года, когда из карьера месторождения «Красная шапочка» были добыты первые тонны руды. За 1934 год было добыто 9,9 тыс. тонн боксита. Североуральские бокситы становились основной базой сырья страны. До этого монополия на качественные бокситы принадлежала Франции. Как писала газета «Уральский рабочий» в 1939 году в № 226, «первая партия бокситов Северного Урала, доставленная на мировой рынок, вызвала неслыханный успех». В том же номере опубликовано, что на строительные работы ассигнованы первые 10 млн. рублей. В поселке СУБРа Бокситы развернулось строительство жилья, соцкультбыта и других объектов. В том же году была заложена вертикальная шахта № 1 "Капитальная». В книгах маркшейдерского учета тех лет отмечено, что вскрыша и добыча боксита производилась «мускульной силой» и также фиксировалась в оплате труда. Перевозка горной массы на склады производилась гужевым транспортом.

Все эти причины не могли не сказаться на частой смене руководства СУБРа. Первого директора СУБРа П. А. Туркина сменил Гуляницкий, а затем Щелканов. Сравнительно короткое время работали: директор Ф. А. Иванов; исполняющим обязанности главного инженера и директором П. А. Заморин, директором и исполняющим обязанности главного инженера М. М. Аронсон (с 5.02.1936 года по август 1937). С 16.10.1937 по 31.03.1938 года директором был Д. К. Иванов. Продолжительное время главным инженером СУБРа работал Сергей Иванович Загорский, окончивший горный факультет Уральского политехнического института в 1931 году. До этого он работал на Тихвинских бокситовых рудниках, а потом снова туда вернулся. При эвакуации из Бокситогорска умер в Свердловске.

С 10 декабря 1937 года по 25 ноября 1938 года главным инженером СУБРа работал Владимир Иванович Алексеев, окончивший ленинградский горный институт. За короткое время зарекомендовал себя энергичным и технически грамотным специалистом.

За время работы на СУБРе В. И. Алексеев совместно с начальником буровзрывных работ Борисом Александровичем Смышляевым внедрил массовые взрывы горных пород в карьерах. Летом 1938 года В. И. Алексеев лично руководил первым массовым взрывом в карьере Первого Северного рудника. В разработке взрыва участвовали, кроме Б. А. Смышляева, Федор Иванович Дерябин, Семен Семенович Дерябин и Павел Николаевич Постников. 31 июля 1938 года успешно вскрыта разрезная траншея длиной 260 метров и глубиной 10 метров. С этого времени на открытых работах СУБРа стали применяться массовые взрывы. В том же году на СУБР прибыл первый паровой экскаватор «МЭНК» и был поставлен на погрузку руды. За 1938 год добыча боксита достигла 180,3 тыс. тонн.

Все горные работы осуществлял горный цех. Первым начальником цеха с 1934 года был Н. В. Чистяков. В декабре 1936 года начальником цеха был назначен Николай Петрович Баянов - местный житель 1913 года рождения, горный техник. Он начинал учиться в Турьинском горном техникуме и закончил учебу в горнометаллургическом техникуме имени И. И. Ползунова. В августе 1938 года был назначен директором СУБРа. Это был самый молодой директор. Он проработал до августа 1939 года. За 1939 год СУБР снизил производительность до 147,1 тыс. тонн. Такая смена руководства СУБРа приводила к тому, что директора не успевали освоиться с производством, организовать строительство жилья, промышленных сооружений и особенно прокладки железной дороги к рудникам и ввода электростанций. Совершенно не случайно вышел приказ по наркомату тяжелой промышленности № 72 от 21.08.1937 года «Об организации работ по кадрам».

В 1936 году на СУБР были направлены горные техники и только один горный инженер - выпускник Днепропетровского горного института Емельян Трофимович Тараненко. Прибывшие были в основном выпускниками Турьинского горного техникума. Среди них:

Григорий Порфирьевич Зиканов, Валентин Валентинович Климов, Иван Иванович Морозов, Пряничников, Тюканов, Александр Иванович Колотовкин, Валерий Георгиевич Юхнев.

В конце августа 1939 года приказом наркомата цветной металлургии директором СУБРа был назначен Георгий Викторович Алёшин - выпускник Московского горного института 1934 года. К этому времени предприятие значительно выросло по численности, укомплектовано новыми паровозами, подвижным составом (думпкары), буровыми станками ударно-канатного бурения, станками для мехмастерских и автогаража. В работе были Южный и Северный рудники. Созданы железнодорожный цех, ЦЭС, ВДС, электролаборатория, ОТК, химлаборатория и ремонтно-механический цех. Г. В. Алешин проработал на СУБРе до 10 декабря 1940 года и приказом Наркомата цветной металлургии был откомандирован на угольное предприятие Дальнего Востока. При его руководстве добыча боксита вновь начала повышаться и достигла за 1940 год 168 тыс. тонн. Во время работы Г. В. Алешина на должность главного инженера был вновь назначен Владимир Иванович Алексеев.

В 1939 году на Южном руднике была углублена разведочная шахта № 3, заложенная в 1934 году, начата подземная добыча, выдано нагора 1680 тонн боксита. В следующем году на Южном руднике построены мелкие шахты № 4, 5, 6 и 7, а на 2-м Северном руднике строилась шахта № 11.

Всё для фронта

Сбои в снабжении продовольственными товарами в период советско-финской войны послужили уроком. Была установлена система снабжения рабочих и служащих продуктами питания по заборным книжкам. Предприятия были вынуждены развивать свои подсобные хозяйства. Приказом Наркома цветной металлургии СССР № 717 от 16 ноября 1940 года было дано указание об организации при СУБРе подсобного хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления с целью обеспечения продуктами столовых СУБРа. Подсобные хозяйства появились у Петропавловского леспромхоза, Баяновского и Покровского мехлесопунктов. Они сыграли большую роль в годы войны.

Численность коллектива СУБРа в 1940 году была всего 1650 человек. В составе СУБРа находились всего два рудника: Южный и 2-й Северный. Добыча боксита Южного рудника составляла 87,8 тысячи тонн, в том числе 38,3 тысячи - подземного. Подземная добыча велась на верхних горизонтах 2-3 мелких шахт. Довоенная добыча 2-го Северного рудника составила всего 80 тысяч тонн при открытом способе.

Шахта № 1 Капитальная

В первые дни войны СУБР не был отнесен к оборонным предприятиям. На фронт были мобилизованы рабочие и многие инженерно-технические работники. С января по сентябрь 1941 года исполняющим обязанности директора был главный инженер В. И. Алексеев. Ему пришлось внедрять схему подготовки горизонтов шахт к подземной добыче и внедрять систему разработки очистной добычи. Это

было новое для СУБРа дело, осложненное неполной изученностью горногеологических и горнотехнических условий месторождения и отсутствием механизаций (кроме лопаты, тачки и вагонетки). Маркшейдерские планы тех лет Южного рудника (шахта № 1 Капитальная) дают полную картину горных работ. Принятая высота этажа горизонта не более 10 метров и расстояние очистных блоков не более 15 метров требовали внедрения скоростных методов проходки горно-подготовительных выработок. Существовали нормы вскрытых, подготовительных и готовых к очистной добыче запасов руды. В обязанности главного инженера предприятия всегда входило соблюдать эти нормы. Но это не находило понимания у несведущих людей. В органы НКВД поступил ложный донос на В. И. Алексеева о вредительстве, и он был арестован в конце сентября 1941 года. Его заслуга в достижении добычи за 1941 год 359,5 тыс. тонн боксита, в том числе подземных 87,6 тыс. тонн.

Алексеев был осужден и отправлен в Норильские лагеря, где также руководил горными работами - (по рассказу Ивана Павловича Ермакова - бывшего начальника технического отдела треста "Бокситстрой"). В Североуральск В. И. Алексеев вернулся после смерти И. В. Сталина и работал в тресте "Бокситстрой" начальником строительной конторы № 3, которая возводила дома в районе нынешних улиц Белинского, Маяковского, Каржавина и Мира. Затем по состоянию здоровья перешел на работу главным диспетчером треста и умер в конце 50-х годов. Похоронен он на старом кладбище в районе аммонального склада.

Из строя были выведены Тихвинские бокситовые рудники, Волховский и Днепропетровский алюминиевые заводы. Оставались действующими только Уральский алюминиевый завод и Северо-Уральские Бокситовые рудники. Работа СУБРа из-за нехватки рабочих и техники была на грани срыва. В район начинали прибывать рабочие. В СУБР прибыли из Карпинского детдома 21 человек 1927-1928 годов рождения, из них 11 - девушки. Всех их устроили младшими рабочими. В СУБР прибыла воинская часть, состоящая из армян. Солдат поселили в бывшем деревянном здании школы, находившейся на месте нынешнего общежития № 6. Из-за нехватки питания и непривычного климата среди них была большая смертность. Сначала их хоронили с музыкой. Это было непривычно для местных жителей. Затем просто на кладбище в братских могилах. По рассказам жителей бывшего поселка Бокситы, в последствии армяне были отправлены на фронт.

В конце сентября 1941 года прибыли эвакуационные специалисты и рабочие с Тихвинских бокситовых рудников во главе с директором Николаем Ивановичем Собко, назначенным директором СУБРа. С ним прибыли Кузьма Андреев - начальник планового отдела СУБРа, Антон Христофорович Бернатович - заместитель директора, Евгений Максимович Касьян - главный бухгалтер СУБРа, Г. М. Пальчун - начальник 3-го Северного рудника и Федор Дмитриевич Ходоренко - начальник ОТКа. Срочно начался монтаж экскаваторов, буровых станков, чтобы запустить в работу карьеры. Прибывших сначала поселили в клубе СУБРа, а затем расселили в частных домах поселков Бокситы и Петропавловска.

В стране была введена карточная система на продукты питания и одежду. Рабочим хлеба выдавали 1 кг, служащим - 600 г, детям до 12 лет - 300, детям свыше 12 лет и иждивенцам - 250 г. Другие продукты выдавались только рабочим и служащим, а иногда заменялись обедами в столовых. Подсобных хозяйств у предприятий поначалу не было. Жители в огородах выращивали картофель, репу, морковь, да выручала корова. Жизнь эвакуированных в первый год войны была тяжелая. Как-то у своего знакомого я поинтересовался о жизни его сверстников. Он ответил, что ходил в школу только из-за булочки и сладкого чая. При этом добавил, что надевал верхнюю одежду своей сестры.

Весной 1942 года подсобные хозяйства предприятий распахали все прибрежные сенокосы возле поселков, посадив картофель, капусту и канадский турнепс. Осенью турнепс вырос на славу. Эвакуированные начали разделять огороды на пустошах. Дети старше 12 лет трудились вместе со взрослыми полный рабочий день, бросив учебу в школах.

За 1942 год на СУБРе произошло снижение добычи боксита до 313,7 тыс. тонн, в том числе добыто подземным способом 82,1 тыс. тонн. Основной причиной была холодная и голодная зима 1941-1942 годов. Ее не выдерживали не только люди, но и машины, хотя в строй вступили два рудника - Третий Северный и Кальинский. Государственный комитет обороны внимательно следил за работой предприятий алюминиевой промышленности. 28 сентября 1942 года отстранили от руководства СУБРом его директора Н. И. Сопко. Нарком цветной металлургии П. Ф. Ломако лично выдвинул на пост директора кандидатуру Валентина Никаноровича Богатова, работавшего управляющим трестом "Красноуральскмедьруда", 1907 года рождения, закончившего Турьинский горный техникум в 1932 году, награжденного орденом Ленина. Главным инженером был назначен Борис Иванович Нифонтов, выпускник Московского горного института. Он продолжил работу В. И. Алексеева по скоростным проходкам горно подготовительных выработок и внедрению новых вариантов системы слоевого обрушения при подземной добыче совместно с институтом «Союзникельовопроект» (Гипроникель). Институт был эвакуирован из Ленинграда и располагался на втором и третьем этажах местной церкви. Приказом наркома № 194-к от 9 сентября 1942 года на СУБР были командированы М. И. Гусаров, Н. П. Костин, М. П. Рыков и бывший директор Турьинского рудоуправления В. М. Сибиряков, а также рабочие с медных рудников Дегтярска, Карабаша и других рудников.

Просматривая списки инженерно-технических работников СУБРа с 1943 по 1945 годы, можно сделать выводы, что в основном они закончили институты и техникумы по технологии разработки рудных месторождений. Главный инженер Б. И. Нифонтов - выпускник Московского института цветных металлов и золота, Н. Л. Костин и М. И. Гусаров, назначенные на должности главного и старшего маркшейдера 2-го Северного рудника - выпускники Свердловского горного института. Главным геологом СУБРа был назначен выпускник МГУ Платон Панфилович Савченко, сменив Николая Акимовича Каржавина. Начальниками рудников работали: Южного рудника Валентин Валентинович Климов (выпускник Турьинского горного техникума и Промакадемии НКЦМ), 2-го Северного рудника - Анатолий Павлович Грачев (выпускник Свердловского горного института, по специальности геолог), 3-го Северного рудника - Алексей Михайлович Барсуков (выпускник Криворожского горного института), Кальинского рудника - Григорий Лукич Шенгелия (выпускник Закавказского горного института сменил И. Г. Макарова - выпускника Донецкого горного института угольной промышленности). Черемуховский рудник возглавил Валерий Георгиевич Юхин - выпускник Турьинского горного техникума, по специальности геолог. Многие из назначенных сменили специалистов-угольщиков из Донбасса, которые в дальнейшем были переведены на угольные предприятия страны, а также на восстановление Донбасса.

Инженеров и техников, занимавших другие должности на шахтах и в карьерах, заменили специалистами, окончившими Иркутский горнометаллургический, Томский технологический, Ленинградский институты, а так же Исовской, Миасский, Алапаевский, Свердловский, Нижнетагильский, Баймакский техникумы. Иркутский горнометаллургический институт окончили ветераны СУБРа С. Н. Онисов, Д. Л. Стадниченко, С. С. Мирошниченко и другие, оставившие заметный след в истории

СУБРа. Семипалатинский геологоразведочный техникум окончил Ф. А. Шведов, работавший старшим геологом Кальинского рудника в 1943–1945 годах. Главным энергетиком Кальинского рудника и шахты 13-13 бис с 1942 года до выхода на пенсию проработал выпускник Албанского техникума Петр Михайлович Ляшенко. Николай Алексеевич Алексеевский выпускник Томского технологического института, с 1943 по 1945 годы работал главным инженером Третьего Северного рудника.

Петр Михайлович Стукалин учился в Новочеркасском индустриальном институте вместе с Семеном Дмитриевичем Трепачевым. Война застала его на производственной практике в городе Красный Луг в Донбассе. Он вспоминал: «В понедельник 23 июня рабочие собрались во дворе шахты, где им объявили о мобилизации. Нам студентам, предложили возвращаться в институт, который эвакуировали Ташкент. По приказу ГКО студентов старших курсов без защиты диплома отправляли на предприятия. Я получил назначение на Дальний Восток на предприятие «Главцинкзвинец». Но еще не успев уехать, был вызван в отдел кадров, где изменили назначение на СУБР, объяснив, что больше нужны специалисты на предприятиях крылатого металла. В дороге очень тяжело было с питанием. Пришлось в Новосибирске продать рубашку. Выручил мужичок, который подкармливал жмыхом. В Свердловске зашел в наркомат цветной металлургии к главному маркшейдеру Главалюминия. Там встретился с директором Н. И. Собко. Мне выписали 100 рублей, рейсовую продовольственную карточку и рассказали, как добраться до места назначения. Добираться пришлось с пересадкой в Серове. Там заночевал в приездной СУБРа. Затем пригородным поездом Серов - Покровск-Уральский доехал до станции Бокситы. Там сел в вертушку из трех вагонов и доехал до станции Красная Шапочка. Поселили в общежитии в чистой комнате на два человека. Вскоре приехал С. Д. Трепачев. С 12 апреля 1942 года живу в Североуральске».

В 1942 году в СУБР прибыла большая группа молодых рабочих, мобилизованная из спецпереселенцев в Трудармию Серовским горвоенкоматом. Трудармию сопровождали военные. Н. Н. Кречетов как-то рассказал, что поезд, вышедший со станции Серов, пошел от города на север. Разместили их в бараке пустующего поселка 156-го квартала. Утром военных уже не было. На встречу с ними приехал директор СУБРа, который рассказал о работе. Часть людей была направлена на горные работы, а другая часть - на строительство шахт, железной дороги и других объектов. Строители были переданы из СУБРа в ОСМЧ «Бокситстрой».

На основании постановления ГКО от 10 января 1942 года «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» были образованы рабочие колонны. Мобилизованных советских немцев использовали на строительстве объектов СУБРа и горных работах, многие работали в геологоразведке. Рабочие колонны функционировали до января 1946 года. Старшее поколение, работавшее с ними во время войны, отмечало их основательность в работе и помощь в освоении рабочих профессий. У русских рабочих не было никаких претензий к немцам. В годы войны работали мобилизованные из прифронтовых областей: Рязанской, Калининской и Курской.

В первые два года войны было тяжело с продовольствием и медицинским обслуживанием. Снабжение улучшилось, когда страна стала получать продовольствие по ленд-лизу. Это сразу отразилось на снабжении СУБРа, «Бокситстрой» и геологоразведки. Медицинскую помощь можно было получить только в Серове, где были развернуты военные госпитали. Во время тяжелой работы нижником при экскаваторе Н. Н. Кречетов получил грыжу, таская шпалы для подкладки под гусеницы экскаватора. Однажды он не смог тащить

очередную шпалу, уронил её. При этом присутствовал начальник рудника П. М. Пальчун, который накричал на него. Н. Н. Кречетов обладал крепким характером, показал свою грыжу и сказал, что можешь меня расстрелять, но я не могу больше терпеть. По настоянию Пальчуна его отправили в Серов, где сделали операцию.

Начальнику понравился молодой мужчина с крепким характером. После возвращения он предложил Н. Н. Кречетову на время поработать табельщиком, а затем перевел начальником смены. Так Н. Н. Кречетов пошел по служебной лестнице и после окончания Североуральского филиала Краснотурьинского техникума возглавил Кальинский рудник, а затем шахту № 14-14 бис. Так росли кадры из мобилизованных трудармейцев.

На 1 апреля 1945 года численный состав кадровых рабочих промышленной и непромышленной групп составлял 4910 человек:

1. По трудмобилизации из Рязанской, Курской и Калининской областей - 615 человек.
2. По мобилизации военкоматов Уральского и Сибирского военных округов - 1067 человек.
3. По мобилизации с предприятий Наркомцветмета - 464 человека.
4. По нарядам гострудрезервов из школ ФЗО и РУ - 224 человека.
5. По эвакуации из прифронтовой полосы - 230 человек.
6. По нарядам гострудрезервов страны - 1686 человек.
7. Местная спецпересылка и вольный наём - 627 человек.

Понятно, что основную тяжесть в годы войны несли мобилизованные и люди гострудрезерва. Местная спецпересылка и вольнонаемные составляли только 12,7 %.

Добыча боксита в 1944 году по сравнению с 1940 годом выросла почти в 4 раза, а подземная в 7,4 раза. О значении СУБРа в годы войны говорит присвоение ему особого статуса - «Государственные Союзные Северо-Уральские Бокситовые рудники». Еще в июле 1947 года имелись приказы по управлению с таким наименованием.

С приходом нового руководства СУБР окончательно стал одним из крупнейших горнодобывающих предприятий страны. Приказом П. Ф. Ломако от 10 января 1947 года бывший директор СУБРа В. Н. Богатов был назначен начальником Главного Управления медеплавильной и меднорудной промышленности Урала. О его таланте руководителя говорит тот факт, что при решении спорных вопросов руководители всегда ссылались на имя Богатова. Последний раз он приезжал в Североуральск на празднование 35-летия СУБРа в октябре 1969 года. Впечатлениями о его выступлении во Дворце культуры «Современник» потом долго делились его когда-то молодые подчиненные. В их словах звучала фраза: «Он остался таким, каким был в годы войны».

Евгений МЫЛОВ

Из архива военных лет

В августе 1942 года на территории поселка СУБРа произошло 15 случаев заболевания брюшным тифом, причем пятеро заболевших – дети в возрасте от 6 до 15 лет. Чтобы предотвратить распространение болезни, директор СУБРа Сопко Н. И. приказал начальнику коммунального отдела Курдюкову срочно организовать население на генеральную очистку территории поселка от мусора и нечистот, в 5-дневный срок провести хлорирование всех без исключения туалетов и выгребных ям. Строгий санитарный режим установили в общежитиях и детских садах. А работникам продснаб было приказано взять под особый контроль хранение и реализацию скоропортящихся продуктов. Вплоть до конца года в поселке работала специально созданная группа дезинфекторов.

В начале октября 1942 г. случилась авария на экскаваторе Второго Северного рудника. Фрезеровщик РМЦ М. Кваша, выполняя срочный заказ экскаваторщиков, в течение 48 часов с 5 по 7 октября не покидал рабочего места, пока не сделал необходимую сложную деталь. За трудовой подвиг ему была объявлена благодарность с занесением в трудовую книжку и выдана премия в размере 500 рублей.

В октябре 1942 года приказом директора СУБРа В. Богатова началась организация школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), в которой должны были пройти обучение 200 человек: 40 бурильщиков, 100 забойщиков, 30 крепильщиков и 30 проходчиков. Руководителям соответствующих служб было предписано уплотнить жилплощади для размещения всех учащихся в одном здании, обеспечить их инвентарем и в обязательном порядке - питанием.

В целях быстрее размещения прибывающих на СУБР мобилизованных и эвакуированных была установлена норма площади для проживания на одного человека - 4 квадратных метра. Если где-то приходилось больше, часть жилплощади использовалась для размещения новичков.

В войну основной тягловой силой были лошади, которых надо было кормить и беречь. В конце декабря 1942 года директор СУБРа Богатов указал начальнику «Бокситстроя» Степанову на недопустимую бесконтрольность использования лошадей на трелевке леса. Из десяти переданных ранее «Бокситстрою» лошадей, шесть были доведены до крайнего истощения. Одна избита до самых серьезных травм и выведена из строя на два месяца, у пяти обнаружены нагнет и наминка спины, абсцессы (нагноения) крупа. За такое варварское отношение к лошадям виновные работники «Бокситстроя» были наказаны.

В числе прибывших на Североуральские бокситовые рудники, кроме волховцев и тихвинцев, эвакуированных в первые месяцы войны из Ленинградской области, были работники из «Кочкаръзолото», Карабаша. В их числе Соломатин, Кожевников, Тухватулин, Горбунов, Новиков, Фирсов, Ананьин и другие. Со строительства Богословского завода в конце ноября на наши рудники были отправлены 75 корейцев, большинство из которых не имели никакой специальности. Самым старшим из них было по 50 лет (Ким-Деп, Пак-Ин-Теп, Пак-Сун-Чер, Ан Терентий), самым молодым был 19-летний студент Степан Ким. Все они, кроме двух шоферов и одного слесаря, были направлены на горные работы Южного и Второго Северного рудников. Следом с БАЗа прислали еще 80 человек, в основном узбеков, таджиков, казахов, евреев. В этой группе оказались рабочие востребованных специальностей: молотобоец В. Ефремов, каменщик А. Васильев, токарь-фрезеровщик В. Копытов, слесарь Хуснудинов. Были также штукатуры, печники, сапожники, пекарь, жестянщики, портные. Дело нашлось всем, кто мог работать. Прибывали вербованные из Башкирии, Татарии, выпускники школ ФЗО из Серова и Кушвы.

С 1 января 1942 года на базе имевшегося подсобного хозяйства СУБРа был образован совхоз овощемолочно-животноводческого направления. Для него было выделено дополнительно 2000 га земли и поставлены задачи:

- К концу 1942 года довести стадо молочных коров до 50 голов, свиней на откорм - до 140 голов.

- На Лозье организовать хозяйство по лову рыбы, заготовкам дикоросов, отстрелу дичи и заготовке мяса диких животных.

- Отгрузить в помощь совхозу из других совхозов для сева 17 тонн зерновых и 5 центнеров клевера.

- Найти агронома, зоотехника и техника-овощевода.

Наркомату предусмотреть для нужд совхоза на 1942 год 420 тысяч рублей капвложений.

Из воспоминаний ветерана труда Павлова Аполлинария Александровича:

«Кроме того, что горняки по-ударному, добросовестно трудились на добыче руды, они вносили свои сбережения на строительство танков и самолетов. Только бригадой стройколонны № 1272, работавшей на подъемнике Второго Северного рудника, было внесено наличными деньгами в фонд Обороны 2055 рублей 17 февраля 1942 года, а в последующие годы постоянно подписывались на заем до 1-2 месячного заработка». Сам А. А. Павлов 11 февраля 1946 года внёс в кассу ГК ВЛКСМ 744 рубля на восстановление шахт Донбасса, а 21 февраля того же года - 1 176 рублей.

Намеченные технические решения по форсированию добычи бокситов открытым способом были подкреплены эффективной помощью руднику со стороны правительства и Наркомцвета СССР. За короткое время рудник получил 20 мощных экскаваторов, 100 автосамосвалов, паровозы и думпкары, спецодежду и продовольствие.

Открытый способ разработки позволил быстро начать добычу и обеспечить алюминиевые заводы нужным количеством бокситов высокого качества и одновременно в течение 1942-1943 годов подготовить фронт работ для развития подземной добычи.

Каждый труженик СУБРа отчетливо понимал, что две тонны боксита - это тонна глинозема, две тонны глинозема - это тонна алюминия, а две тонны алюминия - это самолет.

Глубина шахт не превышала 40-50 метров. Каждая шахта имела выкрепленный деревом ствол с лестничным и трубным отделениями и одноконцевым подъемом для вагонеток. Поверхностные сооружения наклонных шахт были деревянными. Под землей преобладал ручной труд. Шахты бассейна были связаны железнодорожными путями нормальной колеи со станцией отправления грузов, где боксит грузили в железнодорожные вагоны экскаваторами.

В 1943-1944 годах институт «Гипроникель» составил проект разработки залежей «Красной Шапочки» до глубины 250 метров ниже уровня статических вод.

Из распоряжения Наркомата МИНЦВЕТМЕТА за 1942 год:

В октябре 1942 года организовать Черёмуховский рудник, где обеспечить выполнение вскрышных работ в IV квартале 1942 года в размерах 30 тонн и заложить две мелкие шахты для подземной добычи руды.

Указать директору СУБРа Сопко на совершенно недопустимое отставание вскрышных работ, приведшее к полному отсутствию подготовленных к выемке запасов. Форсировать вскрышные работы до наступления холодов.

Ускорить расширение машинного зала ЦЭС и монтаж турбины и генератора с пуском не позже 1 февраля 1943 года. Все основные строительные работы по ЦЭС (включая фундаменты под оборудование) закончить не позднее 25 ноября 1942 года. Закончить строительство склада для угля, углеподачи и простейшее золоудаление в октябре 1942 года.

«Бокситстрою» немедленно приступить к подготовительным работам по углубке шахты № 1-бис до горизонта 100 м. Полностью закончить сдачу шахт в эксплуатацию и все поверхностные сооружения при шахте № 1-Капитальная, №№ 1-бис и 2-бис. Обеспечить к 15 сентября с.г. установку водонепроницаемых перемычек на шахте № 1- Капитальная, предохраняющих шахту и насосные установки от затопления.

Главснабу НКЦМ обеспечить срочную отгрузку «Бокситстрою»: топоров -250 штук, пил поперечных - 100 штук, лопат штыковых – 1000, напильников различных - на 500 рублей.

На начало 1942 года на СУБРе, Южном руднике оставалось ИТР и рабочих мужского пола 89 человек. Из них: сменных техников - 7 (Коноваленко И. М., Ларшуков П. А., Мотыгин Ф. И., Пухтиенко Е. К., Гимаутдинов И., Багаутдинов Г., Стукалин П. М.). Начальник рудника Климов В., техрук Кузин, механики Денисов А. С., Зуев Г. И., забойщики и бурильщики Паланчук А. Г., Степанушко П. К., Клюка Антон Васильевич и Никифор Васильевич, крепильщики Бодогазин Д. В., Дюрягин Н. Р., Каюкин Я. И. и другие.

Основная тяжесть по вскрышным и добычным работам легла на их плечи, а также на плечи стариков, женщин и подростков.

Из заявления 15-летнего Павла Кокшарова (октябрь 1941 г.):

«Мои родители, проживая в Челябинской области, занимались средним крестьянством. В 1930 году нас из дому выселили и привезли на ст. Бокситы (тогда называлась станция Вагран). На станции отец с матерью работали на железной дороге - отец мостовым сторожем, мать - стрелочницей. В 1938 году отца арестовали, мать с работы сняли, а за что не знаем сами. И вот уже пошёл четвертый год, как забрали отца. В 1939 году мы перебрались на СУБР. Мать поступила работать в Уралспецстрой, брат - в Уралразведку, а я продолжил учиться в школе. Окончил 5 классов. И сейчас хочу поступить на работу. Адрес: Новая площадка, дом 38, кв.33.

Из личного листка по учету кадров Помазанова Анатолия, 1924 года рождения, украинца, из семьи рабочего-забойщика, учился в Криворожской школе ФЗО на арматурищика:

«Работать я начал после семи классов, а когда правительство издало Указ о мобилизации трудовых резервов, пошел в районную комиссию и был зачислен в школу фабрично-заводского обучения. Там я проучился 6 месяцев и 31 мая 1941 года сдал экзамены на арматурищика. Сразу пошел работать на местный коксохимический завод. Когда началась война, и Гитлер вероломно напал на нашу страну, наши рабочие выехали на Урал, а я отбился от эшелона и никак не мог его найти. Тогда я приехал на Бокситы к своему дяде. А отец мой был кадровым рабочим и трудился до глубокой старости. Вот, товарищи, и вся моя биография».

Из автобиографии Поздняковой Марии Макаровны, 1919 года рождения:

«Родилась я в селе Поздняково Донской области в семье сельхозрабочих. Отец мой по 1930 год занимался хлебопашеством. Потом нас выслали на Урал. Родители до 1937 года работали в ЛПХ на лесозаготовках, после перешли в СУБР. Я тоже работала, только в столовой, позже перешла в детясли санитаркой. В 1940 году была восстановлена в профсоюзе и перешла работать в столовую. Потом меня сократили. Сейчас я желаю поступить на место работы мужа, который работал в охране, а 23 июля был взят в армию, на фронт. Буду работать вместо него так, как требует того военное время, и выполнять все задания». 1 ноября 1941 года.

Из заявления Колобовой Татьяны Николаевны:

«Я Колобова Татьяна, родилась в январе 1924 года в селе Петропавловское. Отец работал плотником на поденных работах и до революции, и после. Избирался членом поссовета Петропавловского. Я окончила сельскую школу. В настоящее время отца призвали в РККА, на фронт, а нас осталось в семье 10 человек. Прошу принять меня на работу».

Т. Н. Колобова - внучка расстрелянного колчаковцами члена Совета Кузнецова Н. Г., живёт в городе. Живы её сёстры. Колобов Н. со старшим сыном вернулись с фронта.

Из заявления Галкова В.Ф.:

«Прошу принять меня учеником электрика, так как у меня взяли брата на фронт в РККА. Семья наша осталась в пять человек, а работать больше некому. Прошу разобрать мое заявление и не отказать в просьбе». Ноябрь 1941 года.

В июле 1941 года на смену ушедшим на фронт водителям большая группа девушек и женщин начала проходить медицинскую комиссию, а затем и квалификационную на пригодность управлять автомобилем. Среди них были: Ольга Калинина, Валентина Гаврилова, Нина Деньгина, Анна Шимянская, Александра Маркина, Александра Томилова и другие, пожелавшие работать на вывозке руды, породы, леса, материалов в самое трудное время - первые месяцы Великой Отечественной войны, когда потребовалось приложение всех людских сил и ресурсов, всех возможностей. Спрос был самый строжайший. За срыв заданий можно было поплатиться не только неуважением товарищей по работе, даже презрением, а и местом работы, должностью.

Из приказа по СУБРу за декабрь 1941 года:

«Начальником мехлесопункта Постниковым К. П. допущено неполное использование рабочей силы и грузоподъемности транспорта, в результате чего снижен темп вывозки и сорвано обеспечение топливом хозяйственных нужд, жилого фонда и культбытовых учреждений. За допущенную бесхозяйственность тов. Постникову объявить строгий выговор и предупредить, что в случае непринятия им решительных мер по ликвидации угрожающего положения на вывозке, он будет снят с работы и привлечен к судебной ответственности. Директор СУБРа Алёшин».

Очень напряженно, со сбоями, работали горняки СУБРа в ноябре 1941 года. План 25-ти дней месяца по добыче боксита был выполнен лишь на 63,3%, по вскрышным работам на 53 процента. Все руководители рудников и служб, главные специалисты понесли различные наказания. Было усилено руководство вскрышными и добычными работами, особенно на Втором Северном руднике. Было дано задание без промедления закончить ремонт экскаваторов «ППГ-363» и «ДЕМАГ», завершить переноску узкоколейных путей в район готовящегося массового взрыва, закончить зачистку всей площади боксита в этом районе, для чего направить сюда 360 человек, в двухдневный срок подготовить весь инструмент для зачистки - лопаты, кайла, буры, ломы, отбойные молотки. Главным специалистам предписывалось активизировать работы по электроснабжению, телефонизации, подводке воздухопровода, устройству автодороги от карьера до лежневки. Предлагалось пересмотреть нормы выработки экскаваторщиков, паровозников, отвальщиков с учетом зимних условий работы. Следом было изменено штатное расписание ИТР Третьего Северного рудника.

Отрицательно сказалась на общих неудовлетворительных итогах октября и ноября слабая дисциплина трудящихся, самовольное оставление рабочих мест, в ряде случаев из-за тяжелейших условий работы, невыход на работу под предлогом болезни или отсутствия теплой одежды. Некоторые сбегали с производства в неизвестном направлении, кое-кто стремился лучше попасть на фронт, чем обрабатывать трудные смены в холодных забоях карьеров или в лесу.

Трудно сказать, как бы сложилась судьба коллектива СУБРа в первые месяцы и в первый год Великой Отечественной войны, если б не прибывали сюда настоящие бойцы трудового фронта, мобилизованные для работ на важнейшем сырьевом объекте. Это сотни рядовых солдат стройбатов, стройколонн, посланцы-трудоармейцы со всех областей страны, эвакуированные сюда и командированные специалисты, инженеры, техники, вчерашние выпускники ведущих горно-металлургических вузов страны. Если бы не самоотверженность

тех, кто стоял у рождения СУБРа с самых первых его шагов.

Много забот и хлопот выпало на долю руководителей служб, отделов, специалистов при приемке, учету и складированию прибывающего на СУБР эвакуированного оборудования, материалов. Места для нормального хранения дорогостоящего и дефицитного оборудования попросту не было. Зачастую техника приходила в разобранном виде, материалы не только неделями, а и месяцами находились под дождем и снегом. В срочном порядке был усилен кадрами отдел техснаба из числа рабочих прибывшей стройколонны, составлены план и смета на сооружение временных складов, расширение или ремонт имеющихся. Всю огромную сложную работу по приемке и учету оборудования и материалов требовалось завершить к 15 января 1942 года.

Из приказов директора СУБРа от декабря 1941 года:

«За срыв выполнения сменных заданий в декабре с.г. по вскрышному участку Второго Северного рудника снять с работы начальников смены. Начальником Третьего Северного рудника назначить горного инженера Залесова взамен Кореневкина. Начальника вскрышного участка Северного рудника за срыв выполнения плана IV квартала по подготовительным и добычным работам и развал трудовой дисциплины с занимаемой должности снять, перевести начальником смены Южного рудника с одновременной передачей дела на него в следственные органы».

«Во время напряженной работы электростанции машинист турбины ЦЭС К. М. Обухова четким и умелым выполнением порученной работы 16 декабря 1941 года предотвратила аварию. Приказываю: за добросовестное отношение к работе и предотвращение аварии премировать К. М. Обухову месячным окладом».

В феврале 1942 года руководство СУБРа на основании плана Карпинского райисполкома и приказа МПВО с. Петропавловского в целях предупреждения налетов с воздуха распорядилось установить круглосуточное дежурство в подъездах домов и обеспечить светомаскировку в ночное время, наблюдать за состоянием ночного неба, а чердаки домов обеспечить противопожарными средствами. На случай воздушной тревоги машинист специально закрепленного паровоза должен был давать «ВТ», усиленный трехминутным гудком ТЭЦ.

С конца февраля 1942 года стали наводить порядок в учете механизмов, работавших на СУБРе. Учёт вели по каждой единице, закрепленной за тем или иным рудником. За Вторым Северным рудником были закреплены три экскаватора «ДЕМАГ» - дизельный и электрические, а также два паровых марки «ППГ» с емкостью ковша по полтора куба и паровой «Воткинец». За Третьим Северным рудником - более мощный «Ориенштейн Коппель» с емкостью ковша 2,5 куба и дизельный «Меню». Железнодорожному цеху выделены были два экскаватора – паровой малоудобный «ППГ-356» и малопроизводительный электрический «Рустон». В связи с недостатком квалифицированных кадров по обслуживанию экскаваторов было решено срочно, с 1 марта, открыть курсы машинистов и кочегаров и подобрать 20 человек для обучения.

Из хроники военных лет

1941 год.

1 января - Образование Североуральской бокситовой экспедиции (СУБЭ).

23 июня – Собрание коммунистов СУБРа: 24 коммуниста и 18 «сочувствующих» изъявили желание отправиться на фронт добровольцами.

Июль – Коллектив 2-го Северного рудника решает отчислять в Фонд обороны заработок за сверхурочную работу в течение всей войны.

Август-сентябрь - Прибытие на СУБР эшелонов с людьми и техникой из Ленинградской области (Тихвин, Бокситогорск);

Октябрь - Сдача в эксплуатацию средней школы № 1 - двухэтажного здания в районе нынешнего ПТУ.

3 ноября - официальное образование ОСМЧ "Бокситстрой" (будущего треста "Бокситстрой").

1942 год.

Январь - февраль - Начало разработок в карьерах Третьего Северного рудника.

Февраль – Введена непрерывная рабочая неделя с 10-часовым рабочим днём.

Забойщик Г. Багаутдинов за месяц выполнил норму на 700 процентов.

Март–апрель – Создание первых комсомольско-молодёжных бригад.

Апрель - в состав СУБРа введён продснаб.

1 августа - образование Черемуховской ГРП.

28 августа – СУБР приравнен к предприятиям оборонного значения и режима. Начало строительства Кальинского рудника. Проложена железная дорога до Кальи.

Сентябрь - отправка на фронт первых вагонов с теплыми вещами, собранными для бойцов местными жителями и женсоветом.

Начало строительства ЛЭП от Турьинских рудников.

Приняты в эксплуатацию объекты шахты Капитальная 1-бис (первая очередь) и 2-бис, Третий Северный рудник.

1943 год.

Январь – Начат сбор средств на постройку танков и самолётов.

Февраль-март - начало скоростных проходок на СУБРе, установка первых рекордов Урала по проходке. Первый рекорд бригады Сабирова – 73 метра проходки за месяц.

Март - В число действующих включен Кальинский рудник.

19 июня - Образование Колонгинского известнякового карьера на 6 тысяч тонн известняка.

1 июля - Создание Североуральского горноспасательного отряда из 11 человек.

29 октября – Ввод в строй действующих Черемуховского рудника.

Открытие вечерней школы для работающих в возрасте до 17 лет.

Ноябрь – Прибытие на СУБР техники из США, Канады, Англии.

За 1943 год сданы для жилья бараки каркасно-засыпные, одноэтажные; двухэтажные из бруса и бревен; организован интернат для детей; пущен был в действие небольшой шлакоблочный завод.

1944 год.

Январь – Бригада Ш. Самигулина на Кальинском руднике прошла 90 погонных метров штрека за месяц.

Февраль - Субровчанка А. Брагина становится чемпионкой области по конькам и участницей соревнований на первенство РСФСР.

Создан Продснаб ОСМЧ «Бокситстрой» ("Бокситалюминпродснаб");

СУБР организует оленеводческое хозяйство в 150 голов оленей (оленовод Бахтияров)

17 апреля - На БАЗе получен первый глинозем из бокситов СУБРа;

Летом построен первый деревянный водоотводной лоток-канал в 1200 м на речке Сарайной (деревянные лотки) и 1 600 м водопровода на Центральном поле.

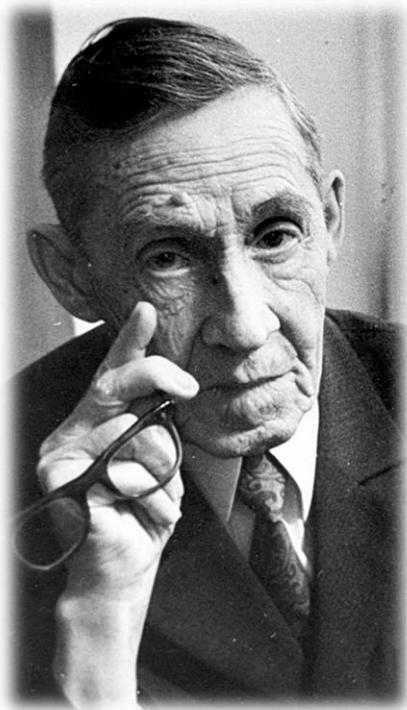
13 июня - создан цех сетей и подстанций;

1 июля - открыт профилакторий на 120 мест (из них 20 мест для дистрофиков).

Заведующая М. М. Шилко – главный врач поселковой больницы.

Октябрь – Бригада Минзарипова Н. устанавливает новый рекорд СУБРа на проходке – 110 погонных метров горных выработок за месяц.

27 ноября – Посёлок Петропавловский преобразован в город областного подчинения Североуральск.

Царьков Николай Иванович

Добыча боксита в 1944 году по сравнению с 1940 годом возросла в четыре раза.

В городе работали 5 врачей и 32 средних медработников, насчитывалось 89 больничных койко-мест, на здравоохранение было затрачено 142 тысячи рублей (в ценах того времени).

Действовало 12 небольших детсадов. В школах работали лишь 3 педагога с высшим образованием, остальные со средне-специальным и средним.

Работало 680 радиоточек и две радиотрансляционные установки, 5 клубов и 3 библиотеки с фондом в 9100 томов.

Бюджет города на год окончания войны составлял 321 тысячу рублей.

В декабре 1944 года был сформирован первый городской Совет. В него вошли: Царьков Николай Иванович - председатель (прислан из Карпинска), Шипулин Сергей Андреевич – заместитель, Дерябин Федор Иванович - член исполкома, Малакотин Игнатий Александрович - отвечал за госпособия, Аскарлов Иван Демьянович - сельхозотдел, Соколова Нина Петровна - зав. общим отделом, Гуреев

Данил Прокопьевич - директор промкомбината, Ильченко Иван Федорович - отвечал за работу торговли, Павлов Андрей Васильевич - зав. горкомхозом, Мучкапская Римма Михайловна - зав. горОНО, Шилко Мария Михайловна - зав. горздравотделом.

1945 год.

Начало строительства наклонных шахт на Втором и Третьем Северных рудниках.

3-4 февраля - первая партийная конференция коммунистов города.

Апрель - первая сессия Горсовета.

24 апреля – выход первого номера городской газеты «Правда Севера».

9 мая - на БАЗе выпущен первый алюминий из бокситов СУБРа.

За годы войны СУБР 11 раз завоёвывал Переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона. Сотни рабочих и ИТР были награждены орденами, медалями и премиями. Среди награждённых было немало женщин и подростков.

Награды коллективу

1941 год. Май. Переходящее Красное Знамя редакции газеты «Правда» за трудовую победу в социалистическом соревновании за 1 квартал с коллективом Тихвинского бокситового рудника.

1946 год. Апрель. Красное Знамя Государственного Комитета Оборона за самоотверженный труд коллектива СУБРа в годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг. (Присуждалось 11 раз). Оставлено на вечное хранение.

1966 год. Орден Ленина. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 мая 1966

года за успешное выполнение семилетнего плана по добыче бокситов и совершенствовании её технологии.

1962-1969 годы. Трижды награждался Дипломом участника **ВДНХ:** за внедрение камерно-столбовой системы со штанговым креплением, за защиту шахт от обводнения дренажными узлами и др.

1970 год. Юбилейная Почетная Грамота ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров и ВЦСПС за достижение высоких показателей в социалистическом соревновании в честь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина.

1972 год. Юбилейный Почетный Знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров и ВЦСПС за достижение наивысших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании в честь 50-летия образования СССР.

1972-1984 годы. Коллектив пять раз завоевывал переходящее Красное Знамя Свердловского Обкома профсоюза рабочих цветной металлургии в соревновании предприятий области.

1984 год. Орден Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии алюминиевой промышленности, достижение высоких технико-экономических показателей и в связи с 50-летием предприятия. (Указ от 30.03.1984 г.)

1985 год. Памятная медаль и Почетная Грамота Советского Фонда Мира за активную работу и вклад в сохранение мира и безопасности на Земле.

За период с 1988 по 1997 год СУБР высоких наград не имел. Награждались отдельные рабочие и ИТР за свой труд.

1998 год. Почетная Грамота губернатора Свердловской области Росселя Э.Э. за высокое качество продукции экспортного назначения.

2000 год. Памятный приз и премия коллективу ОАО «Севуралбокситруда» - победителю областного конкурса в номинации «Горнорудные предприятия Свердловской области» за 1999 год.

Грамота и Благодарность Правительства области за участие в благотворительной деятельности по программе «От сердца к сердцу» в номинации «Предприятия промышленности».

Диплом 3 степени Правительства РФ и 3-е призовое место среди 500 предприятий во Всероссийском конкурсе «Российская организация высокой культуры» в номинации «Содержание и развитие социальной инфраструктуры и реализация социальных программ».

Почетный приз «Хрустальная Ника» Координационного Комитета Международной программы «Партнерство ради прогресса» (г. Штутгарт) как одному из победителей - предприятий России по пяти номинациям программы, в том числе - за показатели динамичного развития производства, реализации продукции и т.д.;

Два диплома журнала «Эксперт» как перспективному горнодобывающему предприятию, входящему в двадцатку лучших предприятий России, и за повышение эффективности и качества экспортной продукции.

2002 год. Диплом Правительства Российской Федерации за качественную организацию санаторно-курортного лечения.

2002-2003 гг. Приз Правительства области за 1-е место среди предприятий за выполнение программы энергосбережения.

Четыре награды победителя областного конкурса «Лидер в бизнесе» и три награды Правительства Российской Федерации предприятию высокой социальной эффективности. Приз редакции газеты «Комсомольская правда» как лучшему коллективному подписчик

2004 год. Призы «Лидер в бизнесе» и призовые места в общероссийском конкурсе предприятий «За высокую социальную эффективность», благодарности губернатора области Э.Э.Россея за благотворительную помощь, призовое место коллективу как энергосберегающему предприятию.

2005 год. Диплом и медаль «Национальное достояние» Международного благотворительного фонда «Меценаты столетия» — за благородство помыслов и дел.

Почетный диплом «Звезда Отечества» - за действенную помощь ветеранам войны и труда, активную работу по гражданскому и военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Диплом и медаль победителя Всероссийского конкурса «1000 лучших предприятий и организаций» за эффективную деятельность, высокие достижения и стабильную работу.

Почетный диплом победителю трудовой вахты в честь 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Почётный диплом победителю смотра-конкурса на лучший коллективный договор за 2004 год в номинации «Оплата труда и социальные выплаты».

Диплом общественной организации «Союз молодежи СУБРа» — победителю областного конкурса «Лучшая молодежная организация работающей молодежи».

Почетная Грамота Министерства общего и среднего образования за постоянную действенную помощь образовательным учреждениям Свердловской области.

Благодарственные письма Правительства и губернатора Свердловской области за активное участие в благотворительной деятельности при проведении Областного фестиваля семейного творчества в Северном управленческом округе, за вклад в организацию и проведение первенства России среди юниоров по лыжным гонкам, за оказание поддержки в проведении 5-го межрегионального конкурса «Молодые ТОП-менеджеры Урала».

Грамоты молодым работникам предприятия за призовые места в конкурсе научно-технического творчества и ряде других конкурсах регионального и областного значения.

2006 год. Два диплома и памятный Знак «Лауреаты Бизнеса- звезды Урала» - победителю областного конкурса, дипломы — лучшему предприятию 2005 года по социально-экономическим показателям и лучшему предприятию в области энергосбережения.

Диплом и медаль «Лауреат горной премии» генеральному директору СУБРа В. В. Радько за обеспечение устойчивой работы предприятия.

Награда коллективу и приз абсолютного победителя областного конкурса «Наследники Демидова» в номинации «Оплата труда и социальные выплаты».

Подготовила Нина ГАЛЕЕВА

11. ПОСЁЛКИ НАШЕГО РАЙОНА

Покровский поселковый (сельский) Совет

Покровск-Уральский. Основан в 1760 году. С 1914 года - поселок горняков и лесозаготовителей. Поселковая школа существует с 1914 года.

Баяновка. Основан в 1914 году как рудник добычи железной руды. Позднее - поселок горняков и лесозаготовителей. Школа открыта в 1932 году.

Березовка. Возник в 1930 году как поселок лесозаготовителей. Прекратил существование в 1969 году. Школа работала с 1934 по 1969 год.

Оленья. Возник в 1909 году как лесной кордон. Поселок углежогов просуществовал до 1947 года. Школы не имел.

Ванькино. 1909-1944 гг. Поселок углежогов. Школы не имел.

Баронское. Зимовье возникло в 1760 году, просуществовало до 1807 года в связи с закрытием Богословско-Чердынской дороги. С 1839 года - поселок золотоискателей и охотников. Просуществовал до 1968 года. Сегодня - хозяйство фермера. Школа работала с 1934 по 1941 год.

Тулайка. 1760-1944 гг. Поселок золотоискателей и охотников. Школы не имел.

Юрты. Возник как мансийское поселение. Позднее - поселок геологоразведчиков.

Лямпя. 1930-1947 гг. Поселок лесозаготовителей. Школы не имел.

Каменка. Дата возникновения и закрытия неизвестна. В настоящее время на этом месте находится Покровское кладбище.

Коноваловка. 1930-1954 гг. Поселок лесозаготовителей. Выше по речке был поселок лесозаготовителей и спецпереселенцев Старая Коноваловка. Школа в Коноваловке работала с 1935 по 1954 год.

Старые Бокситы. До 1758 года здесь были юрты манси Петра Тихонкова. С 1905 по 1943 год это поселок Вагран и железнодорожная станция. Далее посёлок лесозаготовителей, железнодорожников и работников кирпичного завода. Школа существовала с 1935 по 1972 год.

Бокситы. Возник в 1943 году как железнодорожная станция. Поселок железнодорожников.

Вторая База. 1930 – 1948 гг. Поселок лесозаготовителей и работников подсобного хозяйства. Годы работы школы неизвестны. В 1942 году в ней работал пионерский лагерь.

Тонга. 1930-1963 гг. Поселок лесозаготовителей. Школа работала с 1936 по 1960 год.

Кальинский поселковый Совет

Калья. Возник в 1935 году как поселок лесозаготовителей и геологоразведчиков. С 1943 года поселок рудника. Поселковый Совет создан в 1947 году. Школа открыта в 1946 году.

Усть-Калья. 1909 -1956 гг. Кордон и поселок золотоискателей. Школа работала с 1946 по 1956 год.

Подсочка (Кальинская). С середины 20-х годов - посёлок НКВД. 1934-1958 гг. - поселок сборщиков живицы и лесозаготовителей «Бокситстроя».

Центральная Калья. 1942–1958 гг. Поселок лесозаготовителей СУБРа.

42-й квартал. 1948-1954 гг. Поселок лесозаготовителей Петропавловского леспромхоза.

Второй Северный. 1942-1968 гг. Поселок работников рудника. Школа существовала с 1946 по 1958 год.

156-й квартал. 1935–1968 гг. Посёлок химлесхоза и лесозаготовителей леспромхоза. В школе посёлка учились и дети со Второго Северного.

Третий Северный. Основан в 1943 году. Школа работает с 1946 года. Поселок горняков и шахтостроителей.

Даньша. До 1758 года стояла юрта манси Данилы Алтипкова. С 1827 года - поселок золотоискателей. С 1909 года - поселок лесозаготовителей и золотодобытчиков. Просуществовал до 1975 года. Школа работала с 1932 по 1956 г.

Мороковский. 1938-1956 гг. Поселок золотодобытчиков.

Старая Калья. 1760-1962 гг. Зимовье. Деревня Кальинская и Кальинский кордон. Деревня горняков, с 1827 г. - золотодобытчиков. С начала 20-го столетия - поселок лесозаготовителей. Школы не имела.

Мотовилиха. Существовал как лагерь НКВД с середины 20-х годов до приезда в начале 30-х годов спецпереселенцев. Сгорел в лесном пожаре в 1937 году. Поселок лесозаготовителей.

Высотника. 1928-1966 гг. Поселок лесозаготовителей. Школа работала с 1934 по 1966 год.

Черемуховский поселковый Совет

Кедровая. Основан в 1938 году. **Черемушка.** Основан в 1942 году. Поселки рабочих и строителей СУБРа, геологоразведчиков. В 1947 году создан поселковый Совет, объединивший эти два поселка в **Черемухово**. Школа открыта в 1945 году.

Мостовая. 1827-1972 гг. Поселок золотоискателей и лесозаготовителей. Школа работала с 1935 по 1960 год.

Черёмуховский лесоучасток мехлесопункта СУБРа и Сосьвинского участка Североуральского ЛПХ.

Всеволодо-Благодатский сельский Совет

Всеволодо-Благодатское. Село существует с 1824 года. До 1924 года - центр Всеволодоблагодатской волости. Школа открыта в 1864 году. Закрыта 2007 году.

Воскресенка. 1775–1972 гг. Золото, медь, железосодержащий рудник. Зимовье - Воскресенское. Деревня золотодобытчиков и охотников Воскресенская. Школа работала с 1934 по 1959 год.

Тренькино. Первое упоминание о предке Денга Ондрюшине - в "Ясашной книге Верхотурского уезда 1625-1626 года". При крещении - Денешкины. 1758-1770 гг. - юрта Аврама Денежкина (карта 1759 года и работы Палласа). Деревня закрыта в 1972 году. Зимовье охотников-манси, метеостанция и геологическая партия Северной экспедиции.

Сольва. С 1828 года - начало добычи золота и платины Всеволожскими. С 1863 года - поселок золотодобытчиков Волжско-Вишерского АО с главной конторой в Вижаихе (Красновишерск). Школа работала с 1870 по 1954 год.

Белая. 1824-1964 гг. С 1958 года - поселок Красногвардейский. Зимовье по дороге на Екатерининку (Ивдельский район). Поселок лесозаготовителей и сборщиков живицы. Школы не было.

Усть-Шегультан. 1930–1972 гг. Поселок лесозаготовителей. Школа работала с 1934 по 1966 год.

49-й квартал. Основан 1930 году как рабочий поселок лесозаготовителей. Дата закрытия не установлена.

Половинный Шегультан, Нижний Шегультан. 1930-1972 гг. Посёлки лесозаготовителей. Школа на два поселка работала с 1933 по 1968 год.

Сосьва. Основан в 1928 году. До 1951 года - Долгая Паберега. В 1951 году из Всеволодо-Благодатского сюда переведена контора Шегультанского ЛПХ. Новый лесоучасток назвали Сосьвинским. Школа работала с 1958 по 2011 год.

Никольская. 1951-1964 гг. Деревня химлесхоза.

Ельцовка. 1951-1970 гг. Поселок химлесхоза.

Подготовил Евгений МЫЛОВ

Мостовая

42й квартал

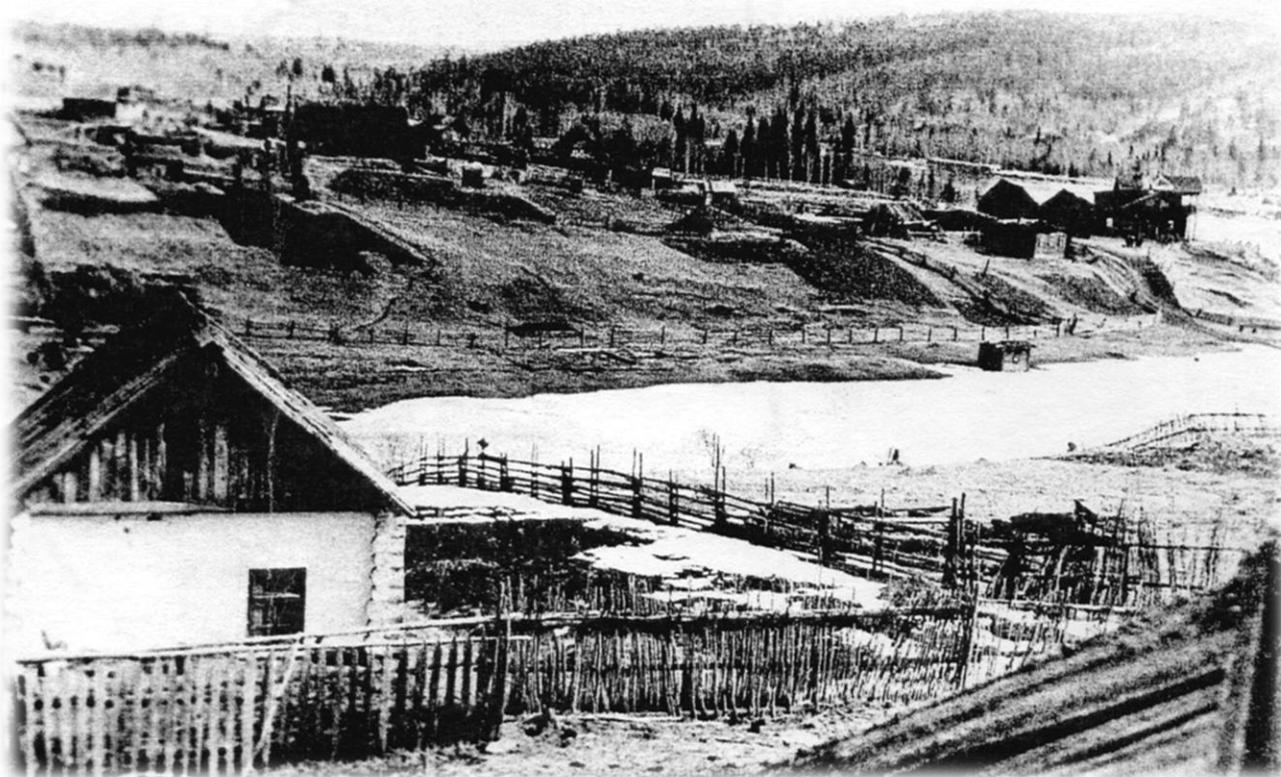
Тренькино

Ельцовка

Баронское

Даньша

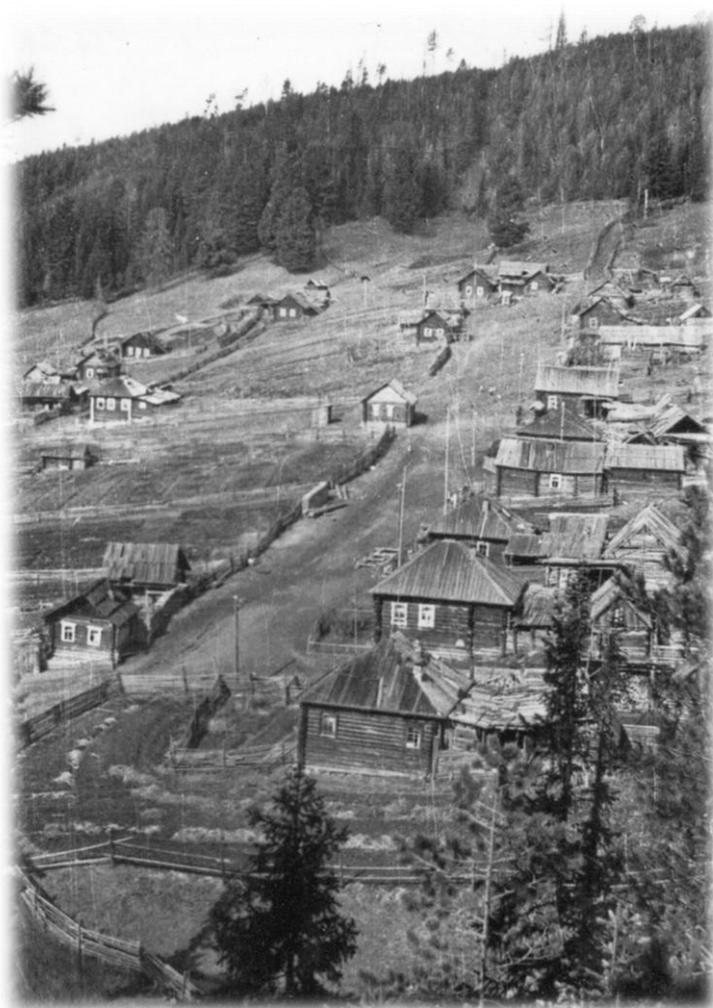
Усољцево

Сольва

Усть-Калья

Воскресенка

Источники, использованные при подготовке материалов:

- Андреев К. А. Развитие СУБРа за годы войны 1941-1945 годов // Архив СУБРа.
- Андреев К. А. Справка о размерах капиталовооруженности и вводе основных фондов по СУБРу за годы войны // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н. О развитии СУБРа и города Североуральска : доклад на коллегии Наркомцвета 24 мая 1945 года // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н. Справка о выполнении плана жилищного и культурно-бытового строительства по СУБРу на 1945 год (24 мая 1945 года) // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н. Справка о соответствии рабочих кадров по СУБРу // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н., Андреев К. А. Справка к вопросу материально-бытовых условий и закрепления кадров на СУБРе // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н., Андреев К. А. Справка о выполнении плана добычи и горно-подготовительных работ за четыре месяца 1945 года // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н., Андреев К. А. Справка о развитии СУБРа за 1940-44 годы // Архив СУБРа.
- Богатов В. Н., Андреев К. А. Справка по запасам и состоянию рудной базы СУБРа в 1945 году // Архив СУБРа
- Ведомость из Акта передачи п. Петропавловского из пригородной зоны г. Карпинска по Указу Президиума Верховного Совета РСФСО от 27 ноября 194 года. Дело 614/27 // Архив ГО Североуральск.
- Галеева Н. Как на бой уходили в забой... Североуральск, 1996. 40 с.
- ГАСО. Ф. 2212. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ГАСО. Ф. 2212. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
- Книга памяти. Вып. 1. Североуральск, 1993. 199 с.
- Книга памяти. Вып. 2. Североуральск, 2000. 375 с.
- Кулаков В. И. Отчет топографо-геодезической экспедиции Метростроя за 1940-1941 гг. // Архив СУБРа.
- Похозяйственные книги Покровского сельсовета // Архив Серовского ГО.
- Рукопись воспоминаний М. А. Смышляевой и Р. К. Ковалевой // Музей СУБРа.
- Североуральский Ордена Ленина... Свердловск, 1970. 136 с.
- Справка о выполнении плана по СУБРу за 1944 год, 1 квартал и апрель 1945 года (плановый отдел) // Архив СУБРа.
- Справка о развитии СУБРа за 1941-1945 г.г. (плановый отдел) // Архив СУБРа.
- Страницы памяти: 1945-2005. Кн. 1. Екатеринбург, 2005. 329 с.
- Страницы памяти: 1945-2010. Кн. 2. Екатеринбург, 2010. 285 с.
- СУБР – судьба моя...: сборник воспоминаний субровчан-строителей, горняков, специалистов. Североуральск, 2009. 135 с.
- Ясашная книга Верхотурского уезда 1625-1626 годов // РГДА. Ф. 214. Оп. "Сибирский приказ". Д. 10. Л. 1-57.

Сведения об авторах

Безруких Любовь Ильинична. Учитель. Россия. Североуральск.

Бессонов Михаил Сергеевич. Уральское историческое общество. Россия. Екатеринбург.

Галеева Нина Алексеевна. Журналист. Куба.

Горева Галина Ивановна. Заведующая отделом культуры Североуральского горисполкома. Россия. Североуральск.

Долгих Василий Павлович. Директор Североуральского лесхоза. Россия. Североуральск.

Золотарев Борис Михайлович. Журналист. Россия. Североуральск.

Ищенко Василий Яковлевич. Краевед. Россия. Екатеринбург.

Карташов Иван Николаевич. Зам. Главы по экономике. Россия. Североуральск.

Махвиеня Наталья Ивановна - краевед. Россия. Североуральск.

Мылов Евгений Павлович. Краевед. Россия. Североуральск.

Надеждин Вячеслав Ильич. Ветеран «Треста «Боксистойрй». Россия. Москва.

Патрахаев Геннадий Иванович. Краевед. Россия. Североуральск.

Сысуев Юрий Николаевич. Журналист. Россия. Серов.

Соколов Александр Эдуардович. Учитель истории. Россия. Североуральск.

Тимченко Иван Васильевич. Ветеран «Треста «Бокситстрой». Россия. Североуральск.

Шевела Галина Владимировна. Журналист. Россия. Североуральск.

Шакаев Булат Алексеевич. Археолог. Россия. Североуральск.

Чудиновских Владимир Алексеевич. Кандидат исторических наук. Доцент. Россия. Екатеринбург.

Харченко Галина Михайловна. Журналист. Россия. Санкт-Петербург.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3	
1. Мы здесь живём		
Сысуев Ю. Н. Город на Вагране.....	5	
Золотарев Б. М. Главная река города.....	8	
Мылов Е. П. Древнейшая река района.....	9	
Сысуев Ю. Н. На солнечных берегах.....	10	
Мылов Е. П. Зелёное богатство.....	13	
Долгих В. П. А лес растёт.....	16	
Патрахаев Г. И. Чудит Урал.....	18	
2. Взгляд сквозь время		
Сысуев Ю. Н. Тайны озера Нижнего.....	21	
Шакаев Б. А. Находки и открытия.....	24	
Мылов Е. П. О чём рассказала яшашная книга.....	26	
Мылов Е. П., Ищенко В. Я. Аборигены.....	28	
3. Первопроходцы		
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. Григорий Посников.....	34	
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. Максим Походяшин: слухи и легенды.....	37	
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. В князи не из грязи.....	38	
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. Наследники.....	41	
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. Созидатели и благотворители.....	45	
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. Леонтий Яковлев.....	48	
Бессонов М. С., Сысуев Ю. Н. Иван Савастьянов и Анисим Ломаев.....	52	
4. Петропавловский завод		56
Бессонов М. С. Начало.....	57	
Бессонов М. С. Год больших поисков.....	62	
Бессонов М. С. Чугун и железо.....	64	
Бессонов М. С. Первая медь.....	69	
Бессонов М. С. Трагедия чердынских крестьян.....	73	
Бессонов М. С. Дороги Походяшина.....	77	
Бессонов М. С. По вальдмейстерской инструкции.....	80	
Соколов В. Э. Во славу России.....	81	
Сысуев Ю. Н. "Из капитала исключить".....	83	
Ищенко В. Я, Чудиновских В. А. Преждевременно закрытый?.....	86	
5. Что в имени твоём		
Мылов Е. П. Петропавловский завод.....	90	
Мылов Е. П. Село Петропавловское.....	91	
Мылов Е. П. Посёлок Петропавловский.....	95	
Мылов Е. П. Североуральское золото.....	97	
Золотарев Б. М. Грозные дни Петропавловского.....	99	
6. Знать и помнить		
Махвиеня Н. И. Город, который видел всех.....	104	
Мылов Е. П. Район в 30-е годы.....	107	
Безруких Л. И. Рождённые на муки.....	108	
Харченко Г. М. Тонга.....	113	

Говорят документы.....	116
7. Годы великих свершений	
Карташов И. Лидер уральской геологоразведки.....	123
Золотарев Б. М. Рук строителей творение	129
Надеждин В. И., Золотарев Б. М. В те трудные годы	136
Тимченко И. В. Как дали имя городу	141
Харченко Г. М. Город начинался с общежитий	142
Мылов Е. П. Первые шаги города.....	143
Мылов Е. П. От войны до войны.....	145
Мылов Е. П. В новом статусе.....	149
Мылов Е. П. Здравоохранение в годы Великой Отечественной.....	153
Мылов Е. П. На новом этапе.....	155
Галеева Н. А. Хроника перестройки	156
8. След на земле	
Золотарев Б. М. Подвиг, длиною в жизнь	161
Золотарев Б. М. Навечно в истории	173
Золотарев Б. М. Учитель, воин, дипломат	176
Сысуев Ю. Н. С Надеждой и Любовью.....	179
Сысуев Ю. Н. Глубокий след.....	181
Галеева Н. А. Семейной горняцкою сильны.....	183
9. Не хлебом единым	
Горева Г. И. Как создавали музей.....	187
Горева Г. И. Дело человеком ставится.....	190
Светлые годы юности	194
Сысуев Ю. Н. Первым всегда трудно	196
Шевела Г. В. Хмурый Вангур	201
Мылов Е. П. Первый стадион.....	203
10. СУБР: всем бедам вопреки	
Мылов Е. П. Первые шаги	205
Мылов Е. П. Всё для фронта... ..	207
Галеева Н. А. Из архива военных лет	211
Галеева Н. А. Из хроники военных лет.....	216
Галеева Н. А. Награды коллективу	218
11. Посёлки района.....	
Источники.....	228
Сведения об авторах.....	229
Оглавление.....	230

